

А. Макарова-Мирская.

На служеніи
Алтаю.

Издание второе.

А. И. Макарова-Мурская.

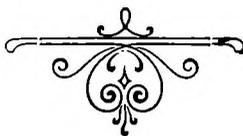
На служеніи Алтаю

(Повѣсть о жизни и дѣятельности Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, въ связи съ дѣятельностью другихъ миссіонеровъ Алтая).

(Съ 87 портретами, видами и виньетками).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.

1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗСКАЗОВЪ И СТИХОТВОРЕНІЙ

	<i>Стр.</i>	◇		<i>Стр.</i>
1. Предисловіе.			7. Въ Улалѣ, съ 14 р.	115—170
2. Митропол. Макарій (отъ рожденія до служенія въ Че- малѣ) съ 3 рис. . .	1—7		8. Какъ пѣна, летятъ водопады, — стих. съ 7 рис.	171—178
3. Въ Чемалѣ съ 14 р.	8—60		9. Въ Чопошѣ, съ 12 р.	179—242
4. Весенній гимнъ, — стих. съ 4 рис. . .	61—65		10. Тихія долины, — стих. съ 2 рис. . .	243—244
5. Въ Чолушманѣ съ 12 рис.	66—113		11. Незамѣтные, съ 16 р.	245—315
6. Алтай золотой, — стих. съ 1 рис. . .	114	◇	12. Алтайскія слова, встрѣчающіяся въ книгѣ, ихъ пере- водъ и значеніе. .	316

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОРТРЕТОВЪ, РИСУНКОВЪ И ВИНЬЕТОКЪ.

(съ фотографій И. Р. Томашкевича, С. И. Борисова, о. А. Ландышева, о. К. Соколова, Ст. И. Гуркина и съ картинъ извѣстнаго художника алтайца Г. И. Гуркина).

	<i>Стр.</i>	◇		<i>Стр.</i>
1. Видъ Алтая... Пере- права миссіонера че- резъ рѣку. Митрополитъ Москов. и Коломен. Макарій. На служеніи Алтаю	1		Горы близъ села Улалы вечеромъ	7
5. Рѣка Катунь на устьѣ р. Чуи	2	◇	Село Чемалъ	9
			Іеромонахъ Макарій . . .	10
			Камъ во время камланья .	15
			10. Рѣка Катунь выше Че- мала.	17

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Калмычка въ праздни- номъ нарядѣ	23	Ирисы-виньетка	114
Приторъ на р. Катунѣ выше Чемала	28	Село Улала	115
Порогъ на р. Катунѣ въ 20 в. выше Чемала	35	О. Стефанъ Ландышевъ	118
Калмыкъ въ праздни- номъ нарядѣ	39	Епископъ Владиміръ	120
15. Рѣка Кендырли	43	40. Калмыцкая юрта	123
Рѣка Катунь между р. Че- малъ и с. Эликмонарь	49	Улалинская церковъ	128
Калмыцкая юрта	53	Алтайскіе миссіонеры	
Рѣка Аргутъ	57	80-хъ годовъ	131
Іеромонахъ Макарій и про- водникъ алтаецъ Василій	59	Село Кебезень	138
20. Гора Бѣлуха	61	Долина рѣки Чолушманъ	141
Рѣка Коргонъ	62	45. Скала на рѣкѣ Чуфъ	147
Рѣка Кумиръ	63	Бомъ Итыкъ-кая	151
Водопадъ Бака	64	Бомъ на рѣкѣ Чуфъ	157
Въ глуши	66	Архіерейскій домъ въ Улалѣ	164
25. Рѣка Чолушманъ близъ впаденія въ Телецкое озе- ро	68	Рѣка Чарышъ	168
Рѣка Бія при выходѣ изъ Телецкаго озера	74	50. Порогъ на рѣкѣ Катунѣ	170
Гора Алтынъ-Ту на Те- лецкомъ озерѣ	76	Капчальскій ледникъ	171
Алтынъ-Ту въ облакахъ	80	Водопадъ Разсыпной	172
Истокъ рѣки Іедыгема	87	Архимандритъ Макарій, основатель миссіи	173
30. Телецкое озеро у скалъ купоросной горы	95	Архіепископъ Владиміръ	174
Рѣка Іедыгемъ	101	55. Епископъ Макарій	175
Телецкое озеро близъ устья рѣки Чолушмана	106	Нижнее озеро въ долинѣ рѣки Арасанъ	177
Телецкое озеро у Арты- баша	109	Цвѣты ромашка и маки— виньетка	178
Монастырская роща	111	Окрестности Чопоша	179
35. Рѣка Катунь выше рѣки Аргута	112	Водопадъ Пельтыр-оэкъ	185
		60. Водопадъ Шуданъ	192
		Пристань на Артыбашѣ	201
		Переправа черезъ Катунь	209
		Протоіерей В. Вербицкій	212
		Ущелье водопада Пель- тыр-оэк'а	220
		65. Бомъ „Скакунъ“	225
		Алтайскій кедръ	227
		Долина рѣки нижняго Курагана	231

	<i>Стр.</i>	◇		<i>Стр.</i>
Каскады рѣки Яр-болыкъ	236		80. Епископъ Иннокентій и быв. Томскій губернаторъ Н. Л. Гондатти при выѣз- дѣ изъ села Онгудай . . .	292
Видъ цѣпи катунскихъ бѣлковъ	240		Чолушманскій монастырь; дѣвочки алтайки съ ихъ настоятельница магерью Магдалиной	298
70. Водяныя лиліи-виньетка.	243		Иннокентій, епископъ Бійскій	303
Алтайская долина	244		Прот. Михаилъ Чевалковъ	306
Тельдекмень на рѣкѣ Ка- туни	245		Рѣка Бія. Путешествіе епископа Иннокентія Бій- скаго на плоту изъ Ке- безени въ г. Бійскъ . . .	309
Порогъ на рѣкѣ Чолуш- манъ	250		85. Село Чемалъ съ ю.-в. стороны	312
Дорога на рѣкѣ Катунѣ изъ деревни Узнези въ с. Чопошъ	257		Священникъ о. Іоаннъ Ландышевъ съ внучатами: Ниной, Θεодосіемъ и Зинаидой Макаровыми . .	313
75. У южнаго берега Телец- каго озера въ ожиданіи лошадей въ Чолушманскій монастырь	264		87. Рахмановское озеро . . .	314
Настоящій (1910 г.) со- ставъ Алтайской миссіи . .	273			
Въ Чолушманскомъ Бла- говѣщенскомъ монастырѣ	279			
Синій бомъ на рѣкѣ Кок-су	283			
Село Онгудай	288	◇		

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ далекомъ Алтаѣ есть православная миссія; работаютъ въ ней, преодолевая трудности, отъ лѣтъ давнихъ и до нынѣ, люди, отдавшіе себя на служеніе Господу и народамъ Алтая; эта миссія, искони не имѣвшая ничего, живетъ даяніями благими благочестивыхъ, любящихъ Бога людей... Святые образы и святыя примѣры Апостоловъ Алтая дали мнѣ правдивыя темы для книги моей, и я, сама внучка первыхъ миссіонеровъ, выпускаю это второе изданіе,— (посвященное, какъ и первое, Апостолу Алтая, Митрополиту Макарію),—съ надеждой, что тѣ, кто прочтеть мои безыскусственныя описанія, принесетъ свою лепту на пользу миссіи и ея паствы, робкой, суевѣрной и ищущей свѣта Христова. Книга эта печатается на средства Казначея Совѣта Православнаго миссіонерскаго общества Ивана Андреевича Колесникова, пожелавшаго чистую прибыль отъ продажи этой книги передать въ пользу вышеуказаннаго общества. Клише портретовъ, рисунковъ, видовъ, виньетокъ-принадлежатъ лично автору, какъ и право слѣдующихъ изданій. Перепечатка находящихся здѣсь разсказовъ, стихотвореній, иллюстрацій, согл. закона 20/III—911 г. воспрещается.

А. Макарова-Мирская.

Высокопреосвященнѣйшій МАКАРІЙ

Митрополигъ Московскій и Коломенскій.

Митрополитъ Макарій.

(Отъ рожденія до служенія въ Чемаль) ¹⁾.

I.

Среди нужды и лишениій въ семьѣ дьячка Парвицкаго родился восьмой ребенокъ, и мать со слезами поцѣловала его маленькое личико.

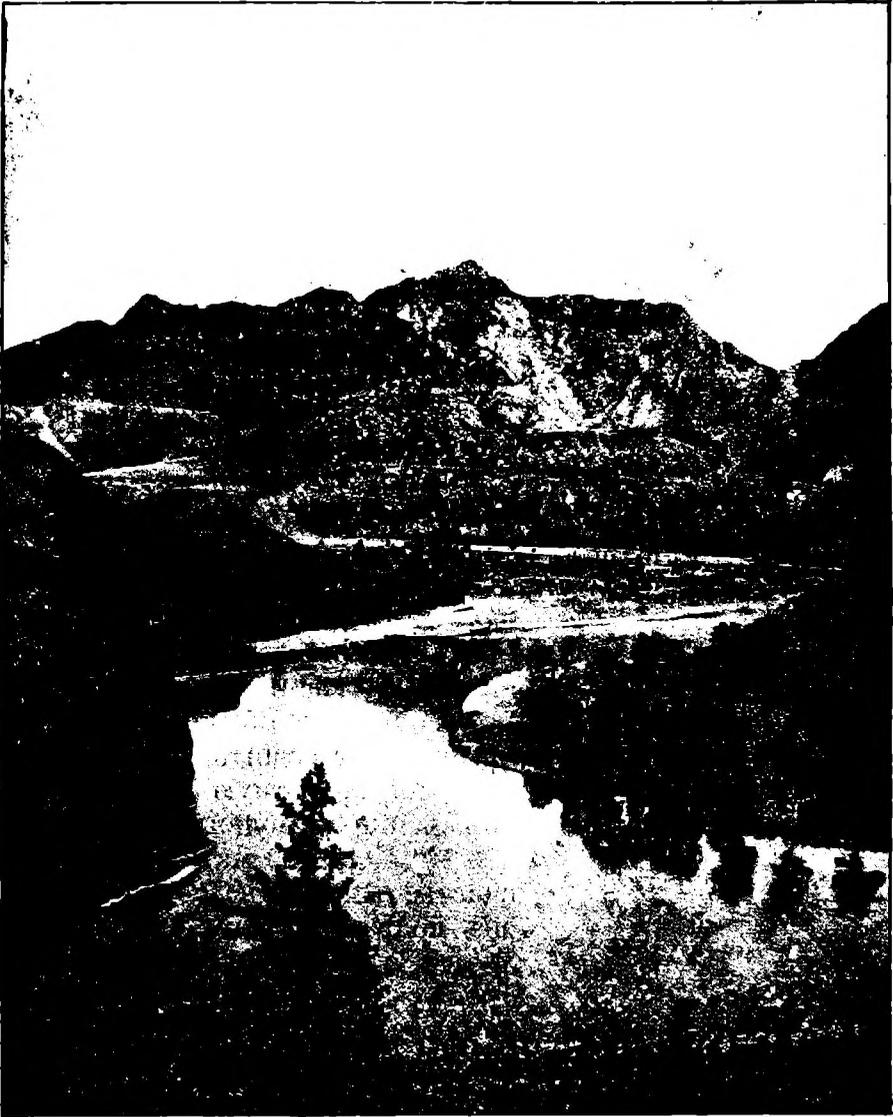
— Охъ, отецъ! — сказала она, — не на радость намъ и дѣти при нуждѣ нашей... а чѣмъ они виноваты, бѣдныя?

Тихій, скромный дьячекъ, пробуя ее утѣшить, положилъ руку на крохотную головку и убѣжденно вымолвилъ:

— Погоди, мать: на его счастье уйдемъ въ Сибирь, какъ онъ подрастетъ немного... тамъ лучше будетъ намъ: вздохнемъ отъ нужды... потерпимъ пока, ради Бога.

И она покорно согласилась съ нимъ, что нужно потерпѣть; а маленькій Михаилъ тихо плакалъ въ убогой люлькѣ, которую сестра Дуня качала, напѣвая грустныя пѣсенки.

¹⁾ Нѣкоторые характерные случаи изъ жизни Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Макарія въ алтайской миссиі описаны въ книгахъ „Апостолы Алтая“ и „Лѣто на Алтай“. *Прим. авт.*

Алтай. Рѣка Катунь на устьѣ р. Чуи.

Въ трудѣ и заботѣ протекала жизнь родителей малютки, печальная, какъ сама печаль, озаренная только лучами общей привязанности. Баня, по чер-

ному построенная, однажды служила имъ жилищемъ, и Михаилъ плакалъ отъ дыма, вѣшаго ему глазки; когда затопляли печь; потомъ жили они въ церковной богадѣльнѣ... тутъ подошли голодные годы, тяжкіе годы. И матери, и отцу хотѣлось порою кричать отъ невыносимой печали за голодныхъ дѣтей, и они рѣшили идти за помощьюъ къ протоіерею Іоанну Рождественскому, брату жены Парвицкаго. Дѣтямъ осталось мало хлѣба; правда, Дуня дѣлила его добросовѣстно, но въ памяти малютки Михаила осталась пустая ограда, на которой росли бѣлые и розовые цвѣты клевера,—ихъ онъ жадно ѣлъ, набивая ротикъ, чтобы утолить голодь, мучившій его.

Послѣ долгихъ лишеній, свѣтлая мечта о Сибири, наконецъ, осуществилась. Собравъ дѣтей и скарбъ, малый и немудрый,—Парвицкій отправился въ дорогу, усадивъ дѣтей въ глухую кибитку,—въ дорогу—на поиски иной, свѣтлой и не голодной доли; но недоля шла за ними: она морила ихъ голодомъ и дорогой, и рѣдкій день бѣдныхъ дѣти имѣли обѣдъ; а Михаила даже чуть не задавили, когда кибитка опрокинулась въ сугробъ, и онъ очутился внизу всѣхъ.

Маленькому Михаилу хорошо помнилось, какъ жадно ѣли тѣ, кому приходилась очередь обѣдать, и какъ печальны были глаза дѣтей, чья очередь уже прошла. Иногда добрая хозяйка постоялаго двора, видя ихъ стѣсненное положеніе, кормила ихъ даромъ, но это было такъ рѣдко, какъ рѣдки вообще добрыя души на свѣтѣ; а у матери и отца истомилось сердце отъ печали за весь этотъ грустный и тяжкій путь.

— Погоди,—говорилъ Андрей Ивановичъ своей печальной женѣ,—Богъ дастъ тамъ, въ Сибири, скоро діаконскаго сана дождусь, а, главное бы, намъ съ тобою дѣтей людьми сдѣлать. Теперь Саша вырастаетъ, поможетъ намъ... потомъ и другія... вотъ, только бы до Тобольска добраться.

И въ декабрьскій морозъ глаза Михаила увидали изъ окна бѣднаго постоялаго двора улицы Тобольска. Горькія слезы лилъ Парвицкій на прошеніе, которое писалъ Тобольскому епископу Владиміру о своемъ

безвыходномъ положеніи, о крайней нищетѣ, о томъ, что нѣтъ у него средствъ добраться до Томской епархіи, цѣли его пути! Это прошеніе было воплемъ отчаянія; онъ просилъ у владыки вакантнаго діаконскаго мѣста. Зять его Миртовъ, мужъ Феодосіи, которая уже имѣла трехъ малютокъ, тоже подалъ прошеніе о зачисленіи, упомянувъ, что любовь къ тестю вела его въ Сибирь. Сердце трепетало у обоихъ просителей, но все кончилось благополучно.

Однако Иковская слобода встрѣтила Парвицкаго, бѣднаго пасынка судьбы, и его семью рядомъ неурожайныхъ годовъ, а на просьбы о переводѣ, отвѣтили запросомъ о немъ, какъ о лицѣ, еще не принятомъ въ Тобольскую епархію изъ Томской, куда онъ причислился изъ Россіи. Годы мытарства и просьбъ закончились уже при преемникѣ умершаго епископа Владиміра, епископъ Георгіи, котораго протоіерей Рождественскій просилъ за Андрея Парвицкаго и его зятя. Но не долго пришлось имъ послужить въ Тобольской епархіи: тихій и незамѣтный человекъ—отецъ Михаила, устроился вмѣстѣ съ зятемъ въ селѣ Верх-Ануйскомъ, Томской епархіи; здѣсь вторая дочь его Евдокія была выдана за-мужъ за діакона Илью А. Херсонскаго; сынъ Александръ, которому въ семинаріи, какъ и всѣмъ дѣтямъ Парвицкаго, дали фамилію Невскаго, въ честь Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, имя котораго онъ носилъ, былъ уже священникомъ, Петръ былъ поставленъ во діакона, Лаврентій учился въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, а Иванъ и Михаилъ—въ Тобольскомъ училищѣ.

— Ну, вотъ,—говорилъ Парвицкій женѣ тихимъ вечеромъ,—видишь: все пережили... и въ Сибири жить можно, мать... что вздыхаешь? прошлое вспомнить тяжело?.. Да, тяжело... помнишь пожаръ то въ Шапкинѣ? все погорѣло: скарбъ нашъ, домъ, хозяйство... а баня дымная и богадѣльня?.. горя ребятѣнки натерпѣлись съ нами; ну, да все было и все прошло—что Богъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ къ лучшему.

Отрокъ Михаилъ, выросшій подъ гнетомъ нужды, былъ кроткій, тихій; среди невзгодъ и лишеній на-

чалась его жизнь. Переводъ Парвицкаго изъ Тобольской въ Томскую епархію надолго разлучилъ маленькаго Михаила съ родной семьей; особенно чувствительна была для него разлука съ матерью. Послѣ семейной жизни, отданный въ бурсу, Михаилъ слишкомъ чувствовалъ свое сиротство. Время дѣлало свое дѣло и бурса свое. Но ничто не могло заглушить добрыхъ сѣмянъ, посѣянныхъ въ душѣ его среди семьи и особенно подъ вліяніемъ благочестивой матери и такой же бабушки. Михаилъ сталъ юношей, онъ—въ семинаріи. Товарищество и среда также стали было оказывать на него свое вліяніе. Но юноша Михаилъ скоро оттолкнулся отъ всего этого. Съ нимъ произошла быстрая перемѣна. Материнская набожность возвратилась къ нему. Еще въ семинаріи онъ сталъ почти отшельникомъ. Стоя на квартирѣ у благочестивыхъ хозяевъ, онъ зналъ только двѣ дороги—въ школу и въ церковь. Кромѣ книгъ св. писанія, неразлучными друзьями его были творенія св. Тихона Задонскаго. Читалъ онъ, осыпаясь иногда насмѣшками товарищей, и біографію старца Серафима Саровскаго. Въ подвижнической жизни онъ руководствовался твореніями Ефрема Сирина.

Занятія почти безъ отдыха, неумѣренное постничество, безъ опытнаго руководителя, подорвали его силы. Онъ захворалъ и чуть не умеръ. Побывши во время вакацій у одного изъ старшихъ братьевъ своихъ, оставшихся въ Тобольской епархіи, Михаилъ возвратился оттуда съ возстановленными силами. Когда юноша кончилъ уже семинарію, ему захотѣлось уйти на служеніе людямъ, простымъ, чистымъ, незнающимъ насмѣшекъ и зла. Томская епархія, какъ мѣсто служенія его отца, звала его, и особенно тянулось молодое сердце на ея окраину, въ Алтай, невиданный и далекій, гдѣ жили самоотверженные люди, и святой старецъ Макарій училъ дикарей, простыхъ сердцемъ.

— „Туда“!

Эта мысль горѣла въ молодомъ мозгу; и отецъ, и мать ему не прекословили: они знали, что онъ не боялся лишеній, что у него была позади опытность

девятнадцати лѣтъ, проведенныхъ среди нихъ, а къ повиновенію онъ былъ склоненъ, всегда кроткій и добрый, отъ рожденія. Теперь, когда братья стали на ноги, отецъ могъ свободно опереться на нихъ; въ сущности семья не нуждалась въ поддержкѣ Михаила, и отецъ съ матерью благословили сына на миссіонерскій трудъ. Сердце Михаила охватила чистая радость, когда онъ увидѣлъ задумчивыя предгорья той страны, въ которую несъ свое молодое горячее сердце и юную жизнь, какъ добровольную жертву.

Отъ Бійска и далѣе намѣтилось марево, похожее на густыя синія облака—это Алтай, дѣвственный, чистый, прекрасный и задумчивый, сливается съ горизонтомъ, и это марево впервые увидали глаза Михаила Андреевича Невскаго въ чистомъ воздухѣ февральскаго дня.

Въ девятнадцать лѣтъ онъ былъ уже учитель и миссіонерскій сотрудникъ, обрекшій себя на лишенія.

И потекли годы повиновенія, труда и молитвы. Семья отца Стефана Ландышева и семья Чевалкова, простого инородца, даровитаго и способнаго, какъ всѣ алтайцы, привѣтили молодого труженика, учившагося алтайскому языку у Чевалкова и охотно бравшагося за всякое дѣло. Алтайскій языкъ сперва трудно давался ему, но потомъ онъ какъ то сразу, вдругъ, настолько овладѣлъ имъ, что свободно сталъ не только понимать, но и говорить, на удивленіе Чевалкова.

Тихими лѣтними вечерами Михаилъ Андреевичъ уходилъ въ горы. Почти безлѣсная Тугая привлекала его; цѣлые дни, проведенные съ малограмотными толмачами надъ переводами молитвъ и богослуженія на алтайскій языкъ, утомляли его, и, забравшись на высоту, онъ восхищенными глазами глядѣлъ на закатъ, на горныя долины, погружавшіяся въ сумракъ вечерній, тогда какъ на вершинахъ еще сохранялись краски солнца; мирные аилы пятнами бѣлыхъ берестяныхъ юртъ намѣчались на фонѣ темнозеленыхъ лѣсовъ, лентами казались рѣки, и въ нерушимой тишинѣ отдыхала молодая душа.

— Вотъ отецъ Макарій—примѣръ намъ всѣмъ.—

говорилъ отецъ Стефанъ Ландышевъ молодому чело-
вѣку.—Учись отъ жизни его, Михаилъ Андреевичъ,
отъ жизни, въ жертву людямъ отданной, отъ этой
праведной жизни. Сердце мое чувствуетъ, что ты настоя-
щей преемникъ его будешь.

И личность архимандрита Макарія, въ чистомъ
свѣтѣ незапятнаннаго подвига раскрывавшаяся передъ

...онъ восхищенными глазами глядѣлъ на закатъ, на горныя долины, погружав-
шіяся въ сумракъ вечерній...

Михаиломъ Андреевичемъ, влекла его молодое сердце
къ себѣ неодолимо, и когда о. Макарій явился къ
нему во снѣ и сказалъ: „Ты послѣ меня здѣсь обу-
чайся“, онъ воспрянулъ духомъ и всецѣло отдалъ
себя на подвиги жизни, невидные и незамѣтные, но
великіе подвиги миссіонера.

II.

ВЪ ЧЕМАЛЪ.

(Составлена по записямъ 1861 г. и воспоминаніямъ о. Василия Л.).

Высоко поднялись щетины лѣса у „Миссіи“,—такъ называли домъ, построенный на гривѣ невысокой горы среди лѣса надъ Чемаломъ. Темная лощина лежала за лѣсистой гривой, и Катунь заливалась въ нее, омывая берега. Давно когда-то въ этой котловинѣ жили камы, тамъ, въ заросли кустовъ и маральника. Молчаливо дремали курганы, и иногда дѣти аиловъ находили близъ нихъ идоловъ безобразныхъ и старыхъ. Говорили, что камы знали съ нечистой силой, и это знаніе не давало имъ покоя за могилой; нечистые духи не терпѣли поселенія среди бора миссіонеровъ, и звуки колокола, висѣвшаго на соснѣ, видимо, тревожили духъ камовъ. Они витали вокругъ дома, построеннаго миссіонерами, и о. Іоаннъ и о. Дометіанъ, начавшіе служеніе въ молодомъ Чемальскомъ станѣ, говорили юному іеромонаху Макарію о брани темныхъ силъ около старой миссіи.

— Молитвою побѣдишь... мы тоже побѣждали молитвою,—напутствовали они его, отправляя туда.

И въ чудный майскій день, когда пестрыя бабочки носились по лѣсу, о. Макарій переступилъ порогъ своего новаго жилища.

— „Да, вотъ тутъ слышалъ о. Дометіанъ бубень кама, тутъ пугали его нечистыя сзыванія, и здѣсь на травѣ близъ дома онъ нашель погремушки отъ бубна послѣ безсонной ночи, проведенной въ молитвѣ.“

— „Отецъ мой и Богъ мой заступитъ и сохранитъ меня“,—подумалъ молодой іеромонахъ и залюбовался на солнечные лучи, наводнившіе лѣсъ и золотыми пятнами ложившіеся на маленькія поляны, тропы и стволы сосенъ, прямые, стройные и ароматные, какъ свѣчи, поднимавшіеся къ прекрасному синему небу.

— „Дика природа, дики и люди, хотя они такія же Божьи созданія, какъ и онъ самъ“.

...Высоко поднялись щетины лѣса у „Миссий“,—такъ называли домъ, построенный на гривѣ невысокой горы среди лѣса надъ Цемаломъ...

И въ тишинѣ окружающаго лѣса онъ рѣшилъ отдать имъ любовь и силы, съ вѣрою и глубокимъ упованіемъ на Бога, Котораго безконечно любилъ.

Въ первыхъ числахъ іюня о. Макарія потянуло на проповѣдь по рѣчкѣ Чемалу вверхъ. Онъ поднялся

Іеромонахъ Макарій (въ міръ Михаилъ Невскій), нынѣ митрополитъ Московскій.

до живущихъ тамъ татаръ и раскинулъ близъ нихъ небольшую палатку. Любопытные, какъ дѣти, они окружили его и смотрѣли недовѣрчиво, а потомъ разговорились.

— Куда ты идешь,—спросилъ одинъ,—и зачѣмъ?

— Мы имѣемъ повелѣніе ѣздить по Алтаю, чтобы говорить вамъ слово Божье,—горячо началъ о. Макарій.—Мы никого не принуждаемъ принимать христіанскую вѣру, но учимъ и крестимъ только тѣхъ, кто самъ пожелаетъ этого.

Они слушали молча и охотно согласились попить предложеннаго чаю, а миссіонеръ, забывъ о пищѣ, сталъ говорить имъ о дивной красотѣ природы, о величіи окружавшихъ ихъ горъ, потомъ о величіи Творца, который создалъ все, о ничтожествѣ идоловъ, говорить горячо и убѣдительно, вызывая довѣріе и поражая сравненіями умы слушателей, которые сознавали превосходство его вѣры, но боязливо отклонялись, говоря:

— Можетъ быть, когда-нибудь мы и крестимся потомъ.

Ихъ, лѣнливыхъ отъ природы, страшила чистота и святость ученія, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Ступай къ каму Тумчугашу въ аилъ: онъ хочетъ служить твоему Богу и только боится, чтобы его не задавилъ курюмесь. Его аилъ недалеко, онъ не ждетъ тебя, но будетъ радъ. Ему надоѣло камлать, и кара-неме грозятся ему.

Съ печалью глядѣлъ о. Макарій на этихъ робкихъ дѣтей, и мысль о Тумчугашѣ засвѣтила ему путеводнымъ огнемъ.

Долину, гдѣ былъ аилъ Тумчугаша, уже стали заполнять сумерки, но луна вставала рано, и догорающая заря еще озаряла юрту и камскій бубень, висѣвшій впереди. Отецъ Макарій зашелъ въ юрту. Тихая прохлада наполнила долину, и дымъ отъ костра поднимался къ вечернему небу; позади огня, на стѣнѣ рѣшетчатой керегѣ за веревкой съ тряпичками, стояли идолы, съ большими головами и мѣдными пуговицами вмѣсто глазъ, тутъ же висѣлъ мѣдный колокольчикъ съ тремя перьями какой-то птицы и телячья брюшина. Идолы особенно бросались въ глаза своимъ уродствомъ, и о. Макарій спросилъ мягко и грустно хозяина и его семью:

— Вѣроятно, это боги, которымъ вы служите?

— Да!—сказалъ Тумчугашъ, какъ-то стыдливо потупившись.

— И думаете,—съ горечью вскричалъ о. Макарий,—что эти деревянные боги ваши могли сотворить это прекрасное небо и звѣзды, и эти горы?

— Не знаю,—отвѣчалъ Тумчугашъ.—Мы живемъ, какъ скотины, и ничего не знаемъ.

И опять убѣдительно и просто сталъ говорить о. Макарий о величїи Бога, сотворившаго небо и землю, о паденїи и искупленїи человѣка, о томъ, что нужно креститься, о пришествїи Христа и о страшномъ судѣ. Тумчугашъ внимательно слушалъ.

— Да,—сказалъ онъ.—Я знаю, что тамъ будутъ насъ шибко, шибко мучить, когда смерть возьметъ насъ. Видѣлъ я недавно сонъ или такъ на яву, мы должны будемъ проходить по узкой, какъ ступень человѣка, тропѣ, которая лежитъ надъ пропастью, и грѣшники не могутъ пройти по ней и падаютъ: тамъ мучаются разными муками, тамъ и крещеные есть, которые живутъ худо, тѣмъ тоже не ладно, а которые—хорошо, тѣмъ хорошо будетъ, и они не упадутъ... вотъ что мнѣ привидѣлось, абызь, и я крестился бы!—сказалъ онъ задумчиво.—Такъ мнѣ страшно той тропы и тѣхъ мученїй, да боюсь: кара-неме задавятъ меня; я непременно умру, какъ только приму христіанскую вѣру.

— Но почему ты такъ думаешь?—заволновался миссіонеръ.

— О, такъ было со многими крещеными,—убѣжденно сказалъ Тумчугашъ.—Вотъ недавно крестился свой мнѣ человѣкъ. Я сказалъ ему: „ты скоро умрешь“, и онъ повѣрилъ; его задавилъ бѣсъ.

Онъ оглянулся за себя и понизилъ голосъ; пламя отъ костра лизало подброшенная хозяйкой вѣтки, а во входное отверстіе глядѣлъ прекрасный прохладный вечеръ, вверхъ надъ дымовымъ проходомъ трепетала звѣзда, и о. Макарий сказалъ убѣдительно и горячо, желая успокоить и утѣшить эту колеблющуюся душу.

— Нѣтъ, Тумчугашъ, нѣтъ. Бѣсы не имѣютъ власти надъ человѣкомъ, чья душа обратилась къ Богу искренно. Вѣрно тѣ и крестившись отдавались бѣсу! Ты знаешь,—перекрестился онъ горячо и убѣдительно,—вотъ это знаменіе отгонить бѣсовскую силу; я знаю, когда среди камланья вѣрующіе начинали молиться и креститься, камы останавливались и говорили, что бѣсы уходятъ, потому что видятъ что-то свѣтлое и страшное для нихъ.

Онъ долго говорилъ о разныхъ чудесахъ, о святыхъ Кипріанѣ и Іустинѣ, и Тумчугашъ сказалъ, ибращаясь къ домашнимъ:

— Онъ говоритъ правду.

До поздней ночи просидѣли они, и Тумчугашъ, провожая гостя до его палатки, промолвилъ робко:

— Пусть поможетъ намъ Богъ, абызъ, я вѣрю тебѣ.

Горячая пора захватила молодого миссіонера. Онъ побывалъ уже во многихъ мѣстахъ и между прочимъ на устьѣ рѣки Аноса, но тамъ нашлись только пустыя юрты, и въ тотъ же день къ вечеру огорченный о. Макарій вернулся домой, гдѣ двое юношей послушниковъ встрѣтили его съ радостью.

— Ой!—сказалъ старшій.—Хорошо, что вы пріѣхали, о. Макарій. Сегодня ночью мы натерпѣлись страху.

Стоялъ душный полдень, хотя солнца не было, ночью за Катунью прошла гроза, и теперь опять парило. Удушливая атмосфера и свинцовыя тучи наводили грусть; о. Макарію было тяжело: поѣздка его ни привела ни къ чему, а теперь тревожныя лица юношей заставили его вспомнить прожитыя ночи, память о которыхъ хранила его душа. Онъ зналъ, какіе страхи чудились имъ.

— Вѣдь, мы звонили... народъ собрали изъ Чемала,—заговорили послушники.

И онъ грустно улыбнулся имъ.

— Нѣтъ, о. Макарій, вы послушайте только,—сказалъ младшій.—Скучно было безъ васъ, тучки начали заходить къ вечеру, хотя и далеко гроза была, а зарницы нѣтъ-нѣтъ да и освѣтятъ небосклонъ;

тутъ тишина, и палъ намъ на умъ разсказъ о Дометіана, какъ слышались ему въ подпольѣ голоса свиней... жутко въ домѣ стало, вышли мы и сѣли... сидимъ, говоримъ, а сами нѣтъ-нѣтъ и взглянемъ туда, въ котловину, гдѣ камы эти... могилки ихъ; а звѣзды сквозь тучъ мигаютъ ровно живыя, и глядѣтъ на нихъ намъ было радостно такъ, и думаемъ оба: не пойдѣмъ въ домъ: страшно, лучше тутъ просидѣтъ, подлѣ колокола. Сидимъ, молчимъ больше... слово скажемъ и молчимъ... и вдругъ оба слышимъ ясно: въ бубенъ ударили совсѣмъ недалеко, у спуска къ заливу, разъ... другой... сильно, часто; не подумайте, что это громъ былъ: вѣдь, и на Аносѣ, навѣрно, грома не слышать было, только далеко шла гроза... слышимъ: сзываютъ голосомъ дикимъ, пронзительнымъ, сильнымъ... сперва словъ нельзя разобрать было, а потомъ разобрали слова:

— Тенгере углы тэн сару,
Ульгәнъ углы Керьгыдай!
Караганда, кōзім-дый,
Кармалаза колум-кан!“

— И вдругъ голоса пошли дикіе по лѣсу:

— „Ао, кам, ай“.

И опять тотъ страшный голосъ:

— „Сары камыш таякту
Сары куга мінетьту,
Сары тібек тіськыньду,
Сары кылію тон, кійгәнъ,
Ульгәнъ кааннын Кан-Каршіт!“

— „Ао, кам, ай!“—раздалось въ отвѣтъ ему.

— Даже шума Катуні, какъ будто, не стало слышно изъ-за этихъ выкликовъ, а мы, ни живые, ни мертвые, сидѣли и слушали, какъ страшныя:

— „Ингай гак, гак, ингай гакъ,
Кай-гай гак, кай-гай-гак!“

Летѣли по лѣсу и ровно приближались, а потомъ точно поднялись всѣ камы кургановъ: дикіе звуки бубновъ понеслись со всѣхъ сторонъ, отъ Катуні снизу они близились къ намъ—страшныя, заставляя насъ трястись, и товарищъ схватился за веревку ко-

локола. Онъ зазвонилъ скоро, скоро, точно боясь выпустить веревку и прижимаясь къ соснѣ, и стали отходить бубны, стихали крики, но всетаки они гудѣли еще, когда чѣмальцы, которыхъ разбудилъ звонъ, прибѣжали къ намъ. Они не сердились, что мы ихъ раз-

Алтай. Камъ во время камланья.

будили, нѣтъ, они всё слышали еще, какъ въ лѣсу стихали бубны и крики, а мы умолили двухъ остаться съ нами до утра.

— Все отъ того, что вы не молились!—сказалъ грустно іеромонахъ.—Молитва бы угнала ихъ; они не любятъ насъ, темныя силы; имъ тяжело, что сюда пришло слово Божіе.

И онъ задумчиво поглядѣлъ въ тихій, точно замершій лѣсъ, гдѣ таились могилы камовъ, не знавшихъ Христа.

— Молитесь. Молитесь надо!—взглянулъ онъ на послушниковъ.— Вотъ опять я уѣду послѣ Троицына дня въ аилы по Кендырлѣ, и вамъ нужно привыкать. А какія тучи! будетъ гроза и—сильная... идите-усните пока, а то громъ, можетъ, гремѣть будетъ всю ночь, и страхъ вамъ, пожалуй, не дастъ опять уснуть... или вы грозы не боитесь?

А самому думалось, что и онъ не боится грозы, потому что это былъ голосъ Божій, а тѣ ночные голоса ужасали душу, мрачные голоса таинственныхъ духовъ, и онъ перекрестилъ широкимъ крестомъ чашу лѣса, убѣгавшую въ котловину, и заглядѣлся на быстро выраставшія тучи, на которыхъ ясными зигзагами метались стрѣлы молній.

Гроза гремѣла всю ночь, и ея раскаты грознымъ эхомъ гудѣли въ горахъ, и всю ночь, точно путеводная звѣзда, въ окнахъ миссіонерскаго домика свѣтился огонекъ: то молодой іеромонахъ бодрствовалъ надъ книгами, давая покой своимъ послушникамъ, крѣпко спавшимъ подъ грозу съ сознаниемъ, что за нихъ бодрствуетъ о. Макарій. Иногда усталость одолѣвала ночного труженика, тогда онъ клалъ на руки утомленную голову и закрывалъ глаза на вѣсколько минутъ.

А дождь стучалъ въ окна, гудѣлъ потоками на крышѣ, и деревья шумѣли и качались подъ грозными порывами вѣтра, бросая причудливыя тѣни на окна, сквозь частую сѣтку проливного дождя.

Привѣтливо и задумчиво шумѣлъ боръ; солнце, склоняясь къ западу, щедро осыпало лучами маленький домъ въ глуши лѣса, надъ селеніемъ Чемаломъ, какъ будто и не было ночной грозы, дождя и бури. Хвоя, омытая и свѣжая, струила аромат въ тишинѣ. Слышно было, какъ въ дали рокотала и бурлила красавица Катунь, и отецъ Макарій задумчиво и любовно слушалъ этотъ шумъ. Стоило пройти немного, спуститься котловиной къ заливу, чтобы очутиться у

...Слышно было, какъ въ дали рокотала и бурлила красавица Катунь...

Катуни, тамъ, гдѣ она дѣлала водоворотъ у острова, лѣсистаго и дикаго, куда трудно и даже невозможно было попасть. Катунь бурлила, кружила и пѣла у самыхъ прихотливо нагроможденныхъ камней, обдавая ихъ пѣною, и, какъ смѣлое сердце, утесистый островъ стоялъ гордый и спокойный, точно не обращая вниманія на капризную прихотливицу Катунь.

Каждый день по тропѣ къ заливу ходилъ отецъ Макарій и смотрѣлъ на задумчивыя, обточенные водой, скалы; и сегодня его опять потянуло на любимое мѣсто. Въ нерушимомъ покоѣ лѣса каждый посторонній шорохъ или звукъ разносился откликомъ эха, и отецъ Макарій изумленно прислушался къ человѣческимъ голосамъ, раздававшимся тутъ, недалеко.

— „Вверху... кто нибудь прикочевалъ новый... Но—почему на берегъ?“—подумалъ онъ.—„Берегъ—скалистъ и не имѣетъ долинъ“.

— „А, вонъ“...—невольнo улыгнулись его глаза, увидѣвъ двухъ полуголыхъ крошекъ, смуглыми ручками державшихся другъ за друга. Впереди ихъ шелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати и странно тянулъ впереди себя руку, точно ошущивая ею пространство, а въ другой рукѣ онъ несъ котелокъ, грязный и прокопченный. Дѣти спустились къ ручью и совсѣмъ близко подошли къ іеромонаху; это его удивило: обыкновенно дѣти въ аилахъ дичились чужого, а эти смѣло шли къ нему, и ихъ раздѣлялъ только ручей.

— Откуда вы?—спросилъ онъ ласково.

Но его голосъ заставилъ ихъ всѣхъ трехъ разомъ вздрогнуть, и мальчикъ расплескалъ уже взятую имъ воду.

Внимательно приглядѣвшись, отецъ Макарій увидалъ, что они ничего не видятъ: такъ красны, воспалены и полны гноя были ихъ глаза.

— Ой!—воскликнулъ онъ съ жалостью, подходя къ нимъ, точно остолбенѣвшимъ отъ испуга.—Глаза болятъ... бѣдные, и какъ сильно!.. Откуда вы?.. ты, мальчикъ?—положилъ онъ руку на плечо старшаго.

— Тутъ... недалеко!—сказалъ тотъ боязливо,—у Катунни мы стали... Шолбанакovy... а живемъ да-

леко... на Громатухѣ, у Тальменьяго озера... Меня зовутъ Сапырь, а это—Мустагъ,—провелъ онъ рукою по лицу прижавшагося къ нему старшаго ребенка и прибавилъ небрежно,—а это—сестра моя... она—чужая... ее мать новая привела съ собою...

— Давно у васъ болятъ глаза?—спросилъ миссіонеръ, лаская головку крошки, которую мальчикъ назвалъ чужою.

— Ой, давно!—отвѣтилъ ему тотъ.—Съ осени, какъ ея мать взялъ отецъ... у нихъ въ аилѣ всѣ больноглазые, и мы тоже захворали... сказывали люди—на Катунѣ надо кочевать: вода помогаетъ... глаза мочить хорошо... мы и пріѣхали... а то чѣмъ ни лѣчили... А ты—кто?—неожиданно, прервавъ себя, спросилъ онъ.

— Я—лѣкаръ,—улыбнулся отецъ Макарій.—Будете приходить сюда, полѣчу васъ... приходите завтра утромъ, я и лѣкарство принесу.

— Ну?—съ сомнѣніемъ сказалъ Сапырь.—Насъ лѣкаря то лѣчили... перья сперва скоблили изъ птицы Тас-куш, варили ихъ съ масломъ и глаза мазали...—ничего не помогло, хуже стало; а какъ порошокъ стали пускать въ глаза (Тын-ду-тана называется), она,—ткнулъ онъ ошупью въ личико дѣвочки,—было сдурѣла: два дня ревѣла, и я едва стерпѣлъ... вотъ зимой маленько помогали сосульки, что въ гнѣздѣ птицы Рамезы находили; маленько оттаютъ, да и пустиятъ въ глазъ... холодная... а ты чѣмъ лѣчишь?

— Приходи,—сказалъ отецъ Макарій.—Отъ моего лѣкарства больно не будетъ, только завяжу вамъ глаза.

— Ладно,—неувѣренно сказалъ Сапырь.—Только, вотъ, ты ее сперва полѣчи, а мы посмотримъ съ Мустагомъ... лучше будетъ ей, и мы полѣчимся,

Невольная грусть сжала сердце отца Макарія: этотъ эгоизмъ больно отозвался на немъ.

— Какъ тебя зовутъ?—ласково погладилъ онъ черную головку крошки, едва имѣвшей четыре года.

— Озлай терезе,—прошептала она.

— Кто же тебя такъ назвалъ? они?

— Нѣтъ, новый отецъ.

— Вотъ что.—А мать какъ зоветъ тебя, бѣдняжка?

— Ару.

— Ну, и для меня ты будешь Ару...

— А вы, мальчики, потомъ пожалѣете, что не стали лѣчиться первые... такіе большіе и—трусливые... особенно ты, Сапырь... даже если бы тебѣ было и больно, ты долженъ былъ бы испытать прежде, чѣмъ толкать впередъ себя дѣвочку... дай я наберу въ твой котелокъ: у тебя вода только на днѣ...

— Приходи, Ару, сюда: я принесу тебѣ хлѣба и полѣчу глаза...

— Можетъ быть, и ты, Мустагъ, храбрѣ брата?

— И я приду лѣчиться,—видимо задѣтый, ска- залъ Сапырь.—Всѣй придемъ... ты самъ не обмани.

— И мнѣ принеси хлѣба,—наивно прибавилъ Мустагъ.—Принесешь?

— Принесу, конечно,—погладилъ и его голову миссіонеръ.—Ступайте, цвѣты алтайскіе... да найдете ли дорогу? я провожу васъ.

— Нѣтъ, не надо... мы тутъ близко... отецъ—спитъ, а мать пошла за дровами... тебѣ, можетъ, далеко? гдѣ твой аилъ?.. или ты тоже кочуешь, гдѣ попало, лѣтомъ?...

— Аилъ мой вверху, на горѣ въ Чемалѣ... покажу потомъ.

— И скотъ есть?.. ты—богатый?

— У меня не мало овецъ,—усмѣхнулся отецъ Макарій.—И еще больше будетъ... ступайте, дѣтки... Катунь скоро возьмутъ сумерки, а вы и такъ едва видите... вонъ, ржетъ лошадь... это—ваша?.. завтра, какъ проснется солнце, приходите сюда.

И ушелъ, самъ оглядываясь все время на дѣтей, исчезавшихъ въ сумеркахъ наступающаго вечера.

— „Трудно сиротамъ въ мірѣ Божіемъ“,—думалъ онъ.

Поднявшись на гору и подойдя къ соснамъ надъ Катунью по тропѣ, онъ долго смотрѣлъ на догоравшій закатъ, на Катунь, которую повили туманы, и на звѣзды, загоравшіяся на небѣ, необыкновенно яркія, точно трепетавшія въ глубинѣ небснаго свода.

— „Бѣдные!“—думалъ онъ объ алтайцахъ.— „Бѣдные... какія лѣкарства: порошокъ въ глаза!... Завтра нужно лѣчить ихъ... моею ромеопатіей... а прежде промыть глаза и повязки чистыя наложить... поможетъ Великомученикъ Пантелеймонъ и съ малымъ лѣкарствомъ моимъ!...“

— „Нужно идти домой“,—пролетѣла мысль,— „работа... переводъ... да еще тамъ ждутъ, можетъ быть... а тутъ—красота какая!“

Дѣйствительно, тутъ была красота: луна выходила, и точно угоняли туманъ ея лучи; онъ убѣгалъ въ поросль и камни берега, очищая Катунь. Лунный свѣтъ, падавшій пока узкой полосой на ея волны, серебрилъ ихъ пѣну, набѣгавшую на камни, разбросанные по руслу; волна гнала волну... рѣка рокотала, плескалась о берега, и было тяжело уходить, оторвать глаза отъ этой чарующей красоты въ каймѣ задумчивыхъ скалистыхъ береговъ, на которыхъ стройныя сосны поднимали прямые стволы, и вдали намѣчались силуэты горъ.

— Отецъ Макарій!

Шаги и шорохъ хвои уже прежде зова заставили молодого монаха оторваться отъ созерцанія.

— Это ты, Василій?—обернулся онъ къ толмачу.— Заглядѣлся я... а что—ждутъ тамъ?

— Письмо привезли изъ Улалы, и алтайцы приѣхали издалека... за Пельтыр-оэк'омъ аилъ у нихъ... надо, говорятъ, тебя видѣть, отецъ Макарій.

— Хорошо, идемъ,—сказалъ онъ покорно и добавилъ:—Вотъ гдѣ проповѣдывать то, другъ мой! У рѣки: смотри, точно живая бьетъ.

— Она и такъ живая: у ней сердце есть на Тельдекменѣ, маленько повыше, отсюда верстъ пятнадцать... такъ же, какъ у человѣка, поднимется и опустится, поднимется и опустится,—съ спокойной увѣренностью сказалъ толмачъ,—я видалъ... узкое мѣсто тамъ... въ щекахъ она... то есть по камнямъ замѣтно на берегу... бѣжитъ, бѣжитъ вода и вдругъ—подыметъ до ихъ верху, охнетъ словно, поднявшись, и отхлынетъ... рѣдко такъ, разъ двадцать въ часъ,

не болѣ... вѣдь, у ней, этакой громадной, сердце то не такое маленькое, какъ у человѣка... дай Богъ ему исподтиха подняться да опуститься... когда-нибудь сами поглядите.

Иеромонаху не захотѣлось спорить и говорить, что сердца не можетъ быть подъ водою.

— „Пусть дышетъ Катунь въ представленіи толмача... вѣроятно, скопленіе воды въ узкомъ мѣстѣ производитъ это явленіе... но легенда эта красива“.

И онъ задумчиво шелъ, слушая толмача, говорившаго ему о томъ, что нужно написать въ Улалу о недостаткѣ вина для литургіи.

Письмо, присланное отцу Макарію, было отъ больного Чемальскаго миссіонера; онъ писалъ изъ Бійска, что лѣченіе его еще затянется, и дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія.

Нѣсколько лошадей стояло подъ соснами у дома, и алтайцы въ сумеркахъ сидѣли у костра на непросохшей еще послѣ дождя хвоѣ, сквозь которую пробивалась трава.

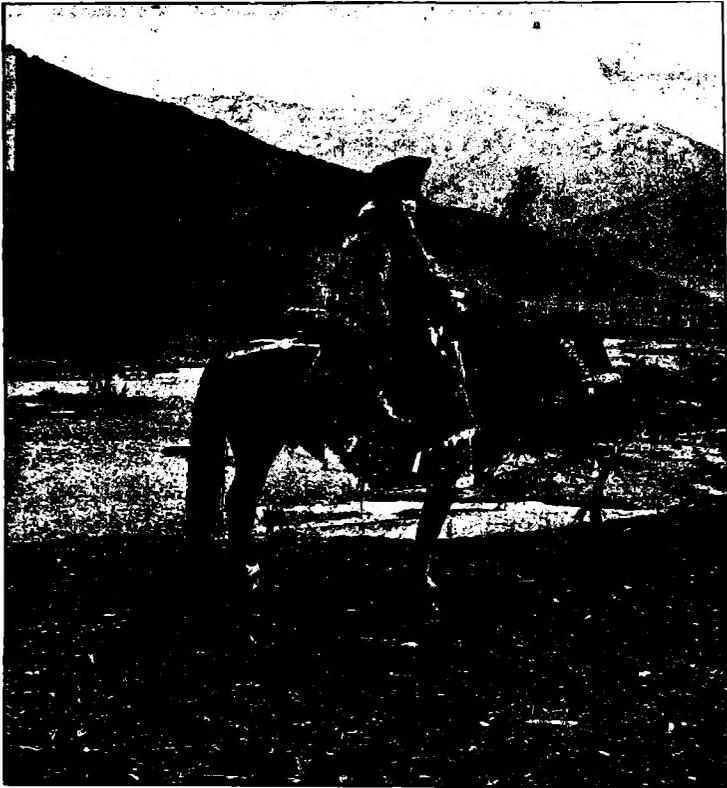
Прочтя письмо, отецъ Макарій вышелъ на крыльцо и взглянулъ незамѣченный въ сидѣвшихъ на свѣту костра инородцевъ.

— „Зайсанъ!“—подумалъ онъ, увидѣвъ плисовую шапку съ камнемъ, кистью изъ краснаго шелка и перьями на головѣ одного алтайца,—„родовитый: старыя награды имѣетъ“.

А пріѣзжіе говорили о чемъ-то со старикомъ въ дабинномъ халатѣ съ широкими въ плечахъ рукавами и каймой на правой полѣ и подолѣ изъ краснаго кумача; остальные, несмотря на лѣто, были одѣты въ шубы изъ конской кожи рыжаго цвѣта, въ своихъ странныхъ пирогообразныхъ шапкахъ съ трубками въ зубахъ. Трое—зайсанъ и его два спутника больше слушали старика, и только одна фигура, сидѣвшая въ тѣни, видимо, не обращала вниманія на разговоръ: это была женщина: ея чегэдэкъ изъ синей нанки съ болтающимися рукавами, обложенными въ два ряда лентою яркаго цвѣта, ея косы, небрежно упавшія съ плеча, были покрыты украшеніями... ви-

димо, она любила одѣться, или ее старались одѣть, объ этомъ говорили и ея огромныя серьги съ пушками и околышъ на шапкѣ изъ шеекъ дикихъ селезней.

— Вотъ, спросимъ, спросимъ!—горячился старикъ,—что онъ скажетъ... вотъ поглядимъ!

Алтай. Калмычка въ праздничномъ нарядѣ.

И онъ кидаль строгіе взгляды въ сторону женщины, безучастно отвернувшей въ сторону лицо. Красивый русскій мальчикъ въ пиджакъ и толмачъ смотрѣли на нее. Въ первомъ отецъ Макарій узналъ сына миссіонера Л. и вспомнилъ на минуту, что толмачъ говорилъ, что именно онъ принесъ письмо.

— Миръ вамъ!—мягкимъ голосомъ по алтайски сказалъ миссіонеръ, приближаясь къ сидѣвшимъ.

При звукѣ его голоса только одна женщина вздрогнула и обернула къ нему лицо.

— Здравствуй, абызь! здорово,—важно сказалъ зайсанъ.—Вотъ, мы къ тебѣ пріѣхали: разбери наше дѣло... это—дядя вонъ той дуры, а это—ея мужъ,—указалъ онъ на толстаго алтайца.—Они говорятъ, что ты далъ ей крестъ, и что она хочетъ креститься... Они ее едва догнали разъ... А съ чего креститься? мужъ—богатый... все есть... вонъ какъ ее одѣваетъ... сдурѣла совсѣмъ... ребенка украла, спрятала... говорить „крестила“... разбери насъ.

Монахъ сдвинулъ брови. Сидѣвшая женщина вдругъ поднялась и протянула къ нему руки.

— Абызь!—прорыдала она.—О, абызь, не гони меня!.. пожалуйста, не гони... они сами отняли ребенка... они сами спрятали его, чтобы меня удержать... дядя меня отдалъ насильно за барановъ, за коней: онъ жадный, онъ меня билъ всегда... думаютъ одеждой купить... одѣли!—горечью и правдой звучали ея слова.

Старикъ, вскочившій на ноги, и мужъ разразились бранью, заглушая ее... они подняли гамъ, и монахъ укоризненно покачалъ головою.

— Стойте!—возвысилъ онъ голосъ.—Будетъ! дайте ей сказать.

— Нечего говорить... ребенка отдай, и мы ее увеземъ,—грубо сказалъ мужъ, кидая недружелюбный взоръ на монаха.

— Они его спрятали сами, абызь. Они обманываютъ тебя. Имъ надо мучить меня... у него, у дяди, я жила, какъ нищая; онъ продалъ меня ему, а этотъ все билъ, все мучилъ; теперь зайсану врутъ: „бѣжитъ она, дитя спрятала“, а сами унесли отъ меня моего боламчика.

И она залилась слезами.

— А крестъ?—медлительно крѣпко затянувшись изъ трубки, протянулъ зайсанъ.

— И про крестъ врутъ! далъ мнѣ его не абызь, дала его Агъ-эне... вотъ смотрите...

И она достала изъ-за ворота грубо сдѣланный бѣлый каменный крестикъ.

— Они нарочно погасили меня къ тебѣ, абызъ: они—злые, и его, зайсана, сбили; „бѣгала... дитя увезла“... все врутъ... все врутъ... а какъ бьютъ! все тѣло избили плетью. Агъ-эне сказала: „терпи“, и я терпѣла; а какъ они украли боламчика, я кинулась искать его, а они: „къ абызу въ Чемаль убѣжала“... развѣ въ Чемаль дорога, гдѣ меня поймали?.. онъ къ своей сестрѣ увезъ его, я знаю... привезли: дралъ, дралъ... дядю позвалъ: „креститься“, говоритъ, „сду-мала, ребенка увезла“... Абызъ, пусть они меня не бьютъ... оставь меня тутъ... Агъ-эне приходитъ... въ лѣсу ее вижу, свѣтлая, и говоритъ: „иди, крестись!“ Она добрая—Агъ-эне... Не отдавай имъ меня, абызъ!.. пошли съ людьми въ станъ, въ Улалу къ абызу, тамъ есть тетка у меня; я у ней поживу, только боламчикъ мой, боламчикъ! Тідыміні!.. отдай мнѣ боламчика... отдай!..

И, упавъ передъ мужемъ, охватила его ноги. Тотъ злобно плюнулъ на нее и отвернулся.

— Видишь?—сказалъ миссіонеръ, обращаясь къ зайсану.—Они все тебѣ налгали... я вижу въ первый разъ эту женщину, видимо, Господь зоветъ ее къ себѣ, и ты долженъ, какъ начальникъ, защитить ее отъ злобы этихъ людей, долженъ отыскать ея ребенка..

— А ты,—обернулся онъ къ старику,—старый человекъ и обижаешь сироту! смотри, ты не всегда будешь жить: придетъ смерть и унесетъ тебя, а тамъ—великій Кудай спроситъ о всѣхъ твоихъ дѣлахъ и осудитъ тебя... слышишь? и твой братъ тамъ спроситъ тебя, что ты сдѣлалъ его ребенку?

Въ тишинѣ ночи голосъ миссіонера звучалъ убѣдительно и страннымъ обаяніемъ дѣйствовалъ на слушателей. Грубый старикъ потупился и засопѣлъ, а мужъ угрюмо отвернулся.

— Страшно умирать грѣшному,—говорилъ отецъ Макарій.—Кудай, Великій Кудай, небо и землю сотворившій, училъ всѣхъ любить, крѣпко любить и не дѣлать зла даже врагу, а вы—дитя отняли, измучили

мать бѣдную, довели до отчаянія. Онъ спросить, все разбереть и осудить, страшно осудить, потому что васъ нельзя простить... вы Его не ищите и не любите... И развѣ не страшно тому, отъ кого отойдетъ Кудай? Онъ все слышетъ и видитъ... пусть вы Его не хотите знать, Онъ знаетъ васъ, и хотя бы вы зарылись въ норы, какъ кротъ. Онъ и тамъ увидитъ васъ съ вашими грѣхами.

— Не бойся ихъ, бѣдная! иди къ своему ребенку и, если ихъ руки коснутся тебя, молись Кудая: Онъ тебя защититъ и поможетъ.

Взволнованный онъ благословилъ плачущую женщину и поднялъ лицо къ небу, точно прося для нея защиты оттуда, и въ наступавшей тишинѣ слышно было, какъ рокотала Катунь и фыркали лошади, предчувствуя ненастье, а луна, спокойная и ясная, высоко поднявшись на небѣ, освѣщала маленькій Чемаль, безмятежно спавшій въ долинѣ, и группу у костра, начинавшаго потухать.

Утро встало свѣжее и ясное, хотя тонкія, какъ паутина, бѣлесоватыя облака нитями тянулись по небу. Отецъ Макарій всталъ рано, по обычаю, и самъ приготовилъ чай для своего юнаго гостя. Толмачъ пришелъ гораздо позднѣе, когда солнце уже обогрѣло, и туманъ поднялся съ Катуня. Онъ разказалъ, что вчерашніе гости уѣхали рано.

— Зайсанъ ужъ очень стыдилъ старика за то, что зря встревожилъ его; а женщинѣ велѣлъ ѣхать къ теткѣ до суда и ребенка обѣщавъ ей отдать. Здѣсь ее осмотрѣли: все тѣло избито; даже старикъ осердился на ея мужа—хуже коня дралъ онъ ее... въ рѣдкость такіе тутъ!.. тихій народъ, живутъ хорошо межъ собою; да онъ, этотъ Тидымині, не здѣшній... изъ киргизъ... прикочевалъ съ отцемъ; идолопоклонникъ, тоже звѣрина добрый... Чудно она женщинамъ разказывала, что ей видится; отецъ Макарій, что за Бѣлая Мать?

— Господь чистымъ сердцамъ посылаетъ свою помощь!—сказалъ монахъ.—Сколько она, можетъ быть, вытерпѣла! и подвигъ ея терпѣнія претворилъ на

милость Господа, пославшаго къ ней помощь съ неба... дай Богъ, чтобы отецъ Стефанъ привлекъ ее въ стадо Христово; я за нее не боюсь: Самъ Господь, видимо, надъ нею беззащитной...

И вдругъ вспомнилъ о дѣтяхъ.

— Напой чаемъ гостя моего, пожалуйста,—обратился онъ къ толмачу,—какъ онъ проснется, а я пойду къ Катуні: ждуть меня тамъ, навѣрно, и нельзя заставлятъ ждать.

Онъ собралъ все, что было нужно для лѣченія, изъ своей бѣдной миссіонерской аптечки, и пошелъ торопливо по росистой травѣ подъ шатромъ сосенъ туда, гдѣ вчера встрѣтилъ больныхъ дѣтей.

Катунь бушевала и пѣнилась въ расправѣ съ непокорными камнями, звонко шумѣлъ ручей, бѣжавшій къ ней, и отецъ Макарій не пожалѣлъ, что пошелъ безъ чаю: его пациенты сидѣли тутъ, у воды, и, чуткимъ ухомъ слыша его шаги, повернули къ нему головы. Было тяжело смотрѣть на ихъ лица, но никакого брезгливаго чувства не шевельнулось въ душѣ отца Макарія. Онъ сказалъ имъ нѣсколько ободряющихъ словъ и велѣлъ мальчикамъ вымыть хорошенько руки принесеннымъ мыломъ, а самъ, отдѣливъ часть его и взявъ на колѣни дѣвочку, принялся отмывать заскорузлыя отъ грязи пальчики.

— Чище, чище!—говорилъ онъ дѣтямъ.—За то глаза опять будутъ здоровы. Вотъ такъ... хорошо... теперь осторожно чистыми руками промывайте глаза... вотъ такъ... ты, вѣдь, немного видишь, Сапырь?... такъ тебя зовутъ? видишь, какъ дѣлаю я дѣвчкѣ? умница—не плачетъ... ишь, какъ пристали корки къ рѣсницамъ... потерпи малютка, Богъ поможетъ... ты слышала когда-нибудь о Богѣ?

— Гдѣ ей! насмѣшливо сказалъ Сапырь.—Она ничего не знаетъ: совсѣмъ глупая какая-то... вотъ, я знаю и объ Эрликѣ и объ Ульгенѣ... Я много знаю,—хвастливо добавилъ онъ.

— А она — узнаетъ,—терпѣливо отмачивая присохшій гной, сказалъ отецъ Макарій,—сейчасъ о Великомъ Кудаѣ, Который такъ любилъ и любитъ вотъ

такихъ дѣтей, какъ она, добрыхъ и терпѣливыхъ; узнаеть, какъ Онъ сдѣлалъ небо и землю, зажегъ звѣзды и засвѣтилъ солнце... ты хочешь узнать объ этомъ, маленькая Ару?

... къ самой Катунѣ поселился: любо ему на нее глядѣть: тѣшить взоръ красота ея вольная...

— Хочу!—сказала она довѣрчиво.

Отецъ Макарій сталъ говорить имъ о твореніи міра, просто, доступно, самъ подыскивая болѣе по-

нятные слова и увлекаясь; а руки его дѣлали въ то же время свое дѣло, осторожно налагая повязки изъ арники на отмытые глаза всѣхъ трехъ.

Дѣти слушали со вниманіемъ, видимо, облегченные перевязкой, и дѣвочка запротестовала, когда онъ собрался уходить.

— Не уходи, дядя, говори еще.

— Да, говори!—настойчиво запросили мальчики.

Но онъ убѣдилъ ихъ придти сюда къ вечеру и объяснилъ, что пойдетъ пасти своихъ овецъ. Маленькая въ догонку ему крикнула ласково:

— Приходи, дядя, скорѣе!

И мальчики подхватили ея крикъ, нѣсколько разъ повторяя:

— Приходи скорѣе... скорѣе приходи!

Подъ соснами отца Макарія встрѣтилъ его гость; онъ сказалъ, что всталъ давно и пришелъ звать его чай пить; за чаемъ они поговорили о миссіонерахъ, которыхъ юноша видѣлъ недавно, а потомъ отецъ Макарій предложилъ ему пойти помочь только что поправившемуся крещеному инородцу въ постройкѣ жилища.

— Ненастье скоро будетъ, а у него не закрыть потолокъ; помогаю я, да плохо умѣю; а горы утромъ курились, и кони вчера фыркали... примѣты я научился узнавать!—улыбнулся онъ.

И до обѣда поработали, помогая поднимать доски и носить на нихъ землю, когда онѣ были настланы.

— А теперь, другъ мой, иди отдыхать!—послѣ скромной трапезы, состоявшей изъ грибной похлебки и сухарей, сказалъ отецъ Макарій. —Я схожу къ больнымъ: есть одинъ, хвораетъ давно, бѣдный; а ты, можешь съ дѣтьми къ Катуні... или отдохни тутъ... усталъ, навѣрно?... всталъ рано.

Но гость тоже не захотѣлъ отдыхать: ему было скучно одному, и онъ пошелъ въ селеніе.

— Тамъ говорятъ у насъ, что васъ далеко пошлютъ,—говорилъ пріѣзжій,—отецъ и другіе объ этомъ толковали... на Телецкое, кажется... и мнѣ хо-

чется съѣздить туда... горы—огромныя, говорятъ... больше, чѣмъ тутъ.

И притихъ, видя, что отецъ Макарій глубоко задумался.

— Вамъ неохота туда?—спросилъ онъ наивно.

— Что ты сказалъ?—словно очнулся тотъ.— Ёхать не охота? Милый мой, Господь вездѣ... и здѣсь, куда ни взглянешь, жатва обильная, только бы силы были да помощь Божія... незабвеннаго вспомни! Станешь слушать рассказы отца твоего о немъ, и сердце подвига захочетъ неодолимо, подвига и послушанія... А, вотъ, и больной нашъ живетъ... къ самой Катунѣ поселился: любо ему на нее глядѣть; тѣшитъ взоръ красота ея вольная... ишь, бьется какъ, сердитая.

И рассказалъ о слышанномъ вчера отъ толмача.

— Гдѣ отецъ?—спросилъ онъ черноволосаго малыша, довѣрчиво сложившаго руки, чтобы принять благословеніе у каменной плиты, лежавшей вмѣсто крыльца подъ дверью убогой избушки.

— Тамъ, у Катунѣ, подъ соснами... сегодня вышель, мать ему помогала туда уйти.

— Упалъ, убился съ кедрѣ въ прошломъ году, какъ шишковали!—пояснилъ спутнику отецъ Макарій.—А они—лечить по своему... кормили од-элен, поили красною мѣдью... а у него воспаленіе мучительное... какъ выжилъ, дивиться надо! сраслися ноги, какъ попало, но къ ненастью болятъ страшно; тру ему ихъ мазью отъ ломоты, фельдшеръ ее для отца Петра сдѣлалъ... легче становится... Хорошій звѣроловъ былъ, а теперь плохо ему съ семьей... скота нѣтъ, двѣ коровы только; обѣднѣли... свои—богатые, да некрещеные... вонъ онъ лежитъ бѣдный!

И съ ласковымъ привѣтствіемъ на устахъ онъ началъ внимательно и терпѣливо растирать больныя ноги исхудалаго печальнаго инородца, своимъ мягкимъ голосомъ утѣшая и успокаивая его.

— Развѣ долго подняться Васюткѣ? Охотникъ Матвѣй его любить и научить всему... звѣроловъ будетъ изъ мальчика хорошій! а на зиму я самъ куплю ячменя, и чемальцы помогутъ, кто чѣмъ: то же, вѣдь,

не отъ лѣни болѣешь ты, а несчастье довело до этого... Только не надо горевать: Господь позаботится о тебѣ и женѣ, Васюткѣ и малышахъ, а поправишься немного, рыбу будешь ловить въ заходяхъ... теперь ноги совѣмъ почти окрѣпли.

И самый звукъ молодого голоса точно приносилъ покой, а когда отецъ Макарій разсказалъ, какъ святые терпѣли болѣзни, больной повеселѣлъ и долго не пускалъ отъ себя гостя, отпустивъ только послѣ обѣщанія придти завтра, непременно придти.

— Теперь надо поработать!—торопливо шагая, говорилъ отецъ Макарій,—толмачъ уже ждетъ.

И цѣлыхъ два часа жаркаго полдня онъ и толмачъ сидѣли за дѣломъ, а потомъ пріѣхали изъ аила напутствовать одну, уходящую изъ міра, душу старой инородки.

— Не удастся сходить къ Максиму... боюсь, не горячка ли у него: промочило вчера ливнемъ, а онъ слабый; косилъ далеко; дѣльный человѣкъ, домовитый; пока домой шелъ, продуло всего его бѣднаго... „жаръ“, говорила мнѣ по утру сегодня его жена; далъ лѣкарство, виномъ велѣлъ съ чаемъ напоить... ты бы хотя сходилъ къ нему,—попросилъ онъ толмача,—вернусь я къ закату... надо еще къ больнымъ: ждать будутъ... сходи, голубчикъ.

И толмачъ пообѣщалъ, съ зѣваніемъ поглядывая въ спину уѣзжавшаго.

— Охъ, и отецъ Макарій!—покачалъ онъ головою.—Отдохнуть некогда; вотъ, самъ захвораетъ, того гляди... вѣдь, далеко въ горы повезли: по Кумѣ кочуютъ шаталы!—ворчалъ толмачъ.—Жили бы съ крещеными тутъ, а то трясись миссіонеръ по жарѣ... ишь, какъ паритъ! опять будетъ гроза... Ой, поди, отдыхай, гость, ишь какъ палитъ солнце: камни калятся отъ него; лягъ да лежи тутъ подъ деревьями... Не осуждая говорю: „ой, отецъ Макарій, замаешься“, а онъ: „я не отдыхать сюда шелъ“... когда только на Катуні засидится... вотъ что: ты бы отцу Стефану сказалъ, что я присталъ съ нимъ... то туда ѣхать,

то—сюда... прямо спина отнимается... другого бы сюда вмѣсто меня.

И съ глубокимъ вздохомъ сокрушенія лѣнивый человекъ поплелся къ убогимъ домикамъ Чемала, чтобы посѣтить больного Максима, а отецъ Макарій, опустивъ поводья, любовался на убѣгавшую передъ нимъ тропу, извилистую тропу, проложенную среди стройнаго хвойнаго лѣса по берегу говорливой Кумы, и лошадь его трусила за передней лошадыю прѣхавшаго за нимъ проводника, что то мурлыкавшаго подъ носъ.

Къ вечеру гроза опять разразилась съ обычной силой алтайскихъ грозъ и хотя она прошла скоро, однако ливень до костей промочилъ отца Макарія. Солнце уже закатилось за ушедшія на западъ тучи и точно золотой каймой окрасило края этихъ тучъ... Было сыро, и деревья еще трепетали подъ легкимъ вѣтромъ, подувшимъ съ сѣвера. Наскоро переодѣвшись, отецъ Макарій торопливо спустился къ Катуні, полный заботы о своихъ пациентахъ; они ждали его, сидя на камняхъ, и въ голосъ привѣтствовали всѣ:

— Эзень, абагай! эзень!!

— Замерзли? ишь какой туманъ... Дѣтки бѣдныя, пойдемте ко мнѣ: тамъ я полѣчу васъ... это тутъ, недалеко, а потомъ уведу до самой вашей юрты... Иди, маленькая, на руки... вотъ такъ, а вы за меня держитесь... чаю вамъ дамъ, калачъ, сахаръ есть...

И самъ улыбнулся, увидавъ счастливую улыбку на личикѣ дѣвочки. Теперь съ мытьемъ рукъ кончили живо, также живо были положены перевязки, и всѣ принялись пить чай, сваренный мальчиками отца Макарія въ чайникѣ, и ѣсть миссіонерскіе сухари.

— Мы у тебя посидимъ!—заявилъ старшій.— Мать и эдже пусть караулятъ дома, отецъ уѣхалъ въ аилъ... нашъ аилъ далеко, шибко далеко... какой у насъ лѣсъ! ой... ой... а рѣка маленькая, мимо камней, не хуже Катуні сердитая, сколько деревьевъ подмыла!.. отецъ охотникъ, на медвѣдя ходитъ, и я съ нимъ; да вотъ глаза... мать Ару говоритъ: „если

лучше будетъ, сама пойду къ вашему лѣкарю“, а мнѣ—лучше: не рѣжетъ такъ глаза.

— Ты ихъ не тронь руками нечистыми, Сапыръ!—предупредилъ отецъ Макарій.—А теперь хотите слушать?

И онъ опять сталъ имъ говорить о Богѣ.

Пришелъ толмачъ съ извѣстіемъ, что Максиму лучше, и присѣлъ тутъ же у бѣлаго стола, гдѣ сидѣлъ юноша Л. и трое алтайскихъ дѣтей. Отецъ Макарій говорилъ, самъ увлекаясь, о томъ какой добрый Богъ, и старшій мальчикъ сочувственно кивалъ головой.

— Добрый вашъ Богъ, добрый какой!—наивно удивлялся онъ.—А нашъ Эрликъ злой, страсть злой... какъ лошадей мучаютъ, какъ камлаютъ ему... ты видѣлъ, абагай?

— Абызь!—поправилъ его толмачъ.—Это—абызь, глупый.

— Все равно!—остановилъ его отецъ Макарій.—Абагай для него...

— Ты говоришь, Сапыръ, мучаютъ?

— Шибко. Мою сивку замаяли въ прошломъ году, какъ байга у насъ была: мать Ару брали; рыло ей, сивкѣ то, затанули и ноги веревками запутали, а на спину жердь толстенную... ноги тянутъ на двѣ стороны за веревки, а спину давятъ и у живой ее ломаютъ... билась она, билась, бѣдная: уши, носъ ей травой заткнули, чтобы кровь не шла... я убѣжалъ и плакалъ, а отецъ ругалъ меня потомъ... „дуракъ“, говоритъ... меня повара звали, хотѣли мяса дать... не могъ... Охъ, какъ она хрипѣла, абызь, какъ билась!!.

Отецъ Макарій невольно содрогнулся; его живому воображенію представились ясно и живо мученія несчастной лошади, и его послушники вспомнили страшные звуки бубновъ въ памятную имъ ночь.

— Завтра мы еще будемъ говорить... дайте я примочу вамъ новыя свѣжія тряпочки и пойдете домой... смотрите, мѣсяць уже высоко; ваша мать станетъ заботиться о васъ, дѣтки!

— Ты пойдешь съ нами, милый гость?—обратился отецъ Макарій къ юношѣ.

— Иди ко мнѣ, Ару: пора!

Дѣвочка обняла его шею руками, и они пошли по сырой травѣ подѣ луннымъ сіяніемъ, обливавшимъ лѣсъ.

Катунь клокотала и билась, еще не успокоившись послѣ грозы, и старшій мальчикъ запѣлъ своему новому другу:

„Улу кыжінин алгыжы ѳтсін.
Алдыннан ай чалызын,
Арханнан кунъ чалызын¹⁾“.

Но его пѣсня оборвалась, когда два голоса съ глубокимъ чувствомъ запѣли, взволнованные красотою ночи:

„Тебя Бога хвалимъ, тебя Господа исповѣдуемъ“.

Въ тишинѣ, въ этой глуши святыя слова на непонятномъ маленькимъ алтайчикамъ языкѣ поразили ихъ слухъ; они внимательно слушали, держась за одежду отца Макарія, и только дѣвочка безмятежно и сладко уснула, прижавшись черной головкой къ плечу миссіонера, и ее сонную отецъ Макарій передалъ на руки матери, вышедшей къ нимъ навстрѣчу.

— Ну, а теперь часъ отдыха, — сказалъ онъ своему спутнику, возвращаясь. — Будешь миссіонеромъ, поймешь, какъ дороги эти часы, другъ мой. Смотри, какъ серебрится вода; вонъ, тамъ блестятъ бѣлки Семинскіе вѣчными снѣгами... тишина: это Богу молится Алтай, и Катунь мятежная молитву творить, и лѣса... міръ Божій чудный, чистый, а сердце скорбитъ, что дѣти его, на красу эту смотря, звѣрства творять... слышалъ, что Сапырь рассказывалъ о камланіи?... только Господь видитъ ихъ и проститъ: у нихъ мягкія души, и когда евангельское слово коснется ихъ, они угонятъ камовъ... доживу ли я до этого времени, когда по Алтаю зазвонятъ колокола, когда миссіонеры пройдутъ его отъ края до края съ проповѣдью Христа, какъ истинные апостолы, цѣля

¹⁾ Спереди тебѣ пусть мѣсяцъ свѣтитъ,
Сзади пусть солнце освѣщаетъ.

недуги душевные и тѣлесные?!.. Ахъ, мой милый, доживу ли я до этого времени, когда Алтай проевѣтится, этотъ прекрасный край, для котораго я радъ отдать свою душу и силы?..

... и Катунь мятенная молитву творить...

Они оба задумались, а Катунь рокотала, и звѣзды, отраженные въ ея бурныхъ струяхъ, сверкали и лучились, какъ драгоцѣнные камни, а золотая рябь трепетала, какъ живая, на беспокойныхъ волнахъ.

— Тамъ къ вамъ пришли, отецъ Макарій,—сказалъ юноша келейникъ раннимъ утромъ яснаго вѣтреннаго дня.—Алтайка съ алтайцемъ некрещеные; говорятъ, узнали, что вы ѣдете на Кендырли, и поспѣшили, чтобы застать васъ... мужъ боленъ, руку показываетъ... сюда привести или выйдете?

— Я выйду!—сказалъ онъ, отыскивая теплый подрясникъ.

Его лихорадило немного, и вѣтеръ дулъ холодный.

— Зябну!—кратко оправдывался онъ.—По утрамъ особенно. Ты нашелъ? Ну, спасибо!—принялъ онъ подрясникъ изъ рукъ юноши и вышелъ на крыльцо.

Солнце только что всходило, и роса сверкала, какъ драгоценные камни тамъ, гдѣ ея касались его золотые лучи; вѣтеръ приносилъ чистый хвойный ароматъ изъ глубины бора, и отецъ Макарій вздохнулъ полной грудью, взглянувъ на небо, голубое и прекрасное, уходящее въ безконечность.

Двое людей въ своихъ оригинальныхъ одеждахъ съ поклонами приблизились къ нему.

— Здравствуй, абызъ, здравствуй!—сказали они въ одинъ голосъ.

— Мы издалека прѣхали: услышали тутъ въ Чемалѣ, что ты ѣдешь на Кендырли, и рано пришли, чтобы ты не уѣхалъ, не поглядѣвъ Пакраса,—сказала женщина.—Гляди, какой сталъ худой: такая проклятая болѣзнь привязалась... развяжи руку, Пакрасъ!—суетилась она.—У насъ въ аилѣ говорятъ „яман-паалу“; лѣчили его киноварью, мазью изъ яри мазали, синимъ купоросомъ, сулемою—ничего; гляди, почернѣла... и съ чего пристало къ нему? не знаю сама!—сокрушалась она, помогая мужу развертывать грязныя тряпки.

Миссіонеръ внимательно оглядѣлъ руку Пакраса: она, дѣйствительно, начала чернѣть и носила явные признаки гангрены. Невольная дрожь прошла по тѣлу отца Макарія, онъ взглянулъ съ глубокимъ участіемъ въ лицо инородца еще нестарое, печальное и измученное, и вдругъ лучъ благодатной вѣры вспыхнулъ

въ его сердцѣ свѣтлымъ пламенемъ, и онъ сказалъ убѣжденно и твердо:

— Мой Господь можетъ сотворить чудо... только —Онъ... Твоя рука болитъ такъ, Пакрасъ, что ты можешь умереть, но Онъ послалъ тебя ко мнѣ для того, чтобы ты выздоровѣлъ: я дамъ тебѣ лѣкарства и буду просить Его, чтобы Онъ тебя исцѣлилъ. Захочешь ли ты креститься потомъ, потому что Его нельзя обмануть, и нужно будетъ исполнить то, что ты пообѣщаешь?

— Вылѣчи!—сказалъ Пакрасъ съ мольбой.—Камы много лѣчили ее... шибко, шибко камлали они, ой, какъ шибко камлали и не могли помочь! они сказали: „ты—худой человекъ, Пакрасъ, и Ульгень отдалъ тебя Эрлику, а Эрликъ ничего не хочетъ сдѣлать тебѣ!“ Они меня шибко ругали, наши камы, и еще просили лошадь; я бы далъ имъ, я бы вѣрилъ, а вотъ она говоритъ: „поѣдемъ въ Чемаль, Пакрасъ; абызы много знаютъ отъ свѣтлаго русскаго Бога... они лучше нашихъ камовъ“... Ты не прогонишь меня, абызь, за то, что я камлалъ?

Конечно, онъ не погналъ его, онъ самъ былъ радъ дни и ночи ходить по Алтаю, улавливая въ сѣти Христовой вѣры души, не знавшія свѣта, и, съ словами ободренія и утѣшенія вводя къ себѣ гостей, отецъ Макарій обмылъ руку и, порывшись въ аптечкѣ, нашелъ лекарство, могущее хотя немного облегчить воспаленіе руки.

— Прими это внутрь, проглоти!—ласково говорилъ онъ Пакрасу,—а это, вотъ, такъ прикладывай и думай о Богѣ, Творцѣ міра, о Христѣ, исцѣляющемъ недуги, проси Его:

— Христосъ, исцѣли!—Часто проси...

— Христосъ, исцѣли!—сказалъ Пакрасъ, какъ заклинаніе, трепещущимъ голосомъ, и его жена повторила его слова.

— Такъ, такъ, много разъ повтори съ любовью: Онъ все слышитъ, а теперь ты, женщина, будешь прикладывать къ рукѣ его вотъ это, а это давать ему пить; живите тутъ у кого-нибудь: дней черезъ

семь я приѣду и взгляну... будетъ [лучше. Господь Иисусъ Христосъ поможетъ!

У самого глаза разгорѣлись свѣтлой надеждой, и его увѣренность коснулась души Пакраса и его жены.

Маленькая рѣка бурливо шумѣла, какъ всѣ алтайскія рѣки. Лошадь отца Макарія шла тихо по обрывистому берегу, спускаясь къ броду, а онъ слушалъ, какъ въ задумчивомъ лѣсу куковала кукушка, и глядѣлъ на бѣлокъ, скакавшихъ по вѣтвямъ деревьевъ, густую чашею стоявшихъ у тропы.

Разбрасывая брызги, лошадь осторожно перешла мелкій бродъ и, поднимаясь на противоположный берегъ, вдругъ громко заржала.

— Кто-то ѣдетъ навстрѣчу!—сказалъ мальчикъ, спутникъ отца Макарія.—Ишь, учуяла.

И, дѣйствительно, отвѣтное ржаніе, какъ эхо, послышалось издали съ тропы, выбѣгавшей изъ лѣсной чащи.

— Кто-нибудь изъ айловъ Кендырлинскихъ, они тутъ недалеко!—сказалъ опять мальчикъ проводникъ.— Да вотъ онъ.

Уже немолодой татаринъ ѣхалъ къ нимъ навстрѣчу и закричалъ, не доѣзжая, глядя на отца Макарія, довольно грубо:

— Ты куда ѣдешь, эй?

— Къ вамъ!—подогналъ тотъ свою лошадь.

— Тебѣ подводы надо?—совсѣмъ ужъ злобно сказалъ встрѣчный.

— Нѣтъ, я поживу у васъ на Кендырлѣ,—отвѣтилъ миссіонеръ.

— Ты—абызь?—подозрительно поглядѣлъ на него алтаецъ.—Тебѣ нужно жить у твоей церкви. Зачѣмъ ѣдешь къ намъ, татарамъ?

Угроза прозвучала въ его голосѣ.

— Намъ далъ повелѣніе Нашъ Господь и великій Государь ѣздить тутъ и проповѣдывать слово Божіе,—мягко сказалъ отецъ Макарій.

Татаринъ угрюмо насупился на его слова и повернулъ въ аилъ. Онъ сильно взмахивалъ плетью; горяча коня, шарахавшагося отъ отца Макарія, и съ хитрой улыбкой прилаживалъ арканъ, грозясь сдернуть имъ съ сѣдла миссіонера, но видя, что тотъ

Алтай. Калмыкъ въ праздничномъ нарядѣ.

спокойно продолжаетъ путь, поднялъ тяжелый и сильный кулакъ.

— Тебѣ это надо?—спросилъ онъ дерзко.

— Въ твоей волѣ теперь побить меня и даже убить,—храня спокойствіе, отвѣтилъ отецъ Макарій.— Но знай, что это—грѣхъ предъ Богомъ и вина предъ Царемъ.

— Не ѣзди къ намъ, а то тамъ тебя убьютъ,— погрозился алтаецъ.

— Умереть мнѣ не страшно!—улыбнулся отецъ Макарій.—Я боюсь одного, чтобы тебѣ не было худо за меня.

— Ну, такъ поѣзжай,—сказалъ онъ съ угрозой.— Видно, хочешь быть побитымъ, али убитымъ, а я поѣду напередъ и поговорю тамъ.

И онъ поскакалъ впередъ, погоняя лошадь ударами плети.

— Это Гурюшъ!—сказалъ мальчикъ ямщикъ отцу Макарію.—Пьяница, а богатый страсть. Смотри, отецъ Макарій, не побили бы они тебя въ правду... что имъ пьянымъ?!—съ грустью добавилъ онъ.—Лучше бы уѣхали мы назадъ: мало ли добрыхъ айловъ кругомъ? да кому надо—пріѣдутъ въ Чемалъ!

— Поѣдемъ, поѣдемъ, милый, туда!—указалъ отецъ Макарій впередъ.—Миссіонеры не должны бояться.

И, по обычаю, сложилъ руки на лукъ сѣдла, доверяясь коню, и поднялъ лицо къ небу.

Черезъ четверть часа показались айлы; близъ юрта отецъ Макарій раскинулъ свою небольшую палатку и развелъ огонь изъ хвороста, набраннаго мальчикомъ ямщикомъ.

— Потомъ сходи къ Гурюшу,—сказалъ онъ,— и скажи его домочадцамъ, чтобы они для себя самихъ не дѣлали мнѣ зла; скажи, что они за это отвѣтятъ, и поѣзжай домой: вечеромъ будетъ жутко въ лѣсу тебѣ одному.

Мальчикъ сходилъ въ юрту Гурюша и уѣхалъ, а отецъ Макарій остался у разведеннаго огня. Задумчивый и грустный съ глубокой думой сидѣлъ онъ, слушая звуки голосовъ и шорохи лѣса, на опушкѣ котораго изъ-подъ горы показался молодой татаринъ на лошади, напѣвавшій что-то. Его глаза привлекла палатка миссіонера; онъ подъѣхалъ къ ней и съ веселымъ „Эзень!“ спѣшилъ и подошелъ къ отцу Макарію, съ любопытствомъ глядя на него.

— Садись со мною,—ласково пригласилъ его тотъ, вотъ — хлѣбъ и чай. Ты здѣшній?.. изъ аила?

— Да, я Гурюшевъ,—отвѣтилъ онъ, принявъ угощеніе.—А ты пріѣхалъ въ гости сюда?

— Твой отецъ—пьяный и сердитый человѣкъ,—грустно сказалъ миссіонеръ.—Онъ забылъ, что гостя нельзя трогать, и грозился мнѣ, когда встрѣтилъ въ лѣсу. Не пускай его сюда, а то онъ помѣшаетъ мнѣ говорить съ другими.

— Не пуцу ни за что!—сказалъ молодой алтаецъ.—Охъ, онъ пьяный страсть сердитый... поѣду я, прости пока.

Наступилъ тихій вечеръ; алтайки странными выкриками звали коровъ съ пастбищъ; дымки потянулись изъ юртъ въ потемнѣвшей синевѣ неба; было тихо, и даже малый вѣтерокъ не шелестѣлъ листьями черемухи, разросшейся по опушкѣ лѣса. Четыре молодыхъ калмыка подошли къ отцу Макарію и предложили ему трубку послѣ дружелюбнаго привѣтствія. Онъ поблагодарилъ и отказался, объяснивъ имъ причину отказа и предложивъ чаю. Усѣвшись около него, они разговорились довѣрчиво о дѣлахъ аила и Гурюшѣ, а потомъ онъ началъ говорить имъ объ истинномъ Богѣ. Чудеса Іисуса Христа заинтересовали ихъ, а разсказъ о бѣсахъ, посланныхъ въ свиней, возбудилъ дружный смѣхъ надъ демонами, они радовались побѣдѣ Христа надъ темными силами, которымъ изъ страха приносили жертвы ихъ предки; самоувѣренные и ограниченные, боясь всего темнаго, они въ то же время глубоко ненавидѣли притѣсняющія ихъ темныя силы. Долго говорилъ онъ имъ, и они охотно слушали; а спокойная ночь заполняла землю и зажигала звѣзды прекрасныя и чистыя въ высотѣ неба.

— Ты развѣ не боишься ночевать здѣсь одинъ?—сказалъ на прощанье кто-то изъ гостей отца Макарія.—А если придетъ къ тебѣ бѣсъ?

— А Богъ?—сказалъ отецъ Макарій.—Онъ не отдастъ крещенаго человѣка во власть бѣса, да и бѣсъ

не подойдетъ ко мнѣ: вотъ моя, страшная для него, оборона!—перекрестился онъ съ глубокою вѣрой.

Гости ушли, и ночь охватила алтайскую долину, легкія тучи заслонили лунный свѣтъ; было темно, и жуткая тишина бора томительной грустью охватила сердце отца Макарія. Онъ не могъ уснуть, думая о злобѣ, вспыхнувшей въ душѣ Гурюша противъ него, и мысли и воспоминанія тѣснились въ его груди. Коростели кричали протяжно и жалобно, бѣлки шуршали хвоей, сова кричала гдѣ-то далеко свое „фубу“, и ея крикъ отдавался въ горахъ, повторяемый эхомъ: фу-бу, фу-бу, фу-бу.

Среди этого одиночества милымъ и дорогимъ показалось молодому миссіонеру жилище у Катуня, близъ долины, гдѣ камы поднимались съ кургановъ: тамъ его Господь и Защита охранялъ его отъ темныхъ силъ, а тутъ людское отчужденіе ложилося тяжкимъ гнетомъ на его любящую душу.

Часы текли... блѣдный разсвѣтъ появился, и зачирикали птицы; онѣ начали перекликаться все громче и громче, и это чириканье, звучавшее отовсюду, принесло тихое умиленіе въ душу отца Макарія,

— „Пѣвицы Божіи!“—подумалъ онъ, съ любовью слушая гомонъ.—„По своему Бога славятъ, милыя!“

И ему вспомнилась восточная легенда о молитвѣ земли, слышанная или читанная когда-то.

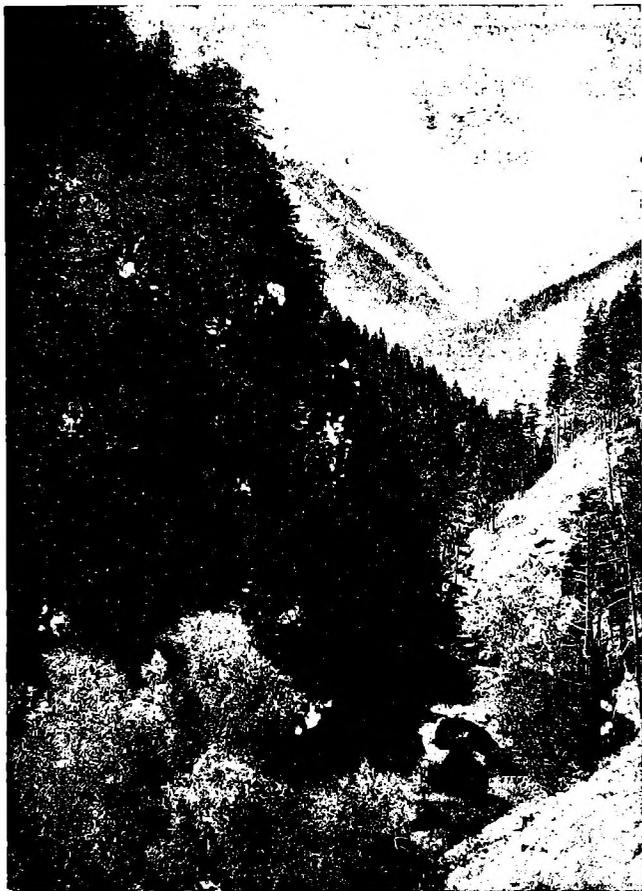
— „Сколько красоты въ Божьемъ мірѣ, каждая былинка, каждое твореніе хвалитъ Создателя!“—встало въ умѣ видѣніе отца Макарія-основателя, его слова, его кроткое чистое лицо.

— „Праведникъ!“—подумалъ отецъ Макарій.—„Помоги мнѣ не огорчаться печальями, которыя необходимы, и опять стучаться къ тѣмъ сердцамъ, которыя по слѣпотѣ отталкиваютъ Божию помощь, помоги!“

Алая заря разгоралась и нѣжными тонами обливала лѣсъ, тонкій туманъ подымался съ Кендырли, а птицы пѣли громче и радостнѣй, и убаюканный ихъ гомономъ, отецъ Макарій уснулъ короткимъ, но крѣп-

кимъ сномъ у порога своей палатки, и лицо его было ясно и покойно въ его крѣпкомъ, освѣжающемъ снѣ.

Съ солнцемъ къ нему пришли Гурюшъ и его сынъ. Отецъ Макарій уже проснулся и вскипятить

... Маленькая рѣка бурливо шумѣла, какъ всѣ алтайскія рѣки...

чай. Алтайцы дружески поздоровались съ нимъ и когда онъ позвалъ ихъ раздѣлить съ нимъ чай и хлѣбъ, Гурюшъ сказалъ просительно:

— Ты меня прости, абызъ: я былъ пьяный... забудь, что я тебѣ грозился вчера... давай поговоримъ, я послушаю.

И они разговорились. Конечно, разговоръ шелъ о вѣрѣ; Гурюшъ слушалъ внимательно, иногда возражая, потомъ попросилъ лѣкарства отъ глазъ.

— Вы, абызы, умѣете хорошо лечить... лучше нашихъ лѣкарей.

— Если бы ты пересталъ пить вино!—сказалъ отецъ Макарій.—Я охотно дамъ тебѣ лѣкарство, но у тебя они болятъ отъ вина, Гурюшъ.

Однако лѣкарство далъ, и сердце Гурюша совсѣмъ расположилось къ миссіонеру.

— Ты хорошій другъ Гурюшу будешь!—сказалъ онъ, уходя.—Погоди, пошлю наколотъ тебѣ прутьевъ для костра... а только какъ же не пить? Гурюшъ любить вино... нельзя не пить, другъ, нельзя!—и ушелъ.

Въ айлѣ было тихо; всѣ точно сторонились палатки миссіонера, и послѣ цѣлаго дня ожиданій онъ самъ пошелъ въ одну юрту. Она была страшно грязна, и хозяйка ея дико смотрѣли на гостя. На его вопросы они отвѣчали угрюмо или молчали, не отвѣчая. И опять съ невольной грустью отецъ Макарій ушелъ отъ нихъ въ свою палатку.

Къ вечеру айлъ ожилъ, слышались пѣсни и брань, пьяные голоса долго гудѣли до поздней ночи, и миссіонеръ ушелъ далѣе въ лѣсъ, чтобы не слышать ихъ.

Черной стѣною подымалась чаша, по узкой тропѣ шелъ онъ во мглѣ, тихо ступая; здѣсь была тишина, но въ этой тишинѣ жутко и страшно раздавались рожденные во мглѣ звуки; комары цѣлыми роями носились надъ его головой, жужжа и жаля. И тишина не принесла ему успокоенія; онъ вернулся въ палатку, разжегъ костеръ и легъ головою на суму, смотря на небо, съ рѣшеніемъ на завтра обойти айлы. Мысли его улетѣли ко временамъ Христа, вспомнились апостолы, не имѣвшіе ничего у себя и пѣшкомъ ходившіе по незнакомымъ странамъ; въ темнотѣ ночи ему чудились ихъ лики, и среди нихъ милое кроткое лицо перваго алтайскаго апостола и подвижника—архимандрита Макарія.

Утро встало туманное, но потомъ разъяснило, и бодрый пошелъ отецъ Макарій по росистой травѣ къ аиламъ, разбросаннымъ недалеко другъ отъ друга. Въ юртѣ Чечеека, брата Гурюша, его приняли ласково: хозяинъ съ почтеніемъ посадилъ его около себя.

— Вотъ сынъ мой хвораетъ;—говорилъ онъ.— Охъ, горе, жаль сына... ты, абызъ, говорятъ, мастеръ лѣчить... дай ему что-нибудь... погляди, какой худой!

И онъ подвелъ гостя къ сыну.

Миссіонеръ увидѣлъ, что у больного лихорадка; онъ далъ ему гомеопатическаго лѣкарства и посовѣтывалъ, что дѣлать. Еще заговорилъ объ ихъ дѣлахъ; Гурюшъ тоже пришелъ сюда, по обыкновенію былъ пьянъ и разболтался.

— Ну и сорока ты!—останавливалъ его Чечеекъ. Но у Гурюша языкъ не хотѣлъ держаться.

— Ей, другъ!—болталъ онъ, обращаясь къ отцу Макарію,—они тебя связать хотятъ, какъ бѣглаго, и въ судъ тебя увезти, но ты не бойся; я тебя имъ не дамъ, пока ты здѣсь, они отъ меня не получаютъ ни ремня, ни веревки; вида-то не видали, а говорятъ: „бѣглый человѣкъ“.

— Развѣ я похожъ на бѣглаго?—улыбнулся его болтовнѣ отецъ Макарій.

— Это правда!—хлопнулъ себя по ногамъ Гурюшъ.—А я всетаки за тебя боюсь, какъ бы они тебѣ на самомъ дѣлѣ не сдѣлали зла... ты опасайся.

— Зло ихъ падетъ на ихъ головы!—серьезно уже сказалъ гость. Чечеекъ, глядя на брата, сказалъ сердито:

— Пьяные дураки да и только... мало ли что болтаютъ ихъ языкъ?!

Чечееку непріятно было пьянство брата, и кромѣ того онъ, видимо, избѣгалъ разговора о вѣрѣ; онъ сталъ угрюмѣе и молчаливѣе, хотя въ то же время старался угостить чаемъ миссіонера. Отецъ Макарій, замѣтивъ это, пошелъ въ другія юрты, неся слово Божіе другимъ.

Десять дней пробылъ миссіонеръ тамъ, у Кендырли, и успѣлъ достигнуть того, что его перестали

дичиться. Онъ поѣхалъ домой съ цѣлью побывать гутъ еще; его потянуло послушать колокольный звонъ и рокоть Катуня, да и мысль о больномъ Пакрасѣ настойчиво звала въ Чемалъ. Въ его молодой душѣ затаилось огорченіе на неподатливость Кендырлинскихъ алтайцевъ, и въ то время ему не думалось даже, что черезъ много лѣтъ тутъ зазвонятъ колокола, и алтайскіе мальчики пойдутъ въ школу, которая вмѣстѣ съ церковью подымается близъ быстрой Кендырли; да, онъ и не мыслилъ объ этомъ, сѣя тутъ сѣмена вѣры въ душѣ алтайскихъ Кендырлинцевъ!

Съ Чемальской колокольни на соснѣ звонили ко всенощной, и алтайцы спѣшили въ церковь. Тихо теплились свѣчи, освѣщая лики иконъ. Отецъ Макарій служилъ благоговѣнно; два, три свѣжихъ дѣтскихъ голоса и голосъ толмача пѣли, увлекаясь; музыка природы вліяла на голоса и съ тихой прохладой приносила имъ вдохновеніе. Вечеръ былъ хорошъ и тепелъ изумительно; когда отецъ Макарій послѣ службы, вышелъ изъ церкви, у церковнаго крыльца столпились его пасомые, желая принять благословеніе.

— Пакрасъ!—зорко взглядѣвши въ ихъ лица, позвалъ онъ своего больного, стоявшаго въ отдаленіи со своей женой.—Ну-ка, иди сюда... забота о тебѣ позвала меня съ Кендырли сюда. Что, какъ твоя рука?

— Лучше, лучше!—заговорили живо женщина и Пакрасъ.—Она не черная, абызь... она заживаетъ... лѣкарство только все вышло... дай еще, пожалуйста... мы тутъ будемъ жить; какъ станетъ совѣмъ лучше, креститься будемъ. Наши камы ничего не умѣютъ; они все камлали, а что было?!.. дай, пожалуйста, лѣкарства.

Онъ успокоилъ ихъ обѣщаніемъ и ласково обратился къ другимъ, по именамъ называя обступившихъ его Чемальцевъ.

— Ну, а ты, Максимъ, каковъ? а, Ѳеодоръ! а, старая Марія! поправилась ли, Гликерія? И ты приѣхалъ, Петръ?

И всѣ отвѣчали ему, всѣ искали его взгляда, благословенія, слова.

— Ну, вотъ, и увидѣлись... хорошо! теперь немного побуду съ вами.

— И неволью тѣнь печали прошла по его лицу отъ воспоминанія о десяти безплодныхъ, какъ ему казалось, дняхъ и темныхъ ночахъ у лѣсной опушки, когда жуткая тишина томила его душу.

— Тутъ вамъ письма есть, отецъ Макарій, — сказали его послушники. — Ждутъ въ Улалу пресвященнаго Порфирія; только это не скоро еще будетъ, сказывалъ посланный. Скучно безъ васъ намъ было. Отъ Чевалкова письмо есть тоже.

Онъ распечаталъ вѣсти изъ далекаго міра и долго сидѣлъ въ тишинѣ комнаты, читая и отвѣчая, а потомъ всталъ на правило, готовясь къ завтрашней литургіи.

Дни шли обычные, трудовые дни, свѣтлой радостью которыхъ было крещеніе инородцевъ и въ числѣ ихъ выздоровѣвшаго совсѣмъ Пакраса, и тихимъ отдыхомъ — вечера надъ Катунью. Потомъ пришлось поѣхать въ Улалу для занятій переводами съ Чевалковымъ и встрѣчи Томскаго владыки, котораго увидалъ и Чемаль. При немъ отецъ Макарій крестилъ инородца Степана Тарманашева, принятаго епископомъ Порфиріемъ отъ купели.

Наступилъ августъ... длиннѣе становились ночи, напоминая объ осени, но она еще была далека; и какъ ни любилъ отецъ Макарій свою старую миссію съ ея таинственной котловиной, гдѣ въ густо, густо разросшихся маральникахъ спали камы, попрежнему иногда встававшіе ночами и нарушавшіе замогильнымъ камланьемъ его краткій покой, однако проповѣдь звала его — и онъ слышалъ, что на рѣкѣ Аюлѣ ждали миссіонера; съ церковно-служителемъ Ѳеодоромъ Миртовымъ и новокрещенымъ Павловымъ онъ служилъ тамъ всю ночь, а утромъ — молебень святому Нико-

лаю. И со всѣхъ айловъ собрались дѣти Алтая слушать службу; молча сидѣли они около огня и слушали это „странное камланье“, какъ они называли, камланье невѣдомому чистому Богу, въ которомъ не приносили жертвъ, и только дымъ кадильный и молитвы уносились къ Его небу.

О, какъ вдохновенно говорилъ въ этотъ день отецъ Макарій! живой и убѣдительною была его рѣчь, а Афанасій Павловъ, тоже увлеченный, повторялъ ее быстро, чтобы сгладить всѣ затрудненія въ словахъ, которыми еще не такъ свободно, какъ алтаецъ, владѣлъ миссіонеръ. Съ своими убѣдительными рѣчами, съ вѣстью о Господѣ, зовущемъ и ждущемъ своихъ дѣтей, прошли они по юртамъ айловъ, гдѣ одна больная женщина попросила лѣкарства.

— Тутъ только что камъ замучилъ лошадь для жертвы бѣсамъ... они наслали на меня болѣзни,—жаловалась она.—Вонъ, гости ѣдятъ мясо коня, а мнѣ не лучше.

— Абызъ, дай ей твоего лѣкарства!—просилъ мужъ больной.

И отецъ Макарій охотно далъ лѣкарство.

— Они не помогутъ, эти темныя силы, которымъ вы приносите жертвы. Они враги ваши, никогда никакой жертвой не умилостивить вамъ ихъ, а Господь?—Онъ исцѣлялъ всѣхъ, кто попроситъ, и намъ велѣлъ лѣчить. Какой Онъ добрый: былинкѣ и каждому цвѣтку дана Его ласка, а васъ Онъ любитъ тоже и послалъ меня, чтобы я сказалъ вамъ это; Онъ хочетъ, чтобы всѣ были только добрыми, чтобы молились Ему и звали Его на помощь, а не своихъ враговъ, которые трепещутъ Креста Его, святого Креста.

И долго говорилъ имъ; а на завтра больной стало лучше, и на слѣдующій день она могла уже работать, хотя и колеблясь бросить старыхъ боговъ отъ ужаса передъ ними, еще властвовавшаго надъ ея душою. У Аюлюгинцевъ не было новаго пріобрѣтенія, но не было и того отношенія, полного непріязни, съ какимъ отнеслись Кендырлинцы къ слову Божію; они звали

Алтай. Рѣка Катунь между устьемъ р. Цемала и с. Элимноноромъ.

къ себѣ еще молодого миссіонера и проводили его привѣтливо.

Весь августъ мѣсяцъ отецъ Макарій провелъ въ Чемалѣ среди тѣхъ, кого онъ любилъ, какъ родныхъ. Стало холодно. Послѣ первыхъ дней сентября, проведенныхъ въ Улалѣ, и дожди были чаще, чѣмъ ясные свѣтлые дни. Осень накладывала властную руку на Алтай, чуть-чуть золотя опушки лѣсовъ, и только вѣчную зелень хвои не могла тронуть ея злоба.

Въ Чемалѣ отца Макарія ждали по обычаю свои, были и чужіе. Больная татарка съ мужемъ встрѣтила его низкими поклонами и заговорила печально, когда онъ обратился къ ней.

— О, абызь, я къ тебѣ... никто не могъ помочь мнѣ... камы камлали много, сколько скота погубили, не послушали ихъ тѣ... теперь осталась одна лошадь... они говорятъ: „отдай и ее, ты не выздоровѣешь, пока не отдашь этой послѣдней лошади“. А мнѣ жаль ее, не вѣрю имъ больше. Павла нашего изъ аила ты крестилъ, абызь, онъ говорилъ мнѣ: „иди къ абызу, онъ дастъ тебѣ такое лѣкарство, что ты станешь здорова“.—И вотъ мы пришли,—прибавила она робко.—Мы поживемъ тутъ у людей... дай мнѣ лѣкарства, пожалуйста.

Миссіонеръ распросилъ ее о болѣзни и далъ лѣкарства, и каждый день она приходила къ нему, прося полечить поскорѣй, хотя болѣзнь, видимо, облегчалась.

— Ой, абызь,—говорила она наивно,—а если бы еще камамъ коня отдать, тогда бы вовсе скоробило... усну ночью, тяжело такъ станетъ, и кто-то ровно стучитъ въ уши: „отдай кара-неме и курюмесю скотину, отдай, отдай!“... и такъ стучитъ то въ то ухо, то въ другое.

— Не дѣлай этого,—строго сказалъ отецъ Макарій,—потерпи: вѣдь, тебѣ лучше, скоро будетъ совсѣмъ хорошо, а то темные духи возьмутъ твою душу и здоровье, не помогутъ и отъ Христа отвлекутъ ее... вотъ, теперь, когда женщины объяснили мнѣ, чѣмъ

ты больна, какъ слѣдуетъ, скоро станетъ лучше и яман-паалу уйдетъ изъ твоего тѣла.

Она ушла какъ-то нерѣшительно, а на завтра въ дождливый день женщины Чемала сказали отцу Макарію:

— А, вѣдь, та алтайка уѣхала къ каму,—отецъ Макарій, сколько мы ее ни уговаривали.

Обычная грусть сжала сердце отца Макарія. Да, трудно было бороться съ суевѣріемъ, и онъ пристально посмотрѣлъ на грязную Чемальскую улицу и на тяжелыя облака, ползшія по горамъ, точно ожидая увидать на дорогѣ непослушавшую его слова больную.

Дома его ждалъ посланный кама Тумчугаша.

— Ой, абызь, просить тебя Тумчугашъ шибко полѣчить его сына: кашляетъ баламъ по ночамъ... душить его, и ровно собака все лаеетъ... такой кашель худой... однако умереть... шибко просилъ тебя пріѣхать Тумчугашъ.

И, конечно, миссіонеръ поѣхалъ.

Мальчикъ Тумчугаша былъ тяжело боленъ, это было видно по трудному сиплому дыханію и жару; а всетаки организму, не привыкшему къ лѣкарствамъ, они помогали и дали небольшое облегченіе.

— Дай, увеземъ его ко мнѣ,—просилъ отецъ Макарій,—здѣсь холодно и дымно, это будетъ мѣшать лѣченію... и я бы часто былъ съ нимъ. Повѣрь мнѣ твоего мальчика, Тумчугашъ.

— Ладно, ладно, абызь; одѣнемъ его, закутаемъ въ шубу и увеземъ сейчасъ же.

Но его мать, старая сгорбленная съ глубоко запавшими глазами и чернымъ лицомъ, такъ и впиалась костлявыми пальцами въ руки сына и жена кама, тоже блѣдная, схватила его за другую руку.

— Ой, Тумчугашъ,—сказала старуха грозно.— Ой, Тумчугашъ, лучше утаци меня на гору и брось тамъ, чтобы я издохла, чѣмъ отдать балама крещенымъ.

— А меня растопчи, какъ пепель твоей трубки,—подтвердила жена.—Пусть смерть возьметъ его въ родной юртѣ, у нашего костра.

Отець Макарій, выходявшій на минуту, подошелъ къ больному; онъ не обратилъ вниманія на гнѣвные лица женщинъ и только тогда узналъ о ихъ протестѣ, когда больной ребенокъ, притянувъ его къ себѣ, зашепталъ:

— Онѣ не хочуть отдать меня къ тебѣ, абызь. Пожалуйста, увези меня: я тутъ помру... попроси отца еще, абызь, пожалуйста... пожалуйста.

Его глаза просили о помощи, печальные, страдающіе глаза умоляющимъ взглядомъ глядѣли въ лицо отца Макарія.

— Ты попросишь?

И отецъ Макарій еще разъ настоятельно попросилъ Тумчугаша поскорѣе отправить сына къ нему.

— Я самъ приѣду, если тебя не привезутъ ко мнѣ!—успокоилъ онъ больного.—Привезу тебѣ хлѣба, а пока собирайся и принимай лѣкарство.

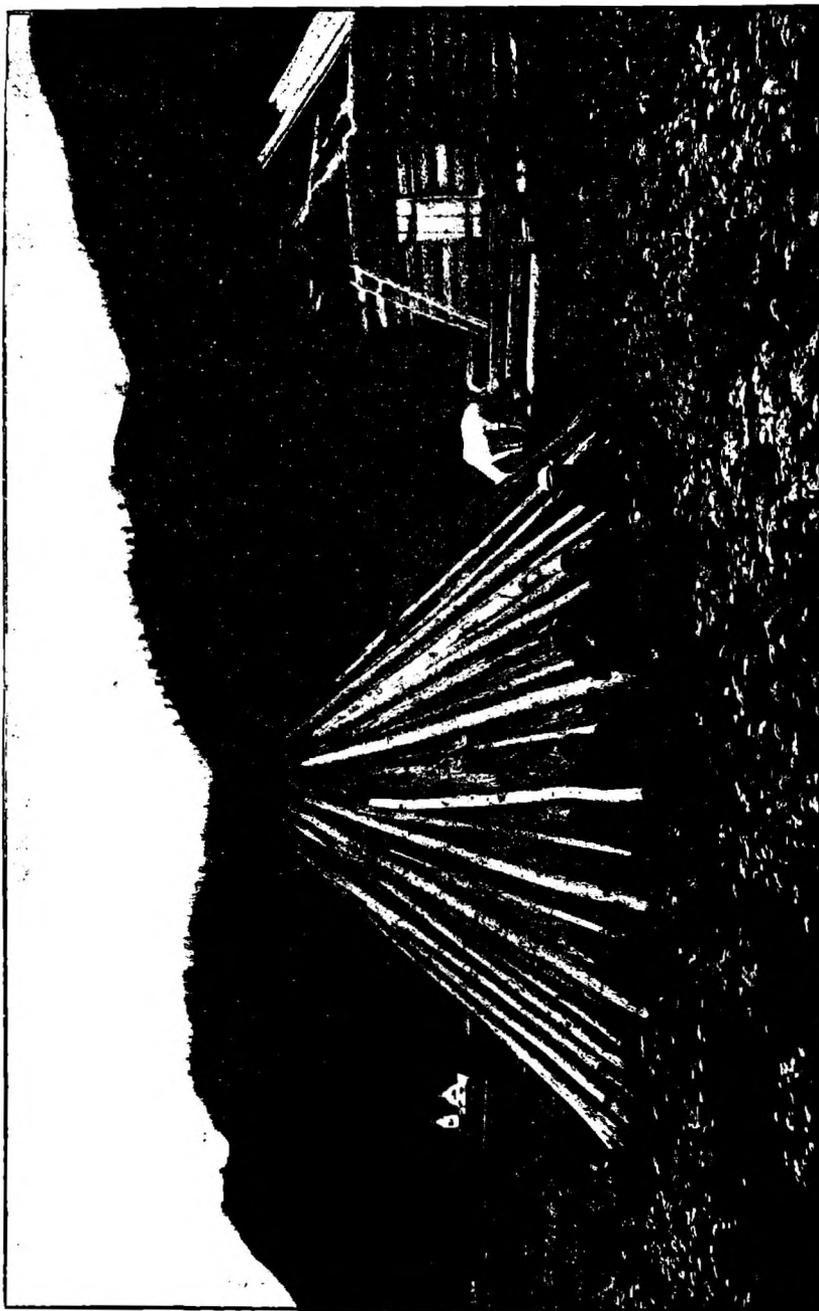
Дома миссіонера ждала больная инородка, ея конь стоялъ тутъ же, привязанный, и она поспѣшно поклонилась.

— Ой, абызь, прости, прости, пожалуйста... всеѣмъ я поѣхала къ каму, да дорогой лучше стало, и стыдъ меня взялъ, и ровно ты зовешь меня, абызь... вотъ я и вернулась, и конь цѣлый! Пожалуйста, дай мнѣ лѣкарства, я поѣду домой теперь, а камлатъ ни за что не стану.

Отець Макарій покачалъ головою: эта мятушаяся душа, старавшаяся обмануть бѣса, котораго боялась, едва ли будетъ принадлежать Христу.

— „Слишкомъ нетерпѣлива и нерѣшительна!“— подумалъ онъ.

И, давъ ей лѣкарства, пошелъ къ Катунѣ. Грозная и черная неслась она въ желтомъ уборѣ береговъ, и эта унылая картина вздувшейся отъ дождей бурливой рѣки была такъ печальна, что отецъ Макарій, плотнѣе закутавшись въ подрясникъ, пошелъ домой для мирнаго труда въ тишинѣ старой миссіи. Даже камы не тревожили этой холодной ночи замогильными звуками, и никто не мѣшалъ ему писать, молиться и думать.

-- дай, увезем его ко мне... здесь холодно и дымно, это будет мешать льчению...

Отъ Тумчугаша никто не пріѣхаль ни вечеромъ, ни по утру, а умоляющіе глаза мальчика глядѣли въ мысленныя очи отца Макарія. Онъ зналъ, что Тумчугашъ по утру долженъ былъ ѣхать на промыслы, сообразилъ, что семейные, видимо, не желали, чтобы ребенокъ былъ у него, и всетаки поѣхаль за нимъ, движимый состраданіемъ.

Старуха встрѣтила его у порога юрты. Ея мрачные глаза злобно впились въ молодое спокойное лицо; было холодно, но разъяснило, и дымъ изъ юрты поднимался прямо къ небу, что по примѣтамъ обѣщало хорошую погоду.

— Я пріѣхаль за больнымъ,—просто сказалъ миссіонеръ.—Тумчугашъ желаль этого. Я знаю, что его нѣтъ дома, но вы соберете больного; теперь ясно, и я его увезу, чтобы лѣчить.

— А я тебѣ его не дамъ,—властно сказала старуха.—Слышишь? Уходи, я не пушу тебя даже къ нему, чтобы твои глаза не мутили его душу. Я не одна тамъ: его мать и женщины изъ айла. Тумчугашъ обезумѣлъ, что хотѣлъ отдать дитя крещенымъ, а я еще въ умѣ, пусть камы не помогутъ, пусть его возьметъ смерть, но я сама родилась въ нашей вѣрѣ и вот этими руками перерву ему горло, а тебѣ не отдамъ.

— Твои кара-неме затемнили тебѣ глаза,—сказаль отецъ Макарій,—и ты сама хочешь зла мальчику... насильно я его не потрону, женщина, но ты отвѣтишь передъ Тумчугашемъ. На, унеси ему хлѣбъ и лѣкарство, вчера я училъ, какъ его давать.

Она взяла лѣкарство сухою рукою, а хлѣбъ оттолкнула съ презрѣніемъ.

— Тумчугаша боги не лишили ѣды: у насъ есть и толканъ и курмачъ... у насъ все есть; уходи и дѣлай свое дѣло, а насъ оставь.

— Бѣсы, которымъ ты и твой сынъ служите,—сказаль отецъ Макарій,—не могутъ помочь вамъ; они погубятъ и васъ и ребенка. Мнѣ жаль, что его ожидаетъ тьма.

— Пусть тьма, пусть... уходи со своимъ свѣтомъ

и оставь насъ,—меня, Тумчугаша и ребенка,—трясаясь отъ злобы, сказала старуха.

Она стояла, заслонивъ входъ, грозная и страшная, защищая старыхъ боговъ и свои отжившія традиціи, и съ сжавшимся сердцемъ миссіонеръ уѣхалъ отъ ихъ порога.

Послѣ онъ услышалъ, что его лѣкарство помогло, и что мальчику стало лучше, но старуха, почему то не влюбившая его съ этой болѣзни, всетаки доконала ребенка: говорили, что она послала мальчика за водой подъ высокую и крутую гору, и онъ, еще слабый, подымаясь назадъ, надышался холоднаго воздуха и умеръ. Тихая грусть и тоска заставляла болѣть сердце отца Макарія, и Тумчугаша онъ болѣе уже не видалъ никогда: видимо, мягкой и непостоянной душой его окончательно овладѣли темныя силы, и онъ навсегда бросилъ мысль о христіанствѣ и крещеніи.

Осень наступала: падали листья на опушкѣ лѣсовъ, давно улетѣли птицы; выпали первые снѣга, а миссіонеръ по прежнему въ неустанномъ трудѣ проводилъ свои дни и по оснѣженнымъ тропамъ пробирался въ айлы по просьбѣ некрещеныхъ, звавшихъ его полѣчить ихъ больныхъ дѣтей.

Былъ ноябрь холодный и непривѣтливый съ печальными короткими днями, мрачно чернѣла опушка бора, глубокіе снѣга засыпали могилы камовъ, и звѣри рыскали вблизи старой миссіи.

По горнымъ тропамъ въ одинъ изъ хмурыхъ дней къ отцу Макарію пришелъ одинъ больной татаринъ. Болѣзнь его была сильна и опасна, и надо было дивиться, какъ онъ прибрелъ изъ своего айла.

— Я не смѣю обнадеживать тебя!—сказалъ отецъ Макарій.—Едва ли тутъ поможетъ лѣкарство... будемъ лучше искать исцѣленія у Христа: въ Его рукахъ болѣзнь, здоровье и самая жизнь.

— Вотъ, вотъ, абызъ, помолись, я хочу креститься... шелъ, торопился... слышно у насъ въ горахъ,

что ты уѣдешь далеко отсюда... крести меня и полѣчи хотя маленько, пока ты тутъ.

Отець Макарій съ ревностью принялся лѣчить его тѣло и душу мягкую, какъ у ребенка, воспримчивую и кроткую.

Григорія крестили въ ясный день, когда снѣгъ ослѣпительно блестѣлъ подъ солнцемъ, какъ драгоценные камни, и у отца Макарія была въ этотъ день двойная радость: онъ радовался спасенію души и тому, что недугъ началъ оставлять тѣло алтайца. Григорій сталъ видимо поправляться и, по мѣрѣ выздоровленія, радовалъ миссіонера глубокой искренностью своей вѣры и желаніемъ усердно молиться и благодарить Христа.

А слухи, что отца Макарія переведутъ весною, подтверждались: на него указывали миссіонеры, какъ на человѣка способнаго основать станъ въ глухой Чолушманской долинѣ, и по горамъ заговорили, что ихъ врачъ и другъ уѣдетъ изъ Чемала. Тихій и незамѣтный въ мірѣ человѣкъ приносилъ здѣсь огромную пользу, и его цѣнили простые своими чуткими сердцами, видя въ немъ своего печальника.

Самъ онъ проводилъ зимніе дни то въ церкви, то въ школѣ и въ свободное время исправлялъ прежній переводъ литургіи и переводилъ послѣдованіе часовъ при пособіи Михаила Васильевича Чевалкова, который пріѣхалъ сюда изъ Улалы. Дѣти Чевалкова пѣли въ церкви, онъ, словоохотливый и бывалый, помогалъ коротать зимніе дни молодому миссіонеру, равшемуся на проповѣдь, но и онъ относился съ печалью къ его переводу въ долину Чолушмана.

— Охъ, скучно тамъ... горы, большущія такія горы, что страшно глядѣтъ, и озеро бездонное... а въ бурю сколько тамъ народа тонетъ! съ горъ въ долину камни слетаютъ и давятъ людей. Зачѣмъ туда? тамъ и народъ дикій... охъ, такой дикій, хуже Кендырлинцевъ.

— Да, вѣдь, ты тамъ не былъ, Михаилъ Васильевичъ?—улыбался миссіонеръ.—Господь—вездѣ. Конечно, привыкъ я тутъ, дѣло идетъ, жаль его бро-

силь, но воля—старшихъ: знаешь, вѣдь, что послушаніе паче поста и молитвы.

И не думали они оба, сидя тутъ подъ соснами старой миссіи, осыпанными снѣгами, въ тихомъ миссіонерскомъ домикѣ, что оба узнаютъ хорошо жизнь Чолушманской долины.

Алтай. Рѣка Аргутъ, впадающая въ Катунь.

А буря пѣла за окномъ, и скованная льдами Катунь грохотала, слушая ея пѣсни. Правда, она открывала полыньи, пытаясь вырваться на волю, но это не помогало. Морозъ упорно и настойчиво держалъ ее подо льдомъ до весны.

— И ты уѣдешь, отецъ Макарій?—спрашивали жители Чемала, собравшіеся у церкви.—Ой... ой, худо это... кто будетъ лѣчить, кто учить станеть? останься: узнали тебя люди... останься съ нами.

А молодой монахъ, благословляя толпившихся около него, говорилъ съ грустью:

— Другой пріѣдетъ, милые. Богъ зоветъ меня на дѣло далеко, и мнѣ жаль васъ, дѣтей жаль, цвѣты ваши живые... пріѣду когда-нибудь сюда опять, Богъ дастъ увидимся... не забывайте Бога, молитесь, любите...

Сдерживая слезы, съ грустью на сердцѣ, онъ благословлялъ и ласкалъ дѣтей, къ которымъ привыкъ и полюбилъ за время служенія въ Чемалѣ. Но его звалъ долгъ на другой подвигъ въ отдаленную и глухую долину Чолушманскую; послушный волѣ тѣхъ, кого чтилъ, какъ своихъ руководителей и отцовъ, онъ уходилъ изъ тихаго Чемальскаго стана отъ полюбившихъ его людей и дѣтей.

— Батюшка!—толпились они вокругъ него,—не забывай насъ, молись...

— Батюшка!—подбѣжалъ охотникъ Матвѣй.—Тебѣ поклонъ велѣли сказать... я только что съ Громатухи... Сапырь и Мустагъ, и дѣвочка маленькая... перестали болѣть глаза у нихъ... креститься хотять... сюда думали пріѣхать, да теперь ужъ въ Улалу поѣдутъ... сколько будетъ горя у нихъ, что ты уѣхалъ!—торопливо сообщалъ звѣроловъ,—какъ я то тебя засталъ еще?... въ Котандѣ услышалъ: „уѣзжаетъ отецъ Макарій“... жалко шибко... дѣвочка Ару тебя шибко просила за нее молиться и хотѣла тебя увидѣть.

— „Зови, говоритъ, абыза Макарія къ намъ на Громатуху: посмотритъ Тальменье озеро“. А старшій какой мальчишка славный придался! отецъ смѣется: „абызь, говоритъ, будетъ! какъ начнетъ съ камами считаться, боговъ ихнихъ отчитывать“... наторѣлъ отъ тебя; умный изъ него парень будетъ и сестренку любить. Отецъ, когда зареветъ на нее, а онъ: „Не тронь, не велѣлъ мой абызь Ару обижать... она сирота, и стыдно маленькихъ трогать... Христось не

велѣлъ“. Тотъ и такъ не злой человѣкъ, покачаетъ головой и бросить... А хорошо у нихъ на Громатухѣ, не хуже Катуня—бѣшеная она, грохочетъ межъ лѣса дремучаго... сколь тамъ звѣрья!.. можетъ, и взаправду соберешься туда когда, отецъ Макарій?.. дитя шибко просила.. за шею меня обняла... ласковая! привыкли къ тебѣ, какъ здѣсь кочевали они,

... но его звали долгъ на другой подвигъ въ отдаленную и глухую долину Чолушманскую...

да лѣчилъ ты ихъ; и мать до земли тебѣ несетъ поклонъ.

— Какъ мы будемъ тутъ?—сказала пожилая алтайка горестно.

И какой-то старикъ вмѣстѣ съ поправившимся и окрѣпшимъ Иваномъ, у котораго болѣли ноги, повторилъ печально:

— Какъ мы будемъ безъ тебя?

— Господь сохранить... Господь не оставитъ...

Простите меня, милые... помолитесь, а я съ Чолушмана буду вамъ писать, вѣсти слать... не забывайте.

И съ затуманеннымъ взоромъ онъ еще разъ оглядѣлъ эти взволнованныя лица, долину, щегину лѣса, поднимавшагося отъ селенія, и, бросивъ взглядъ на Катунь, сошелъ съ крыльца маленькаго Чемальскаго храма, изъ котораго провожала его паства. Сѣвъ на лошадь, благословляя и кланяясь, поѣхалъ сперва тихо, а потомъ сразу погналъ лошадь, чтобы скрыть отъ сопровождавшихъ его свои слезы, сжимая вѣки крѣпко до боли и не оборачиваясь на то мѣсто, гдѣ его оцѣнили и полюбили простые смирные люди, которымъ онъ отдавалъ свою молодость, силы и любовь.

А маленькая паства грустно смотрѣла ему въ слѣдъ, пока онъ не скрылся съ крыльца Чемальскаго храма безъ словъ, и только Катунь въ тишинѣ грохотала и пѣла, шурша мелкими камнями на перекатахъ, и, какъ безумная, налетая на большіе камни, поставленные природой на ея пути, налетала, обдавая ихъ бѣлой пѣной, и бессильно роняла гребень волны, не въ силахъ сокрушить ихъ, твердо стояшіе на ея пути, и бѣжала, вскидывая новые гребни бурливыхъ волнъ передъ новыми каменными преградами.

..... „Въ снѣгахъ заснули
Всѣ травы и кусты на склонахъ горныхъ гривъ“.

Весенній гимнъ.

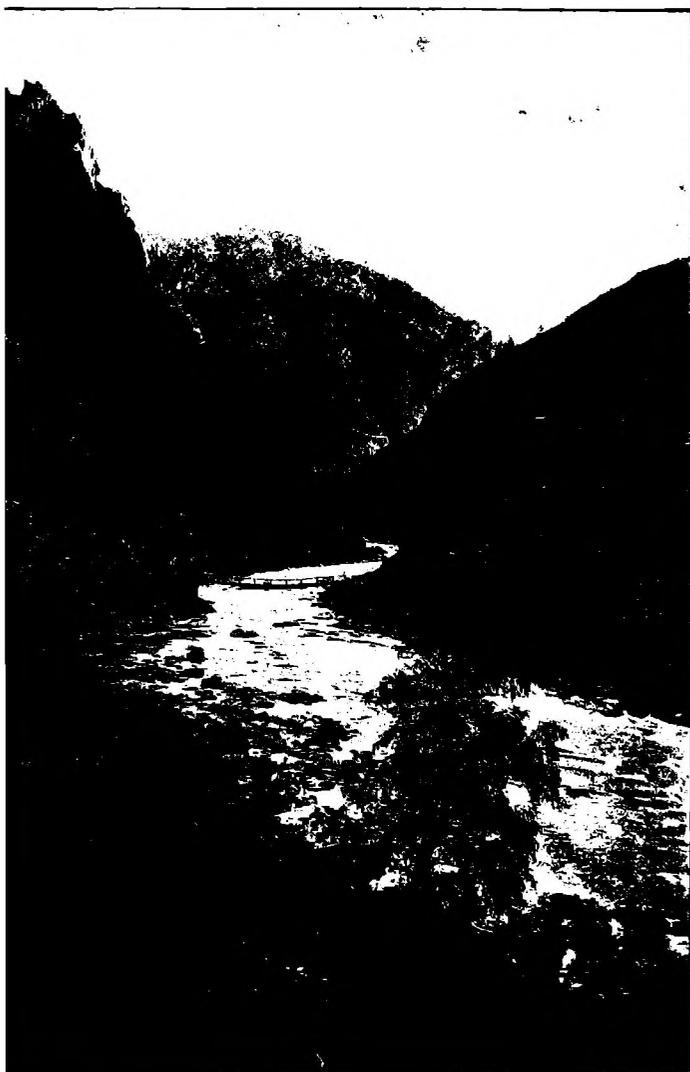
Огромный старый лѣсъ по горнымъ исполинамъ
Въ угрюмомъ полуснѣ въ снѣгахъ стоитъ зимой,
И выше всѣхъ породъ надъ горною вершиной
Кузук-Агашъ поднялся вѣковой...

* *
*

Лѣсъ слушаетъ—о чемъ рокочуть бури,
И ждетъ иной поры, желанье затаивъ;
Онъ грезить о веснѣ одинъ: въ снѣгахъ заснули
Всѣ травы и кусты на склонахъ горныхъ гривъ.

* *
*

Но это только сонъ: когда дохнетъ въ долину
Весенній вѣтерокъ, и солнце заблеститъ,

„Лѣсъ жадно слушаетъ—о чемъ шумятъ потоки“...

Зашепчутся тогда подъ снѣгомъ котловины,
Проснется поросль вся и вновь заговоритъ...

✧ ✧
*

Каин распуститъ клейкіе листочки,
 Душистый тѣмырыт вновѣ зацвѣтетъ тогда;
 Терек и толоно свои откроютъ почки,
 И бѣлый Кой-чечек имъ поглядитъ въ глаза...

* *
 *

„И по долинамъ разлилась вода“...

Засвищутъ торчіки, алас-ару зальются,
 По озерамъ куу большія будутъ жить...
 Прют-аркыши богато разрастутся,
 И карлагаша гнѣзда станутъ вить...

* *
 *

Лѣсъ жадно слушаетъ—о чемъ шумятъ потоки,
 Какую вѣсть несутъ изъ подо-льда,
 Марал и тегэнекъ уже зацвѣлъ высокій,
 И по долинамъ разлилась вода...

* *
 *

Идетъ великій день, день свѣтлый Воскресенья
Того, Кто въ Свой Алтай прислалъ давно людей

„ . . . . Зашепчутся по кручамъ водопады...“

Съ учениемъ любви, обидъ и зла прощенья,
Пришедшихъ привести къ спасенью дикарей.

* *
*

День свѣтлый близится, и въ мглѣ весенней ночи
 Тамъ, въ глубинѣ долины, раздастся чистый звонъ,
 И разгорятся звѣздъ задумчивыя очи,
 Какъ звуки долетятъ до нихъ со всѣхъ сторонъ...

* *
 *

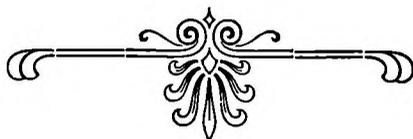
Прислушаются къ нимъ и горныя громады...
 Всѣ цѣпи горныя какъ будто бы вздохнуть...
 Зашепчутся по кручамъ водопады,
 Съ привѣтствіемъ къ камнямъ аржан-элен
 прильнуть...

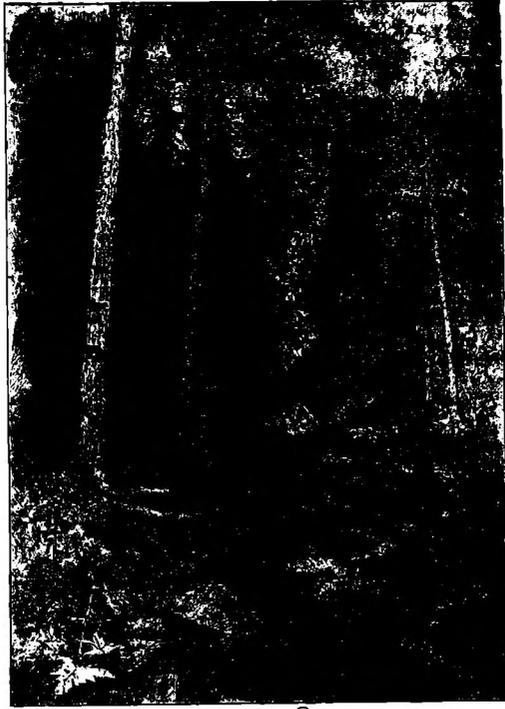
* *
 *

И горныхъ кражей рядъ, кузук-агаш на кручѣ
 Притихли... слушаютъ... весь лѣсъ чего-то ждетъ...
 Лишь рѣки быстрыя бѣгутъ струей могучей...
 И вдругъ природа гимнъ прекрасный запоетъ.

* *
 *

И горы тоже подхватили пѣнье.
 Въ долинахъ у людей поютъ колокола...
 Несется отъ земли горячее моленье:
 Христось... Христось воскресъ!.. и съ нимъ весна
 пришла.

Алтай. Въ глуши. Картина извѣстнаго художника-алтайца Г. И. Гуркина.

Въ Чолушманѣ.

(Составлено по разсказамъ очевидцевъ, памятнаму завѣщанію и письмамъ съ Алтая).

Горы начали тонуть въ вечернихъ сумеркахъ. Тянуло холодкомъ отъ озера, и звѣзды въ высотѣ зажигались, большія и чистыя, надъ моремъ горныхъ цѣпей и рокотавшими водопадами, надъ гладью Телецкого озера, чуть рябившаго въ этотъ весенній вечеръ.

— Какъ рано нынче весна!—сказалъ ѣхавшій вдоль берега быстрого Чолушмана инородецъ, обращаясь къ своему спутнику, задумчивому молодому

человѣку, ѣхавшему нѣсколько впереди. — Смотри: вездѣ зелень уже, о. Макарій, кой-чечеки зацвѣли, и карабарчіки прилетѣли. Завтра много пріѣдетъ изъ айловъ народу сюда, къ намъ, къ ночи: ты будешь служить, а они глядѣтъ: любопытные! И некрещенные пріѣдутъ... Что ты задумался сегодня?

— Ничего!—мягко улыбнулся о. Макарій.—Смотрю, слушаю, природу Божию созерцаю. Природа—это книга вѣчная Творца... о тѣхъ думаю, что оставилъ сейчасъ, о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ исповѣдывалъ... думаю, откуда пришла болѣзнь на нихъ?

— Виномъ опились!—насмѣшливо сказалъ инородецъ.—Опились, испугались и за тобой. За 100 верстъ на Байгу ѣздили, подралися тамъ, а тебѣ сказать боятся. Старикъ шибко плохъ. Горе это вино! падки наши до него. Абыртка, камланье, Байга—только услышатъ—тянутся! Тебѣ, вотъ, служить надо сегодня, а они оторвали... не хотѣлъ говорить: знаю, что сердце у тебя закипитъ, тошно будетъ...

— Бѣдныя!

Молодой миссіонеръ сталъ грустнымъ. Здѣсь, въ этой глуши, онъ прилагалъ все стараніе, всѣ силы къ тому, чтобы научить дикарей, какъ жить, но эти усилія пока разбивались о стѣну невѣжества и дурныхъ привычекъ; однако, нужно ли печалиться объ этомъ? Облачка испареній отъ земли, нагрѣтой за день солнцемъ, поднимались легкой дымкой и ползли по горнымъ массивамъ, и отрадная мысль невольно проснулась въ душѣ о. Макарія.

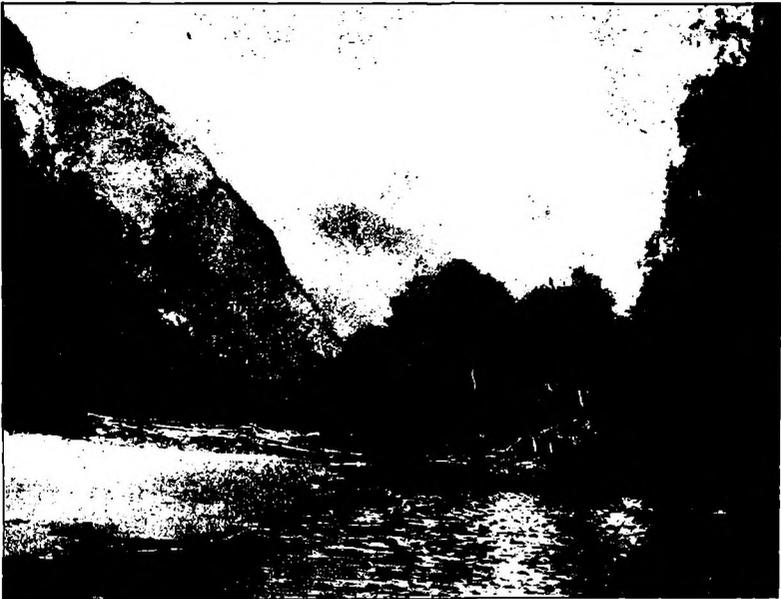
Также исчезнуть всѣ пороки и привычки дурныя мягкихъ отъ природы людей: совьются и уйдутъ, какъ туманъ, и останутся они—чистыя отъ суевѣрій и обычаевъ—его дѣти, за которыхъ хочется ему положить молодую, жаждущую труда и подвига, душу.

— Теперь вода дуритъ на Башкаусѣ... ишь, какъ Чолушманъ вздулся. Тебѣ, поди, скучно здѣсь, о Макарій? первую, поди, Пасху въ этакой трущобѣ проводишь?—полюбопытствовалъ проводникъ.

— Богъ то вездѣ, милый... я—монахъ. Можетъ быть, скучно было бы тому, у кого семья осталась

тамъ далеко, а у меня семья—вы. Куда тутъ опуститься намъ? вѣдь, здѣсь, кажется, брели впередъ? Тамъ уже дожидаются со службою... не короче ли будетъ путь, если переброемъ разъ и два? а то уже часовъ восемь.

— Какъ бы не накупаться!—покачалъ головою инородецъ. —Куды спѣшишь, о. Макарій? гляди: ду-

... гляди: дурить Чолушманъ, сердится...

рить Чолушманъ, сердится. Охъ, и злы же наши алтайскія рѣки весною да въ дожди.

— Если бы монаховъ сюда!—подгоняя лошадь и спускаясь съ крутика въ воду, сказалъ молодой миссіонеръ.—Второй бы Афонъ былъ. Смотри: въ облака ушли горы... Какая красота! Чуть будетъ посвободнѣе, заберусь я туда, выше лентъ водопадовъ, и буду глядѣть, любоваться и Бога славить.

— Что-то сносить... Ой, о. Макарій, глубь тутъ! Сюда, въ сторону надо... и тутъ плохо: всплыли кони... держите крѣпче повода... ваша еще брыкаться нач-

нетъ: суровая! Слава Богу: тутъ земля!.. Ну, вотъ... да куды вы?

— Скорѣе тутъ,—пустилъ лошадь миссіонеръ.— Вотъ, и монастырь! Слава Богу. Гони лошадь и звонить вели... а моя что-то хромаетъ, должно быть, въ водѣ наколола на камень ногу.

Молодой миссіонеръ ласково погладилъ захромавшую лошадь. За поворотами то скрывался, то вновь показывался одинокій домъ, въ которомъ онъ жилъ, и была маленькая церковь въ одной изъ немногочисленныхъ комнатъ этого дома. Саженьяхъ въ ста отъ перваго былъ другой, который немногочисленная братія почему-то окрестила „скотнымъ дворомъ“, и эти дома казались такими крохотными и убогими среди гигантскихъ горъ, съ ихъ задумчивыми оснѣженными вершинами. Часто съ этихъ вершинъ подточенные ручьями слетали глыбы камней, съ шумомъ неслись въ долину, высѣкая огонь изъ каменныхъ породъ, которыхъ касались на лету, ломая деревья и снося кусты. Малая братія и ея молодой руководитель привыкли къ этимъ обваламъ: обыкновенно, камни падали вблизи монастыря, не касаясь бѣдныхъ жилищъ.

Вотъ въ окнахъ церкви зажглись свѣчи, и маленькій колоколъ ударилъ къ службѣ. О. Макарій перекрестился и подогналъ коня. Была великая пятница; онъ хотѣлъ служить съ вечера. Еще въ дѣтствѣ, въ семинаріи, о. Макарій любилъ службу великой пятницы: была святая грусть въ вечернемъ погребеніи! и разбитый отъ ѣзды, усталый послѣ сдѣланныхъ впередъ и обратно 50 верстъ, онъ торпливо спустился съ коня, спѣша пойти за рясой, чтобы двинуться въ церковь.

У жерди, укрѣпленной на двухъ столбикахъ, было привязано семь или восемь лошадей; были, значить пріѣзжіе изъ айловъ хрістіане, изъ тѣхъ немногихъ, которымъ съ лѣта посѣялъ онъ сѣмена вѣры. Слава Богу! за все онъ привыкъ благодарить и славить Бога, всѣмъ сердцемъ и помыслами отдаваясь въ Его святую волю. Поздно было переодѣ-

ваться и снимать подмоченную въ броду обувь: колоколь звалъ, и онъ началъ службу, длинную службу по уставу, съ соблюденіемъ всего. Пѣли двое и онъ самъ; храмъ былъ убогій и бѣдный, но это былъ алтарь Всевышняго, первый алтарь въ этой глуши, отрѣзанной отъ міра. И служба шла благоговѣнно, по чину, а пѣснь „Благообразный Іосифъ“, пропѣтая дружно съ глубокимъ подъемомъ духа, коснулась сердце тѣхъ немногихъ, молившихся въ храмъ.

Звѣзды сіяли на совѣмъ темномъ небѣ, гулко рокотали два Аччилмана, правый и лѣвый, срываясь съ высотъ; гудѣли другіе водопады, смѣшивая свой рокоть съ шумомъ Чолушмана, и какъ-то особенно торжественно пѣла горсточка людей, вынесшихъ плащаницу, и ясно свѣтили свѣчи, которыя держали въ рукахъ алтайцы. Тихіе, но ясные звуки улетали въ высоту къ лентамъ водопадовъ, къ оснѣженнымъ вершинамъ, уносились съ волнами Чолушмана къ Телецкому озеру, и любопытныя горныя козы на кручахъ и чемгулы на недоступныхъ высотахъ задумчиво слушали эти новые звуки.

Служба кончилась въ полночь, и случайные гости приняли благословеніе у о. Макарія. Тутъ были новокрещенные изъ Башкауса, звѣроловъ съ Чальчи, была инородка съ сыномъ съ рѣчки Кара-су и дватри челоуѣка изъ крохотнаго аила вблизи монастыря, только одинъ гость былъ русскій изъ далекой Кебезени, спѣшившій на Чую и пожелавшій провести три-четыре дня въ монастырѣ. Въ эту весну онъ еще первый, какъ первая ласточка, переплылъ Телецкое, и молодой миссіонеръ обрадовался ему, какъ другу.

— Отъ сына вѣсти получилъ!—говорилъ гость, несмотря на поздній часъ позванный имъ въ келью.— Занедужилъ на Чуѣ; охотники вѣсти эти принесли. Знаете: дитя... тянетъ! жена—въ слезы. Собрался и поѣхалъ: на Артыбашѣ письмо меня догнало,—сидѣлъ я три дня тамъ изъ-за-верховки,—что лучше сыну: поправляется, но меня ужъ потянуло: разъ съ мѣста сорвался, думаю, доѣду, самъ погляжу. Послалъ вѣсть домой, что всетаки ѣду... и вотъ—тутъ...

дурятъ рѣки, да ничего! я только Святую ночь проведу у васъ и—въ путь: по Чолушману—въ Улаганъ, потомъ съ вершины Башкауса выше да выше. Просторно тамъ... долины широкія! а потомъ—къ самой Чуѣ опускаюсь... бывалъ путемъ этимъ: въ Кошагачѣ Константинъ у меня зимовалъ... то-то обрадуется! Тамъ хотя и живетъ народъ, а все не свои. Какъ вы тутъ зиму провели, батюшка? тошно поди въ горахъ, снѣгами занесенныхъ?.. человекъ вы молодой, и—эта тишина зимою! все, вѣдь, тутъ умираетъ.

— Дѣло есть, гость!—мягко улыбнулся тотъ.— Думать объ одиночествѣ некогда... и Господь со мною!

— А всетаки неладно,—покачалъ купецъ головою.—Старика бы сюда... стараго, древняго на зиму. ~~Иди~~ — Бросимъ,—мягко сказалъ монахъ.— Миссія меня выбрала и послала съ надеждою, что съ молодыми силами смогу принести я пользу тутъ большую, чѣмъ старикъ... да у насъ всѣ работаютъ... и старики... У о. Стефана дѣла этого больше, чѣмъ у меня и у другихъ, жатвы много, если бы хватало силъ!..

И задумался. А потомъ встрепенулся и захолопталъ о томъ, чтобы дать покой гостю и позаботиться о другихъ.

Страстная суббота была хороша; такой чудный и ясный день выдался. Маленькую церковь украсили аржан-эленомъ, и онъ сталъ наряднымъ, этотъ убогий храмъ. Купецъ гость помогаль въ его убранствѣ; это былъ хорошій, религіозный человекъ, и ему понравился о. Макарій съ его неподдѣльною жаждою подвига, съ безропотной и пламенной любовью къ Алтаю.

— Больше ихъ горы наши любите,—кивалъ онъ на алтайцевъ, собравшихся на луговинѣ передъ монастыремъ и вкушавшихъ скромную трапезу, предложенную имъ.—Хорошій край, что и говорить! люблю я самъ его: чистый край, и люди кроткіе!.. дикіе, правда, неразумные, а всетаки добрый народъ. Правда, вы говорите, что потрудиться надъ ними стоитъ... вотъ бы камешковъ ихнихъ разогнать. Охъ, и не люблю я ихъ, паршивцевъ: какіе-то темные сами, какъ кара-неме ихъ; одного Чоока отлично знаю,

тутъ онъ по Телецкому славится... не видали его еще? богатѣй! вѣдь, шкуру сдирають съ алтайцевъ неразумныхъ, послѣднюю лошадь тянуть, а потомъ надъ ними же издѣваются, когда камланье не помогаетъ. А коней мучають, собаки! Много вамъ, миссіонерамъ, труда надо положить, чтобы ихъ отъ камовъ отвадить: больно вѣрять въ курюмесей, въ кагыровъ и всякую черноту, а ужъ Эрлика этого боятся, какъ собаку. Чоока то вы не видали?

— Нѣтъ еще, а слышать—слышалъ. На Пасхѣ поѣду къ пелинцамъ... звали меня... можетъ быть, онъ тоже будетъ тамъ, поговорю съ нимъ. Тутъ по Башкаусу тоже есть камъ; привыкъ я немного къ Чемалу, мнѣ кажется, тамъ болѣе чутки люди къ проповѣди, но если Богъ поможетъ, и здѣсь полюбить слово Божіе! слишкомъ ужъ чиста и свѣтла православная вѣра!

Купецъ зорко смотрѣлъ на молодое, полное жизни, лицо, на эти темные глаза, съ упованіемъ глядѣвшіе на будущее, и невольно подумалъ, что, если-бы въ Алтай пришелъ десятокъ такихъ убѣжденныхъ людей, посѣвъ православія пошелъ бы на горе камамъ по горамъ и долинамъ. Да такихъ мало!

— Вы исторію то алтайцевъ, поди, вотъ какъ изучили? Въ молодости я много занимался съ ихними умными людьми: любопытный былъ... дружилъ тутъ съ однимъ человѣкомъ... славный парень былъ, добрый и умный, а умеръ изъ за пустяка: Эль-курты у него была... воздушный червякъ по ихнему... лѣчили его нагрѣтой волчьей кожей, распареннымъ на огнѣ таломъ терли, ничего не помогало, все сильнѣе по всему тѣлу она у него пошла... года четыре не зналъ покоя человѣкъ, а потомъ мѣстами по тѣлу чііканы образовались; бывало, чешется, чешется, кровь изъ него течетъ! Лѣтомъ все въ холодной водѣ спасался: ужъ какъ не любятъ алтайцы воду, а тутъ нужда пристигла, такъ и воду полюбилъ, да должно быть, вода-то его и погубила: весною рано, вотъ въ эту пору сталъ лазить въ Вію, около Кебезени, аилъ его былъ у пороговъ,—сталъ кашлять, бѣдняга... и

такъ ужъ кровь то въ немъ порченая!.. живо его свернуло; тамъ у Бїи на горѣ его и положили. Жаль, душа некрещеная, а только добрая и хорошая это была душа; тогда тутъ миссіонеровъ не слыхивали; а онъ Бога искалъ.. бывало, скажетъ на мои немудрые рассказы:

— „То—настоящій Богъ у тебя, Дмитрій... самый настоящій!“ И все мечталъ, какъ поправится, ѣхать въ Бїйскъ къ абызамъ русскимъ. Всякій то человѣкъ о чемъ нибудь мечтаетъ! А вы, о. Макарій, тоже поди мыслите въ мечтахъ объ Алтаѣ крещеномъ?

— Да!—горячо откликнулся тотъ.—Мечтаю и упованіе на Господа полагаю, что сбудутся мои мечты, что по всему Алтаю зазвонятъ колокола... много, много становъ откроется вездѣ, и придутъ къ намъ десятки миссіонеровъ самоотверженныхъ, любящихъ.

Онъ какъ-то разомъ разгорѣлся и просвѣтлѣлъ, а потомъ потупился, словно испугавшись своихъ мыслей, которыя показались ему гордыми; его глаза невольно остановились на кучкѣ людей, которыхъ онъ привелъ ко Христу. Какъ малъ былъ его трудъ! но передъ нимъ была цѣлая жизнь, и его глаза опять заблестѣли упованіемъ.

Къ вечеру зашли тучи, онѣ туманомъ затянули горы и укутали озеро. Было тихо, и вѣтеръ точно покинулъ долину Чолушмана.

— Тоскливо, ровно не Пасха завтра!—покачалъ головою словоохотливый купецъ.—Какой былъ ясный день... на диво прямо, а теперь—темно. Это на васъ, о. Макарій, ихъ Эрлики злятся, что пришли сюда со служеніемъ своимъ: тошно имъ. Послушайте-ка: вѣдь, это обвалъ ухнулъ? ишь, летитъ, грохочетъ! Что, видно, вамъ они тутъ не въ диковинку? а въ самомъ дѣлѣ тошно дѣмонамъ слушать будетъ „Да воскреснетъ Богъ“. Ладно ли мы сдѣлали съ послушниками: окна въ церкви выставили?—что-то вы покашливаете!

— Пустяки! — улыбнулся монахъ. — Промочилъ вчера ноги въ броду. А хорошо это вы сказали, что темныя силы затрепещутъ, услышавъ „Да воскрес-

нетъ Богъ“ въ первый разъ и „Христось воскрес!“
Сегодня инородцевъ много подѣхало... есть и пе-

Дунтай. Рыба Бя при выходѣ изъ Телечкаго озера.

линцы... вдова одна Той-Чынг; къ себѣ зовуть меня...
много уже бесѣдовалъ съ ними; жаль, что нельзя

имъ архіерейскаго служенія показать тутъ: вотъ бы поразились! Они очень впечатлительны, а наши службы такъ торжественны. Храмъ бы обширный здѣсь, братію благоговѣйную, колокола большіе, чтобы изъ далей звали, манили людей къ Богу! Но и за то, слава Ему, что есть,—сейчасъ же откинулъ онъ мечты.— Пойду, благословлю „Дѣянія“ читать. Вы не хотите ли почитать ихъ? Жаль, что алтайскаго перевода нѣтъ... у меня мысли въ головѣ... потомъ, въ жизни, осуществить ихъ хочется: перевести для этихъ дѣтей Алтая Евангеліе все и Апостолъ. Простите, голубчикъ, что оставляю васъ сейчасъ.—И ушелъ.

Во мглѣ густой и мрачной, опустившейся надъ долиной, гулко поплыли торжественные звуки, и особенно ярко горѣли огни свѣчей въ эту ночь, а святыя слова звучали особенно радостно въ открытыя окна маленькой церкви, поражая слухъ инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, слушавшихъ ихъ.

— Охъ, хорошо камлаютъ они своему Богу,—говорила добродушная Той-Чынг, приплывшая съ Пели.—Ихъ Богъ свѣтлый... Онъ надъ всѣми богами Богъ: и Эрликъ Его боится и Ульгәнъ. У насъ на Пелѣ многіе хотятъ креститься... ждемъ абыза, пріѣдетъ, все расскажетъ намъ, что надо. И какіе свѣтлые боги у нихъ на стѣнахъ! а у насъ—пуговики вставятъ, то глаза идоловъ. Да, что!—махнула она рукою.—Злятся, видите, кара-неме на камланье ихъ: тучи напустили, а бунтовать не смѣютъ: сегодня Кудаева ночь свѣтлая.

— Христось Эльгондон тирилип-турды элюм-биле элюмды тепседи-межекты гилерды турю этты.

— Воскресъ изъ мертвыхъ, воскресъ!—повторяли алтайцы... Чудная вѣра новая: безъ крови и мученій, безъ бѣготни кама, съ этимъ пѣніемъ, которое слушаютъ горы и огромный Алтын-ту, и Телецкое со своими глубокими безднами, и шумливый Чолушманъ.

А служба шла, благоговѣйная, торжественная, и куда-то уходила мгла, уносились тучи, дымкой свивался и уползалъ туманъ, и точно обѣщаніе буду-

шаго вставала заря, побѣдившая тьму, ослѣпительно красивая, румяная, свѣтлая заря чуднаго, весенняго, Пасхальнаго дня.

II.

Къ Пелинцамъ о. Макарій поѣхалъ на Оминой недѣлѣ, взявъ съ собою новокрещенаго мальчика.

... Былъ прелестный день, когда они поплыли, и Телецкое нѣжилось, осыпанное золотыми солнечными лучами... Алтын-Ту, какъ исполинскій сторожъ, стоялъ надъ нимъ...

Былъ прелестный весенній день, когда они поплыли, и Телецкое нѣжилось, осыпанное золотыми солнечными лучами. Чуть замѣтная рябь шла по нему, и Алтын-Ту, какъ исполинскій сторожъ, стояла надъ нимъ, выдвигаясь изъ общей массы горъ, тѣснившихся къ озеру. Уже распустившаяся береговая поросль свѣжей зеленой каймой окружала берега, и немногочисленные гребцы методично векидывали веслами, отъ которыхъ летѣли свѣтлыя брызги, радугой блестя на солнцѣ.

О. Макарій любовался на эту Божью красоту, перекидываясь словами съ гребцами, еще некрещеными алтайцами изъ находившагося вблизи монастыря айла.

— Вонъ, какая!—говорилъ одинъ изъ нихъ, молодой инородецъ, указывая на залитую солнцемъ Алтын-Ту.—Стоить себѣ и чего, чего не видала!.. Слыхалъ ты, абызъ, что про нее говорятъ?

О. Макарій всегда интересовался разсказами инородцевъ и теперь покачалъ головою, хотя смутно припоминалъ, что слышалъ нѣчто объ этой горной громадѣ.

— Давно то было,—какъ всякій сказочникъ началъ алтаецъ, медленно налегая на весла.—Шибко давно. Прошелъ по Алтаю голодъ, не было травы въ его долинахъ отъ засухи, и скотъ сталъ безъ молока, а ячмень засохъ на нивахъ, рыбы ушли въ глубину рѣкъ и Телецкаго озера, улетѣли въ глухую Тайгу гонимыя жарюю птицы, и звѣри попрятались по трущобамъ, гдѣ человѣкъ не могъ ихъ найти, чтобы истребить. Люди умирали цѣлыми айлами на Мрасѣ и Громотухѣ, на Катунѣ, Би, Чуфъ, по Лебедю. Смерть успѣвала заглядывать вездѣ: и въ ущелья, и на озера, и въ долины. Она летала по бѣлой Берели, она умывалась въ Кумирѣ, она вмѣстѣ съ струями Едыгема вылетала изъ бездны Алтын-басы и пробралась на Телецкое. Пошла работать тутъ во всю, зажимая уста младенцамъ, сдавливая холодной рукой сердца матерей и ударомъ сшибая съ ногъ сильныхъ людей. Въ то время тутъ жилъ Мабашъ... богачъ Мабашъ, имѣвшій много золота, юртъ, скотины и семью, которую любилъ, большую семью: сыновей, дочерей и внуковъ. Онъ былъ крѣпокъ, какъ кузук-агаш и силенъ, какъ аю, но и его не пощадили смерть и голодъ. Сперва погибли его табуны, потомъ смерть отняла его женъ, дѣтей, и внуковъ, и у него осталось только золото, слитое въ громадный кусокъ, который онъ положилъ въ суму, чтобы идти съ нимъ по Алтаю и купить на него хлѣба. Питаясь кореньями, обошелъ онъ съ своей дорогой ношей, изъ края

въ край обошелъ терпѣливо и ничего не нашель купить, и никто не глядѣль на его бесполезное золото. Ноги ослабѣли у Мабаша, но онъ еще нашель въ себѣ силы подняться туда, на Алтын-Ту, до самой вершины, гдѣ нашель выступъ, съ котораго видно было озеро; тамъ его тѣло ослабѣло, и онъ долго глядѣль печальными глазами на горы, на озера, на небо, думая о томъ, что его богатство, которое онъ собиралъ, ничтожно передъ богами, посылающими голодъ, и обладая имъ, онъ не свободенъ отъ власти смерти. Жизнь опротивѣла ему, онъ поднялъ высоко свою тяжелую, золотую ношу, не давшую спасенія ни ему, ни тѣмъ, кого онъ любилъ, и бросилъ ее въ волны Телецкаго озера, а потомъ, еще разъ окинувъ взглядомъ печальный, голодный Алтай, кинулся самъ съ высоты, колотясь о камни, и вмѣстѣ съ золотомъ утонулъ тутъ, подъ горою, гдѣ такъ глубоко, что самые длинные арканы, въ сотняхъ связанные, не достануть дна. Съ тѣхъ поръ озеро зовутъ Алтыннор, и я зналъ одного нашего алтайца, который все лазилъ въ воду и нырялъ, какъ рыба, ища въ глубинѣ то проклятое золото, пока курюмесь не утянулъ его на дно, гдѣ онъ и теперь лежитъ въ холодѣ около того золота Мабаша.

О. Макарій слушалъ, живо заинтересованный, красивую печальную легенду, а лодка двигалась по золотистой ряби, и Алтын-Ту отодвигалась далѣе, огромная, задумчивая и спокойная, поднимая къ небу вершину.

На Пелѣ о. Макарій остановился близъ юрты Той-Чынгъ въ своей палаткѣ, но всетаки гостемъ привѣтливой и доброй женщины, и тихими вечерами говорилъ съ нею о христіанской вѣрѣ. Когда она выслушала повѣствованіе о грѣхопадении первыхъ людей, то грустно покачала головою.

— Если-бы они не согрѣшили, то всѣ мы были бы счастливы!—раздумчиво сказала она.—Вотъ бы хорошо было, абызь, если бы опять возвратилось то, что люди потеряли изъ-за нихъ.

И задумалась въ тишинѣ вечера, слушая буль-

канье горной рѣчки по камнямъ, а о. Макарій сталъ говорить о будущей жизни и воскресеніи мертвыхъ. Ея глаза заблестѣли, и въ волненіи она воскликнула горячо и искренно.

— О, если бы поскорѣй настало это время! Какъ прекрасно не знать ни горя, ни печали, ни болѣзни, жить на землѣ, гдѣ вѣчный свѣтъ и вѣчная весна. Теперь, вотъ, такъ хорошо, когда прилетѣли птицы; вѣрно такъ будетъ и въ будущей жизни; если бы теперь Богъ Іисусъ Христосъ сошелъ на землю и воскресилъ всѣхъ, какъ бы всѣ обрадовались тому!

Видно было, что сѣмя слова Божія упало глубоко въ языческую душу, и ее манила мысль увидеть въ будущемъ мужа, котораго она глубоко любила и потеряла и о которомъ не переставала грустить.

Закатъ догоралъ и тухъ. Сверкала расплавленнымъ золотомъ полоса Телецкаго, и молодой миссіонеръ слышалъ, что Той-Чынг передавала съ удивленіемъ и радостью женщинамъ айла все слышанное ею отъ проповѣдника.

На другое утро о. Макарій проснулся рано: молодой голосъ разбудилъ его: то пѣлъ юный алтайчикъ, усѣвшійся у юрты подъ кустомъ тала, и слова его алтайской пѣсни были красивы, какъ ясное утро.

— Какъ прекрасно золотое озеро.

Съ своимъ разстилающимся бѣлымъ туманомъ!

Какъ вкусна рыба его,

Которой кормить онъ народъ свой!

Какъ прекрасны горы его,

Покрытыя сплошь чернымъ лѣсомъ!

Какъ тучны стада звѣрей его,

Коими онъ питаетъ народъ свой!—

Миссіонеръ тихо вышелъ изъ юрты. Озеро слегка рябило, и оно все казалось розовымъ, а по Алтын-Ту высоко, почти у вершины, плыла бѣлая, свившаяся изъ тумана, туча, словно опоясывая огромную гору. Айль просыпался; слышался стукъ песта: то толкли ячмень въ ступкахъ хозяйки айла; какая-то старуха

на басмакѣ терла высушенную ярицу, дѣлая изъ нея муку для лепешекъ, остальные женщины и подростки доили коровъ, а малыши собирали хворостъ, только мужчинъ не было видно. О. Макарій пошелъ по юртамъ пелинцевъ и зашелъ въ одну юрту Ямачи, богатаго человѣка, котораго недугъ уложилъ въ постель въ эти прекрасные, весенніе дни. Они разговорились; больной былъ радъ всякому, кто приходилъ

... озеро слегка рябило... а по Алтан-Ту высоко, почти у вершины плыла бѣлая, слившаяся изъ тумана, туча...

къ его постели, и, увидавъ, что гость абызъ зашелъ къ Ямачи, туда потянулось нѣсколько мужчинъ.

— Креста бояться темныя силы!—говорилъ о. Макарій.—Они бѣгутъ отъ него.

И некрещенные подтвердили, утвердительно покачивая головами.

— Истинно ты говоришь правду,—сказалъ одинъ. Мы слышали,—указалъ онъ на собравшихся,—какъ одинъ Чуйскій камъ не могъ сдѣлать вреда ново-

крещеному, какъ хотѣлось ему, при помощи бѣсовъ, до тѣхъ поръ, пока тотъ крестилъ себя, садясь ѣсть; но только онъ разъ забылся и, не перекрестясь, поѣлъ чего-то, каково зло привязалось къ нему, и онъ сколько горевалъ потомъ, что во время не перекрестился!

Хозяйка ради гостя заколола барашка и очень огорчилась, когда онъ отказался его ѣсть, объяснивъ, что не можетъ по обѣту ѣсть мяса и кишекъ съ кровью; запеченныхъ ею, но чаю выпилъ, хотя чашки были грязны и пахли дымомъ юрты, а собаки лизали ихъ.

— Ты приходи завтра,—попросилъ его Ямачи.— Приѣдетъ камъ, поговори съ нимъ, пожалуйста, абызъ, я буду ждать тебя.

И о. Макарій пообѣщалъ придти, съ грустью поглядѣвъ на это суевѣрное дитя Алтая, мятущееся вправо и влево и искавшее облегченія вездѣ.

О. Макарію захотѣлось взглянуть на кама, на эту Пифію Алтая. Въ этотъ вечеръ, закончившій собою прекрасный день, онъ мало бесѣдовалъ съ Той-Чынг, и она тоже болѣе говорила о предстоящемъ камланьи, порицая его, и только позднѣе, когда зажгли звѣзды, рассказала о прошломъ горѣ и смерти любимаго мужа и сына.

— Въ Камгѣ мы жили тогда, абызъ... это большая рѣка,—ты ее видалъ, какъ плылъ къ себѣ; на лѣвой сторонѣ она покрыта лѣсомъ, а на правой сторонѣ голая высокая Тайга. Много водилось тамъ медвѣдей, оленей, сохатыхъ лосей, мараловъ, а въ Камгѣ много, много рыбы и выдры, а также много соболей, такихъ красивыхъ соболей, съ пышными темными шкурками, покрытыми сѣдиною. Мой мужъ былъ охотникъ, какихъ мало, и цѣлыми днями былъ въ горахъ, а я занималась съ пчелами, которыхъ умѣла имать во время роевъ въ лѣсу, гдѣ ихъ было множество; и такъ мы нажили деньги, пока не пришла улюм, посланная кара-неме, и не сбросила мужа въ одинъ день съ камней, когда онъ гнался за Пуганомъ, въ глубокое ущелье, гдѣ онъ разбился о камни,

и я съ сыновьями нашла его тамъ послѣ двухъ день поисковъ. То было тяжкое время, абызь; мы бросили Камгу... и я, и дѣти уѣхали на правый берегъ, гдѣ занялись скотоводствомъ. Я не давала дѣтямъ охотиться, я дрожала надъ ними, любя ихъ всѣми силами души и не желая имъ отцовской гибели, но кара-неме злились; они завидуютъ чужому счастью.

Тутъ есть на озерѣ высокій камень, выходящій изъ воды, можно проѣхать сквозь него на лодкѣ: такой промежутокъ есть у него по срединѣ... тѣолёсы ¹⁾ называютъ его раздвоеннымъ камнемъ. Говорятъ, что въ старыя времена монгольское войско, ѣхавшее на плоту мимо этого камня, погибло въ волнахъ во время бури на озерѣ, разбившись о него, и мой старшій сынъ погибъ тамъ, абызь: его лодку разбило о камни, и тѣла его не нашли. Телецкое не любитъ отдавать то, что поглотило. Одинъ инородецъ видѣлъ съ берега, какъ бился онъ, мой мальчикъ, а я всю ту ночь стонала на берегу. Какая была буря, абызь, никогда я не видала такой: волны ходили, какъ горы, а когда онъ поплылъ изъ юрты, было тихо и тепло; буря пришла разомъ черезъ хребты горъ, пронеслась словно на крыльяхъ и ломала скалы, щепила камни, рвала береговыя деревья и погубила его, котораго я любила, какъ свое сердце, послѣ мужа. Я много камлала, абызь, чтобы умилостивить Эрлика и Кагыра, но тутъ мое сердце навсегда отворотилось отъ боговъ и камовъ. Я собрала все и прикочевала сюда. Моя душа стала искать другого, добраго Бога, и теперь меня беретъ тоска, когда я услышу о камлани. Они все врутъ, абызь, эти камы, эти проклятые обманщики, такіе же, какъ и боги ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ улюм унесла моихъ милыхъ, я ихъ ненавижу, абызь, а завтра тутъ опять начнутъ камлать надъ бѣднымъ Ямачи: его жена вѣрить богамъ, они всѣ вѣрятъ, они трепещутъ ихъ, какъ дѣти, и готовы отдать весь скотъ, чтобы умилостивить ихъ. Хорошо что ты пріѣхалъ сюда, абызь: твое дѣло прогнать

¹⁾ Мѣстное племя.

камовъ; этого, конечно, нельзя сдѣлать сразу, но потомъ... У меня сердце трепетало радостью, когда ты служилъ тамъ, въ своей юртѣ; у васъ добрый Богъ, и я полюбила Его, Его законъ—свѣтлый законъ, а наши боги плохи и негодны. Вонъ, онъ ѣдетъ, проклятый; гляди, абызь, и бубень съ нимъ и орба... видишь?

Мимо юртъ тихо трусилъ какой-то инородецъ, направляясь къ жилищу Ямачи; нельзя было рассмотреть въ сумеркахъ вечера его лица, видѣнъ былъ только большой бубень за его спиною, погремушки котораго позвякивали въ тишинѣ. Миссіонеръ видѣлъ, какъ чада и домочадцы Ямачи выбѣжали ему навстрѣчу.

Той-Чынг печально отвернулась.

— Пойдемъ въ юрту, абызь: что-то потянуло холodomъ. Теперь опять начнутъ мучить скотину; ее, вѣдь, много у Ямачи; всю ночь будутъ готовиться къ камланью. Иди, твой мальчикъ наловилъ рыбы и сварилъ ее въ своемъ котлѣ, а моя сноха сдѣлала хорошія лепешки... чистыя... ты можешь поѣсть ихъ, абызь, а то ты съ утра ничего почти не ѣлъ. Въ юртѣ нѣтъ дыма, чай кипить, и твоя постель готова у входа, чтобы тебѣ не было духоты.

Онъ пошелъ на зовъ этой алтайской Марфы, чье грустное старѣющее лицо носило печать пережитаго горя, а добрые умные глаза глядѣли ласково на Божій міръ.

Утромъ о. Макарій, придя въ юрту Ямачи, засталъ тамъ кама, приготавливавшегося къ камланью.

— Онъ одержимъ бѣсомъ, говорилъ камъ безъ церемоніи про больного.—Этотъ бѣсъ причиняетъ и болѣзнь. Темный духъ пришелъ сюда съ душой его матери.

Больной притянулъ къ себѣ о. Макарія.

— Эти камы кулугуры ¹⁾ насъ обманываютъ,—прошепталъ онъ.—Отъ этого гибнетъ у насъ народъ и скотъ; если онъ не поможетъ, то я буду лѣчиться у тебя.

---

¹⁾ Бранное слово

А камъ въ это время объявилъ, что бѣсъ требуеъ корову.

— Ты выздоровѣешь черезъ три дня, Ямачи, только отдай ее. Согласенъ?

— Выздоровлю, такъ отдамъ, а не выздоровлю, не отдамъ. Камлай,—сказалъ Ямачи холодно.

— А мнѣ, поворожи мнѣ!—просилъ кама какой-то инородецъ.—У меня козелъ пропалъ, большой, хороший козелъ. Поворожи.

О. Макарій видѣлъ, какъ печально усмѣхнулся Ямачи, услышавшій отвѣтъ кама, хитрый и уклончивый.

— Не могу хорошо узнать, но думаю, что козелъ украденъ!

Миссіонеру было тяжело тутъ, и онъ вышелъ изъ юрты и пошелъ глубже въ горы, гдѣ рокотала рѣка небольшая, но быстрая, какъ всѣ алтайскія рѣки, падавшія съ горъ. Цвѣты зацвѣтали тутъ у воды, начиналъ распускаться мараль, и небо синѣло изъ за деревьевъ. Такая тишина и миръ были въ этомъ тихомъ уголкѣ, что скорбь отлетѣла отъ души миссіонера. Горныя козочки подошли къ ручью и, не примѣтивъ его, напились воды, смотря кругомъ большими умными прекрасными глазами; землеройки и ящерики шмыгали въ травѣ, и бѣлки, перескакивая съ вѣтки на вѣтку, проносились надъ его головою. Онъ отдыхалъ тутъ отъ того гама и суеты, отъ дикихъ выкриковъ кама и звуковъ бубна; онъ долженъ былъ дать себѣ этотъ отдыхъ, а сердце всетаки ныло и болѣло за тѣ суевѣрныя души, и онъ былъ одинъ тутъ безъ помощи и поддержки, кромѣ помощи Того, Кому служилъ.

Ночью припадки больного усилились, къ утру онъ уже былъ близокъ къ смерти.

— Абызъ!—плача прибѣжалъ сынъ Ямачи.—Иди, посмотри, абама; онъ скоро помретъ... пожалѣй его...

Камъ камлалъ постоянно, было много народу, собравшагося отовсюду, дикіе звуки бубна не умолкали.

— Не нужно-ли лѣкарства?—сказалъ о. Макарій, встрѣтивъ умоляющій взглядъ Ямачи.

— А отступитъ ли отъ меня бѣсъ, если дадите его?—трепещущими руками схватилъ онъ руку мисіонера.

— И ты вѣришь, что болѣзнь отъ бѣса?—сказалъ о. Макарій.—Ложь это, не вѣрь и лучше лѣчись.

— Ой, нѣтъ, это бѣсъ,—покачалъ онъ головою.— Мы—не крещеные, насъ мучать бѣсы, а вамъ они не дѣлаютъ зла, потому что вы принадлежите Богу. Камъ не велѣлъ мнѣ принимать лѣкарство до вечера. Ой, какъ худо мнѣ, абызь... зачѣмъ онъ мучаетъ, зачѣмъ.

И онъ метался и стоналъ, родные плакали и вмѣстѣ съ больнымъ умоляли кама камлатъ.

— Нѣтъ, не могу,—отвѣчалъ онъ, представляясь удрученнымъ.—Сердце надрывается отъ печали, голова кружится.

— Покамлай, дѣдушка, покамлай,—молила юная дѣвушка, плача.—Попробуй еще, возьми бубень и камлай, хотя и надрывается отъ печали сердце твое.

А жена больного говорила:

— Скотъ ли нуженъ, корова ли нужна, бери: развѣ кто пожалѣетъ? на кого ты сердисься: на больного или на бѣса?

— Боюсь,—отвѣчалъ камъ.—Я вчера вамъ говорилъ, что бѣсу нужно принести въ жертву корову, а вы пожалѣли и отложили до зимы, вотъ теперь и мучитесь: бѣсъ гнѣвается.

— Корову сюда ведите скорѣе,—сказалъ больной.

И корова была приведена. Камъ началъ готовить ее для жертвоприношенія, а о. Макарій поднялся и пошелъ.

— Если вашъ больной,—сказалъ онъ,—одержимъ бѣсомъ, то изъ него не выйдетъ бѣсъ пока не призовете Творца неба и земли; если болѣнъ, то не выздоровѣетъ, пока не будетъ лѣчиться.

И ушелъ къ юртѣ Той-Чынг; она закидала его вопросами и съ негодованіемъ сказала:

— И другого кама позвали уже, абызь; они доведутъ его до смерти. Бѣдный Ямачи, онъ очень кроткій человѣкъ, и жаль его бѣднаго.

Грустно охвативъ колѣни, она сѣла подлѣ юрты и заговорила:

— Ранѣе по Алтаю были богатыри сильные, смѣлые, они побѣждали врага; не можетъ же теперь придти такой и прогнать всѣхъ камовъ, загнать ихъ въ даль, туда, гдѣ стоитъ она, ханъ Алтая, Катынбасы, въ тѣ страшные льды Мен-Су, откуда бѣжить ледыгемъ, и забросать ихъ этими льдами. Когда я была молода, мы были тамъ съ отцомъ, тамъ худо ой, какъ тоскливо! я когда-нибудь расскажу тебѣ, абызь, что я увидѣла на ледыгемѣ, но сегодня твое сердце болитъ, и уста хочуть молчать. Сегодня Той-Чынгъ вспомнила черныя дѣла камовъ и тоскуеть. Ты идешь къ тѣмъ, что звали тебя вчера. Иди, абызь: они будутъ креститься: они говорили со мною, что разлюбили старую вѣру и камовъ.

Слѣдующій день о. Макарій провелъ далеко, уплывъ въ маленькій аилъ. Тамъ было тихо и мирно. Старый алтаецъ, полюбившій его, готовился къ крещенію—онъ и его жена. Это были мирные люди, они любили одиночество, и душа ихъ стала воспримчивой отъ постоянного созерцанія мирной природы.

— Отецъ мой!—говорила старая женщина.— Какъ хорошо, что ты не забылъ насъ. У меня плохая память, я мало выучила молитвъ, а въ воскресенье ты обѣщаль крестить насъ.

И миссіонеръ принялся съ терпѣніемъ учить ее молитвамъ, повторяя святыя слова до тѣхъ поръ, пока она не уразумѣла ихъ хорошо.

— Хорошо у насъ, абызь,—говорилъ старикъ.— Тихо! ягоды этой—страсть; она все сушитъ, собираетъ и сушитъ... жена-то; если бы ты ночеваль тутъ, у насъ! Я поймалъ сегодня двухъ ускучей, точно зналъ, что ты пріѣдешь, такой будетъ хорошій тышь! и посолимъ: соль есть! Неужели уѣдешь? ахъ, абызь, абызь!—огорчился онъ.—Пожилъ бы: вонъ, старуха и молитвамъ научилась; дочь наша и зять тоже хотять креститься: они на Башкаусѣ живутъ... въ большой праздникъ у тебя въ монастырѣ были; „хорошо“, сказываютъ... поглянулося имъ; баламчика

внука тоже окрестятъ... славный баламчикъ вырастетъ, учить отдадутъ къ тебѣ, учить о Кудаѣ и всемъ. Дочь моя, охъ, какая была умная! все, бывало, пытается, какъ, да отчего? Нынче Чоокъ къ намъ заѣхалъ съ Пели; ты его не знаешь, али знаешь? Сердился, что креститься хотимъ; дураками ругаетъ.

— У нихъ, говорить, всего два міра... какая ихъ

...туда, гдѣ стоитъ она, хань Алтая, Катин-басы, въ тѣ страшные льды Мен-Су, откуда бѣжитъ ледыгемь...

вѣра? Міръ, который видимъ, и тотъ, куда душа идетъ; а у насъ 99 міровъ, и у каждого свое небо, своя земля, и свой адъ; въ каждомъ мірѣ свои управители, и на каждой землѣ созданы люди. Главный міръ, говоритъ, называется Курбустан-тенгере, управитель въ немъ поставленъ отъ Ульгена Мангызын-матмас-бурхан, земля въ этомъ высшемъ мірѣ называется Алтын-теленгэй, адъ—мангыс-точірі-таамы;

главный управитель его—Патпан-кара. Средній изъ 99 міровъ называется Эзре-энь-курбустан-тенгере; главнымъ управителемъ тамъ поставленъ Бильгыйн-кере-атту-Тюрун-музыкай-буркан; земля средняго міра Алтын-шарка; адъ, къ ней принадлежащій,—тюпкень-кара-таамы; управитель его—Паптан-каракчі. Нашъ міръ самый меньшей и самый низкій Кара-тенгере; главный управитель въ немъ Мадейре. Наше небо имѣетъ 33 круга или слоевъ, одинъ выше другого, нашей землѣ Кара-ѣръ принадлежащій адъ называется Тяптан-кара-тѣш; главный управитель въ немъ Керей-хан.

— И много, много говорилъ намъ со старухой о Эрликѣ... да всего не запомнишь, а я говорю: вотъ, ты сказалъ, что управитель лютый въ аду земли нашей Керей-хан; я не хочу къ нему уйти, когда меня возьметъ смерть, а Богъ христіанъ такой добрый и любитъ всѣхъ и зоветъ; у Него есть свѣтлый міръ, и Онъ гонитъ темноту отъ тѣхъ, кто надѣваетъ крестъ и зоветъ Его.

А старуха засмѣялась и сказала: „какой же низкій нашъ міръ и гдѣ Кара-тенгере? Смотри, какое оно свѣтлое и высокое, а наши горы такъ хороши! Нѣтъ, Чоок, нашъ міръ прекрасенъ, и сдѣлалъ его такимъ Богъ русскихъ, Кудай великій, Которому мы вѣримъ, потому что Онъ добрый и любитъ всѣхъ“.

— Онъ не сталъ спорить и только покачалъ головою; я думаю, что и самъ онъ плохо вѣритъ старымъ богамъ, потому что это умный человѣкъ, его знаютъ вездѣ по Телецкому озеру. Но вотъ рыба поспѣла, абызь; садись съ своимъ мальчикомъ и ѣшь; гляди, какъ тихо сегодня озеро! Вотъ, ягода сухая, чай... смотри, какая жирная рыба... а луку хочешь?

Старуха долго мыла чашки сегодня, и твой мальчикъ помогалъ ей: я бы закололъ барашка: есть, вѣдь, у меня, но ты не ѣшь мяса. Неужели ты такъ никогда и не будешь ѣсть его? вѣдь, ты такой молодой; у тебя на лбу нѣтъ морщинъ, и глаза ясны, какъ мѣсяцъ. Почему у тебя нѣтъ ни жены, ни дѣтей? Я видалъ абызовъ въ Бійскѣ: у нихъ были дѣти и

жены... развѣ ты оставилъ свою тамъ далеко и не привезь сюда ее къ намъ?

— У меня нѣтъ жены,—улыбнулся о. Макарій, сердце котораго отдохнуло тутъ, у этихъ мирныхъ тихихъ людей.—Нѣтъ и не будетъ. Видишь ли: жена заставитъ заботиться о деньгахъ, какъ бы достать ихъ для нея и семьи, а я хочу любить только Кудая безъ заботы о хлѣбѣ; одному немного надо, и время, которое я бы потратилъ на заботы жизни, я отдамъ Ему, Котораго люблю.

— Это хорошо, абызъ; но потомъ твое сердце будетъ тосковать, когда ты станешь старъ, и у тебя побѣлѣютъ волосы... дѣти не придутъ къ тебѣ съ ласкою и не утѣшатъ въ печали; ты будешь одинокъ.

— Нѣтъ,—сказалъ о. Макарій горячо и живо.— Нѣтъ, у меня тогда будетъ много дѣтей: твои дѣти, внуки, правнуки, всѣ, кого я училъ: для кого трудился; и ты, и твоя жена, всѣ вы мои дѣти, которыхъ мнѣ далъ Христосъ, и когда смерть придетъ ко мнѣ, за меня станутъ молиться въ Алтаѣ, потому что я любилъ ихъ, всѣхъ васъ всѣмъ моимъ сердцемъ и помыслами такъ же, какъ ты любишь свою дочь. Я хочу положить душу мою за васъ... видишь, и теперь уже у меня есть дѣти... и сколько будетъ ихъ потомъ! вѣдь, я ищу ихъ, зову и въ долину Чолушмана и на Башкаусѣ, и тутъ, искалъ въ Чемалѣ, буду искать и учить всю жизнь, какую дастъ мнѣ Отецъ Небесный. Ты понялъ меня, мой сынъ?

И старикъ взялъ его руку и поцѣловалъ съ глубокою любовью: онъ понялъ абыза Макарія, и теплое чувство признательности поднялось изъ глубины его сердца. Съ печалью онъ и его старая жена проводили гостя подъ вечеръ до лодки и долго глядѣли ему вслѣдъ, а онъ любовался на тихое сегодня озеро и на отраженные въ немъ лучи солнца, закатившагося въ большую тучу съ золотымъ слѣдомъ по краямъ.

— Завтра будетъ дождь,—сказалъ алтайскій мальчикъ, его спутникъ.—Поди, тамъ на Пелѣ все камлаютъ. Ты пойдешь къ Ямачи, о. Макарій?

— Да, пойду сейчас же, мы даже не зайдемъ въ юрту Той-Чынг; можетъ быть, онъ приметъ лѣкарство теперь.

И, доплывъ до мѣста, пошелъ къ больному. Ямачи страдали сильно: тяжелое дыханіе со свистомъ вырывалось изъ измученной груди, его рвало желчью съ кровью, а нѣсколько человекъ попеременно нажимали ему животъ, твердый, какъ камень, чтобы облегчить страданія, причиняемая ему пученьемъ его. Два кама то камлали, то ворожили на лопаткѣ убитаго животнаго, объясняя символическое значеніе трещинъ, образующихся при обжиганіи ея. Пришелъ и Чоок ¹⁾, о которомъ говорили о. Макарію старики. Это былъ невысокій человекъ обыкновеннаго алтайскаго типа, но глаза его были умны и проницательны, а рѣчь текла гладко и ясно. Онъ былъ очень богатъ и гордъ и вѣрилъ въ знаніе своего дѣла. Осмотрѣвъ больного, Чоокъ сказалъ:

— Сынъ мой, сынъ мой, что съ тобою, или тягѣть на тебѣ рука великаго Бога, или бѣсъ еще не доволенъ душою твоего отца и матери? Калакъ! Калакъ!

Въ руки свои онъ взялъ лучекъ съ тетивою и сказалъ:—Ямачи, плюнь на конецъ лучка трижды.

Потомъ онъ сталъ камлатъ съ закрытыми глазами, голосомъ, похожимъ на тихое мычанье, которое онъ продолжалъ нѣсколько секундъ, не переводя духъ. Отдышку онъ дѣлалъ также неестественно—голосомъ похожимъ на храпъ лошади; послѣ короткаго молчанія, прерываемаго произношеніемъ невнятныхъ словъ, похожихъ на разговоръ съ кѣмъ-то, Чоокъ присвистывалъ, постепенно повышая свой голосъ, и пришелъ въ изступленіе: казалось, онъ не видитъ и не слышитъ ничего, что происходило около него. Трудно было разобрать слова, имъ произносимыя, можно было только понять и запомнить поимен-

---

¹⁾ Этотъ камъ потомъ сталъ христіаниномъ Павломъ и встрѣчалъ о. Макарія на берегу Телецкаго въ его прѣздъ туда, стоя въ главѣ новокрещенныхъ Пелинцевъ.

ное призваніе бѣсовъ и душъ умершихъ съ воззваніями, вродѣ слѣдующихъ:

— Въ чемъ вы судите Ямачи? за что гнѣваетесь на него? Помилуйте его!

Цѣлый часъ камлалъ Чоок и потомъ громко разсказалъ, что ему сейчасъ было открыто:

— Охъ, я видѣлъ мать больного: она сидѣла нагая. Я просилъ, умолялъ духовъ о милости къ ней и ея сыну, но ничего не могъ сдѣлать: всѣ они отказались отъ помощи, и рука великаго Бога тяготѣетъ надъ этимъ человѣкомъ. Я спрашиваю духовъ, за что они гнѣваются на него, и что имъ, духамъ, нужно для умилостивленія? но ничего не могъ добиться... и такъ, отказываюсь, пусть камлаетъ, кто хочетъ.

О. Макарій поднялся: душа его кипѣла, и онъ не могъ сдержать себя.

— Кромѣ Бога, Который Одинъ только можетъ мертвить и живить, никто не поможетъ больного исцѣлить. Обратитесь тѣ, кто его любитъ—жена и дѣти—съ вѣрой и молитвою къ Господу Богу Іисусу Христу.

Но семейные отстранились отъ него боязливо: старая вѣра была близка имъ. Какъ обойтись безъ камланья? камы—старики, они знаютъ, чему учить, а абызь такъ молодъ! Страшно испытать его силу, а вдругъ не поможетъ? И обошли молчаніемъ горячій призывъ, окруживъ ложе больного.

О. Макарій пошелъ къ озеру, тучи заполняли небо, поглощая звѣзды. Потянуло вѣтеркомъ, и озеро плескало о береговые камни. На сердце о. Макарія опять легла тяжесть, ушелъ миръ, который тамъ, въ юртѣ стариковъ, сошелъ въ его душу, и онъ задумался, слушая далекіе громовые раскаты, гудѣвшіе за сотни верстъ. Гроза шла съ низу, не было видно, за далью, зигзаговъ молній, небо сразу точно вспыхивало и гасло.

Какой-то старикъ приблизился къ нему и сѣлъ съ своей трубкой, попыхивая ею во мглѣ, охватившей землю.

— Абызь!—спросилъ онъ пытливо.—Кто же Ульгень? Я слышалъ разъ, какъ ты говорилъ о тво-

реніи міра и Богѣ, и первыхъ людяхъ... вѣдь, у насъ есть похожее, въ нашей старинѣ. Былъ человѣкъ Таргын-Нама, у котораго Ульгенъ взялъ изъ обоихъ боковъ его по двѣ реберныхъ косточки, сдѣлалъ изъ нихъ живую жену и назвалъ ее Мунтю-Шайді и отдалъ Таргын-Намѣ. Вѣдь, походить, абызь? у васъ такъ же Богъ сотворилъ человѣка!.. Не Богъ ли онъ—Ульгенъ Корбустан-хан?

— Люди,—сказалъ о. Макарій,—всѣ въ душѣ понимаютъ, что есть Богъ, и поклоняются Ему, но они Великаго Кудая, сотворившаго небо и землю, безначальнаго и безконечнаго не могли понять такъ, какъ должно, назвали Его Ульгеномъ и по своему стали рассказывать о мірозданіи, смутно слышавъ о немъ отъ предковъ. Нѣтъ, хотя они и хотятъ сдѣлать Ульгена свѣтлымъ и похожимъ на Создателя, для христіанина онъ—выдумка. Развѣ можетъ добро дружитья со зломъ? У васъ Ульгенъ помогаетъ Эрлику, Ульгенъ принимаетъ жертвы; говорю, нѣтъ сомнѣнія, что отцы отцовъ вашихъ слышали о твореніи міра и Богѣ, все слышанное они передѣляли по своему, а такъ какъ душа ищетъ свѣтлаго, то они выдумали Ульгена, не понявъ Создателя и по своему нарисовавъ себѣ Его.

— Это ты?—назвалъ онъ послушника.—Слушать захотѣлъ? Садись тутъ.

— Правда, и у насъ дьяволъ былъ любимцемъ Божиимъ, а потомъ палъ, гордостью загубленный; это все показываетъ на то, что я уже сказалъ: отцы отцовъ вашихъ слышали Ветхій завѣтъ и по своему поняли его. Но развѣ нашъ Творецъ Господь входитъ въ сношенія съ дьяволомъ? а у васъ Эрликъ передаетъ Ульгэню судъ... развѣ можетъ Господь Богъ подчиняться своему созданію? Вы говорите: „Эрликъ-біле Ульгэнъ яныс эжікту“,—Эрликъ съ Ульгеномъ имѣютъ одни двери,—и, что Ульгэнъ всегда обращается къ Эрлику съ жалобой на тѣхъ, кто не даетъ ему жертвы, прося его наказать, и, если человѣкъ не исправится, еще наказать его просить, если же жертву Ульгэню принесетъ, то долженъ за хло-

поты принести ихъ Эрлику. Добро и зло, по вашему, идутъ дружно, а у насъ демоны трепещутъ Бога и Христа, нѣтъ ничего общаго между выдуманнѣмъ вами Ульгѣнемъ и Господомъ Богомъ, Творцомъ міра. Нашему Господу не нужно жертвъ: Онъ Самъ Себя принесъ въ жертву за міръ, за людей, Онъ такой добрый и такъ любитъ насъ. Буди благословенно Его Имя!

— Ты не спишь?—спросилъ онъ мальчика.—Ты думаешь, дитя? Благія думы хороши. Гроза пройдетъ стороною, однако,—вглядѣлся онъ на быстро озарившееся и тухнувшее небо,—не стало слышно раскатовъ, это такъ далеко, далеко, можетъ быть, за предѣлами Алтая.

— Ты здѣшній, дѣдушка?

— Нѣтъ, я съ Чолушмана,—назвалъ тотъ рѣчку, на которой жилъ.—Моя дочь тутъ замужемъ, и я пріѣхалъ къ ней: она теперь у Ямачи; они дружны съ его женою. Почему ты не полѣчишь его, абызь?

— Потому, что онъ не хочетъ этого и родные. Да теперь уже поздно будетъ лѣченіе; только Господь могъ бы спасти его, но его сердце неустойчиво и не сможетъ повѣрить въ Божію помощь. Онъ погибаетъ, и мнѣ тяжела эта гибель, онъ—хорошій человѣкъ.

— Да, онъ хорошій—сказалъ старикъ.—Помню, меня спасъ разъ: буря была на озерѣ, охъ, какая буря! Мы кочевали не тутъ, гдѣ теперь живемъ, и онъ жилъ въ нашемъ аилѣ, я шибко любилъ ловить рыбу, любить это и онъ. Помню тотъ день, я все рыбачилъ и не замѣтилъ, какъ озеро точно сдурѣло, мою лодку понесло и прибило къ скаламъ,—знаешь купоросныя скалы? проплывалъ ли ты мимо когда? Озеро подъ ними черно, какъ чернила, и глубоко. Лодку мою разбило о нихъ, и я повисъ на кустахъ, потомъ... закарабкался на камни, нависшіе надъ озеромъ... а волны бились о нихъ и обливали меня. Знаешь, какъ холодна вода въ Телецкомъ? мои пальцы коченѣли, и я думалъ, вотъ-вотъ меня смоетъ и унесетъ въ глубину. Но тутъ ак-неме принесли Ямачи; онъ рыбачилъ не одинъ: въ его большой лодкѣ

было четыре гребца, но опасно было подплывать къ скаламъ купоросной горы, однако онъ не бросилъ меня.

— „Собери свои силы, Мамыкъ!“—кричить.— „Собери силы: мы попробуемъ подплыть“.

— И какъ не разбило ихъ, абызъ? подплыли, я камнемъ упалъ къ нимъ и умъ потерялъ, ровно умеръ. Какъ они греблися, бѣдные! руки ихъ всѣ были въ крови, но они спасли меня, и я бы хотѣлъ, чтобы Ямачи не унесла смерть.

— И я бы хотѣлъ этого,—горячо сказалъ о. Макарій.—Но мы безсильны съ тобою, дѣдушка: онъ не хочетъ призвать Бога.

На утро сестра больного пришла къ о. Макарію и, сѣвъ въ юртѣ Той-Чынг, грустно сказала:

— Мы камлаемъ сегодня въ послѣдній разъ и приносимъ въ жертву лошадь, если и это не поможетъ, то попросимъ тебя полѣчить его. Если Великій Богъ поможетъ, тогда братъ мой со всѣмъ семействомъ крестится.

— Не знаю, умиосердится ли тогда Господь Богъ надъ больнымъ!—твердо сказалъ о. Макарій.—Если-бы вы сначала призвали Его, когда я убѣждалъ васъ перестать камлатъ, потому что камъ не можетъ исцѣлить больного,—тогда бы, можетъ быть, Господь помогъ ему, и я бы полѣчилъ, но теперь вы презираете помощь Божью, зато и Господь откинетъ васъ, когда вы будете призывать Его,—хотя, конечно, я не откажусь полѣчить больного.

— Только не теперь,—испуганно сказала она,— а завтра: сегодня мы еще покамлаемъ.

И ушла, провожаемая ворчаньемъ Той-Чынг.

— Зачѣмъ приходила? и туда и сюда надо! Ахъ, абызъ, наши души темны, какъ вчерашнія тучи на небѣ или ночная мгла.

— Но тучи ушли: смотри! и небо чисто. Мое сердце думаетъ, что люди перестанутъ камлатъ, и всѣ повѣрятъ Свѣтлому Богу,—отвѣтилъ ей о. Макарій.

Вечеромъ камъ Чоок и родственники больного пришли къ о. Макарію.

— Иди, полѣчи, — кланялись они, — онъ умираетъ.

— Ты говоришь, что мы напрасно камлаемъ, — сказалъ Чоок, — что твой Богъ всеиленъ... поди же, призови своего Бога и полѣчи больного, если онъ выздоровѣетъ, то крестится со всѣмъ семействомъ, и

... знаешь купоросныя скалы? проплывалъ ли ты мимо когда? Озеро подъ ними черно, какъ чернила, и глубоко...

мы тогда увѣруемъ, что вылѣчили больного, котораго не могли исцѣлить пять камовъ.

— Когда я призывалъ васъ обратиться съ молитвою къ Истинному Богу и перестать камлатъ, — съ горечью сказалъ о. Макарій, — вы не послушались и отверглись Господа Бога. Сколько жертвъ принесли вы бѣсу! сколько умоляли его! Вы думали сперва попросить бѣсовъ, а если, дескать, они не помогутъ, тогда, пожалуй, призовемъ и Бога, посмотримъ, мо-

жетъ ли Онъ спасти? Вы испытывать хотите Бога, а не молить Его... не Богъ вамъ нуженъ, а больного жаль, а больной также не Бога ищетъ, а только здороваго себѣ. Богъ помогаетъ не тѣмъ, кто испытываетъ Его, а кто съ вѣрою молить Его. Идите, я не пойду теперь лѣчить, вы даете мнѣ лѣчить мертвеца, отказывая, когда я самъ предлагалъ ему лѣкарство.

Чоок смутился, услышавъ эту горячую рѣчь, онъ сразу бросилъ горделивый тонъ и заговорилъ мягко, стараясь увѣрить, что они пришли не испытывать Бога, а просить Его помощи, и настаивалъ, чтобы о. Макарій пошелъ къ больному.

— Помолитесь Богу и полѣчить больного я готовъ,—сказалъ о. Макарій, смотря на слезы родныхъ.— Но умиласердитесь ли надъ нимъ Господь, Котораго онъ прежде презиралъ, и подѣйствуетъ ли лѣкарство, не знаю!

— Абызъ!—горячо воскликнулъ Чоок.— Умреть, ты не будешь виноватъ, а выздоровѣть,—слава Богу. Иди только, полѣчи его."

Больной тихо метался въ прежнемъ положеніи; народу въ юртѣ было очень много, и, трижды оградивъ его крестнымъ знаменіемъ, миссіонеръ далъ ему лѣкарства. Ямачи въ первый разъ въ жизни перекрестился и за миссіонеромъ призвалъ въ помощь Создавшаго небо, землю и Алтай Господа Іисуса Христа. Въ юртѣ было тихо, и о. Макарій сталъ говорить о Творцѣ и Спасителѣ рода человѣческаго понятно, ясно, проникновенный любовью, съ горячимъ желаніемъ, чтобы эти слабыя души восприняли каждое слово, и оно не осталось посѣяннымъ на камнѣ. Больной затихъ, слушая, и задремалъ. Родные больного и камы стали просить о. Макарія.

— Останься тутъ, абызъ, въ юртѣ на ночь; онъ теперь твой; ухаживай за нимъ, какъ знаешь.

И убѣдили безъ труда остаться.

Къ утру больному стало немного лучше: онъ сѣлъ самъ, а животъ его нѣсколько ослабѣлъ, но рвота продолжалась, и у державшаго его голову во

время приступовъ рвоты миссіонера кружилась голова отъ зловонія, выходившаго изъ его рта.

Утромъ измученный безсонной ночью о. Макарій вышелъ для краткаго отдыха. Той-Чынг, ходившая къ Ямачи, пришла радостная.

— Ему лучше, абызъ... лучше, слава Богу. Богъ даетъ помощь,—сказала она уже вставшему послѣ короткаго отдыха и сна о. Макарію,—ему полегчало.

Нѣсколько разъ въ день о. Макарій приходилъ къ больному, хотя у него было печально на душѣ; онъ не вѣрилъ въ выздоровленіе Ямачи, видя его промедленіе; ему было тяжело нежеланіе больного тотчасъ же креститься и эта неполная вѣра.

— Вотъ, если ты поможешь, такъ и я окрещусь.

Въ душѣ молодого миссіонера было иное чувство къ Богу, а семейные успокоились: по ихнему больному было легче. Передъ принятіемъ лѣкарства, онъ призывалъ Господа Іисуса Христа и ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ. О. Макарій опять остался съ больнымъ, который не спалъ уже пять ночей; рвота унялась, но онъ сильно ослабѣлъ. Семейные спали, и тяжелый сонъ охватилъ о. Макарія. Передъ свѣтомъ родные больного разбудили его, на лицахъ у нихъ былъ испугъ, а больной метался и бредилъ.

— Онъ умретъ,—сказалъ. о. Макарій.—Богъ показалъ вамъ, что ему могло быть лучше, если бы онъ крестился тотчасъ же, но вы всѣ испытывали Его и думали, что вашу неполную вѣру приметъ Богъ; вѣдь, я говорилъ объ этомъ и вамъ, и Чооку.

На лицахъ родныхъ выразилось отчаяніе.

— Мы призовемъ кама... нѣтъ помощи больному, онъ умираетъ,—сказали они.

— Если Богъ не помилуетъ его, то будете или не будете камлатъ, онъ умретъ,—строго сказалъ миссіонеръ.—Если же захочетъ помиловать, то и теперь силенъ помочь Ямачи; спросите у больного, какъ скажетъ онъ, такъ и сдѣлайте.

Но больной началъ уже терять сознаніе.

— Богъ мой, Іисусъ Христосъ,—воскликнулъ онъ

сперва, но тутъ же прибавилъ.—Позовите кама; бѣсъ туда взялъ мою душу.

И пока явился камъ и приготавливалъ жертвенную брагу для приношенія, бѣдный, суевѣрный Ямачи умеръ на рукахъ родныхъ.

Ужасъ и отчаяніе овладѣли ими, раздирающей душу вопль: „калак! калак!“ потрясъ воздухъ; вой собакъ вторилъ ему, эхо разносило эти клики. Кто хлопалъ въ ладони, кто рвалъ на себѣ волосы, кто царапалъ лицо; юрта превратилась въ адъ, и съ тягостнымъ чувствомъ унынія о. Макарій возвратился въ свою юрту. Той-Чынг тоже пришла изъ юрты Ямачи; она увидала его огорченное лицо и поняла, какъ тяжела эта смерть любящей душѣ миссіонера. Ея старое, умное лицо было ясно, и слова зазвучали ласково и твердо:

— Что ты горюешь, абызь? ты приложилъ все стараніе поднять его, но если они не хотѣли слушать одного Бога и метались туда и сюда, развѣ виновенъ ты въ этомъ? Сейчасъ жена Ямачи кричитъ: „надо было его крестить, Богъ русскій спасъ бы его!“ и ругаетъ камовъ. Они теперь поняли, что напрасно не вѣрили тебѣ и камлали, а Чоок пуще всѣхъ печаленъ. Я боюсь такой смерти, абызь; какъ только поѣдешь домой, я поплыву съ вами, и ты окрестишь меня, я хочу крещенія и постараюсь жить такъ, какъ надо... Я знала давно, что окрещусь,—помнишь, я говорила тебѣ, что расскажу о Іедыгемѣ и жизни моей тамъ? Тогда здѣсь и тамъ ничего не слышали о Христѣ, а я увидала свое крещеніе въ быстрой водѣ Іедыгема. Абызь, я слыхала, что у русскихъ есть ученые, шибко ученые люди: у насъ тоже есть такіе, и одинъ изъ нихъ жилъ у Іедыгема; такого Тельгочи я имѣла въ родствѣ. Это былъ мудрый старикъ, такой мудрый, что всѣ, кто жили у Катымъ-басы по бѣлой Берели и вершинахъ Катуні у быстрого Кумира и далѣе, приходили къ нему ворожить. Онъ всѣмъ рассказывалъ будущее... можетъ быть, ему помогали темные духи... кто знаетъ. Но онъ былъ мудръ и не золь: онъ не приносилъ жертвы, не мучилъ жи-

вотныхъ и не камлалъ, но на струяхъ воды точно горы, которыя наметались на небѣ, человѣкъ, просившій его, видѣлъ будущее ясно; я любила его; наши камы плуты... я знаю, слыхала отъ одного стараго правдиваго человѣка, какъ они зорятъ даже богатыхъ; старикъ рассказывалъ про свою жену, которую любилъ. Она хворала у него долго, и они съѣли 60 лошадей, однихъ только лошадей, абызь, за ея болѣзнь! мелкаго скота онъ не считалъ; старикъ этотъ разорился изъ-за камовъ, а его любимая жена всетаки умерла. Тогда онъ спросилъ самаго яраго кама:

— „Зачѣмъ ты обманывалъ меня, говорилъ, что Эрликъ просить жертвы, и твоя жена будетъ здорова? Ты меня обманулъ: я давалъ жертвы, не жалѣя. а моя жена всетаки умерла, ты—обманщикъ!“

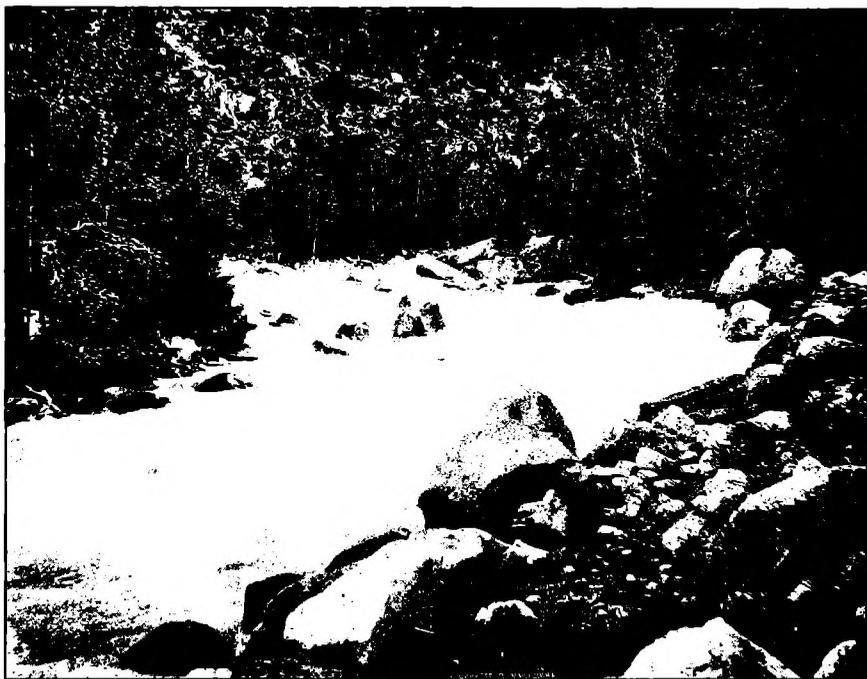
— „Я развѣ Богъ?“—отвѣтилъ ему тотъ.—„Развѣ я могъ воскресить твою жену? Я старался... въ то время, какъ я приходилъ къ Эрлику съ жертвою, онъ куда-то уходилъ, а одинъ бѣсъ задавилъ твою жену“.

— О, абызь, они страшные лжецы, эти камы, а тотъ гадатель не былъ лживъ, и я разъ попросила его показать мнѣ мою судьбу въ волнахъ Іедыгема.

— Ты не видалъ Іедыгема, абызь: ты еще молодъ, а Алтай великъ; когда-нибудь ты увидишь этотъ смѣлый бурный потокъ! То мѣсто, гдѣ жилъ мой родственникъ, было въ густомъ лѣсу и среди каменистыхъ береговъ съ навороченными отдѣльными камнями, Іедыгемъ летѣлъ, какъ безумный, превращая въ пѣну волны; но межъ камней были заводи. гдѣ волны крутили, какъ волчокъ; въ такой-то заводи я увидала высокія горы, увидала твой домъ и твое лицо, и крестъ въ твоихъ рукахъ, сіявшій и сверкавшій такъ, что Тельгочі убѣжалъ отъ моего видѣнія.

— Видно, всетаки,—съ грустью добавила она,— онъ служилъ темнымъ силамъ, иначе для чего ему было убѣгать отъ меня? Съ этихъ поръ, абызь, онъ не сталъ говорить со мной и любить меня. Это было давно; въ то время было мнѣ немного лѣтъ, я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой и никто еще не думалъ платить за меня калыма, но я хорошо помню то ви-

дѣніе; я никогда не любила камовъ, и когда по Алтайю прошла вѣсть, что пришли на Майму такіе люди, которые говорятъ о новомъ Богѣ, я сразу стала любить этого Бога, и, если бы не медлила такъ же, какъ Ямачи, Богъ оставилъ бы мнѣ и мужа и сына, о которыхъ теперь плачутъ мои глаза. Сейчасъ же я не хочу больше откладывать, я крещусь и приму тѣ

... Ты не видаль ледыгема, абызь: ты еще молодъ, а Алтай великъ; когда-нибудь ты увидишь этотъ смѣлый бурный потокъ!..

тайны, которыя принимаешь ты и тѣ, что крестились, абызь, и всѣмъ буду говорить, что камы обманщики, что камы разоряютъ Алтай хуже мора.

Слова умной и правдивой Той-Чынг принесли отраду въ наболѣвшее сердце молодого проповѣдника, видѣвшаго ея искренность, и какъ ободряющее утѣшеніе онъ принялъ слова этой старѣющей женщины, такъ много испытавшей въ жизни.

Въ эту ночь онъ спалъ крѣпко: мысль о душѣ Ямачи отошла отъ него, а Той-Чынг уговаривала сына, сноху и дочь креститься вмѣстѣ съ нею, и тѣ согласились легко, видя, что камы безсильны и ничтожны.

III.

Водопады пѣли, срываясь съ утесовъ, и Аччилманъ казался пѣной, повисшей на нихъ, только брызги прилетали съ него въ лицо о. Макарія. Ему было хорошо тутъ на высотѣ, на камняхъ, въ тѣснинѣ, гдѣ замирали голоса людей, звѣрей и птицъ, и только вода властно рокотала, омывая скалы. Въ рѣдкія свободныя минуты такъ хорошо было отдыхать тутъ, и мысли утихали и думы, точно эта сремительно мчавшаяся вода въ глубинѣ ущелья поглощала ихъ. Сегодня онъ ѣздилъ далеко исповѣдывать и оглашалъ язычницу Тыдыш, больную, много лѣтъ жаждавшую крещенія женщину, потомъ сидѣлъ надъ переводомъ и говорилъ съ крещеной пелинкой Той-Чынг, пріѣзжавшей къ своимъ роднымъ на Карагудюр; теперь же, сцѣпивъ на колѣняхъ руки, онъ глядѣлъ, любясь, на эти рѣки, брошенныя въ вершины горъ рукою Творца; его душа полюбила долину Чолушмана.

Чья-то рука легла на его плечо, заставивъ оторваться отъ созерцанія. Быстро обернувшись, онъ увидѣлъ знакомое лицо съ умными глазами и изумился, узнавъ Чоока, кама съ Пели.

— Нашелъ тебя, отецъ,—въ самое ухо сказалъ ему тотъ.—Такъ хотѣлъ увидѣть! спасибо твоимъ, тамъ внизу сказали, что ты ушелъ сюда.

— Пойдемъ!—поднялся о. Макарій.—Тутъ ничего не услышать, если тебѣ хочется бесѣдовать со мной; тутъ только можно глядѣть.

И еще разъ окинувъ взоромъ пѣнящуюся воду, всталъ, чтобы идти за Чоокомъ.

Отойдя настолько, чтобы шумъ воды не мѣшалъ говорить, онъ сѣлъ на камень и посадилъ кама около себя.

— Я тебѣ помѣшалъ?—спросилъ тотъ.

— Ты пришелъ за дѣломъ и это дороже созерцанія!—ласково сказалъ монахъ.—Чѣмъ полно твое сердце, Чоок?

— Оно полно смущенія и тревоги, отецъ, оно не хочетъ вѣрить тому, во что вѣрило, и обманывать другихъ.

— Ты уменъ,—пристально взглянулъ ему въ глаза о. Макарій.—Насъ слышитъ только Богъ. Неужели ты вѣришь тѣмъ, кому камлалъ? твое сердце не могло чтить этихъ боговъ!

— Мое сердце?—сказалъ Чоок раздумчиво,—какъ тебѣ сказать, абызъ: имъ вѣрили отцы моихъ отцовъ и камлали, я совершалъ то же, что и мои предки. Мысли не шли въ голову, что ихъ нѣтъ, я не хочу лгать, о богахъ я думалъ меньше, чѣмъ о томъ, сколько заработаю отъ камланья; я не считалъ этого худымъ, у каждаго есть свое дѣло, а мы, камы, служба бѣсамъ, тоже не мало терпимъ, абызъ. Ты видѣлъ, вѣдь, камланье наше? у меня часто болѣлъ ротъ отъ мучительной позѣвоты, а какъ мы кричимъ, впадая въ бѣшенство, ты видалъ и бѣготню нашу, отъ которой потомъ болитъ тѣло, а со мною въ молодости, послѣ камланья, дѣлалась падучая болѣзнь. Ты скажешь, что мы сами виновны? это правда, но мы темные люди тутъ, въ этихъ горахъ, и насъ некому было научить. Услыхавъ твои слова тамъ, у Ямачи, я много думалъ всѣ дни и недѣли, я видѣлъ, что къ новой вѣрѣ тянутся люди, уходя отъ боговъ, и меня потянуло за ними. Ты не прогонишь меня, абызъ?

— Къ Господу приходили всѣ, и Онъ никого не гналъ,—сказалъ о. Макарій просто,—развѣ я могу погнать тебя, Его смиренный ученикъ? Ты хорошо едѣлалъ, что пришелъ ко мнѣ, Чоок: грусть о Ямачи, о его погибшей доброй душѣ и сейчасъ гнететъ мною душу. Ты хорошо знаешь ваши сказанія о старомъ, Чоок, я тоже узналъ ихъ. Въ долю правды вы вплели цѣлыя легенды и суевѣрія... хочешь слушать, какъ все было въ дѣйствительности?

И до глубокой ночи бесѣдовали они, камъ и рус-

скій іеромонахъ, представители языческаго и православнаго міра; одинъ—убѣленный сѣдинами, слѣдами прожитыхъ лѣтъ, другой—совсѣмъ еще молодой, почти юноша. Первый съ охладѣвшей и извѣрившейся душой, второй—съ сердцемъ, полнымъ горячей вѣры; и Чооку, служившему всю жизнь бѣсамъ и кумирамъ, онъ казался свѣтлымъ духомъ, этотъ ясный человекъ, чья проникновенная рѣчь трогала душу и звучала правдой и силой.

* *
*

— О. Макарій!

Два юныхъ послушника давно искали его: въ ихъ молодыя головы пришла мысль, не причинилъ ли зло могущественный камъ ихъ кроткому начальнику?!

— Я тутъ... идемъ мы, приготовьте чаю, дѣти; Чоок—мой гость... а хочу угостить его,—сказалъ имъ о. Макарій.

И, продолжая говорить тихо, пошелъ къ монастырю рядомъ съ Чоокомъ.

Водопады гудѣли со всѣхъ сторонъ, точно разговаривали горы своимъ особымъ языкомъ, эти огромныя горы, такія задумчивыя и чистыя. Вышла луна и освѣтила волны Чолушмана; ночь была особенно хороша, и тихій миръ охватилъ душу Чоока.

— У тебя такъ хорошо, абызъ! кара-неме покинули твою долину. Я боюсь ихъ нападенія съ тѣхъ поръ, какъ мною овладѣла мысль креститься; я боюсь, что они прочитаютъ эти мысли на моемъ лицѣ.

— Мысли читаетъ только Богъ, Чоок; ты напрасно боишься; клади на себя крестъ: онъ защититъ тебя отъ нападенія темныхъ силъ.

— Иногда я вижу ихъ,—понизивъ голосъ, сказалъ Чоок,—въ шелестѣ листьевъ, въ волнахъ; когда онѣ плещутся о берегъ, мнѣ чудятся ихъ голоса. На Берели одного кама задавили бѣсы, когда онъ задумалъ креститься.

— Не вѣрь,—сказалъ миссіонеръ спокойно.— Зови Христа; это искушеніе, это они соблазняютъ

тебя и шепчуть тебѣ такія мысли. Я дамъ тебѣ крестъ, нашъ талисманъ, нашу защиту, и ты повѣсишь его къ себѣ на шею. Ты не будешь камлать теперь болѣе, Чоокъ?

— Да, абызъ,—какъ клятвенное обѣщаніе сказалъ алтаецъ.—Ты говоришь, душа уйдетъ туда, въ высоту, когда мы умремъ? Какъ чисто и красиво небо, а душа бѣднаго Ямачи не увидитъ его!

Тихая грусть прозвучала въ голосѣ стараго кама и невольно сообщила миссіонеру. Они замолкли и шли на огонекъ, горѣвшій въ окнѣ кельи о. Макарія, а водопады такъ же неумолчно пѣли, и звѣзды мерцали большія и чистыя на небесахъ, зажженныя рукою Создателя міра.

Вѣсть о томъ, что послѣ крещенія выздоровѣла отъ многолѣтняго недуга язычница Тыдыш быстро пронеслась по Алтаю, поражая невольно слухъ тѣхъ, до кого доходила. Тыдыш знали, знали, сколько камовъ лечило ее безъ пользы, знали, что смерть уже почти владѣла ею, и вотъ, все прошло, только надѣли ей на шею крестъ, и она вошла въ воду крещенія. Много говорили и о крещеніи Чоока, названнаго Павломъ. Имя о. Макарія телеосы стали поминать съ уваженіемъ и любовью; въ рѣдкіе отъѣзды его въ Улалу алтайцы точно теряли что, и имъ казалось, что монастырь пустѣлъ. Въ этотъ годъ было прекрасное лѣто, теплое, ясное, но смерть и среди тепла умѣла нагонять печали, она откуда-то привела на Телецкое оспу, и эта оспа пошла по айламъ, принося печаль и скорбь.

О. Макарію не давали покоя: онъ то исповѣдывалъ, то лѣчилъ, но лѣченію оспа, конечно, не поддавалась.

Не надо сообщаться,—говорилъ онъ.—Пожалуйста, будьте осторожны, не ѣздите туда, гдѣ, слышно, есть больные.

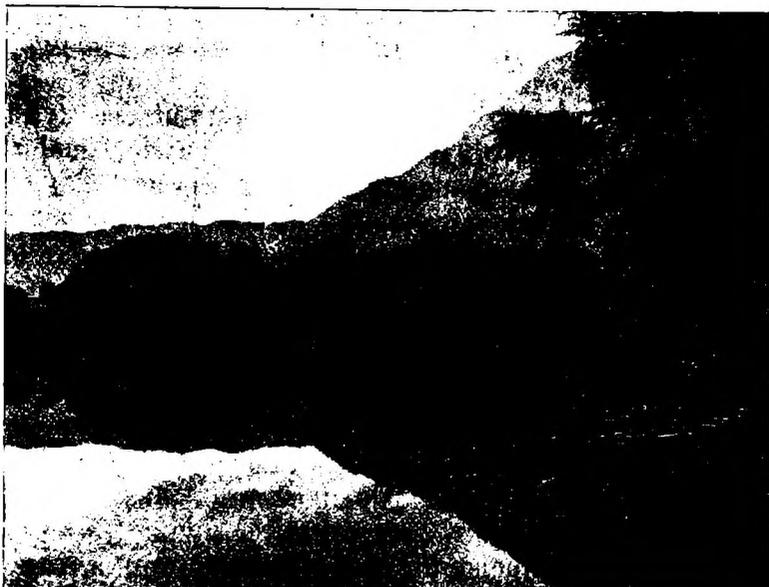
— Но никто не соблюдалъ этого. Въ одно утро о. Макарія подняли съ восходомъ солнца.

— Тамъ инородецъ проситъ неотступно разбудить,—говорилъ послушникъ.—Жаль было поднимать

вась: вчера всю ночь почти писали, а сегодня рань этакую поднимать. Тутъ его юрта недалеко, часа полтора пути на лодкѣ; хвораетъ ребенокъ некрещеный оспою, и онъ хочетъ его окрестить.

О. Макарий сейчасъ же вышелъ и привѣтливо обратился къ инородцу, еще некрещеному.

— Абызь, скорѣе: шибко плохъ онъ, мой ребенокъ. Ой, ой, какъ хвораетъ, прямо страсть: все тѣло

... Озеро было гладко, какъ зеркало, и отражало горныя цѣли со щетиною лѣса.

засыпала проклятая оспа, глаза закрыты. Онъ одинъ у меня, абызь, окрести его, и онъ выздоровѣетъ.

И такая вѣра прозвучала въ голосѣ отца! это была вѣра мытаря Закхея, простая, искренняя, чистая.

— Сейчасъ же поѣду... погоди: ящикъ возьму крестильный, Святые Дары. Сколько лѣтъ ребенку?

— Семь лѣтъ, абызь. Моя лодка тутъ, я поднялся сюда по Чолушману; насъ двое.

И черезъ четверть часа они плыли по озеру, еще только начавшему освобождаться отъ розоваго тумана, свивавшагося по горамъ и озареннаго первыми лу-

чами солнца. Берега еще нѣжились въ полудремотѣ, и кусты тала и ивъ глядѣлись въ воду чистыя, безъ гѣни пыли. Озеро было гладко, какъ зеркало, и отражало горныя цѣпи съ щетиною лѣса и бѣло-розовый свивающійся туманъ. Отецъ больного мальчика и его товарищи гребли изо всѣхъ силъ; послушникъ помогаль имъ, а о. Макарій задумчиво глядѣль на мелькавшіе предъ нимъ берега.

Они скоро были у цѣли. Дѣйствительно, ребенокъ былъ тяжело болѣнъ, все лицо его представляло сплошную карту пузырей, налитыхъ оспеннымъ гноемъ, и въ жару онъ метался и бредилъ.

— Воды нужно теплой: въ холодной его купать нельзя,—говорилъ о. Макарій.—Онъ самъ говорилъ вамъ что-нибудь о крещеніи?

— Да,—быстро заговорила мать.—Онъ все звалъ:

— „Мама, позови абыза, онъ угонить все... онъ надѣнетъ на меня крестъ Кудая, и убѣгутъ всѣ черные!“

— Вчера просилъ и теперь просить, какъ приходитъ въ себя. Крести его, абызь... пожалуйста, крести.

— Окрещу и намажу масломъ святымъ для исцѣленія; Тайны Христовы пусть приметъ. Вѣрите вы, что Христось можетъ его исцѣлить?

— Вѣримъ, абызь, крести скорѣе. Мы тоже хотимъ креститься, какъ ему станетъ лучше.

И таинство крещенія совершилось надъ алтайчикомъ, который, освѣженный водою крещенія, принялъ Святыя Дары и уснулъ.

О. Макарій отправилъ послушника въ монастырь, а самъ остался тамъ; два дня и двѣ ночи ходилъ онъ за маленькимъ, христіаниномъ, и только когда спалъ жаръ, и пузыри обратились въ коросты, онъ покинулъ юрту и ненадолго отлучился въ монастырь, чтобы опять черезъ ночь вернуться къ больному.

Ребенокъ поправлялся; онъ не потерялъ зрѣнія; миссіонеръ слѣдилъ за нимъ, какъ нянька, не давая чесать лица и срывать коросты; онъ привязался къ маленькому Θεодору, а отецъ и мать глядѣли на него съ благодарной радостью.

— Абызь,—капризничаль мальчикъ,—я не хочу

толкану, я хочу барашка, говорю матери: „дай мяса“, а она не хочетъ дать.

— Мяса дадутъ, когда оно будетъ,—улыбался этой жалобѣ священникъ.—Я, вотъ, совсѣмъ не ѣмъ мяса. Смотри, какое молоко, пей его и поправляйся; я увезу тебя съ собою въ монастырь: тамъ у меня есть книги о Кудай, мы съ тобою будемъ учиться читать ихъ. Ты умный мальчикъ,—гладилъ онъ черную головку,—я полюбилъ тебя; вотъ, учися, вырастешь—еще больше учися, а потомъ станешь учить другихъ мальчиковъ, потомъ тебя сдѣлаютъ абызомъ, и ты будешь служить, какъ я, и крестить.

— А ты?

— И я то же буду дѣлать; ты будешь помогать мнѣ, я постарѣю, и мнѣ будетъ трудно безъ помощи.

— Да, я тебѣ буду помогать,—радовалось дитя.

— Абамъ, мама, слышите? я буду абызомъ, и мы будемъ вмѣстѣ служить съ нимъ, —указывалъ онъ на священника.

— Будемъ служить въ большой церкви, которую построимъ,—серьезно поддерживалъ его тотъ.—И Феодоръ скажетъ всѣмъ, какъ онъ былъ маленькимъ, какъ злая болѣзнь схватила его, и какъ ему помогъ Кудай.

— И абызь. Я скажу, что ты тоже помогъ мнѣ, —говорилъ мальчикъ серьезно и упрямо.—Ты тоже такой.

— Какой? тихо улыбался ребенку миссіонеръ.

— Божій,—твердо сказалъ мальчикъ.—Кудаевъ: Онъ тебя послалъ для меня.

И такіе разговоры часто возникали между молодымъ монахомъ и мальчикомъ въ часы досуга, проводимые въ юртѣ у Телецкаго озера.

Лѣто проходило, прекрасное теплое лѣто, и наступала осень. Мѣсяць Бічень чабаттан ай началъ убавлять дни и покрылъ золотомъ листву, раскрасивъ ее въ красные и желтые цвѣта. Но погода стояла теплая, и паутина висѣла на деревьяхъ, обѣщая сухую осень. О. Макарій уѣзжалъ ненадолго въ Улалу

по дѣламъ монастыря и вернулся съ людьми, пожелавшими раздѣлить его одиночество. Въ Кебезени ихъ хватила гроза, послѣдняя гроза уходящаго лѣта, и промочила до нитки о. Макарія; у него сдѣлалась лихорадка, и онъ пролежалъ тамъ дня два. А сердце тянулося въ монастырь: тамъ его ждали и маленькій Феодоръ, и пелинцы, и жители Чолушманской долины, башкаусцы, всѣ, кого онъ успѣлъ привлечь ко Христу, и тѣ, которые еще не знали Его, всѣ больные,

...Телецкое нѣжилось въ темной рамкѣ береговъ...

слабые, нуждающіеся въ помощи; и самый слабый, не оправившійся еще, о. Макарій поѣхалъ переваломъ до Артыбаша.

Былъ погожій, ясный день, точно и не было грозы. Телецкое нѣжилось въ темной рамкѣ береговъ, и сердце миссіонера дрогнуло и забилося, увидавъ полосу воды, мелькнувшую за кустами.

— Вотъ оно золотое озеро, заселенное рѣдкими аилами тихихъ людей! озеро, поражающее красотой взглядъ; о которомъ такъ мало знали люди въ огромномъ Божіемъ мірѣ. Какое богатство лѣса и минералловъ хранило оно! сколько рыбы наполняло его

глубины! Да, это было настоящее золотое озеро! Сердце миссионера давно полюбило тихую гладь и высокія горы, и указывая спутникамъ на мирную картину нѣжившагося въ сіяніи дня тихаго озера, уходящаго вдаль, онъ сказалъ:

— Вотъ, она тихая пристань для инока! для того, кто желаетъ бѣжать отъ соблазновъ міра, нужно плыть туда, далеко, гдѣ въ нерушимомъ покоѣ стоитъ Алтын-Ту! тамъ—миръ... Тшь какая!

И самъ задумался. Теперь тутъ все, дѣйствительно, было тихо и мирно, но вѣдь, и здѣсь были и будутъ бури такія же грозныя, какъ тѣ, что налетѣли на маленькую миссію отъ людей, о которыхъ онъ узналъ тамъ, въ оставленныхъ селеніяхъ.

— Бѣдные тѣ, которыхъ застаеъ буря на озерѣ! бѣдные тѣ, оставленные, которыхъ охватили бури жизни! Ему вспомнилось скорбное лицо о. Стефана и другія: ложь и клевета задѣли ихъ; его, слава Богу, не тронуть пока люди: онъ такъ далеко отъ нихъ. И скорѣе еще дальше, туда въ маленькую келью и церковь: пусть снѣгъ засыплетъ долину, и пролетятъ бури, пусть грозно зарокочетъ Телецкое, поднимая горы волнъ! Что бури земныя передъ злобой людской? А тамъ у него будутъ книги, неустанный трудъ, его паства, всѣ эти тихіе люди и дѣти ихъ, его общія большія и малыя дѣти. Можетъ быть, современемъ, міръ задѣнетъ и его, притянетъ въ свой водоворотъ и начнетъ крутить и захлестывать волнами, но пока...

И вздохъ свободный и радостный вырвался у него.

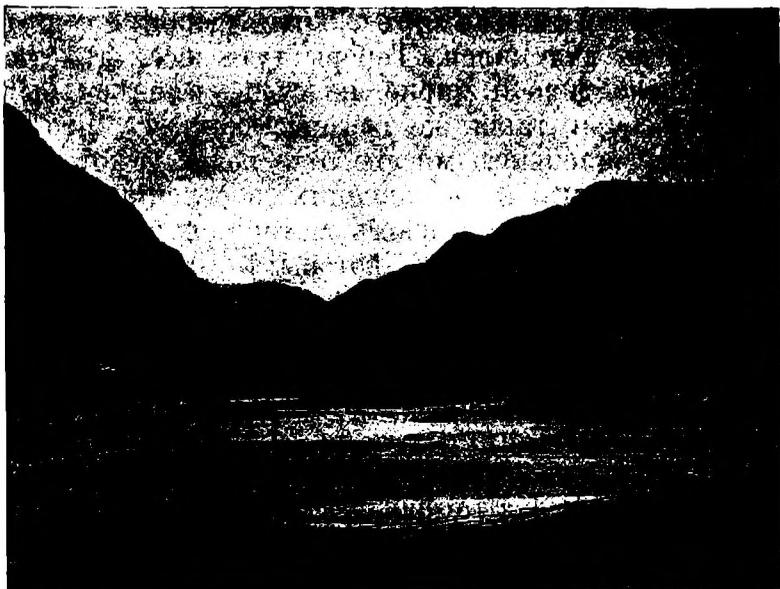
И черезъ три часа они были далеко отъ Артыбаша, и лодка шла вдоль лѣваго берега, уже минуя Четту.

— О. Макарій,—спросилъ его одинъ спутникъ,—Вамъ не жутко тутъ? Мнѣ какъ то грустно на сердцѣ: эти огромныя горы кажутся угрюмыми, а это озеро—грустнымъ. Какая глубина тутъ!

— А мнѣ,—сказалъ мягко миссіонеръ,—кажутся угрюмыми города и села: тамъ и глубина ихъ неизмѣримо глубже и страшнѣй этой глади, тамъ таятся

зло, ненависть, а тутъ только чистая вода, отъ которой можно спастись, которая, если и оболъетъ тебя, такъ не причинитъ зла, какое причиняютъ людскія темныя рѣчи. Вы привыкните тутъ, и вамъ не захочется даже уѣзжать отсюда.

Спутники переглянулись съ сомнѣніемъ, а онъ сидѣлъ одиноко, любуясь на тухнувшую рябь, кото-

...а онъ сидѣлъ одиноко, любуясь на тухнувшую рябь, которую оставила догоравшая заря на волнахъ Телецкаго озера...

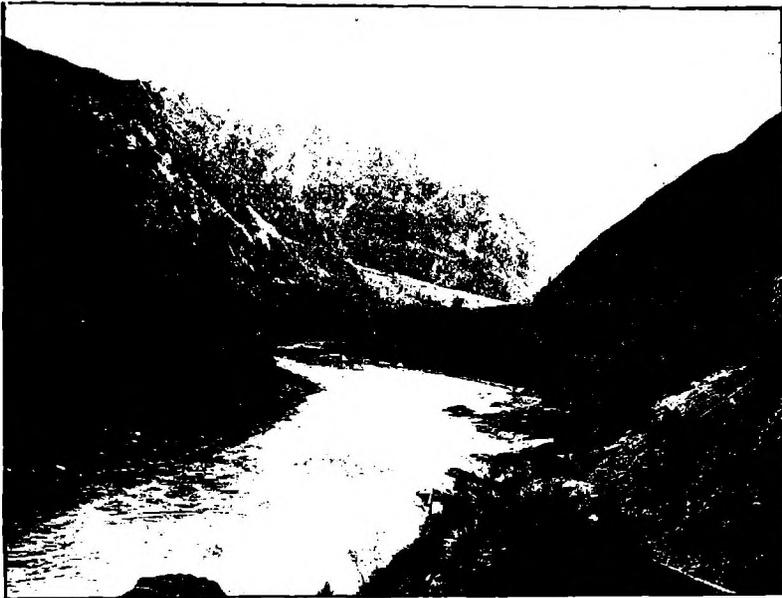
рую оставила догоравшая заря на волнахъ Телецкаго озера.

— „Алтай золотой, будь счастливъ, родной!“ — звучали знакомыя слова, и ему хотѣлось пѣть ихъ вслухъ.

Ночью дунула буря; маленькую палатку рвало и метало во всѣ стороны; по озеру пошли бѣляки, и поднялись волны, огромныя волны, съ глухимъ рокотомъ налетавшія на береговыя скалы, а о. Макарію онѣ казались музыкой, и онъ крѣпко заснулъ подъ вѣтеръ и бурю.

Утро унесло высокія тучи, словно и не было бури: озеру захотѣлось отдыха и покоя, и опять они поплыли безъ препятствій въ большой лодкѣ, минуя причудливыя скалы съ порослью, носившей слѣды осени, кромѣ хвои и вѣчно зеленаго аржан-элена.

— Ой, абызь—сказаль одинъ изъ гребцовъ.— Безъ тебя тутъ и досталось Тибану! знаешь Тибана, котораго ты крестиль?—назваль онъ фамилію ново-

Пріѣхаль зайсанъ къ намъ въ аиль.

крещенаго.—Пріѣхаль зайсанъ къ намъ въ аиль, его нагайкой дралъ и жену увелъ. „Брось, говоритъ, его проклятаго“. Да она прибѣжала къ мужу. Теперь зайсанъ грозитъ убить. И злой же онъ! къ себѣ въ аиль хотѣлъ его вести, да вступилась родня, а Михайлу чуть не задрали. Они ждутъ тебя и хотятъ ѣхать къ тебѣ въ долину Чолушмана: тутъ имъ страшно жить: зайсанъ точно сошелъ съ ума, его зло долить, что дядѣ каму своему ничѣмъ помочь не можетъ. Ой, и собаки,—абызь! А зайсанъ изъ другой

дючины, сказываютъ, замучилъ одну крещеную женщину, которая крестилась въ Улалѣ.

У о. Макарія сердце заняло болью: и сюда, въ эти мирныя горы пришла ненависть, отъ которой онъ бѣжалъ; но своихъ обидѣть онъ не дастъ, пусть лучше его самого обидятъ зайсаны! Эта чаша была тяжела, они хотѣли убить разроставшуюся искру вѣры, боясь, что она разросется въ пламя, они тушили ее, но съ нимъ и его крещеными друзьями былъ Господь, пламя вѣры въ концѣ концовъ должно было поглотить тѣхъ, которые теперь стали мучителями.—И, наклонившись, онъ началъ молиться безмолвной молитвой за униженныхъ и обиженныхъ и за тѣхъ, которые обижали, чтобы Господь просвѣтилъ и отогрѣлъ ихъ души, не знавшія, что онѣ творили, эти неразумныя души, бѣдныя, поднимавшія руку на слабыхъ братьевъ своихъ.

Лодка быстро плыла подъ дружными ударами весель, мелькали скалы, рѣчки, берега крутые и недоступныя, выплывали горныя массивы, уходившіе къ небу, и все ближе и ближе вставала обитель, это чаянье всѣхъ найденныхъ тутъ душъ. Обрывки облаковъ, остатки ночныхъ тучъ уносились далеко, легкой вѣтеръ съ низу помогалъ плыть и гналъ эти облака, а отецъ Макарій, безъ словъ сидѣвшій на скамьѣ лодки, гналъ темныя мысли свѣтлой молитвою, полной упованія, прося силъ на борьбу, на подвигъ, на трудъ, на свой святой трудъ, который онъ несъ не для славы, а изъ-за любви къ Богу и людямъ.

— Алтай золотой,
Мой край дорогой,
Будь миръ надъ тобой,
Покровъ Пресвятой.

Алтай золотой,
Будь счастливъ, родной,
И миръ надъ тобой.

Будь ты, исполинъ,
И святъ, какъ Аeonъ.
Господь твой единъ,
Всѣ мерзости—вонъ.

Алтай золотой,
Будь счастливъ, родной,
И миръ надъ тобой.

Алтай. Селеніе Улала,—главный миссіонерскій станъ.

ВЪ УЛАЛѢ.

(По запискамъ о. Василія Постникова и воспоминаніямъ другихъ алтайскихъ миссіонеровъ).

IV.

На новорожденную миссію, съ появленіемъ Аванасія Григорьевича Малькова, какъ вершителя ея судебъ, точно легла тяжелая рука, и всѣмъ стало трудно дышать въ милыхъ сердцу горахъ; а онъ, какъ власть имѣющій, говорилъ, что скоро всѣхъ женатыхъ миссіонеровъ выгонять, и съ устройствомъ мужского монастыря и назначеніемъ новаго начальника миссіи, миссіонерами будутъ только монахи.

Въ концѣ 1865 года стало извѣстно въ миссіи, что начальникомъ назначенъ архимандритъ Влади-

міръ, инспекторъ Санктъ-Петербургской духовной академіи, и что въ Петербургѣ образовалось Миссіонерское Общество, которое и не замедлило послать деньги въ миссію съ требованіемъ расписокъ и отчетовъ немедленно. Отець Стефанъ Ландышевъ, скромный труженникъ, ученикъ незабвеннаго Основателя, сказалъ тогда грустно:

— Не будетъ толку отъ этого Совѣта, а миссіи онъ надѣлаетъ неприятностей много; я вижу, какимъ тономъ онъ говорить!

Отець Стефанъ взволнованно заходилъ по маленькимъ комнаткамъ миссіонерскаго дома, вспоминая прежніе годы жизни, тихой, полной самоотверженнаго труда и подвиговъ, которые никто не видалъ и не контролировалъ... Ему было горько, и слова его оправдались вскорѣ на дѣлѣ. Отцу архимандриту Владиміру этотъ Совѣтъ надѣлалъ много хлопотъ и неприятностей. Отець Стефанъ сказалъ тогда же, что пришли трудныя времена, и нужно быть терпѣливыми всѣмъ, онъ зналъ жизнь, этотъ преемникъ перваго миссіонера, и миссія привыкла вѣрить его словамъ.

Въ миссіи стали готовиться къ встрѣчѣ новаго начальника. Всѣ думали, что въ ней дѣло пойдетъ на новыхъ началахъ, однако выходить изъ миссіи никто не думалъ, и самъ о. Стефанъ смотрѣлъ равнодушно на ожидаемыя перемѣны. Миссіонеры любили свое дѣло и край, далекій отъ центровъ жизни, тихіе, затерянные въ горахъ станы, и говорили между собой:— „Посмотримъ, что будетъ?“ потому что не чувствовали за собою никакой вины. О. Стефанъ, какъ начальникъ миссіи, за время своего управленія составилъ денежный отчетъ и напечаталъ его.

— Пусть провѣряютъ меня, какъ угодно!—говорилъ онъ. Пусть дѣлаютъ справки на почтѣ и гдѣ вздумается... я знаю, что я правъ... злые люди говорить все могли и вездѣ разблаговѣстили, что я воръ... пусть на дѣлѣ докажутъ это: я не боюсь ревізій.

И миссіонеры всѣ глубоко сочувствовали ему, зная, откуда идетъ клевета.

Дѣло миссіи шло по прежнему: въ неустанномъ трудѣ были миссіонеры, только свѣтлые добрые глаза отца Стефана порою свѣтились грустью, и миссіонеры теперь рѣдко слышали отъ него рассказы о прежнему времени и незабвенномъ, какъ онъ называлъ своего кроткаго учителя, чья жизнь угасла въ далекомъ Болховѣ и была чиста, какъ пламя свѣчи. Въ былыя времена онъ любилъ рассказывать о немъ и своей молодости, но теперь его уста смолкли.

Иногда онъ вспоминалъ съ горечью свое первое свиданіе съ Мальковымъ и его тогдашняго ласковаго, сочувствующаго, обошедшаго неопытнаго въ дѣлахъ лжи о. Стефана.

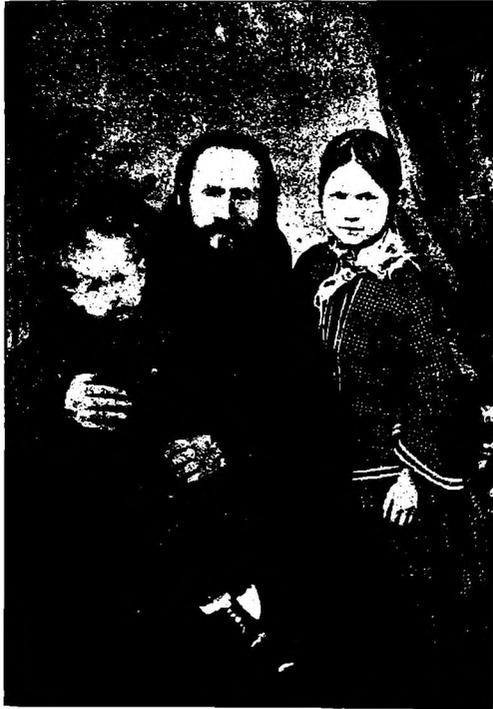
Да, какъ мечь темныхъ духовъ, которыхъ гнали, пришелъ въ Алтай этотъ человѣкъ съ лестью и ложью, съ огромнымъ честолюбіемъ, желая играть роль и властвовать надъ скромными труженниками Алтая. Это былъ темный человѣкъ; какъ попечитель миссіи, онъ то и дѣло ѣздилъ изъ Алтая въ Петербургъ и изъ Петербурга на Алтай, задавшись мыслью передѣлать миссію по новому; онъ не брезговалъ никакими средствами: ложь и клевета у него шли въ дѣло, благо всему этому въ Петербургѣ вѣрили.

Чтобы еще больше запасть разными кляузами въ Алтай, Мальковъ, точно ревизоръ, ѣздилъ по станамъ миссіи, описывая все по своему, навелъ справки, помогаютъ ли миссіонеры новокрещенымъ, и нѣтъ ли отъ нихъ какихъ обидъ, осматривалъ дома новокрещеныхъ, справлялся объ ихъ хозяйствѣ, спрашивалъ, знаютъ ли они молитвы, заставлялъ инородцевъ читать ихъ. Послѣ такого обзора становъ, попечитель отправлялся въ Петербургъ съ цѣлымъ коробомъ всякихъ кляузъ и представлялъ ихъ, какъ самые вѣрные факты, добытые личнымъ дознаніемъ и наблюденіемъ на мѣстѣ.

Въ миссіи только удивлялись беззастѣнчивости Малькова. Отецъ Стефанъ сразу разгадалъ его, онъ прямо сказалъ:

— И надѣлаетъ же зла этотъ человѣкъ! Придетъ время, поймутъ его, но будетъ поздно.

Слова эти скоро сбылись. Алтай, прекрасный, задумчивый, повитый снѣгами на недоступныхъ вершинахъ, чистый и благословенный, въ этомъ человѣкѣ нашель клеветника своимъ труженникамъ, нес-

О. Стефанъ Ландышевъ съ сыномъ Михаиломъ и дочерью Маріей.

шимъ святое слово его дѣтямъ, и сквозь всю исторію миссіи прошла его грязная рука, оставивъ клеймо на немъ самомъ.

Тяжелѣе всѣхъ было отцу Стефану. Это былъ кроткій труженникъ, любившій Алтай всѣмъ сердцемъ; въ его домѣ миссіонеры бывали какъ у родного отца, и онъ и его жена, которую уважали въ миссіи, всегда находили привѣтливое слово для всѣхъ. Матушка обладала яснымъ умомъ и веселымъ характеромъ,

обмывала, обшивала алтайцевъ; она находила время для этого, хотя своя собственная громадная семья отнимала ея досугъ, это была неутомимая женщина, владѣвшая алтайскимъ языкомъ, какъ природная инородка, и живо интересовавшаяся дѣлами миссіи и новокрещенныхъ, которые ее любили; на Малькова она глядѣла какъ на Божье наказаніе и твердо вѣрила, что онъ сгинетъ и растаетъ, какъ воскъ, и ни на минуту, какъ у всѣхъ, не мелькнуло у ней мысли уйти изъ миссіи, оставить дѣло.

Такъ пришелъ 1866 годъ. Мальковъ указалъ мѣсто для мужского монастыря на Чолушманѣ, какъ самое удобное и центральное; составлена и напечатана была карта Алтая, гдѣ Чолушманъ поставленъ имъ былъ въ центрѣ, но справедливый отецъ Стефанъ въ видахъ возстановленія истины, заявилъ, что Чолушманъ вовсе не центральное мѣсто для монастыря и, будучи недоступнымъ, находится за Телецкимъ озеромъ; но на это заявленіе посмотрѣли въ Петербургѣ, какъ на желаніе начальника миссіи затянуть дѣло.

Въ Алтаѣ наступила весна 1866 года, горныя долины еще спали подъ снѣгами, но гривы горъ покрылись зеленью и разными цвѣтами, робко поднявшими свои головки къ солнцу; рѣки бунтовали во всю, и, вотъ, наканунѣ Благовѣщенія миссіонеры увидали своего новаго начальника, котораго встрѣтили съ колокольнымъ звономъ въ церкви, какъ архіерея.

Отецъ архимандритъ обратился къ нимъ съ рѣчью и со слезами на глазахъ, и во имя Христа, просилъ, чтобы миссіонеры приняли его съ любовью. И всѣмъ запомнилось его лицо, красивое, взволнованное, съ добрыми темными глазами, умѣвшими, казалось, заглянуть въ человѣческую душу. Миссіонерамъ все понравилось въ немъ: и голосъ, и манера говорить, подкупающая, искренняя, и его мягкая добрая улыбка.

На службу въ миссію прибыли вмѣстѣ съ начальникомъ изъ саровской пустыни іеромонахъ Платонъ, изъ оптиной пустыни іеродьяконъ Варсонофій

Ноевъ обсохъ на снѣжной вершинѣ Улу-даг... будто бы очами тамъ видѣли гвозди ковчега.

— А какъ говорятъ о потопѣ?—заинтересовался отецъ архимандритъ.—Разскажи: путь еще дологъ...

— Ты слыхалъ, отецъ Василій?—обратился онъ къ дьякону, зоркими глазами глядя сверхъ очковъ на лицо Малькова, сдѣлавшееся презрительнымъ...

— Сказки!—протянулъ тотъ.

— Что же!—произнесъ архимандритъ.—Сказки мы тоже должны слушать: въ нихъ много поучительнаго... для всего найдется время, Аванасій Григорьевичъ.

— Ну, Михаилъ, разскажи, какъ о всемірномъ потопѣ алтайцы говорятъ.

— До потока царемъ всей земли,—серьезно началъ Чевалковъ,—былъ ханъ Теныс. Въ Его царствѣ славился по всей землѣ человекъ по имени Нама, которому Ульгенъ велѣлъ построить кереп (ковчегъ) изъ дерева адіра-салдан-агаша. Нама приказалъ своимъ тремъ сыновьямъ Соозун-уулу, Саруулу и Балыксѣ строить кереп на горѣ. Нама былъ слабъ зрѣніемъ, поэтому при построеніи керепа распоряжался старшій сынъ. Кереп, по повелѣнію Ульгена, изнутри и снаружи обклеили берестой и обмазали смолой; къ угламъ и къ стѣнамъ его Нама велѣлъ привязать восемь веревокъ длиной по восьмидесяти сажень съ чугунными кружками на концахъ, тогда Соозун и спрашиваетъ Наму: „для чего эти веревки?“ а Нама ему отвѣчаетъ: „мы узнаемъ по этому, сколько будетъ сутокъ, когда поднимется вода на 80 сажень“. Когда кереп былъ построенъ, Нама собралъ всѣхъ людей, кого онъ любилъ, потому что Ульгенъ сказалъ ему:

— „Кого ты любишь, того возьми съ собою, и всякое живое и дышащее, живущее на землѣ, и птицъ, летающихъ“.

— Когда Нама съ своимъ семействомъ и друзьями вошелъ въ кереп, тогда приступили къ нимъ множество животныхъ, и Нама приказалъ принимать

приходящихъ звѣрей и птицъ въ кереп. Соозун-уулу спросилъ:

— „Вотъ, здѣсь приползла Ділан... принять ли ее?“

Нама сказалъ:

— „Всѣхъ принимай, кто бы ни былъ, кто только успѣетъ придти, кто только поймается за кереп“.

Потомъ Нама спросилъ находящихся въ керепѣ:

— „Видите ли вы что нибудь?“

Ему отвѣчали:

— „Туманъ и тьма по всей землѣ!“

Тогда изъ подземныхъ жилъ вода прорвалась и начала выскакивать изъ ручьевъ, рѣкъ и морей, и устремила на землю, съ неба полилась тоже вода. Когда кереп поднялся на 80 сажень, а вода все прибывала, то веревки оторвались отъ привязаннаго груза, и кереп началъ плавать. Нама сказалъ:

— „Вотъ уже седьмая сутки!“

Когда миновалось 14 сутокъ, тогда Нама приказалъ Соозун-уулу открыть туунюк и посмотрѣть. Соозун-уулу, исполнивъ приказаніе, сказалъ:

— „Все затопило водою, только видны одни вершины горъ!“

Черезъ нѣсколько времени Нама еще приказалъ Соозун-уулу открыть туунюк. Соозун-уулу, посмотрѣвши во всѣ стороны, сказалъ:

— „Ничего не видно: только небо и вода!“

Наконецъ, кереп остановился на двухъ горахъ, близко стоящихъ другъ отъ друга: Чомгодой и Тулутты. Тогда Нама самъ открылъ туунюк и выпустилъ каргу. Карга не возвратился. На другой день Нама выпустилъ каргу, которая несетъ яйцы, и она не прилетѣла, въ третій выпустилъ саныхсан, но безъ пользы; въ четвертый онъ выпустилъ турну, о прежде выпущенныхъ птицахъ этотъ турна, вернувшись, рассказалъ ему:

— „Карга самецъ нашелъ марала, завязшаго въ каменномъ ущельѣ, и клюетъ глаза у него, а карга самка нашла собаку и клюетъ заднюю ея часть (кутень); сыныхсан нашла коня и клюетъ хребетъ его!“

Тогда Нама проклялъ этихъ птицъ и сказалъ:
 — „Что теперъ онѣ дѣлають, то пусть они дѣлають до конца вѣка: карга самецъ пусть клюеть глаза у павшей скотины, карга самка—собаку, а сынъсхан хребетъ пускай клюеть; ты же, турна, мой слуга вѣрный, благословляю тебя до скончанія вѣка жить вмѣстѣ съ моими потомками!“ И шибко хвалилъ его. Послѣ потопа Наму изъ благодарности и уваженія стали звать яячі; по смерти его ему стали приносить жертвы, сыновья его получили въ благословеніе отъ Ульгена другія имена: Таулье, Шаулья и Тірле.

— Вотъ что говоритъ Алтай о потопѣ и Ноѣ, отецъ архимандритъ!

— Навѣрно, въ далекое время,—сказалъ тотъ,— какъ Магометъ у мусульманъ, такъ и у васъ алтайцевъ, былъ человѣкъ, передавшій все въ извращенномъ видѣ, а тутъ еще фантазія изукрасила священныя преданія, и вышло похоже да непохоже... и непремѣнно жертвы... А Алтай хорошъ, дяконъ! охъ, какъ хорошъ! такая красота во всемъ: и въ потокахъ этихъ, и въ лѣсахъ... а ароматъ какой! куренье благовонное, какъ дымъ кадильный, идетъ въ высоту.

— Ты знаешь отца Макарія, Михайлъ?

— Еще бы! съ самаго пріѣзда знаю,—оживился толмачъ.—Съ самыхъ первыхъ дней; лѣтомъ его увидалъ въ церкви Улалинской и полюбилъ... хороший онъ, о. архимандритъ; отецъ Стефанъ тоже его любитъ... Какъ то собралъ я на крыльцѣ дѣтей моихъ и сестеръ... поемъ мы изъ лепты... поемъ, а онъ проходитъ,—тогда его еще Михайломъ Андреевичемъ звали,—слушаетъ, вижу; раза четыре мимо прошелъ... и каждый день, когда мы пѣть соберемся, сталъ слушать насъ, а другіе—судили... особенно одинъ, Павелъ Тюндековъ, прости его, Боже! тотъ, бывало, скажетъ:

— „Что вы это воете: отецъ что ли умеръ у васъ или мать?... каждый день по вечерамъ воете... и слушать то нехорошо!“

— И уходилъ съ ропотомъ; а этотъ—все слушалъ внимательно, и подумалось мнѣ, что онъ лю-

бить пѣніе. Какъ то проходитъ онъ мимо насъ, я его и пригласилъ.

— Идите, говорю, сюда, Михаилъ Андреевичъ!

— Онъ какъ будто обрадовался, подошелъ и поздоровался, и, когда я ему попѣть предложилъ, онъ сталъ пѣть съ нами. Пѣли долго. Потомъ онъ съ нами хлѣбъ мой раздѣлилъ и ушелъ, а я его позвалъ приходить ко мнѣ; и часто потомъ пѣли мы тѣ слова, что сложилъ для насъ первый отецъ Макарій. Потомъ онъ сталъ учить моихъ дѣтей церковному пѣнію, и дѣти мои и сестры научились скоро; и сталъ онъ нами всѣми любимъ, такъ что мы радовались, когда онъ къ намъ приходилъ. До прибытія его въ миссію никто не училъ церковному пѣнію, не было умѣлыхъ псаломщиковъ, да и языкъ русскій плохо знали новокрещенные. Молитвы поютъ по русски, а они дремлютъ, не понимая ихъ.

— „Этого Михаила Андреевича Богъ прислалъ!“ — говорили мои дѣти, и такъ хорошо они научились пѣть церковное пѣніе. Тогда онъ и говоритъ:

— „Я попрошу отца Стефана благословить ихъ пѣть въ церкви!“

— А я посомнѣвался:

— Какъ, молъ, прилично ли женщинамъ въ церкви пѣть?

— А онъ мнѣ горячо такъ, — шибко онъ къ вѣрѣ горячъ —

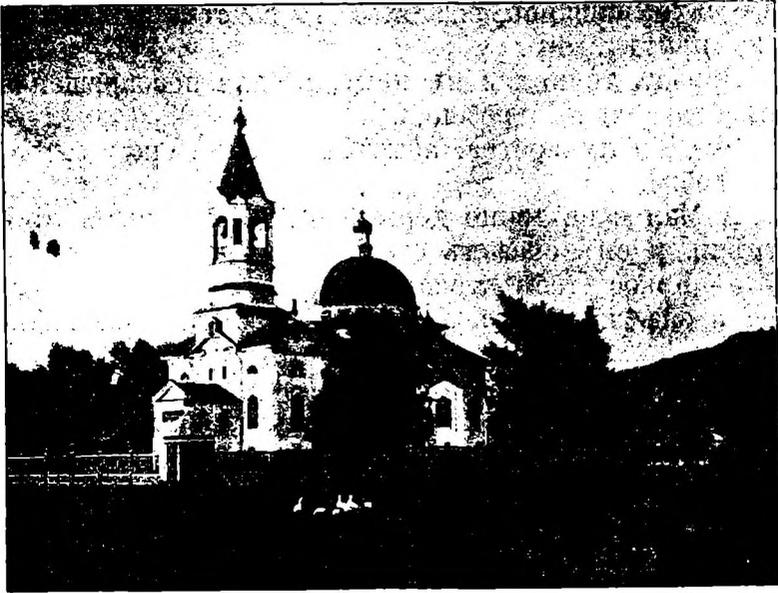
— „Бога, говоритъ, должны прославлять всѣ — и мужчины и женщины!“

— Послѣ этого отецъ Стефанъ позвалъ дѣтей моихъ и сестеръ и далъ имъ благословеніе пѣть въ церкви. Бывало, часто приходилъ я къ о. Макарію: онъ въ училищѣ жилъ, угощаетъ меня чаемъ, а самъ все о хорошемъ говорить; поглядѣлъ я и примѣтилъ, что ѣсть онъ: все на одной картошкѣ пробивается; жаль мнѣ его стало, и сталъ я его чаще звать къ себѣ и угощать; въ это время и стали мы съ нимъ переводить изъ священныхъ книгъ на алтайскій языкъ, и онъ сталъ изучать языкъ нашъ; долго научиться не могъ, а потомъ сразу уразумѣлъ: я тогда

страсть удивился этому... говорю какъ то: „вы не могли научиться, а тутъ вдругъ научились говорить по алтайски?“ а онъ мнѣ на это:

— „Матерь Божія помогла!“

— И съ того времени стали мы другихъ учить пѣть по алтайски. Много труда несъ онъ, а такой молодой!.. Каждый день сколько народу собиралось къ нему! Бывало, поемъ, потомъ онъ житія святыхъ

...и далъ имъ благословеніе пѣть въ церкви.

читалъ, опять пѣлъ и въ церкви и дома; особенно въ праздничные дни много народа собиралось около него. До этого новокрещенные мало знали житія святыхъ: мало было учителей, а труда много; Михаилъ же Андреевичъ училъ усердно, и народъ полюбилъ его; а какъ постригся онъ въ монахи и сталъ священникомъ, отцу Стефану на рѣдкость помощникомъ сдѣлался; въ два года сколько мы съ нимъ книгъ перевели и литургію! погоди, увидишь его, полюбишь: отецъ Стефанъ его золотомъ зоветъ... и—правду: онъ

точно золото червонное!.. Скоро и Чемаль.. тутъ онъ тоже не мало трудился..

Архимандритъ внимательно слушалъ теплыя слова толмача, вникая въ нихъ, искреннія и простые; молодой монахъ въ Чолушманской долинь интересовалъ его.

— „Какая глубокая вѣра у такого молодого!“

Чемаль близился, и съ его колокольні звонили колокола, точно архіерея привѣтствуя его, и, на минуту нахмурившись, онъ немного грустно улыбнулся этому привѣтствію.

Народъ толпился къ нему, и одна новокрещенка принесла больного ребенка.

— Дай лѣкарства, абызь!—просила она у о. діакона робко.

А Малькова точно дергало всего при видѣ этой встрѣчи, и онъ сказалъ съ насмѣшкою женщинѣ:

— Какое тебѣ лѣкарство?.. иди къ архимандриту: онъ исцѣлитъ ребенка. Апостолы исцѣляли людей.

О. архимандритъ услышалъ это, и опять его брови нахмурились, а глаза, добрые и ласковые, стали суровы: онъ все болѣе узнавалъ этого человѣка и въ глубинѣ справедливой души осудилъ; осудилъ и повѣрилъ тѣмъ, которые отъ него терпѣли.

Тутъ, въ Чемалѣ, онъ живо заинтересовался дѣятельностью юнаго Макарія, спрашивалъ о немъ народъ и съ интересомъ слушалъ легенды о старой миссіи и камахъ. Его привлекала красота мѣстечка у Катуня, логовина, гдѣ спали камы, и заводъ, и островъ съ водоворотомъ около нея; мягкое чуткое сердце начинало привязываться къ горамъ, цѣнить ихъ красоту. И Чевалковъ сказалъ ему разъ вечеромъ:

— Вы—ровно о. Макарій младшій: все вмѣсто отдыха въ лѣсъ идете; другой бы уснулъ, а васъ рѣка манить... Даже переводить мы съ о. Макаріемъ къ Катуню уходили: я тутъ, вѣдь, жилъ съ нимъ: псалмы и евангеліе переводили.. безумная она, Катунь... глядите, какъ мечется!.. волю бы ей—и свернула бы горы.—Онъ, бывало, скажетъ:—„такъ бы че-

ловѣкъ на подвигъ горѣлъ, летѣлъ бы къ нему, какъ волны эти, и точилъ бы каменныя сердца людскія, какъ вода камни, словомъ своимъ горячимъ!.. Смотри —неустанно бьются волны, какъ живое слово, а, вѣдь, не у всѣхъ же людей каменныя сердца!“...

— Вы поѣдете въ Чолушманъ, о. архимандритъ?

— Да,—сказалъ тотъ задумчиво,—скоро поѣду; тебя возьму съ собою, Постникова, діакона моего и другихъ.

И задумался, глядя на Катунь, бившуюся о камни, вспѣнную, стремительную и горячую, какъ свободная мысль и пламенное человѣческое слово.

1-го іюля, собравъ всѣхъ, пріѣхавшихъ съ нимъ, архимандритъ поѣхалъ въ Чолушманъ. Поѣхалъ туда же и Мальковъ.

— Вотъ увидите,—говорилъ онъ,—что это дѣйствительно въ центрѣ Алтая... дороги туда прекрасныя.

И самонадѣянно повторялъ это.

Цѣлымъ небольшимъ караваномъ двинулся о. архимандритъ въ новый станъ миссіи, а Чевалковъ, качая головой и не обращая вниманія на Малькова, говорилъ:

— Намаетесь, о. архимандритъ: путь этотъ, не дай Богъ, труденъ, особенно въ дожди... Вамъ съ непривычки тяжело будетъ: сколько разъ я бывалъ тамъ.

— Ну?—улыбнулся глазами тотъ,—ужъ будто такъ тяжелъ?.. А, вотъ, Афанасій Григорьевичъ увѣряетъ, что хорошо и ѣхать, и плыть... Посмотримъ... А ты мнѣ расскажи о твоихъ путешествіяхъ, Михаилъ... Смотри-ка, мой діаконъ тоже слушать хочетъ... Ты давно тамъ былъ? зачѣмъ?..

— Семей ѣздилъ рыбу ловить и торговать. На первыхъ порахъ не посчастливило: неводъ увязили верстахъ въ пяти отъ Артыбаша,—охотно заговорилъ Чевалковъ,—всѣ мы въ печаль пришли, пока сердце мое не освѣтилось мыслью о молитвѣ къ Николаю Угоднику, и стало на душѣ у меня радостно, а всѣ въ скорби сидѣли... Говорю моимъ работникамъ:— „Святитель Николай поможетъ намъ: будемъ тащить теперь неводъ!“

Возвратные миссионеры: 1. Еписк. Владимир (впослѣд. архиеп. Казанскій), 2. прот. С. В. Ландышев, 3. игум. Макарий (нынѣ митроп. Московскій), 4. прот. В. Введенскій, 5. іером. Иппокентій (нынѣ еписк.), 6. іером. Антоній, 7. іером. Домоганъ, 8. свящ. А. Гусевъ, 9. свящ. Филар. Сивяковскій (нынѣ архиеп. Владивръ доинкоп.), 10. свящ. В. Постниковъ, 11. іером. Тихонъ, 12. свящ. В. Россовъ, 13. свящ. М. Чебалновъ, 14. свящ. К. Соколовъ (нынѣ еп. бійскій), 15. свящ. Т. Своячинъ.

ВНЕШНЕЕ
СВЯЩА

— Потянули неводъ, и онъ свободно пошелъ, и ни одной дыры въ немъ не оказалось... Работникъ Степанъ закричалъ даже отъ радости:

— „Никола... батюшка... ты намъ помогъ!“

— А я подумалъ, что тутъ когда нибудь поставлю часовню, на этомъ берегу святителю Николаю... Говорить то много, отецъ мой... увидите сами его скоро, Телецкое, это мятежное, то тихое, то безумное въ бурю... Глядите, вонъ Чаптыганъ поднимается мохнатый!.. Недавно одинъ знакомый мой старикъ ушелъ на него умирать: едва успелся... Хорошо умирать на горахъ!

— Осторожнѣе: тутъ бродъ глубокой,—предупредилъ діаконъ Постниковъ.

И, дѣйствительно, лошадь всплыла у архимандрита.

— Первое удобство сообщенія!—сказалъ онъ, улыбаясь.—А хорошъ этотъ лѣсъ синій и силуэты горные!... Какой воздухъ!.. Говори мнѣ, Чевалковъ, о твоей поѣздкѣ: я буду знакомиться съ тѣмъ, что ожидаетъ насъ.

— Правой стороной мы плыли,—началъ опять толмачъ Михаилъ,—къ рѣкѣ Камгѣ... березникъ тамъ растетъ густой, красивый, по рѣчкѣ Яйлю; на Артыбашѣ я спросилъ:—„Отчего растетъ тутъ этотъ густой и красивый березникъ?“ а они сказали: „прежде здѣсь жили тергешцы, потомъ стали они помирать отъ горячки и уѣхали къ Біѣ, а на ихъ пашняхъ и выросъ этотъ густой красивый лѣсъ!“

— На Камгѣ, помню, мы вторую ночь ночевали... она въ Телецкое впадаетъ съ лѣтнаго солнцевосхода; водятся тамъ всякіе звѣри, и чудные есть камни... Да сами увидите, о. архимандритъ!—опять сказалъ онъ.

— Когда увижу, а ты говори: смотри, вонъ, студенты мои слушаютъ.

И Чевалковъ продолжалъ:

— Съ восточной стороны падаетъ въ озеро еще рѣка; по обѣимъ сторонамъ ея горы высокія и скалы. Черезъ эту рѣку невозможно переѣхать на лошади; названіе ея Копша; снѣжная тайга на ея вершинѣ...

Недалеко отъ нея мы остановились ночевать, а на слѣдующій день прїѣхали къ теолесамъ, живущимъ при рѣчкѣ Чюлюшѣ... И дешевые же тамъ орѣхи: помню, 12 пудовъ купилъ я по 15 к. за пудъ... юртъ двѣнадцать тамъ, на этой рѣчкѣ, и пашни жителей между пнями частыми.

— „Почему—спрашиваю—не пашете на ровныхъ мѣстахъ, а среди такихъ пней?“

— А они мнѣ отвѣчаютъ:

— „Мы охотно бы пахали тамъ, да земля ужъ больно жесткая: мотыга не беретъ. Мы, вѣдь,—говорятъ,—и такъ съ пашнями маемся: года за три вырубаемъ мелкій лѣсъ, и когда онъ пролежитъ года три, подъ вѣтвями его трава сгниваетъ, и мыши землеройки тутъ собираются и землю копаютъ: она отъ этого мягкой становится“.

— Я полюбопытствовалъ: глубокой ли снѣгъ выпадаетъ въ этомъ мѣстѣ?

— „Нѣтъ“, — говорятъ, — „отъ середины горъ книзу снѣгъ не выпадаетъ, а если какой годъ и выпадаетъ, то не бываетъ глубокъ, а тотъ снѣгъ, который выпадаетъ по берегамъ рѣчекъ, вѣтеръ съѣдаетъ. Тамъ у насъ зимуютъ овцы и козы“.

— Наконецъ мы увидали устье Чолушмана, впадающаго въ озеро; намъ захотѣлось доѣхать туда скорѣе и давай мы сильнѣе грестись; но, прежде чѣмъ мы до него добрались, настала полночь, и стало темно... глядимъ, а въ двухъ мѣстахъ огонь, мы на него ночью и кинулись. Когда мы стали приближаться къ тому мѣсту, гдѣ видѣнъ былъ огонь, лодка засѣла на мели. Пришлось повернуть въ глубину озера и искать русло Чолушмана. А озеро стало сильно волноваться, поднялся вѣтеръ, и мы, плывя около мели, едва нашли русло Чолушмана и Бога поблагодарили... Поднялись немного по рѣкѣ къ огню, но никого уже тамъ не было, хотя дровъ собрано было много: люди услышали наши голоса и убѣжали. Въ этомъ мѣстѣ острогою я двухъ тайменей поймалъ и закололъ. Одного изъ нихъ мы сварили и съѣли. На другой день стали мы подниматься на шестахъ по Чолушману и

встрѣтили двѣ рѣшетчатыя керэгэ (юрты). Намѣреваясь побывать въ этихъ юртахъ для торговли, на дресвѣ близъ нихъ мы разложили костры и сварили чай. Изъ юртъ пришли къ намъ два человѣка—старикъ и старуха—и спросили, какой у насъ товаръ.

— Даба,—говорю я,—полотно... есть и соль.

Они позвали насъ съ товаромъ къ себѣ въ юрты... Смѣшно они покупаютъ... Принесли мы товаръ въ юрту, а старикъ принесъ кочму на двѣ одежды и положилъ ихъ возлѣ насъ, а изъ моего товара взялъ синее лощеное полотно и положилъ въ передней сторонѣ юрты. Я, не зная ихъ обычаевъ, спросилъ:— сколько вы даете за эти два куска полотна?... А они обидѣлись какъ будто и говорятъ:

— „Ты, видно, не торговалъ еще въ этихъ мѣстахъ и не знаешь торговыхъ обычаевъ жителей здѣшнихъ? за эти два куска лощанки я отдалъ тотъ войлокъ, который положилъ возлѣ тебя: у нашихъ жителей таковъ обычай, что когда начинаютъ торговать, то дѣлаютъ это молча и не спрашиваютъ о цѣнѣ, но про себя оцѣниваютъ товаръ и обмѣниваются“.

— И я про себя рассчиталъ, что полученное мною отъ него не будетъ невыгодно, но даже копѣйки на двѣ будетъ пользы.

— Куда же?—остановился архимандритъ на тропѣ передъ преградившимъ тропу, свѣже сваленнымъ деревомъ, чьи косматыя вѣтви поднялись высоко,—и объѣзду нѣтъ!... Заговорились мы съ тобой и всѣхъ обогнали... Подождемъ... А твой рассказъ меня интересуеть: много новаго тутъ, въ этой странѣ!.. Развѣ перелѣзть намъ черезъ эту бѣдную лѣсину? ишь, какъ ее, такую большую, свернуло со скалы,—вглядѣлся онъ на выступъ, съ котораго торчали корни гиганта...

— Ручьи его съѣли: подрыли, и упалъ онъ... землю то всю вымыло изъ корней, а онъ тяжелый... рухнулъ... Вонъ и наши... о. діаконъ торопится!

Около горнаго великана закипѣла работа: рубили сучья, хлюпаясь въ грязи, бывшей подъ нимъ, гдѣ

растворенная водой почва не могла обсохнуть такъ, какъ обсохла свободная отъ прикрытія тропа.

А о. архимандритъ зорко глядѣлъ въ дали, любуясь ими, пока готовили скромную трапезу и чай его спутники и проводники.

— А ты мнѣ, всетаки, доскажи потомъ о Телецкомъ!—сказалъ онъ толмачу, видимо избѣгая Малькова,—вотъ только двинемся... Я хочу ѣхать до самой ночи: горитъ сердце увидѣть Телецкія горы скорѣе.

И пока пили чай, онъ ходилъ по тропѣ, опускавшейся съ перевала въ долину, и смотрѣлъ на красоту Божьяго міра, на аилы, намѣтившіеся бѣлой берестой юрты среди зелени, и ленты рѣкъ въ мягкомъ розовомъ свѣтѣ заката.

Черезъ очищенную на гигантѣ дорогу, лошадей заставили перескочить, перешли и люди, опять лѣсъ охватилъ путниковъ, тихо двигавшихся по грязной тропѣ, еще не просохшей послѣ снѣговъ и дождей.

Мальковъ присталъ было къ архимандриту съ какими то разъясненіями по поводу дороги, но тотъ умѣло отклонилъ его разговоръ.

— Послушаемъ толмача, Аѳанасій Григорьевичъ: онъ человѣкъ бывалый, не даромъ Незабвенный, какъ зоветъ основателя о. Стефанъ, любилъ его.

— Ну, Чевалковъ, а дальше-то былъ ты въ долину Чолушманской?..

— Какже,—сказалъ тотъ съ спокойнымъ достоинствомъ,—мы послѣ еще поднялись верстъ семь: тамъ юртъ пять тогда стояло... торговали и тамъ по обычаю... за одну овчину, напримѣръ, съ фунтъ соли отдали; за маралью кожу двѣ руки (мѣра) лошанки, а въ юртѣ одного теолеса нашли два камскихъ бубна. Тамъ сидѣли двѣ женщины и мужчина. Мы разговорились... Спрашиваю я ихъ:

— Здѣсь—говорю—въ юртѣ двѣ женщины, отчего же дѣтей нѣтъ? а мужчина одинъ—для чего же два бубна?

— Мужчина мнѣ на это и говоритъ печально: „вотъ, взялъ я двѣ жены, а дѣтей не имѣю: не знаю, то-ли Богъ не даетъ, то-ли самъ я бесплоденъ. Мы

съ старшей женой оба камы и сдѣлали для себя два бубна... хотя и камлаемъ усиленно, но пользы намъ нѣтъ!“

— А я ихъ и спрашиваю:— „Какого Бога вы призываете во время камланья?“

— „Семь горъ“,—говорятъ,—„землю и воды и отца всѣхъ богатаго Ульгена, а также Эрлика“.

— Тогда я рассказалъ имъ все, начиная отъ созданія неба и земли до послѣдняго вѣка. Они внимательно слушали рассказъ о святой вѣрѣ.

— Такъ прожили мы въ томъ аилѣ шесть дней. Когда мы дѣлали лодку, женщина-камы каждый день приходила къ намъ, спрашивала и со вниманіемъ слушала о Богѣ и вѣрѣ христіанской. Я, конечно, говорилъ съ ней всякій разъ, какъ она приходила. Сдѣлавши лодку, опять мы стали на шестахъ подниматься по Чолушману и пріѣхали къ устью рѣчки, называемой Каэрлыкъ, и тамъ ночевали, а потомъ взяли у теолеса Пырына двѣ лошади и отправились съ женою на устье Башкауса, чтобы тамъ поторговать... Какія большія керэгэ (юрты рѣшетчатая) у нихъ построены и больше тридцати!.. Мы весь свой товаръ имъ продали. Какъ они сохраняютъ свое имущество чудно, о архимандритъ;—найдутъ скалу съ пещерой, гдѣ никого не бываетъ, и сложатъ его туда.

— „Если“,—говорятъ мнѣ,—„хочешь торговать съ нами, то пріѣзжай дня черезъ два: мы приготовимъ тебѣ, что получше изъ нашего имущества!“

— Откуда же—спрашиваю—ваши товары придутъ?

— А они мнѣ:

— „Нашъ народъ имущество дома не хранитъ, а въ горныхъ пещерахъ, и камнями ихъ закладываетъ, только что похуже дома оставляетъ“.

— Зачѣмъ—говорю—вы такъ далеко прячете имущество свое?

— „Таковъ обычай нашихъ предковъ“—отвѣчаютъ—„въ старыя времена войны бывали, и всѣ жители прятали свое имущество въ пещеры, и мы также теперь дѣлаемъ“.

— Чудные... а такъ—кроткій народъ... Иные по двѣ жены имѣютъ: старшая сидитъ дома и распоряжается, а младшая на дворѣ управляетъ скотомъ и дрова запасаеетъ, и пищу варитъ... Старшая и садится впереди, а младшая сзади... Много у нихъ обычаевъ такихъ... Вотъ, приглядитесь—сами увидите, чего я не доглядѣлъ... А горы какія по сторонамъ обѣимъ Чолушмана и Башкауса! высокія, скалистыя, по камнямъ путь проложенъ: бома, дорожка, какъ карнизъ виситъ, и въ горахъ тѣхъ водятся: мараль, дикія козы, лѣси, другія козы, медвѣди, кабарги, рысь, волкъ, олень, росомаха, барсукъ, сурокъ, бурундукъ, заяцъ, землеройка, бѣлки, колонки, суслики, горностаи, хорьки, соболи, летяги, выдры и лисицы, а въ рѣкѣ Чолушманѣ всякая рыба; таймень и хайрюзь, кускучъ и налимъ, и на Башкаусѣ хайрюзы и асманы водятся... на Телецкомъ же еще сельдь крупная и мелкая, окуни, чебаки, одоръ!!

— Темно какъ стало: день потухъ тутъ въ лѣсу... скоро ночевать, поздно о. архимандритъ... остановимся, вонъ, у айла?! прикажете палатки разбить?—спросилъ діаконъ Постниковъ.

— Что жъ, я, пожалуй, готовъ.

— Тутъ ужъ очень, говорятъ, далѣе дорога грязна будетъ: ночью ѣхать неудобно, да и отдохнуть вамъ!—заботился діаконъ.

И скоро въ наскоро раскинутомъ станѣ загорѣлись костры, освѣщая молчаливый айлъ, горы, лѣсъ и шумящую бурливую рѣчку.

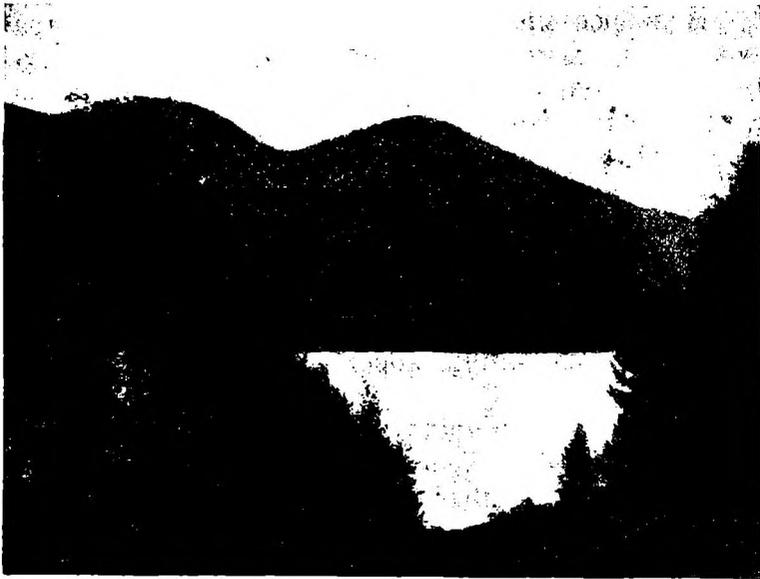
Ночью пошелъ дождь, и грязная мѣстность превратилась въ топи. Опять двинулись путники, но о. архимандритъ хмурился.

— „Гдѣ же удобства пути?“—думалъ онъ,—„все это ничего для миссіонера, но зачѣмъ же ложь, обманъ у Малькова? обманъ лицъ, заслуживающихъ уваженіе, и клевета на скромныхъ труженниковъ Алтая!“

И, избѣгая разговаривать съ нимъ, архимандритъ пріѣхалъ въ Кебезень въ ясный чудесный день послѣ тяжелаго пути.

Кебезень ему понравилась: красота рѣки и лѣсовъ, пики горъ--все поражало взглядъ; и труды, конечно, не могли пугать идущаго на нихъ человѣка, но Мальковъ оттолкнулъ его навсегда отъ себя.

А погода опять испортилась, и на Телецкомъ озерѣ поднялась такая качка, что невольно подумалось всѣмъ—не закачаетъ ли на смерть? Съ вели-

... Кебезень ему понравилась: красота рѣки и лѣсовъ, пики горъ—все поражало взглядъ...

кимъ трудомъ добились путники до какой то скалы, имѣющей небольшой бережокъ. Дождь шелъ, какъ изъ ведра, и вѣтеръ дулъ холодный... Попробовали добыть огня, но намокшій лѣсъ не горѣлъ. Съ трудомъ поставили палатку.

О. діакону Постникову въ Кебезени посовѣтовалъ купить теплую кожу нѣкто Анемподистъ Алексѣевичъ Суслоновъ, хорошо знавшій, какъ часты перемѣны погоды въ черни, и діаконъ изобразилъ изъ нея

плащъ безъ рукавовъ, который отлично предохранялъ его отъ дождя. Безъ такихъ одеждъ можно было потерять здоровье навсегда. Тутъ на скалѣ всѣ и ночевали, и о. архимандритъ, смотря на Малькова, сказалъ съ улыбкой:

— Ну, и удобное сообщеніе съ центромъ миссіи! Малькова охватила злоба.

— Да, вамъ бы все въ каретѣ ѣздить!—разразился онъ.— Вотъ тутъ то и апостольскіе труды!

И доброе милое лицо о. архимандрита омрачилось тучею, хотя онъ ничего не сталъ говорить дерзкому: его справедливое сердце страдало за этого лживаго человѣка, за тѣхъ, кто терпѣли изъ за него нареканія за правду, обличающую его ложь.

На другой день опять засіяло солнце, и на устьѣ рѣки Копши діаконъ Постниковъ наловилъ удочкой рыбы, изъ которой приготовили вкусную уху.

Горныя громады и скалы привлекли глаза о. архимандрита.

— Ну, что, вѣдь, хорошо?—говорилъ Мальковъ, видя, что онъ любитъ.

— Да, Швейцарія вторая: для подвижниковъ аскетовъ мѣсто прекрасное,—сухо сказалъ тотъ,—но что тутъ зимою?! Вы не пробовали, Афанасій Григорьевичъ, прозимовать тутъ, когда эти громады будутъ въ снѣгахъ, а путь по озеру невозможенъ?... Дивлюсь и преклоняюсь передъ юнымъ миссіонеромъ нашимъ, который въ Чолушманѣ кладетъ первое основаніе святому дѣлу; теперь тутъ красота, но глушь, глушь ужасная... и я люблю Божій міръ, и я красотою восхищаюсь, но жить тутъ подвижнику нужно, созерцателю... а я, хотя и монахъ, а стосковался бы тутъ,—откровенно говорю,—хотя, конечно, пошелъ бы для дѣла... но, повторяю: для центра миссіи это мѣсто не подходитъ!—долженъ сказать вамъ—это!... и не понимаю я словъ и разъясненій вашихъ...

Они опять поплыли: скалы у береговъ, недоступныя дико-красивыя, казалось, бѣжали мимо нихъ. Вотъ, они увидали послѣдній на пути массивъ Ал-

тынъ-ту, и яснымъ теплымъ днемъ, часа въ четыре по полудни, высадились на берегъ Чолушмана.

До монастыря оставалось не болѣе семи верстъ, но добратъся до него скоро было нельзя: сначала шли пѣшкомъ по какимъ то кочкамъ и болотамъ, а потомъ карабкались черезъ какую то гору. Было темно, когда усталые путники добрались до „центра“ миссіи.

О. Макарій встрѣтилъ съ любовью и ласкою путниковъ.

Долго говорили они этимъ вечеромъ о многомъ: и о подвигахъ жизни, и о смиреніи... А на завтра о. архимандритъ, собравъ малую братію, сталъ служить молебенъ и послѣ него сказалъ братіи рѣчь о значеніи монастыря Благовѣщенскаго, какъ разсадника будущихъ миссіонеровъ.

— Плохо рыбою, — говорилъ о. Макарій, — уходитъ она въ глубины, и опытными рыболовами надо быть, чтобы изловить ее: къ вашему пріѣзду не могли ее даже приготовить, а неводъ имѣемъ въ 35 сажень и цѣлую версту неводили... Благословите братію сегодня потрудиться!

— Опять неточности, Аѳанасій Григорьевичъ! — улыбался о. архимандритъ, благословляя рыбаковъ.

— О. Макарій! вотъ, онъ увѣрялъ насъ, что рѣки кишатъ тутъ рыбою... А какая у васъ тутъ ягода растеть, винограду подобная? — уже совсѣмъ весело смѣялся онъ. — Правда, глядя на красоты горъ этихъ, и мнѣ, пожалуй, фантазія въ голову придетъ, какъ Аѳанасію Григорьевичу.

— Рыба есть — безспорно, — сказалъ о. Макарій, — но не каждый день она ловится: не во всякое время даже.

Дѣйствительно, долгіе труды съ неводомъ дали полведра чебаковъ, за то діаконъ Постниковъ добывалъ въ Аччилманѣ удочкой массу хайрюзовъ каждый день и кормилъ ими своего начальника, его спутниковъ и братію.

Болѣе недѣли видѣла гостей Чолушманская долина: и на горахъ, и по аиламъ, и у водопадовъ побывали о. архимандритъ и о. Макарій и вели они

долгіе разговоры о двухъ зимахъ, проведенныхъ тутъ молодымъ подвижникомъ, о дѣлѣ, о людяхъ.

И своими зоркими темными глазами о. архимандритъ ласково глядѣлъ на молодое симпатичное и ясное лицо: сердце его полюбило о. іеромонаха.

— Всѣ хорошіе, всѣ славные, клеветникомъ этимъ оклеветанные!—какъ то за тайну сказалъ онъ діакону.—О. Стефанъ и этотъ юный инокъ, духомъ великій, и остальные... Можно работать съ такими!

... онъ двинулся на Чую сначала долиной рѣки Чолушмана...

Оставивъ въ монастырѣ прибывшихъ съ нимъ монаховъ, кромѣ Макарія, діакона Постникова и Чевалкова, онъ двинулся на Чую сначала долиной рѣки Чолушмана.

Противъ устья рѣки Чель-чу, въ тридцати верстахъ отъ монастыря, была остановка: пріѣхалъ сотникъ съ почтою, и о. архимандритъ принялся отвѣчать на казенную и частную корреспонденціи. Письменнымъ столомъ ему служилъ огромный гладкій камень.

Въ Улаганѣ путники въ первый разъ увидали, какъ колютъ барановъ мѣстные инородцы, и ихъ по

нервамъ ударила эта кровавая бойня: у живой скотины дикари дѣлали разрѣзъ на животѣ и затѣмъ рукою вырывали сердце.

О. Макарій весь загорѣлся пламенемъ:

— Жестокіе!—позвалъ онъ къ себѣ мясниковъ, —почему мучите такъ животныхъ?..

— А не все ли равно имъ умирать, абызъ?—покойно отвѣтили ему.—Мы, вѣдь, скоро: чикнемъ и—готово... а дернуть сердце долго-ли?

— Но, вѣдь, вы мучите ихъ!—съ болью сказалъ онъ.—Кажется, добрые и кроткіе люди! какъ вы не можете понять, что милосерднымъ надо быть и къ скотамъ, они тоже созданіе Божіе?!

— Отцы наши такъ дѣлали и мы, какъ они!—повторяли инородцы упрямо.

Вечеромъ на стоянкѣ о. архимандритъ услыхалъ пѣніе: женскій печальный голосъ пѣлъ:

Калганчі чак келердэ,
Тенгере темір болуп-падар,
Брь тесь болуп-кадар,
Каан-каанга калчигар,
Калык калыка кара санажар,
Кату таш одулар,
Кату агаш какшалар...

— Что это поютъ они?—обратился онъ къ о. Макарію.

И тотъ перевелъ ему слова:

„Когда придетъ кончина вѣка,
Небо затвердѣетъ, какъ желѣзо,
Земля, какъ мѣдь, будетъ тверда,
Царь на царя возстанетъ,
Народъ на народъ будетъ злоумышлять.
Твердый камень сокрушится,
Крѣпкое дерево раздробится...“

— У насъ впереди вечеръ, о. Макарій... вели Чевалкову позвать тутъ изъ айла какого нибудь старика, и пусть расскажетъ намъ о кончинѣ міра: какъ,

они мыслятъ, будетъ эта кончина?.. Меня заинтересовала пѣсня ихъ.

И Чевалковъ привелъ къ нимъ въ палатку стараго инородца, закурившаго трубку передъ разговоромъ.

— Чѣмъ дальше тянутся вѣка,—медлительно заговорилъ онъ,—тѣмъ грѣшнѣе станетъ мѣръ, и зло растеть, какъ горы, и люди отталкиваютъ отъ себя злобою Ульгения, который все болѣе и болѣе удаляется отъ людей съ ихъ грѣхами, все выше уходитъ вверхъ, въ чистое небо, чтобы запахъ грѣховъ не касался его, не доходилъ въ высоту, и дѣлается холоднѣе къ людямъ и затыкаетъ уши, чтобы не слышать ихъ молитвъ, и чѣмъ дальше будетъ уходить Ульгень, тѣмъ ближе подниматься будетъ изъ темнаго мѣста Эрликъ, выше и выше, ближе и ближе къ Карашу, стоящему надъ верхнимъ слоемъ земли, ближе къ людямъ и, когда настанетъ конецъ вѣка, онъ—Эрликъ—приблизится къ самой землѣ, а Карашъ выйдетъ на верхъ земли, тогда народъ вовсе забудетъ Ульгѣня. Карашъ, вышедшій на верхній слой земли въ Тепкарѣ, еще злѣе будетъ спорить съ нимъ о людяхъ. На помощь Карашу выйдетъ за нимъ на землю Керей съ тѣмъ, чтобы непременно завладѣть людьми, и пошлетъ съ неба богатыря Мангды-шѣре. Въ то время, какъ Тепкара съ Карашемъ будутъ продолжать споръ между собою, Мангды-шѣре будетъ рвать все тѣло Кереево на куски, отчего Керей застонетъ. Эрликъ, услышавъ стонъ Керей и узнавъ, что Керей не можетъ устоять противъ Мангды-шѣре, самъ выйдетъ на поверхность земли и убьетъ его. Ульгень, видя то, пошлетъ на землю богатыря Майдере, сильнаго и могучаго, и скажетъ ему:—„иди и не сражайся, а только стой и уговаривай людей, чтобы не слушались Эрлика, хотя онъ будетъ привлекать ихъ къ себѣ и мучить, и смотри, разсердившись, не убей Эрлика, или кого изъ богатырей его: будетъ тебѣ отъ этого грѣхъ большой... Пусть Эрликъ убьетъ тебя: тебѣ не будетъ больно и страшно. Я приду и ты возвратишься назадъ“.

— И сойдетъ съ неба Майдере, увидитъ, какъ на глазахъ его принуждаетъ Эрликъ людей, чтобы предались ему, и не вытерпитъ его сердце... А Эрликъ все будетъ улещать: „кто броситъ передо мною эрекэнь (лестовку) и предастся мнѣ, тотъ будетъ свободный мой слуга, а кто не покорится мнѣ и не будетъ вѣрвать мнѣ, тотъ будетъ мучимъ разными муками“.

— И знаетъ Майдере, что вретъ Эрликъ, и разгорится его сердце еще сильнѣе: на тонкую проволоку будетъ нанизывать онъ покорившихся ему, а не покорившихся — бросать въ огонь. Все это знаетъ Майдере и откроетъ онъ уста и скажетъ:

— „Вамъ не будутъ больны всѣ муки Эрлика, то я знаю; вѣрьте мнѣ, хоть онъ замучитъ васъ и до смерти; вѣрьте Ульгеню“.

— И станетъ говорить такъ хорошо, что половина людей перейдутъ къ нему, даже больше половины.

— Увидитъ это Эрликъ и, замучивъ не пошедшихъ къ нему, разъярится на Майдере и скажетъ:

— „Я имѣю силу и тебя убить мечемъ“.

— И поразитъ его съ великою силой.

— Хотя и не великъ станомъ Майдере, но кровь его ороситъ всю землю, и вспыхнетъ отъ крови и тѣла его пламя, обойметъ всю ее и взойдетъ на небо.

— Тогда сойдетъ съ неба самъ Ульгень, ударитъ въ ладоши и воскликнетъ:

— „Кый-деп“ (встаньте мертвые)!

— Отъ клича и дыханія Ульгенья мертвые встанутъ съ тѣлами; земля, огонь, вода, звѣри и рыбы возвратятъ тѣла людей, кто изъ нихъ что истребилъ. Изъ устъ Ульгенья выйдетъ пламя и воспламенитъ всю землю и сгоритъ земля, но, сгорѣвъ, не вся истребится, а только верхній слой нечистый, по которому ходилъ Курюмесь, а земля чистая, какъ бѣлая глина, что находилась подъ чернымъ слоємъ, останется вся, и изъ нея Ульгень создастъ новую землю.

— Вмѣстѣ съ черною землею сгоритъ самъ Эрликъ, его темные преданные ему духи и люди: всѣ

они сдѣлаются безтѣлесными злыми духами, и проклянетъ ихъ Ульгѣнь и скажетъ:

— „Ты, Эрликъ, со всей своей силой иди въ преисподнія пропасти адскія—Мангыс точіра тамынын тубинэ тюшсан, и тебѣ предавшіеся люди пусть летятъ, какъ мошки, за тобой“.

— Такъ Эрликъ и сила его низвергнутся въ муку, въ адскія пропасти и исчезнутъ изъ виду, а вѣрныя дѣти Ульгѣня останутся съ нимъ и будутъ жить въ его жилищахъ.

Онъ затянулся трубкой, положилъ ее, всталъ и, сложивъ вытянутыя руки ладонь къ ладони, протянулъ ихъ передъ собою съ поклономъ.

— Сиди!—сказалъ о. архимандритъ, которому все переводилъ о. Макарій.

И о. Макарій спросилъ старика горячо:

— Вотъ, вы видите: даже по вашему Эрликъ и Ульгѣнь—разное... почему же вы поклоняетесь злу? почему приносите ему жертвы? почему вѣруете, что они—боги ваши—дружны, хотя сами противорѣчите себѣ вашими же легендами и предсказаніями?..

— Такъ говорили наши отцы,—отвѣтилъ инородецъ невозмутимо,—такъ вѣровали, а дѣти должны слѣдовать вѣрѣ отцовъ.

По тону его голоса молодой монахъ понялъ, что эта душа не способна поддаться добру, что она не отречется отъ предрасудковъ и суевѣрій. Онъ съ грустью поглядѣлъ на своего начальника, а тотъ съ ласкою въ глазахъ сказалъ ему:

— Это—безплодная смоковница.

И, дѣйствительно, тихіе жители Башкаусской долины были дики, несмотря на доброту природную. Но они очень рѣдко, кромѣ торговцевъ, видали людей, а русскихъ боялись, и даже ихъ лошади боялись русскихъ. Путники подходили къ нимъ съ осторожностью, а онѣ всѣ дрожали и фыркали, точно чуя звѣря: можетъ быть, ихъ пугало отсутствіе запаха отъ одежды русскихъ, не пахнувшей специфическимъ запахомъ алтайской юрты.

Въ вершинахъ Башкауса стали попадаться коч-

корьи рога: у инородцевъ въ жилищахъ путники впервые увидѣли ихъ: нѣкоторые изъ нихъ были такъ велики, что одинъ рогъ вѣсилъ 22 фунта, и о. архимандритъ съ живымъ любопытствомъ спрашивалъ:— сколько же вѣситъ голова живого кочкора ¹⁾ съ обоими рогами?..

— Бывало, — говорили ему, — что и до двухъ пудовъ.

Чѣмъ выше поднимались путники, тѣмъ просторнѣй становились равнины между горъ; приходилось ѣхать долинами, поросшими сплошь лукомъ разныхъ породъ, попадались и березовыя рощи, ростомъ вершковъ въ 6—10. Нѣкоторыя березы состарились и засохли, и всетаки остались карликами въ палецъ толщины. По дорогѣ попадались и озера: маленькія озерки растаяли, а на большихъ еще стоялъ крѣпкій ледъ, по которому путники проѣхали свободно для сокращенія пути.

Да, на этой высотѣ въ половинѣ іюня они нашли зимній путь. Птицы даже почти не было, кромѣ варнавокъ, или ангаровъ—по алтайски—съ желтымъ опереніемъ, немного побольше домашней утки.

— Ихъ бить нельзя, — говорилъ проводникъ, — онѣ проклянутъ.

Зеленый, прекрасный Алтай остался далеко и, когда потухалъ закатъ, у путниковъ щемило сердце среди этихъ пустынь, не похожихъ на чудныя долины внизу.

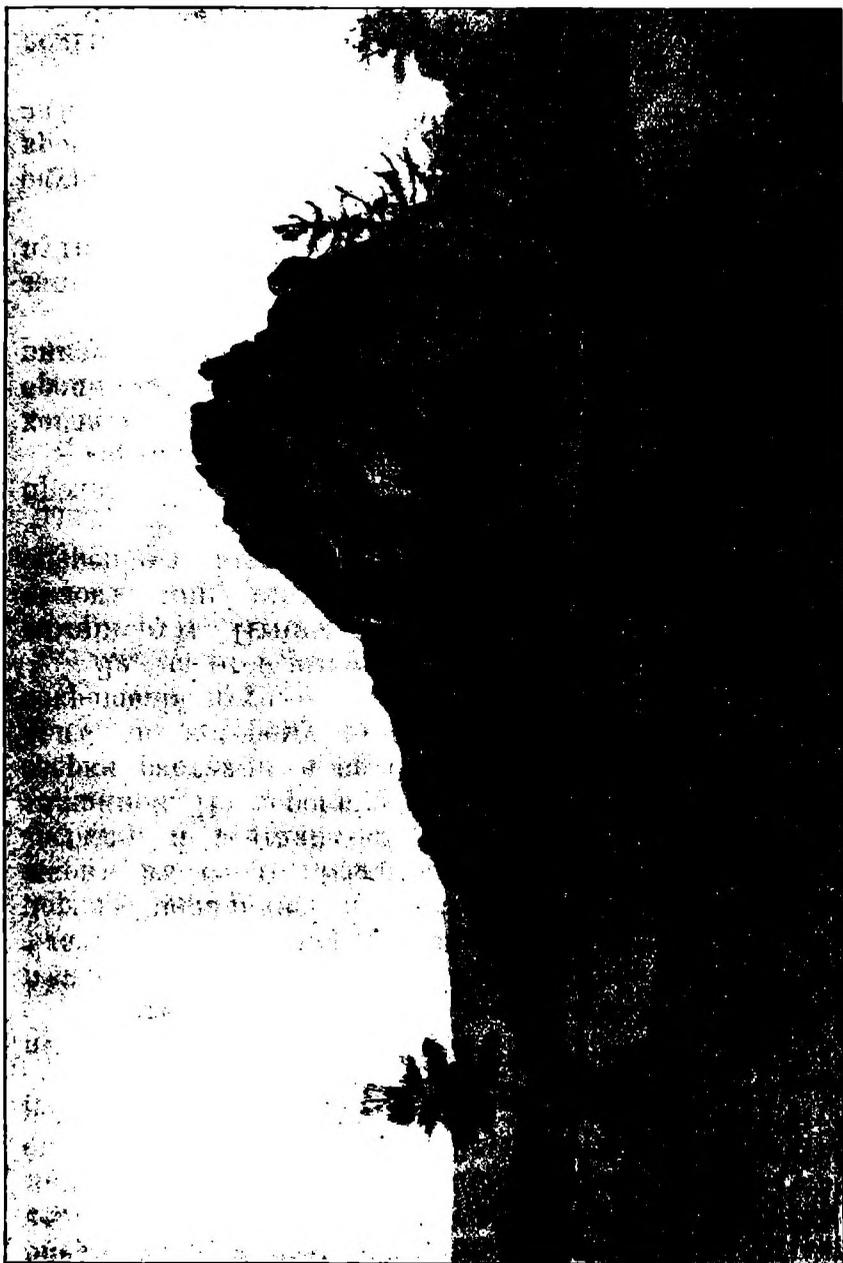
На самомъ Башкаусскомъ перевозѣ получена была записка отъ отца Смарагда: онъ писалъ одному изъ путниковъ:

— „Я на Чуѣ въ кожанѣ сажу въ палаткѣ и окуриваюсь постоянно дымомъ. Уготовьте плоть и кровь свою на съѣденіе комарамъ, отъ которыхъ здѣсь житья нѣтъ“.

Архимандритъ, узнавъ объ этомъ сообщеніи, невольно засмѣялся.

По дорогѣ, гдѣ ѣхали далѣе путники, не было

¹⁾ Дикій баранъ.

... наконецъ показалаь долина р. Чуи...

ни одной юрты, да и едва ли здѣсь было возможно жить: въ іюнѣ нерастаявшіе снѣга лежали кругомъ, трава едва начинала расти; тутъ наступала весна, и о. архимандритъ, смотря на эти мѣста, сказалъ:

— По штату теперъ, вѣдь, лѣто, а мы ѣдемъ весною: двѣ весны въ одномъ году переживаемъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ они стали опускаться къ Чуѣ, растительность пошла все лучше и лучше: листовенница, березникъ—прямые и стройные, и, наконецъ, показалась долина рѣки Чуи. Это была, какъ говорили проводники, самая обширная долина во всемъ Алтаѣ.

И о. архимандритъ, взглянувъ на нее, остановился и долго любовался ея видомъ, сказавъ о. Макарію:

— Точь-въ-точь іорданскіе виды.

Теперь стали попадаться стада верблюдовъ и сарлыковъ, но все было странное, не похожее на Русь: самый тальникъ и тотъ не походилъ на тальникъ въ Алтаѣ, и земля была мѣстами то желтая, то сѣрая.

Предостереженіе о. Смарагда оправдалось: день былъ жаркій, когда путники приблизились къ Кош-агачу, и комары порядкомъ ихъ намучили.

Тутъ остановились на отдыхъ. Въ Кош-агачской церкви о. архимандритъ сталъ служить, и, за немѣніемъ колокола, одинъ искусникъ-плотникъ произвелъ благовѣсть въ маховую пилу и даже „во вся“ съумѣлъ отзвонить, когда о. архимандритъ пошелъ изъ своей палатки къ церкви.

Послѣ службы пришли къ Улу-абызу чуйскіе зайсаны и димичи. На груди зайсана Чичкана была медаль, данная еще Императоромъ Павломъ I-мъ зайсану чуйской волости, дѣду теперяшняго зайсана Чичкана. У другого зайсана Мапдая прицѣплена была сабля, подарокъ того же Государя дѣду Мапдая. Они пили чай въ палаткѣ о. архимандрита и были въ восторгѣ отъ его пріема и ласковыхъ словъ.

— У насъ много озеръ,—говорилъ Мапдай,—и рыбы много въ нихъ, но почему то старые люди говорятъ, что ее вредно ѣсть: астан зовутъ ее, и похожа она на шуку. Старые люди умнѣ насъ, и мы боимся

ее вѣсть, а ловимъ хайрюзовъ въ рѣчкахъ на горахъ. Они рассказывали о своей жизни и бытѣ, о семьяхъ, и о. архимандритъ слушалъ ихъ рѣчи, которыя переводили ему то Чевалковъ, то о. Макарій.

Съ Кош-агача путники поѣхали на Китайскій карауль Юстышъ: отъ Кош-агача это мѣсто было въ 60 верстахъ на востокъ, и степь разстилалась кругомъ, безъ одной горки, ровная, гладкая, печальная, несмотря на то, что ее заливало солнце.

Въ Юстышѣ о. архимандритъ и всѣ заходили въ юрты китайскихъ солдатъ: юртъ было четыре, а солдатъ человекъ двадцать. Они были вооружены луками и казались древностью со своей обмундировкой и вооруженіемъ. Около ихъ юртъ расло много лѣсу, но они предпочитали топить кизякомъ свои жилища и варить на немъ пищу.

Это были сухощавые, желтолицые и несообщительные люди: видимо, печальная пустыня наложила на нихъ печать. Надъ ихъ юртами вертѣлись какія то вертушки. Оказалось, что это—молитвенныя машинки, и на ихъ крылышкахъ были написаны китайскія молитвы; вѣтеръ, дуя, вертѣлъ ихъ, и простодушные китайцы думали, что они такъ непрестанно молятся; они и въ юртахъ, только по другому, устроили себѣ молитвенныя машинки, похожія на центробѣжку для отдѣленія меда отъ сотъ, всю исписанную молитвами.

— Она за насъ и впередъ замаливаетъ,—съ полнымъ убѣжденіемъ говорили они.

Путники на Юстышѣ ночевали въ палаткахъ, и діаконъ Постниковъ, проснувшись ночью, почувствовалъ, что его что то придавило. Оказалось, выпалъ снѣгъ и чуть не изорвалъ тяжестью палатку. И это было 24-го іюня! Снѣгу выпало въ долинѣ болѣе полуаршина, и улыбающійся, уже привыкшій къ алтайскимъ сюрпризамъ, о. архимандритъ помогалъ разгребать мѣсто для служенія молебна, который захотѣлось ему тутъ отслужить.

Молебенъ пропѣли тутъ, на окраинѣ, забывая о лѣтѣ, закутаные. А солнце, ударяя въ снѣгъ, заставляло его сверкать и блестѣть, какъ зимою.

Съ Чуи поѣхали другою дорогою, чтобы обозрѣть болѣе мѣста въ Алтаѣ, черезъ Курай и Кубадру, гдѣ отъ самой Чуи до Башкауса не встрѣтили ни одного жилья. Башкаусъ переѣхали верхомъ на лошадяхъ. Нѣкоторые раздѣвались, боясь глубокаго и широкаго брода, а другіе замочили одежду, но переѣхали, не снимая ее.

О. архимандритъ былъ неутомимъ, и всѣ болѣе молодые, дивились ему: въ четыре часа онъ и о. Макарій были уже на ногахъ и на конѣ, въ 11—пили чай и, если находили рыбу, варили уху; вечеромъ, часовъ въ десять, молились на стоянкѣ, а въ одиннадцать ложились спать. И такой порядокъ ни разу не нарушался, онъ былъ сравнительно ужъ не молодъ, но крѣпкій духомъ и тѣломъ; на лошадяхъ ѣздилъ очень бойко, какъ будто не чувствуя утомленія.

Въ Улаганѣ (на устьѣ этой рѣки) съѣли послѣдніе сухари: осталась самая малость сухариныхъ крошекъ. На вершинѣ Улагана сварили уху, и, для экономіи, насыпали въ нее этой сахарной муки.

О. архимандритъ, смѣясь, замѣтилъ:

— Самъ французъ затруднится дать названіе этому кушанью.

Въ числѣ дорожныхъ запасовъ путники взяли съ собой колотый сахаръ для чая: отъ продолжительной тряски онъ превратился въ муку и потерялъ свой сладкій вкусъ.

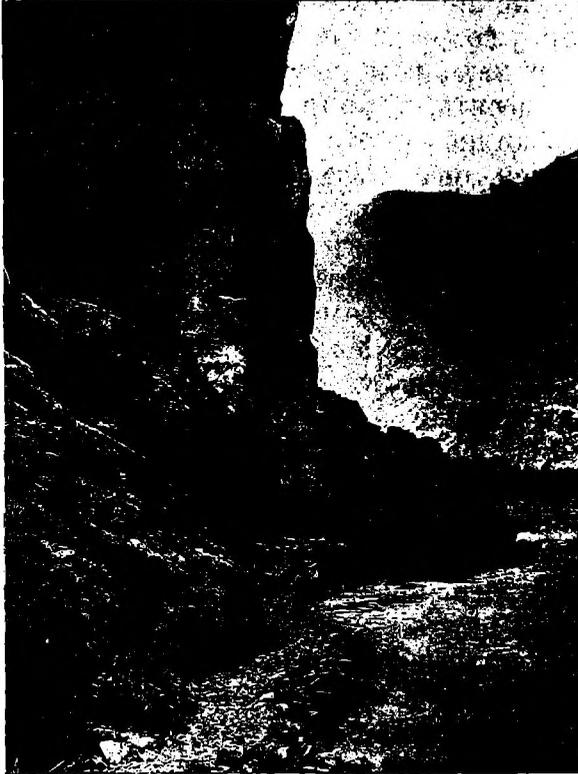
Въ монастырѣ они отдохнули подъ рокотъ водопадовъ, въ тишинѣ задумчивой долины.

— Хорошо, словъ нѣтъ,—говорилъ архимандритъ о. Макарію,—лѣтомъ, а зимою какъ тебѣ не жутко?..

— Привыкъ!—покойно отвѣчалъ тотъ.—Правда, мрачно, но за то въ ясные дни и лунныя ночи какая красота, о. архимандритъ, вы представить себѣ не можете: эти водопады точно гигантская рука останавливать, и повиснуть они бѣлымъ кружевомъ!.. снѣгъ сверкаетъ на деревьяхъ, по долинѣ цѣлое море снѣжныхъ брилліантовъ... А когда деревья покроются китью,—сказочное царство тутъ, заколдованное...

— Однако я тебя изъ этого царства всетаки возьму,—сказалъ о. архимандритъ ласково.—Душа го-

рячая... тебѣ надо юныя души учить: сѣмена сѣять въ нихъ... въ Чопошѣ я тебя намѣтилъ. Много мы съ о. Стефаномъ говорили о тебѣ... Вотъ, Солодчина тоже я выдѣлилъ: есть въ немъ духъ подвижника, душа его горитъ, а милый мой Петръ Ивановичъ (Макушинъ) къ

Итыкъ-Кая поднималась передъ ними стѣною, и слышался ритмическій шумъ Телецкого озера...

міру тянется... Будетъ и онъ дѣла вершить, но не съ нами, не въ миссіи: тутъ тѣсно ему станетъ... И привлекать не буду: на иное дѣло способенъ онъ, и не мало пользы принесетъ юноша тамъ, гдѣ будетъ.

И не ошибся этотъ орелъ, какъ звали его потихоньку, — зоркими умными глазами видѣвшій душу человѣка.

— Тутъ обитель будетъ,—съ упованіемъ говорилъ о. Макарій.—Авонъ второй: вѣрю я пламенно въ мечту мою о настоящей обители.

— И вѣрь,—говорилъ начальникъ,—о. Макарій—основатель, въ дѣло Алтая вѣрилъ глубоко: всходить сѣмена и взойдутъ... Что это за жизнь была свѣтлая! Я ему, какъ святому, поклоняюсь... О. Стефанъ говорилъ мнѣ, что тебѣ онъ наставленія давалъ: видѣніе тебѣ его было?...

И, видя смущеніе іеромонаха, положилъ ему отечески руку на плечо:

— Богатства какія таитъ долина Телецкая: мраморъ, азбестъ, золото, рыбъ, звѣрей таитъ до поры, и ты тай въ сокровищницѣ сердечной, въ смиреніи, то, что хочешь... Смотри, какъ подъ солнцемъ снѣга горять, такъ чистая душа передъ Богомъ пламенѣтъ... А онъ, праведникъ незабвенный, былъ дѣйствительный избранникъ Божій.

Они далеко ушли отъ монастыря: Итыкъ-Кая поднималась передъ ними стѣною, и слышался ритмическій шумъ Телецкаго озера: оно задумчиво плескалось, гонимое низовымъ вѣтромъ, и лизало прибрежные камни.

— Въ Улалу поѣдемъ,—сказалъ о. архимандритъ,—о. Стефанъ ждетъ... Увидѣлъ я васъ, и душа горитъ на дѣло... только бы удалить отъ этого чистаго дѣла душу затемненную... Ты знаешь, о комъ говорю я?..

И оба грустно переглянулись и поникли, словно виновные за грѣхи этой темной души.

Для маленькаго Ѳедора алтайчика былъ печальный день: его любимецъ уѣзжалъ надолго.

И Ѳедоръ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью полными слезъ глазами глядѣлъ на лицо о. Макарія. Старшій Улу-абыз ласкалъ его темную головку: это былъ добрый Улу-абыз. Но въ душѣ мальчика горѣла противъ него обида.

— Зачѣмъ ты везешь моего абыза?—сказалъ онъ

печально.—Зачѣмъ отнимаешь: у меня онъ одинъ, а у тебя сколько ихъ!

Чевалковъ переводилъ его слова, улыбаясь.

— Погоди,—приласкалъ малыша о. архимандритъ, —о. Макарій устройтъ школу въ Чопошѣ, на Катунѣ, зови мать и отца кочевать туда, тамъ хорошо водить скотъ, и ты будешь учиться, станешь большой и умный, какъ твой любимецъ.

— И буду помогать ему!—оживился ребенокъ.— Буду абызомъ, когда онъ будетъ старикомъ, и стану служить и также буду ходить за алтайскими ребятишками, какъ онъ, когда меня злая оспа мучила у насъ въ айлѣ....

Лодка тихо отплывала отъ монастыря, и задумчивый Алтынъ-Ту остался одинъ на виду, когда скрылось все остальное; какъ могущественный повелитель, стоялъ онъ надъ озеромъ и молчаливо хранилъ его заповѣдныя глубины.

Солнце играло на золотистой ряби, и въ умѣ о. Макарія пронеслись пережитыя тутъ печали и радости, вставали лица дикарей, полюбившихъ его, которыхъ онъ любилъ всѣмъ сердцемъ и отъ которыхъ уходилъ ради терпѣливаго послушанія на новую жатву, въ новое мѣсто служенія, для общей пользы Алтая.

— Буря будетъ и гроза,—сказалъ Чевалковъ, смотря на море, поднимавшееся надъ горами на югѣ,—надо, о. архимандритъ, выбрать мѣсто заранѣе.

— Какая буря?—удивились всѣ.—Такой прекрасный день.

Но кормовщикъ подтвердилъ предположеніе Чевалкова:

— Здѣсь все такъ,—сказалъ онъ:—мы примѣнились и къ этой ряби, и къ облакамъ; иныя пройдутъ и исчезнутъ безъ слѣда, а иныя принесутъ грозу и дождь... Смотрите, и рыба плавится: вонъ блеститъ.

И дѣйствительно сельдь играла серебряными стаями и плескалась, оставляя круги.

— Глядите!—сказалъ Постниковъ.

На берегу, среди лѣса, у самой воды, стоялъ большой медвѣдь, покойно глядя на Телецкое.

— Много ихъ тутъ,—сказалъ Чевалковъ,—съ охотниками не разъ я шатался молодымъ за ними. Умный онъ звѣрь, хотя и лежебока: храбраго отъ труса сразу отличить и нападаетъ на храбраго, когда съ ними люди воюютъ, ну, а такъ, когда въ лѣсу встрѣтится съ безоружнымъ человѣкомъ, то только на отступающаго нападаетъ и, если увидитъ, что не очень его испугались, всплыветъ на заднія лапы, обфыркаетъ человѣка и убѣжитъ... за зло только зломъ платитъ. Разъ въ черни ребенокъ алтайскій забрелъ въ чащу и пропалъ. Искали его искали и нашли близъ берлоги: спалъ онъ съ медвѣдемъ. Ночь; всѣ слѣды звѣря были около него, видно пожалѣлъ его, плакавшаго, медвѣдь. А боламчикъ послѣ матери болталъ про большую славную кысу, которая его согрѣла ночью, когда онъ замерзъ, и спала съ нимъ... Не то, что волки: тѣмъ не попадись... Охъ, и проклятые злыдни! тѣ и большого и маленькаго на куски растащутъ. Лакомки только медвѣди престрашные.

— Однажды мнѣ,—сказалъ кормовщикъ,—одинъ чуецъ про медвѣдя рассказывалъ, такъ я диву дался отъ его ума!

— Гребите дружиѣ,—крикнулъ онъ алтайцамъ,—ишь вѣтеръ потянулъ сильнѣе; до бухты надо доплыть: черезъ два часа Телецкое не узнаешь... Ишь, облака то растутъ и густѣютъ...

— Качать будетъ, о. архимандритъ.

— Ничего,—откликнулся тотъ, глядя на облака, поднимавшіяся выше и переводя глаза на медвѣдя, ставшаго совсѣмъ маленькимъ.

— Что же тебѣ говорилъ чуецъ твой?...

— Охотникъ онъ былъ замѣчательный: бродилъ по Алтаю въ самыхъ трущобахъ, и этихъ медвѣдей погубилъ множество. Цѣнили его купцы: всѣ краткіе пути онъ зналъ и не разъ водилъ караваны такими дорогами, о которыхъ и не слыхивали люди, даже проводники опытные не знали. Собою былъ небольшой, только кражистый такой, и голова, круглая

крѣпкая на здоровыхъ плечахъ у него сидѣла... одинокій только: съ дядей жилъ. Жены бралъ три—всѣ умерли, и смѣялся онъ:

— „Тайга—говорить—жена моя, звѣри—братья, а только я имъ братъ плохой“.

— Ну, разъ забрелъ онъ въ труппу: камни, да аржанъ элень, даже лѣсу нѣтъ, а завели его слѣды огромные медвѣжьи... „Такихъ—сказывалъ—отродясь не видалъ“. Ночь его застала въ камняхъ. Чуя плещется гдѣ то внизу въ долину, и слѣдъ онъ потерялъ навовсе. Ночь близилась. Тоскливо и жутко даже ему, привычному, въ этихъ камняхъ стало: всякое въ голову лѣзетъ, страсти разныя, а вотъ также гроза близится, да и не такъ, а какъ слѣдуетъ. Пыхается небо, и камни гудятъ. Хотѣлъ къ рѣкѣ спуститься, да больно ужъ круты скалы: бомъ высочаннѣй вышелъ... Побрелъ подъ камень, а гроза тутъ только и начала. Какъ ударить молнія въ камни, такъ отъ нихъ ровно искры летятъ, и слышитъ онъ — около него кто то въ камняхъ тяжело такъ, пугливо дышетъ... Метнулась молнія. Оглянулся охотникъ, и глаза на лобъ вылѣзли: глубже его, забравшись въ камни, сидитъ огромный медвѣдь, бусый весь, съ сѣдиною, или такимъ ужъ онъ ему со страху показался... Куда бѣжать? Громъ такъ и жаритъ, молнія, ровно змѣя, на камни кидается, внизу рѣка рокочетъ, вверху камень неприступныя, а сверху — Божій гнѣвъ: того и гляди убьетъ молнія! Жметъ медвѣдь подъ каменные утесы и человѣкъ тоже.

Думаетъ охотникъ:

— „Какъ это его сюды занесло?“

— А медвѣдь, поди, тоже про охотника думаетъ.

— Грохотъ кругомъ, ровно ужъ настали послѣднѣе часы, и мѣръ рушится. Вдругъ, какъ шархнетъ ударъ... такой ударъ, что медвѣдь взвизнулъ и къ человѣку, какъ собака, приткнулся головой косматою, точно спрятать ее хочетъ отъ бури. Дождь полилъ вслѣдъ за ударомъ этимъ, хлынули потоки, а человѣкъ и медвѣдь прижались въ убѣжищѣ своемъ.

— „И вдругъ“,—говоритъ пріятель мой,—„не

стало у меня страху передъ звѣремъ: оба, значить, въ бѣдѣ, оба въ страхѣ“.

И такъ дружно до свѣта просидѣли, только дремота не шла къ охотнику, а звѣрь сапѣлъ и повизгивалъ, видимо, засыпая.

— Далеко гроза ушла, и дождь утихъ. Омытые камни розовая заря освѣтила. Утро вставало благодатное.

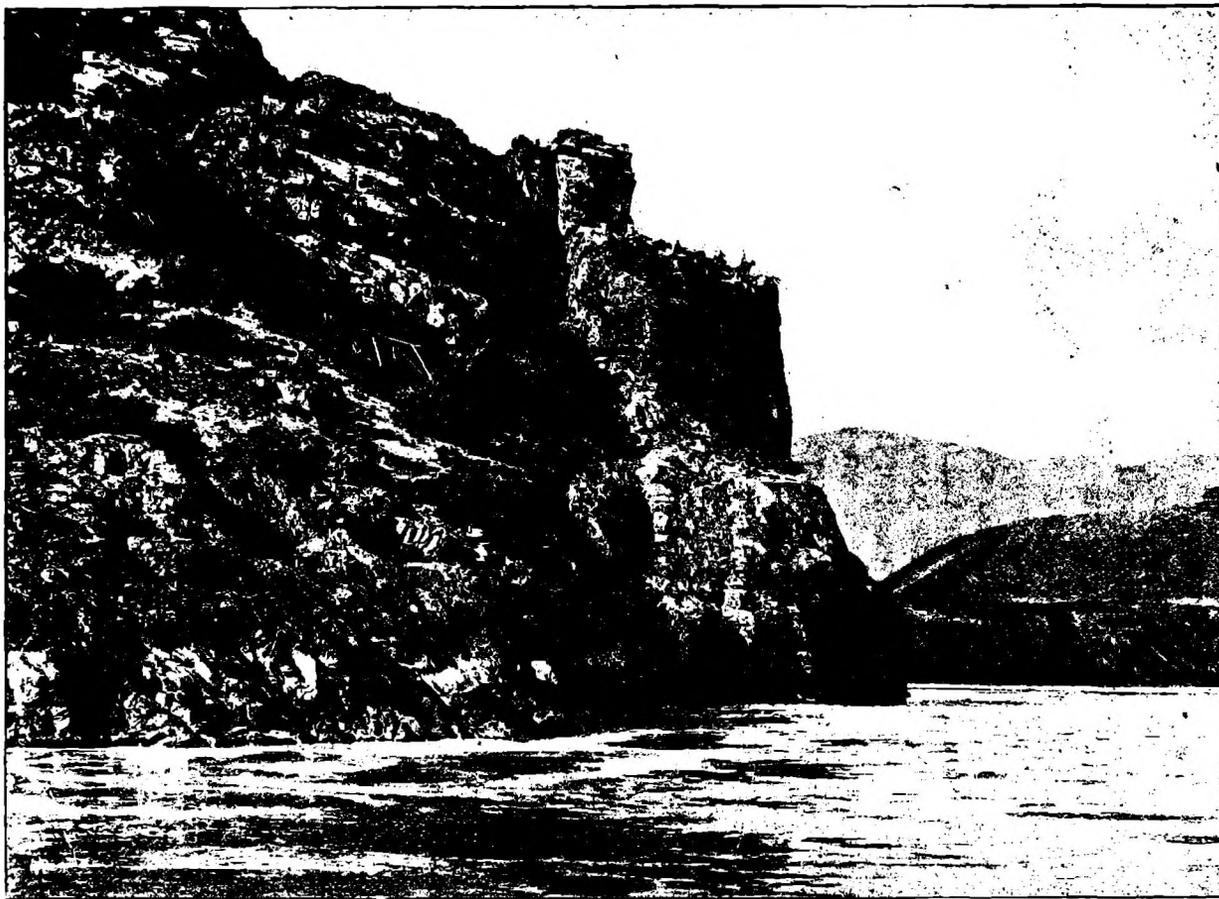
— И въ глаза впилися они другъ другу съ медвѣдемъ: ружье подъ рукой у охотника, ножъ. За борьбу приняться или нѣтъ, однако и мысли не пришло: словно тамыры они стали за эту ночь, а идти всеже надо.

— „Кто поручится“,—въ умѣ у него мысль ходить,—„что только стану я, а онъ меня сзади лапою хряпнетъ“.

— И ждетъ и глядитъ на огромнаго звѣря, а тотъ точно понялъ: всталъ, оглянулся и пошелъ, еще разъ оглянулся, ровно прощаясь, огромный и довѣрчивый, какъ дитя. Конечно, у охотника рука не поднялась стрѣлять въ него: покачалъ онъ головою и пошелъ въ другую сторону, а самъ себѣ завѣтъ положилъ—съ этихъ поръ медвѣдей не трогать.

Охъ, и скалы же на Чуѣ, и бома!.. Живалъ я тамъ съ инородцами. Лѣпнись по карнизку... Ну-ка, хвати буря этакая на бому да въ камняхъ? Взмолишься Богу и къ медвѣдю радъ присусѣдиться... Здѣсь—красота Божія, а тамъ жутко, хоша и долина огромная. У меня тамъ душа тосковала съ той поры, какъ я потерялъ коня своего: была у меня хорошая лошадь такая, подъ вьюкомъ ходила. Разъ въ дождь на тропѣ горной, на бому этомъ надъ Чуей, поскользнулась она и ухнула... заржала, ровно подстрѣленная, и—въ самую Чую съ камней, о которые разбилась. Ишь, какъ качать зачало.

Дѣйствительно, вѣтеръ крѣпчалъ: словно дымка подернула ясный, ослѣпительный, уходящій къ закату день. Солнце блѣднымъ свѣтомъ освѣщало все сквозь тонкое марево бѣлыхъ тучекъ, свѣтило, уходя къ закату. Озеро темнѣло, а скалы становились угрюмы-

...оҳъ и скалы же на Чуѣ и бoмaл живaль я тамъ съ инородцами... лѣпишься по карнизикy... ну-на, хвaти буря этaкaя на бoмy да въ камнѣхъ!..

ми и мрачными. Въ лодкѣ затихли разговоры: гребцы греблися усиленно, и берега точно убѣгали; среди скалъ показалась удобная бухта: небольшая долинка и рѣчка, зеленый берегъ, поросшій лукомъ и порослью разныхъ кустовъ.

— Ну, вотъ и пристань, а гроза далеко!—сказалъ діаконъ Постниковъ.

— Но она идетъ,—увѣренно молвилъ Чевалковъ, —вонъ и бѣляки; дальше, до другой бухты, плыть часа три.

И всѣ принялись помогать гребцамъ заводить лодку за скалистые камни въ тихую заводь.

Гроза не заставила ждать себя. Только успѣли путники раскинуть палатки и зажечь костеръ, какъ она разразилась съ обычною силой горныхъ грозъ, съ ослѣпительными молніями и ливнемъ, съ громомъ, отъ котораго гудѣли горы. Рѣчка превратилась въ грозный потокъ: она, какъ безумная, вся въ пѣнѣ, неслась въ озеро, и путники теперь поняли, почему Чевалковъ съ о. Макаріемъ велѣли разбить палатку на холмѣ, сравнительно далеко отъ нея.

Было рано, когда они напились чаю, и о. архимандритъ сталъ говорить съ некрещеными гребцами. Гроза унеслась и полыхала молніями далеко, но опять парило, предвѣщая другую грозу, и озеро глухо и грозно рокотало.

О. Макарій переводилъ слова о. архимандрита о синайскомъ законодательствѣ, о заповѣдяхъ, и инородцы слушали, попыхивая трубками.

Мальковъ спалъ въ углу палатки, а остальные спутники любовались на зигзаги молній, прислушиваясь къ глухому рокоту эха, приносившаго отзвуки уже отдаленныхъ раскатовъ.

О. Макарій живо передавалъ слова своего начальника своимъ мягкимъ голосомъ, звучавшимъ глубокой вѣрой.

— Хорошо это въ святыхъ книгахъ,—сказалъ послѣ его проповѣди кормовщикъ, великолѣпно знавшій алтайскій языкъ,—а у нихъ все то переверано: тоже слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ, а по-

вѣрїевъ этихъ—прямо куча цѣлая... ровно большія ребята они!

— Ты давно тутъ?—спросилъ его о. архимандритъ.

— Давно, съ молоду... И на Катунѣ жилъ, и на Чуѣ, и тутъ... наглядѣлся на нихъ... Привыкаемъ мы, русскіе, къ Алтаю. Я такъ къ горамъ привязался, не повѣрите, какъ сдумаю на родину въ Калужскую губернію съѣздить, баба моя ревѣтъ:

— „Тошно! да какже мы, родимый мой, наши горушки покинемъ?“...

— И меня такая тоска заберетъ, што подь она и Калуга... А, вѣдь, баба то моя тоже оттуда: не подумайте, что здѣшня... такъ, привычка, да и красота... душа человѣческая красоту шибко понимаетъ... Опять же, кабы камишки ихъ не сбивали, самый это расчудесный народъ! а то запуганы они... у насъ, простите за черное слово, діаволь, да черти... только и нечисти, а у нихъ—палкой бросишь, въ духа ли кагыра тамъ попадешъ, чисто наказанье: всѣхъ боятся, всѣмъ молятся, всѣмъ камлаютъ... Жирѣютъ камы, а они бѣднѣютъ: отецъ, вотъ, Макарій знаетъ ихъ хорошо.

— Да,—сказалъ Чевалковъ,—ты правду говоришь. Одинъ старикъ мнѣ давно говорилъ, что вѣруетъ въ Азу (злое божество—демонъ) и въ Алтайхана и Небухану жертвы приносятъ, и хлѣбныя жертвы высокимъ горамъ и рѣкамъ, которыя кормятъ насъ, какъ матери.

— Былъ тутъ камъ Ніасъ: считали они его сильнѣе всѣхъ камовъ, а онъ такой же былъ обманщикъ, какъ и всѣ... Вы его, о. Макарій, не застали—задавили его до васъ духи, которымъ онъ служилъ: много онъ ихъ шибко надувалъ.

Они всѣ продолжали разговаривать о суевѣрїяхъ слабыхъ душъ и о великой силѣ христіанства.

Озеро замолкало. Дальніе отблески молній становились слабѣе, а это уже не приносило ударовъ грома, только мгла ночи заполонила Алтай, властной рукой покрывъ его безчисленныя вершины.

Восьмого іюля путники возвратились въ Улалу. Всю

дорогу ихъ преслѣдовало ненастье съ самого Теллецкаго озера. Отъ продолжительныхъ дождей образовались на дорогѣ глубокія лужи. Подъѣзжая къ самой Улалѣ, діаконъ Постниковъ, переѣзжая такую, сказалъ о. архимандриту:

— Тысячу верстѣ проѣхалъ я на конѣ, а не...

Но не договорилъ и упалъ въ лужу съ неожиданно споткнувшагося коня.

О. архимандритъ отъ души смѣялся надъ нимъ вмѣстѣ со всѣми и замѣтилъ ему въ назиданіе:

— Впередъ, братъ, не хвались!

— Да,—говорилъ онъ въ этотъ вечеръ своего возвращенія о. Стефану,—не можетъ быть Чолушманскій монастырь центромъ миссіи по недоступности своей. Цѣню красоту мѣста его, цѣню его, какъ разсадникъ подвижничества, но о центральности нѣтъ и мысли... Понялъ я душу Аѳанасія Григорьевича и ваши страданія напрасныя, другъ мой о. Стефанъ, и постараюсь, чтобы не вѣрили болѣе этому человѣку.

И Мальковъ понялъ, наконецъ, что новый начальникъ миссіи еще болѣе стараго начальника не сочувствуетъ его торгашескимъ цѣлямъ, не хочетъ подчиняться попечителю миссіи, какимъ считалъ себя онъ, Мальковъ, требуя даже, чтобы всѣ суммы миссіи были въ его распоряженіи.

И полетѣли на о. архимандрита разныя клеюзы въ Петербургскій Совѣтъ миссіонерскаго общества. Малькову тамъ вѣрили ранѣе, повѣрили и теперь.

Слова о. Стефана Ландышева оправдались.

И надѣлалъ же вреда миссіи этотъ человѣкъ! И, когда его поняли, было уже много сдѣлано зла, и было поздно поправлять тѣ скорби и печали, которыя онъ принесъ скромнымъ незамѣтнымъ подвижникамъ Алтая.

Былъ праздникъ, и послѣ служенія соборнѣ, о. Макарій, выходя отъ архимандрита, встрѣтилъ одного знакомаго новокрещеннаго инородца изъ Ташты.

— Что ты такой, точно испуганный?—спросилъ онъ, внимательно глядя на его лицо.

— Ой, у насъ худо страсть!—покачалъ тотъ го-

ловою.—Знаешь, какой народъ у насъ, о. Макарій? знаетса съ темными, какъ сосѣдь мой. Я тебѣ говориль, не хочешь слушать—да слушаешь его, кладеть тебѣ свои мысли въ душу, а ты пляшешь, ровно по его... Половина добрая такихъ забрала власть надъ слабыми, и ровно мы работники у нихъ, а тутъ вчера сердце не стерпѣло у нашихъ: ужъ шибко зачали тѣ, сильные, помыкать, а наши поднялися. Тутъ и началось это: возразиль Николай ихнему Петрухѣ, прицѣпились другіе и—пошло. Весь вечеръ дралися, на утро опять... я насилу убѣждалъ: всѣ—бабы, дѣти другъ на друга идутъ злыя... Тавкушова избили до смерти, боламчика одного захлеснули. Себя я не поминиль, какъ летѣль сюда... Какъ унять ихъ?.. Они до тѣхъ поръ драться будутъ, пока не лягутъ всѣ: разжигаютъ ихъ черные духи... Такой ревъ былъ,—какъ я на лошадь палъ, въ горахъ раздается! И долго я его слышалъ. Чего дѣлать съ ними?.. Какъ я то убѣждалъ!.. Дядя мой—старикъ, а туда же. Всѣ старики повылѣзли, кто чѣмъ попало лупить.

— Что?—спросиль о. Стефанъ, подходя.

И о. Макарій, весь блѣдный, передалъ ему въ короткихъ словахъ о случившемся.

— Нехорошіе люди,—тревожно сказалъ тотъ,—у нихъ это какое то внушеніе: одна половина властвуетъ всегда надъ другой. Къ печали моей, замѣчалъ я, что властвуетъ дурная половина... Тебя это взволновало, о. Макарій?..

— Я поѣду туда!—сказалъ о. Макарій.—Они перебьютъ слабыхъ... не могу я терпѣть... Вы скажите о. архимандриту, что поѣхалъ я туда уговорить ихъ, образумить.

— Стой,—пытался остановить его о. Стефанъ,—неразумный, что ты одинъ можешь? вѣдь, звѣри тамъ!.. постой: народъ собрать надо, и я двинусь, а то...

Но о. Макарій забылъ даже послушаніе: его сердце горѣло пламенемъ. Тамъ погибали люди.

И, взявъ лошадь, онъ и успѣвшій прибѣжать толмачъ, поскакали, далеко опередивъ собравшихся

вслѣдъ за ними людей. О. Макарій подгонялъ коня: сердце его ныло и болѣло.

— „А вдругъ половина перебита?.. малютки неповинныя!.. Господи, за грѣхи попускаешь Ты бѣды эти“.

И забылъ, обыкновенно милосердный къ животнымъ, что лошадь и его и толмача выбиваются изъ силъ.

И правда, еще далеко не доѣзжая до Ташты, они съ толмачемъ услышали гулъ голосовъ, глухой и грозный. Стало-быть, война не прекратилась и нужна была помощь спѣшная, быстрая.

И, пылая весь, отецъ Макарій пронесся по уличкѣ, соскочилъ съ коня и, бросивъ его, истомленного и измученнаго, ринулся туда, гдѣ стѣна со стѣною двѣ кучки озлобленныхъ людей били другъ друга, не помня себя и наполняя воздухъ стонами.

— Безумные, что вы дѣлаете?.. забыли Бога!— кинулся онъ между ними.— Затѣмъ ли учили мы васъ любви, не щадя силъ, чтобы вы избивали другъ друга?! Христосъ накажетъ васъ за зло!.. Опомнитесь... вонъ, смотрите, лежитъ дитя, стонетъ старуха, а этотъ,—указывалъ онъ на окровавленныхъ,—а тотъ? а эти?.. сколько, можетъ быть, убитыхъ!.. вонъ, чье то тѣло... живъ ли?!

И съ состраданіемъ склонился надъ павшимъ окровавленнымъ человѣкомъ.

И въ эту минуту послѣдней вспышкой неутолимой злобы вспыхнули сердца сильной половины Таштинцевъ...

— Зачѣмъ этотъ?.. какъ смѣлъ мѣшать?!.. развѣ дѣло абызу мѣшаться въ ихъ расправы?!..

И по рядамъ сильныхъ пролетѣло грозное:

— Уходи, абызь! уходи, а то, смотри, будетъ худо!..

Но ихъ власть не касалась его: темное внушеніе не могло коснуться свѣтлой души и, поднявъ голову, онъ сказалъ покойно:

— Я не уйду и не дамъ вамъ обидѣть слабыхъ ни за что... Вотъ крестъ. Видите: онъ защититъ!.. Смотрите, сколько раненыхъ!.. Вы должны уйти, бросить... Именемъ Божиимъ велю вамъ сдѣлать это!

И всталъ съ крестомъ впереди слабыхъ опомнившихся людей.

— Вотъ тебѣ!—крикнулъ тогда Тибанъ, самый злой изъ злобной половины.

Это былъ высокій, здоровый человѣкъ, сильный, какъ быкъ, и разъяренный теперь до крайности.

Его рука поднялась и обрушилась на отца Макарія, поразивъ его.

О. Макарій упалъ на колѣни, но это была только секунда.

Онъ поднялся опять и безстрашно раскинулъ руки:

— Ты можешь убить меня: я прошу тебя объ этомъ; убей, если тобой и твоими овладѣла ярость; если душа твоя ищетъ крови; убей: обо мнѣ некому плакать, но тѣхъ не тронь... Что же ты?..

Разгорѣвшимися глазами онъ глядѣлъ на Тибана, и эти ясные, смѣлые глаза точно имѣли власть: гигантъ Тибанъ отстранился, отступилъ, а за нимъ и его смущенные родичи отступили передъ безоружнымъ небольшимъ человѣкомъ, разившимъ ихъ однимъ словомъ.

И, трепеща, они вдругъ заговорили:

— Абызь, прости! абызь, не сердись: мы сами не знаемъ, что случилось съ нами... сами не помнимъ... Прости, абызь!

За минуту дикіе, полные гнѣва, они окружили его, умоляя простить, обѣщаясь быть добрыми, обѣщаясь никогда не поднимать руку на своихъ.

И Тибанъ, въ слезахъ, трясясь грузнымъ тѣломъ, пуще всѣхъ молилъ о прощеніи.

Лицо о. Макарія просвѣтлѣло: онъ теперь повѣлѣвалъ ими. Его Богъ помогъ ему, и эти звѣри, къ пріѣзду о. Стефана превратившіеся въ ягнятъ, теперь смиренно помогали ему убирать раненыхъ и ходить за ними, сокрушенные, въ сознаніи вины глядя на него съ глубокимъ уваженіемъ и любовью.

О. Стефанъ долго качалъ головой, возвращаясь въ Улалу и слушая толмача.

— Убить могли,—говорилъ онъ архимандриту.— Богъ спасъ его... Ахъ, горячее сердце.

А архимандритъ, кладя ему руку на плечо, ска- залъ:

— Нѣтъ больше той любви, нежели кто душу свою положить за други своя... Не печалься о немъ; о. Стефанъ: онъ дѣлаетъ такъ, какъ учить его хоро- шее, доброе, пламенное сердце... Недаромъ же ты зо- вешь его своимъ золотомъ.

11-го августа начальникъ миссіи опять поѣхалъ по Алтаю.

Въ Алтайскѣ засѣдатель посовѣтовалъ архиман-

Алтай. Архіерейскій домъ въ Улаѣ...

дриту взять опытнаго проводника, прекрасно знав- шаго мѣстность, и указалъ на жителя Сарасы, Ка- питона Старкова, опытнаго наѣздника, прекрасно знав- шаго Алтай.

Быстро замелькали алтайскіе виды, долины и горы. Въ Черномъ Ануѣ прожили два дня, служили; въ Абаѣ сидѣли за дождемъ цѣлыя сутки и, не смотря на непогоду, поѣхали въ Онгудай и Мыюту.

24-го были въ Чемалѣ, а 25-го въ Улаѣ и тамъ получили извѣстіе, что жившіе по р. Чопошу ино- родцы хотятъ креститься и ждуть миссіонеровъ. Это было большою радостью для архимандрита, но дѣла звали его въ Барнаулъ и, взявъ съ собой діакона

Постникова, онъ поѣхалъ туда спѣшно на перекладныхъ, подъ проливнымъ дождемъ, лившимъ какъ изъ ведра. Пришлось къ ночи остановиться подъ Бійскомъ, въ деревнѣ Сроскахъ.

— Тутъ третеводни вашъ попечитель ночеваль,— говорилъ словоохотливый хозяинъ,— вотъ въ той комнатѣ... сказываль, въ Петербургъ поѣхаль... што-то больно сердитый былъ.

Пужинавъ, діаконъ Постниковъ вошелъ въ эту комнату и случайно замѣтилъ у угольнаго стола на полу какую то бумагу. Развернувъ ее, онъ увидѣлъ, что она написала рукой Малькова, и, пробѣжавъ написанное, съ невольнымъ восклицаніемъ кинулся къ о. архимандриту.

— „Расходы, произведенные Мальковымъ, по устройству женской общины и мужского монастыря“,— прочиталь тотъ, не вѣря глазамъ.

Тутъ было написано: 2 тысячи рублей на желѣзо, 2 тысячи рублей за постройку и прочее. Въ этомъ родѣ... бумага была писана для того, чтобы получить по ней деньги съ Петербургскаго Совѣта миссіонерскаго общества.

— Господи, да вѣдь желѣза на двѣ тысячи рублей пожертвоваль Морозовъ!.. а эти двѣ тысячи—Сергѣй Петровичъ Петровъ!— качая головой, сказалъ о. архимандритъ, въ глубокомъ негодованіи, читая дальше.

И изъ чтенія убѣдился, что вся бумага набита фиктивными расходами.

— Твоя находка дороже золота,—сказаль онъ діакону.

И, дѣйствительно, эта бумага впослѣдствіи много пособила начальнику миссіи, когда нужно было разъяснить дѣятельность Малькова въ Алтаѣ.

Въ Барнаулѣ хлопоты о выдвореніи раскольниковъ, самовольно поселившихся въ устьѣ Чопоша, увѣнчались успѣхомъ: дѣло было окончено благопріятно, и 23-го сентября архимандритъ съ о. Макаріемъ были уже въ Чопошѣ.

Сначала всѣ жили въ палаткахъ.

Погода была ненастная: дождь и снѣгъ; въ особенноти же донималъ холодный вѣтеръ, и при скудномъ питаніи на чаѣ и сухаряхъ; это было очень чувствительно. Бѣдные путники вдоволь намерзлись и наголодались. Холодъ, наконецъ, такъ донялъ ихъ, что о. архимандритъ рѣшилъ перейти въ юрты, и сразу всѣ почувствовали себя хорошо и повеселѣли: дороже дворцовъ послѣ холода палатокъ показались эти юрты, а изъ Чемала, къ довершенію благъ, привезли хлѣба, и изъ Эликмонара рыбы и кочанъ капусты. Діаконъ смастерилъ щи, и всѣмъ они показались такими хорошими, какихъ никогда не ѣдали.

47 человекъ крестили тутъ. Лица миссіонеровъ были свѣтлы и ясны: такая обильная жатва радовала подвижниковъ, и въ холодный день радостно звучало пѣніе, и глаза о. Макарія и архимандрита свѣтились и сіяли.

Поросль чернолѣся въ желтомъ уборѣ горѣла подъ лучами солнца. Стройныя горныя громады чутко слушали, звенѣли рѣки, и небо синѣло, нѣсколько поблѣднѣвшее осеннее небо съ тонкимъ маревомъ блѣсоватыхъ облачковъ, не мѣшавшихъ, однако, свѣтить солнцу.

Всею душой о. архимандритъ отдался миссіонерству: онъ забылъ совершенно о Мальковѣ, дѣлавшемъ свое темное дѣло, и оскорбительныя письма, которыя онъ получалъ изъ Петербурга по доносамъ того, заставляли его только махать рукою.

Въ семь часовъ утра начиналась его работа. Въ двѣнадцать часовъ онъ обѣдалъ, послѣ обѣда до 11 часовъ ночи опять трудъ. И такъ каждый день.

Діаконъ Постниковъ, служившій архимандриту въ качествѣ письмоводителя миссіи, нерѣдко спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, дѣля поѣздки. Онъ, просыпаясь въ 12 часовъ, видѣлъ его сидящимъ за работой, просыпаясь же часа въ три, видѣлъ, что онъ читаетъ въ постели.

— Вы что же не спите?—спрашивалъ онъ.

— Пробовалъ, да ничего не вышло,—отвѣчалъ всегда архимандритъ со своею мягкой улыбкой.

Вставая часовъ въ 6 утра, Постниковъ уже увидѣлъ его за работой.

Подъ праздники о. архимандритъ никогда не спалъ, а между тѣмъ приходилъ въ церковь бодрымъ совершенно. Служилъ онъ превосходно, и за его служеніемъ всегда была полная церковь молящихся, а во время пресуществленія Даровъ у о. архимандрита на глазахъ были слезы. Не смотря на духоту и жару въ церкви, онъ всегда говорилъ проповѣди убѣдительно, ясно и интересно. И жаль было, что эти поученія не записывались; тогда не было досуга сотрудникамъ записывать ихъ въ это кипучее время... Только крѣпкая натура архимандрита могла выносить этотъ порядокъ жизни.

О миссіи стали узнавать: и служеніе о. Стефана, и труды Агриппины Іоновны, и незамѣтные подвиги о. Макарія, и дѣла многихъ труженниковъ: о. Василія Вербицкаго, о. Смарагда, о. Іоанна Постникова, діакона Чевалкова, о. Іоанна, о. Иннокентія и Антонія и многихъ другихъ стали темою для разговоровъ въ кружкахъ вѣрующихъ людей. Ихъ начинали цѣнить, о нихъ заговорили по всему Алтаю такъ же, какъ о ихъ начальникѣ.

— Живутъ тамъ, въ Алтаѣ, подвижники Божіи, и не держатъ ихъ ни вода, ни снѣгъ, ни мятели, ни тропы горныя, ни морозы,—говорили на Чарышѣ казаки въ станицахъ...—Зачалъ это дѣло святое—алтайцевъ бритолобыхъ крестить—старецъ Макарій; теперь ужъ онъ скончался; а за нимъ и другіе пошли—молодые и старые: у нихъ и жены то всѣ въ работѣ: обшиваютъ татаръ, обмываютъ, учатъ... И на Чолушманѣ они пробрались, и въ тайгу Кузнецкую, и на Чую, и въ Чопошъ... Новаго начальника мы видали: у насъ былъ на Чарышѣ этотъ начальникъ ихній... зоркіе такіе глаза!—разсказывалъ проѣзжающему генералу, любопытствующему о миссіонерахъ, старый казакъ ямщикъ.—И о. Макарія второго видаль я: сухонькій, небольшой, а глаза свѣтятся, ровно у человека могучаго... Видна въ немъ рука Божія... люблю такихъ... Въ Богѣ всѣ, и за людей, за плитокъ этихъ

алтайскихъ, радъ душу вынуть... Хорошая слава о нихъ идетъ: и лѣкаря, и сидѣлки, за больными хо-

Нового начальника мы видали: у насъ былъ на Царышѣ этотъ начальникъ ихній...

дятъ за всякими, не брезгуя, не ищутъ тамъ жалованья себѣ, а и положенное отдаютъ всѣ, тутъ же на крещеныхъ тратятъ... и, небось, скажи имъ: „вонъ,

тамъ за горами за долами человѣкъ хочеть креститься, больной, прѣхать не можетъ!“ въ ночь, въ полночь кинутся: и рѣки, и морозы не удержатъ... Святые люди... Може, увидите ихъ и сами!

И слова этого старика были правдивы, какъ сама правда: для того, чтобы уловить христіанскую душу, миссіонеры охотно тянулись въ самые глухіе и опасные уголки Алтая, по дорогамъ непроходимымъ, гдѣ даже верхомъ нельзя было пробраться, перебираясь, разувшись, черезъ броды, и несли святое слово Христово желающимъ безъ громкихъ рѣчей, забывая въ трудѣ очень быстро то, что они сдѣлали.

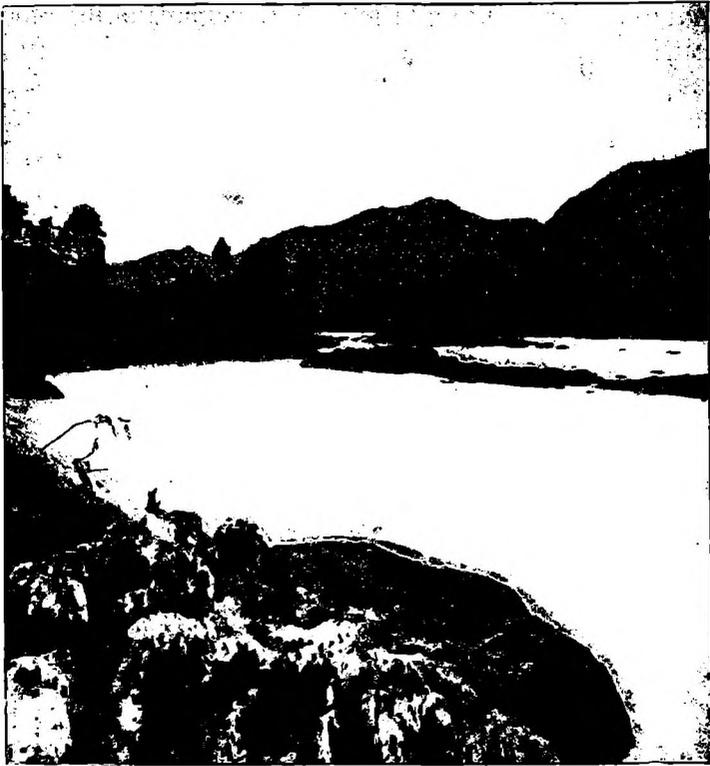
Правда, другіе много болѣли послѣ купаній въ половодье, или въ осенніе холодные дни; послѣ невольныхъ холодныхъ купаній получали ревматизмъ, страдали лихорадкою, но кому было обращать на это вниманіе? ихъ трудъ видѣлъ Богъ, и только архимандритъ цѣнилъ и жалѣлъ такихъ, съ грустью думая о ихъ трудной жизни и забывая свой личный трудъ.

На голову его, этого ясноглазаго труженника, орла, какъ его называли миссіонеры, бывшіе его петербургскіе пріятели вылили цѣлый ушатъ грязи и заставили цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ нести тяжелую ношу трудовъ и скорбей на Алтаѣ, но зато своимъ безпристрастіемъ и искреннимъ обращеніемъ о. архимандритъ Владимиръ стяжалъ себѣ довѣріе и любовь алтайскихъ миссіонеровъ: всѣ точно ободрились и заработали съ особой энергіей. Въ 1866 году было окрещено язычниковъ 552 человѣка. Съ самаго основанія миссіи такое большое число язычниковъ крещено въ первый разъ, и о. архимандритъ лично окрестилъ 85 человѣкъ.

Рукополагая своего діакона Постникова въ священники Мыютинскаго стана, о. архимандритъ поздравилъ его на дому съ полученіемъ благодати и сказалъ ему:

— Священникъ какъ глинянный горшокъ: пока горшокъ цѣлъ, онъ въ чести, а разбился—его выбрасываютъ, какъ негодную вещь!.. Помни, братъ, это... постарайся быть цѣлымъ во всю жизнь.

И эти, полныя горечи, слова остались на всю жизньъ памятными о. Василию Постникову, положившему ее для Алтая и до смерти сохранившему къ своему начальнику теплую признательность и любовь.

И красивая мятежная Катунь рассказывала, несясь стремительно по долинамъ, прибрежнымъ камнямъ, о незамѣтныхъ подвигахъ ихъ жизни...

Дни шли, проходили мѣсяцы, годы, ширилось и расло святое дѣло, а молодой о. Макарій начиналъ опять новый трудъ на берегахъ Катуня, въ Чопошскомъ станѣ, по прежнему отдавая силы и все свое любящее сердце Алтаю и алтайцамъ, большимъ и малымъ, самоотверженно полагая вмѣстѣ съ начальникомъ миссиі и миссіонерами душу свою за други своя.

Задумчивыя, повитыя снѣгами горы, принимали эту великую жертву въ спокойномъ благоговѣйномъ безмолвіи, но ихъ громады въ куреніи облаковъ, въ оиміамѣ хвойнаго аромата, въ пѣніи птицъ и въ гомонѣ ручьевъ и водопадовъ благословляли своихъ апостоловъ, на служеніе имъ принесшихъ свои силы. И красивая мятежная Катунь рассказывала, несясь стремительно по долинамъ, прибрежнымъ камнямъ, о незамѣтныхъ подвигахъ ихъ жизни, которые видѣло вѣчное небо и праведный Богъ.

... Я слышалъ легенды, я ихъ понималъ, о краѣ, въ которомъ громады свои
рядъ за рядомъ Алтай поднималъ...

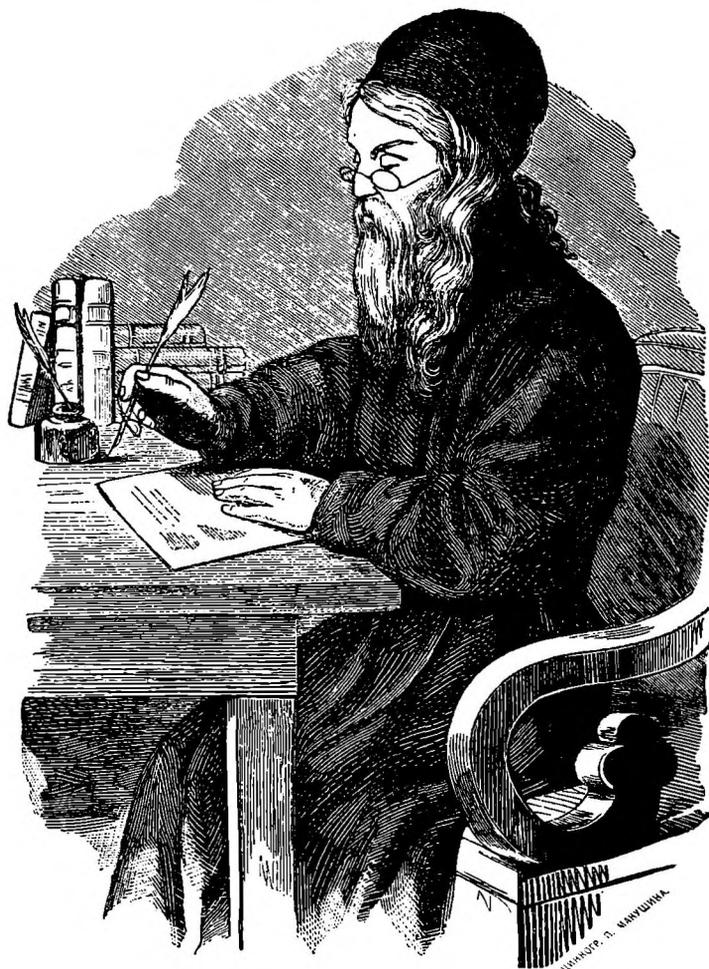

Какъ пѣна, летятъ водопады со скалъ,
Повитыхъ въ вершинахъ снѣгами,
Я ихъ разговоры нерѣдко слыхалъ,
Забравшись къ нимъ межъ камнями.
И бѣлая пѣна летѣла ко мнѣ,
Съ утесовъ срываяся съ шумомъ,
И пѣла о прошлой былой старинѣ,
И въ пѣснѣ, порою, угрюмой,
Я слышалъ легенды, я ихъ понималъ,
О краѣ, въ которомъ громады
Свои рядъ за рядомъ Алтай поднималъ,
Бросая съ вершинъ водопады.
И эти легенды касались тѣхъ,
Которые нѣкогда жили,
Чья жизнь была трудной, безъ свѣтлыхъ угѣхъ,
Кто край этотъ нѣжно любили.
Мнѣ, можетъ быть, то водопадъ не шепталъ,
Мнѣ, можетъ быть, сердце сказало
О тѣхъ, кто тутъ подвиги несъ и страдалъ.

..Бросая съ вершинъ водопады...

Да, это мнѣ память шептала!
 Отъ края до края, отъ сонныхъ моренъ
 И глетчеровъ мощныхъ, ихъ слово

... Макарій тутъ силы свои положилъ...

Прошло, угоня языческій плѣнъ,
 Какъ пламя огня молодого.
 Ихъ видѣла Бія, въ Катунѣ они
 Дѣтей ея часто крестили,
 То были разсвѣта желаннаго дни,

И скоро ихъ всё оцѣнили.
 Несли они свѣтлое слово любви,
 Любви христіанской учили,
 Въ потокахъ купаясь Алтайской земли,
 И зной и морозы сносили.
 Россія не знала о подвигахъ ихъ:
 Они не искали награды..

... Владимиръ... Святыя хранить имена Алтай основателей свято...

О подвигахъ этихъ, сокрытыхъ, святыхъ,
 Гудятъ и поютъ водопады.
 И дивный, задумчивый, сказочный край
 О нихъ никогда не забудетъ,
 Снѣгами повитый въ вершинахъ Алтай,
 Любя, благодаренъ имъ будетъ.
 Они въ его горы культуру внесли,
 Внесли въ него чистую вѣру

И Божіимъ словомъ людей привлекли,
 И камамъ поставили мѣру.
 Обманъ увидали алтайцы тогда
 И вѣру въ иномъ свою свѣтъ...
 Ихъ звали немолчно, ихъ звали всегда:
 „Идите, заблудшія дѣти!“
 Макарій тутъ силы свои положилъ;

... Ихъ съ новымъ Макаріемъ чтить вся страна...

Ходилъ онъ, недугъ забывая,
 Въ глухіе аилы, не разъ посѣтилъ
 Онъ дикія дебри Алтая.
 Владимиръ... Святыя хранитъ имена
 Алтай основателей свято,
 Ихъ съ новымъ Макаріемъ чтить вся страна,
 Ихъ знаютъ въ аилахъ ребята.
 Два первые тихо въ могилѣ ужъ спятъ.
 Далеко отъ дебрей Алтая,

Сотрудники ихъ по Алтаю лежатъ...
 Обильна ты, жатва земная!
 Стефанъ и Василій,—да мало ли ихъ,
 Любимыхъ и чтимыхъ народомъ?
 Въ Алтаѣ такъ много могилъ дорогихъ
 Подъ яснымъ его небосводомъ!
 И память мнѣ шепчетъ о имени томъ,
 Кто названъ Макаріемъ новымъ,
 Кто долго ходилъ по Алтаю съ крестомъ,
 И въ подвигѣ жизни суровомъ
 Такъ чтимъ былъ и нынѣ Алтаемъ любимъ,
 Кого на Алтаѣ назвали своимъ.
 Да, молодость отдалъ Макарій второй
 Алтаю и всѣ свои силы,
 И принялъ монашества подвигъ святой.
 И были любимы и милы
 Ему этихъ края лѣсистыхъ хребты,
 И полныя мира долины
 Любилъ онъ, лелѣя святая мечты,
 И свѣтлыя видя картины
 Алтая крещенаго! Долѣе всѣхъ
 Трудился надъ жатвой онъ спѣлой,
 Въ печаляхъ нерѣдкихъ, не зная утѣхъ,
 На дѣло и скорый и смѣлый.
 И нынѣ, когда его Богъ посѣтилъ,
 И въ церкви высоко поставилъ,
 Къ Алтаю онъ ту же любовь сохранилъ,
 Алтай и теперь не оставилъ.
 Не даромъ въ видѣнны когда то сказалъ
 Ему Просвѣтитель Алтая:
 — „Ты послѣ меня здѣсь!“ --на подвигъ позвалъ...
 И жизнь всю людей просвѣщая,
 Ты помнилъ, Печальникъ Алтая, завѣтъ,
 Ты, край не покинувъ, трудился
 И перваго свято исполнилъ обѣтъ,—
 И жилъ, и училъ, и молился.
 — „Дай Боже, ему еще долгіе дни
 И многіе, свѣтлые годы!“—
 Мнѣ слышится въ пѣнѣ... иль, можетъ, они,
 Слова тѣ, живутъ у народа?

Да, эти слова и Алтай весь твердитъ,
 И люди, что помнятъ и знаютъ
 Макарія, лѣсъ весь о немъ говоритъ,
 Долины о немъ вспоминаютъ.
 Такую любовь не купить никому, —
 За подвигъ она ему плата;
 Любовь эта въ долю досталась ему,

...И были любимы и милы ему этихъ кряжей лѣсистыхъ хребты, и полныя
 мира долины...

За жизнь, проведенную свято,
 Въ святомъ и великомъ незримомъ трудѣ,
 Для гордаго міра сокрытомъ,
 Но знаемомъ въ горномъ Алтаѣ вездѣ,
 Въ Алтаѣ, снѣгами повитомъ!..
 Не все на землѣ забывается, тутъ
 О немъ говорятъ водопады,
 Алтайцы Макарія любятъ и чтутъ,
 И помнятъ, когда безъ досады

По дальнимъ аиламъ, съ любовью святой
Цѣлилъ ихъ недуги монахъ молодой,
Чья ласка и доброе слово
Не разъ ободряло больного.
Такихъ теперь мало, такихъ почти нѣтъ!
И шлютъ ему горы горячій привѣтъ
Печальнику кроткому смѣло
За свѣтлое, чистое дѣло.

...Вотъ вывернулись изъ-за лѣса юрты и домики Чопоша...

ВЪ ЧОПОШѢ ¹⁾.

V.

Лѣсъ прекрасный, стройный и высокій привѣтливо поднимался по берегамъ рѣки, уходя въ горы, въ эти высокіе, въ линію вытянувшіеся хребты. Красивая бурная Катунь то спокойно катила свои быстрыя струи, то вдругъ яростно насакивала на камни дна и берега, пѣнясь и шумя, дѣлаясь неукротимо злобной въ своемъ безсильномъ гнѣвѣ на преграды.

О. Макарій, въ ясный и теплый день ѣхавшій по ея берегу изъ дальняго аила, гдѣ захворалъ его ученикъ, глядѣлъ на свою любимицу ласковымъ взглядомъ; онъ нѣсколько успокоился за мальчика, къ которому его позвали утромъ: тутъ была простая лихорадка, и бояться было нечего. Утѣшивъ ребенка и оставивъ лѣкарство, о. Макарій поспѣшилъ въ

¹⁾ Чоп—сорь. Чоп-ош—сорный.

Чопошъ, гдѣ ждало его дѣло, но лошадь устала и тихо двигалась, зная своего хозяина, которому жаль было обидѣть ее.

— Ну же, ну!.. Ахъ ты, лѣнивая!—дергалъ онъ поводъ, сворачивая къ Чопошу.—Не торопись...

А у самого залегли думы о дѣлѣ, которое его ждало; еще-бы! —постройка училища началась... мечта его вершится... Гдѣ теперь маленькій телеосъ Θεодоръ? прїѣдетъ ли учиться къ своему абызу?.. гдѣ Сапыръ Чемальскій? милыя дѣтскія души, привязанностью къ которымъ наполнялась его жизнь. Ихъ теперь не мало собиралось около него, а всетаки сердце иногда тосковало по Чолушманской долинь, по пикамъ горъ, окутанныхъ облаками, въ которыхъ купались чемгулы, эти цари вершинъ, по озеру, огромному ясному и тихому въ солнечные дни, и страшному въ бури, по рокоту водопадовъ... Какая это была дивная картина! Гривы лѣсистыя вправо, влѣво, вездѣ и—море облаковъ на нихъ... точно острова изъ нихъ выступали вершины мохнатыхъ великановъ, и сердце замирало отъ восхищенья, при видѣ величїя природы Божїей, этихъ, поднятыхъ волею Творца, вершинъ... Какъ ему было не вспоминать ихъ, ему, созерцателю, любившему природу и души дѣтей больше всѣхъ благъ міра!? А Чемаль?.. Милая старая миссія!.. долина камовъ и эта же Катунь бурная, и тѣ простые люди.. Да, послушаніе было нужно, иначе онъ безъ мѣры привязался бы къ тѣмъ, кого оставлялъ: такъ ужъ Богъ создалъ его сердце... Нѣтъ, это было бы, пожалуй, несправедливо; любовь нужно было давать всѣмъ—и здѣсь, этимъ нуждающимся въ ней душамъ, и тѣмъ, оставленнымъ, и будущимъ, которыхъ поставитъ жизнь на его пути.

Лошадь шла тихо. Вотъ вывернулись изъ-за лѣса юрты и домики Чопоша, и черноголовые ребятишки, примѣтивъ его, побѣжали къ нему съ веселыми криками.

— Абызь, нашъ абызь ѣдетъ... Эзень, абызь, эзень!

Небольшой деревянный домикъ въ сущности не

принадлежалъ миссіонеру; въ его кельѣ была и школа, сюда приходили къ нему инородцы для бесѣды, не стѣсняясь временемъ, и часто и часу свободнаго не было у о. Макарія.

И сейчасъ ребяташки прибѣжали за нимъ:

— А у насъ новый есть... прикочевали сюда издалека: мать и отецъ, и сынъ... Онъ уже большой, выше тебя, абызь... и годами... говорятъ, маленькій у камовъ учился много и знаетъ все... а къ намъ въ школу не хочетъ идти... тутъ, за Чопошью ихъ юрта будетъ... Онъ хотѣлъ говорить съ тобою... Моему отцу онъ родня!—говорилъ маленькій и бойкій Стефанъ.

— Ну, и поговоримъ... Вотъ немножко кончу дѣло, соберу васъ и пойдемъ къ нему за Чопошъ, будемъ вести разговоръ: его послушаемъ, и я стану говорить. Бѣгите... ждуть меня: за лѣкарствомъ пріѣхала женщина!—зорко взглянулъ о. Макарій.

Дѣйствительно, у его дома стояло нѣсколько людей, ожидая его: тутъ были и больные, и оглашенные, которыхъ онъ училъ молитвамъ, и такъ пришедшіе праздные инородцы, можетъ быть, желавшіе поговорить о дѣлахъ.

Сойдя съ коня, онъ благословилъ крещеныхъ и, не отдыхая, принялся спрашивать о нуждахъ ихъ, хотя ему хотѣлось ѣсть и умыться, потому что отъ дыма юрты, въ которой онъ пробылъ часа два, чесались вѣки, но, пока не отпустилъ всѣхъ, онъ все спрашивалъ, давалъ совѣты и лѣкарства, и только съ молитвами оставилъ подождать себя. Пospѣшивъ умыться и съѣсть кусокъ хлѣба, запивъ его водою изъ чайника, онъ вышелъ для того, чтобы учить ихъ.

Солнце уже перешло зенить и склонялось къ закату, когда онъ кончилъ молитвы, довольный, что его ученики хотя немного усвоили ихъ. Дѣтей не было видно, и о. Макарій рѣшилъ самъ пойти туда, гдѣ была стоянка пришельцевъ. Ему вспомнилось бывшее, недавнее прошлое, когда онъ, минуя юрты и строившіяся небольшія избы, вступилъ подъ сѣнь сосенъ, вѣчно зеленыхъ, задумчивыхъ, словно хра-

нившихъ тайну. Поднявъ глаза на просвѣты синяго неба, онъ невольно вздохнулъ о быломъ...

Какъ часто, бывши миссіонеромъ Чемальскимъ, ѣздилъ онъ этой дорогой, горя желаніемъ привлечь сердца Чопошскихъ жителей! Какія пламенные проповѣди несъ онъ имъ!.. Но, тихіе и ласковые, они чрезвычайно туго принимали сѣмена вѣры, и, уѣзжая отъ нихъ со слезами печали, обжигавшими его рѣсницы, и съ печалью на сердцѣ, онъ горевалъ объ ихъ сухости... А, всетаки, его сѣмена принесли плоды, хотя тогда думалось, что сѣять ихъ приходится на камни.

Въ то время тутъ поселились раскольники, привлеченные сюда удобствомъ долины: они тѣснили скромныхъ и тихихъ Тозояковыхъ, изъ которыхъ почти весь Чопошскій аилъ и состоялъ, гнали ихъ, миролюбивыхъ и кроткихъ, съ ихъ мѣстъ, гдѣ они занимались хлѣбопашествомъ, и, бросивъ свои мѣста въ предгорьяхъ Алтая, въ деревняхъ Платовой и Шульгиномъ-логу, разными неправдами заняли родовыя мѣста Чопошскихъ инородцевъ. И только теперь недавно освободились они отъ нихъ, благодаря помощи тѣхъ же миссіонеровъ, которыхъ такъ плохо слушали эти дѣти Алтая.

О. Макарію вспомнились прошлые дни.

— Вотъ тутъ, ближе къ Чопошу, раскинулъ онъ когда то палатку, и чопошцы прислали къ нему нѣсколько человѣкъ съ ласковыми словами привѣтствія, но ему стало больно отъ этихъ привѣтствій.

— „Тебѣ, можетъ быть, нужно подводу, абызь?“ — говорили они ему, — „мы всегда готовы исполнить, если чего захочешь“.

Это была вѣжливость, вызванная, какъ казалось ему, справедливымъ желаніемъ поскорѣй отдѣлаться отъ него. Да, они, видимо, опасались тогда его проповѣди, боясь ея результатовъ, боясь того, что ихъ дѣти, увлеченныя этой проповѣдью, уйдутъ за говорившимъ въ Чемаль для крещенія.

О. Макарій догадался сразу объ ихъ мысляхъ, но счелъ нужнымъ остаться тутъ на нѣкоторое время.

Сколько бесплодныхъ дней провелъ онъ съ горячими бесѣдами, въ которыя влагалась душа, о христіанской вѣрѣ. Все рассказывалъ онъ, какъ всегда, просто, доступно и понятно. Его слушали, но его пламенные слова точно пролетали мимо слуха чопошцевъ, только Тенекъ и Апанасъ, крещеный киргизъ, тихо, и умиленно вздыхали, принимая къ сердцу его рѣчь.

Сложившись послѣ дней бесплодныхъ, съ горечью, юный миссіонеръ поѣхалъ тогда изъ Чопоша: онъ не любилъ плакать отъ природы, но тутъ, послѣ этого безучастія мягкихъ по виду людей, непрошенные слезы обожгли его глаза, когда онъ поѣхалъ отъ ихъ аила... на сердцѣ столько накопилось горечи, что онъ жгли глаза, непрошенные и жгучія, но никто не увидѣлъ ихъ и даже примѣтливый и заботливый Апанасъ ихъ не замѣтилъ.

— Господи! объ-нощъ всю трудихся.

Но Господь молчалъ на этотъ невольный вопль горечи, который родился въ молодой душѣ, молчалъ и тогда, когда юный апостоль произносилъ эти слова. Отвѣтъ послѣдовалъ послѣ, но не словомъ, а дѣломъ.

О, еслибы о. Макарій зналъ въ то время, какіе обильные плоды принесетъ эта, казалось, бесплодная поѣздка! Не было тогда открыто этому скромному работнику Христову, что онъ, сѣя словами, скоро пожнетъ радостью, собирая снопы на этой нивѣ.

Да, промыслъ Божій употребилъ для обращенія чопошцевъ такой способъ, который одинъ только разбудилъ ихъ отъ духовной спячки: это была любовь къ своей землѣ, привязавшая ихъ къ одному мѣсту: она сдѣлалась для нихъ главнымъ притягателемъ къ крещенію.

Всѣ крестившіеся, отдѣльными семьями перекочевывали въ какой либо станъ или селеніе новокрещеныхъ, но у чопошцевъ родная земля притянула ихъ къ крещенію, не удаливъ ихъ отъ себя послѣ него, а напротивъ ускоривъ его, и не отдѣльными семьями, а цѣлымъ обществомъ. Конечно, не будь посѣяннаго слова, они упорно держались бы вѣры

отцовъ. Вспоминая прошлое, о. Макарій по смиренію не думалъ объ этомъ, все относя Господу Богу и Его промыслу, но сами чопошцы потомъ сказали о немъ:

— Научилъ насъ вѣрить въ Бога о. Макарій чемальскій.

Да, опасность, ускорившая крещеніе, пришла къ нимъ, кроткимъ и добрымъ, пришла отъ раскольниковъ, стѣснившихъ ихъ, и побудила ихъ послать депутацію къ архимандриту Владиміру.

Они горячо просили крещенія, а съ нимъ и освобожденія ихъ отъ злыхъ людей, прося какъ милостыни, чтобы за нихъ заступились и оставили имъ родную землю.

Желаніе ихъ было исполнено: имъ исходатайствовали все нужное и удалили отъ нихъ кержаковъ. Теперь у нихъ была церковь и свой миссіонеръ.

О. Макарій опять заглянулъ туда, гдѣ сквозь густыя вѣтви сосенъ глядѣло голубое небо.

— Да, онъ—бывшій чемальскій миссіонеръ, —такъ горевавшій надъ неподатливостью этихъ дѣтей Алтая, теперь работалъ тутъ во славу Божию.

И мягкая улыбка радости легла на молодые уста.

— Еще бы! Сюда переходитъ школа изъ Улалы... Большая будетъ она, хорошая. Алтайскіе малыши будутъ собираться въ нее изъ дальнихъ айловъ... Какая чуткая душа у малышей!...

— Но гдѣ же тѣ, которыхъ ему указали: этотъ питомецъ камовъ?.. неужели онъ зашелъ не туда?.. Вонъ они... звенятъ дѣтскіе голоса влѣво, тамъ на проталинѣ... вонъ и лошади!

И остановился, съ любовью глядя на ребятишекъ, собравшихся у костра передъ остовомъ юрты, на которомъ кипѣлъ котелокъ, и старая алтайка мѣшала въ немъ какое то варево. Высокій инородецъ стсялъ окруженный дѣтьми: онъ былъ строенъ даже въ своемъ неуклюжемъ нарядѣ и когда на радостный крикъ дѣтей, увидѣвшихъ о. Макарія, повернулъ къ нему лицо, миссіонера невольно привлекло мягкое и доброе выраженіе его симпатичнаго алтайскаго лица.

— Эзень!—сказалъ онъ привѣтливо,—эти дѣти много мнѣ о тебѣ сказывали. Садись около моего огня, абызь: я сейчасъ дамъ тебѣ трубку.

— Абызь не курить!—засмѣялись дѣти...—Ай, Каланакъ, да развѣ абызы курятъ?.. Это твои камы курятъ, а нашъ абызь не курить и мяса не ѣсть!—авторитетно говорили они.

..Слыхалъ я о тебѣ въ нашемъ айлѣ, тамъ, въ вершинахъ Пельтыр-оэка...

— Ну, такъ я угощу его чаемъ!—просто сказалъ Каланакъ.—Вотъ онъ закипаетъ.

— Садись, абызь. Слыхалъ я о тебѣ въ нашемъ айлѣ, тамъ, въ вершинахъ Пельтыр-оэка... кочевали мы, а до того жили далеко, на Кондомѣ: я тамъ и родился, но я больше любилъ нашъ айлъ у Пельтыр-оэка.

— Какой же тамъ айлъ?.. я что то не слыхалъ; вѣдь, тамъ ущелье узкое, и долины нѣтъ... Гдѣ вы жили?..

— Далекое въ вершинахъ; и, пожалуй, аиломъ

назвать нельзя было его, а такъ—самый маленький, развѣ двѣ кереги и жило насъ—дядя Якушъ съ горбатымъ сыномъ Кабыромъ, да дядя Катрусъ и съ нимъ я и мать. Они были большими камами, они много знали, абызъ, и къ нимъ ѣздили люди. . Мнѣ дивно глядѣть на тебя: тебѣ немного лѣтъ, а ты тоже, говорятъ, шибко много знаешь... Моимъ не мудрено было знать: они были старики... Дядя Якушъ дружилъ съ однимъ вашимъ абызомъ: въ Муйтѣ его жена ¹⁾ выгѣчила его ребенка-дочь, которую онъ выдалъ передъ смертью замужъ... хорошіе они... хвалилъ онъ ихъ, а креститься не хотѣлъ: худо вѣру мѣнять.

О. Макарій молчаливо слушалъ: ему нравился этотъ дикарь съ мягкими движеніями и задумчивыми глазами... Видимо, добрая и мечтательная душа жила въ его тѣлѣ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?—спросилъ онъ.

— Семнадцать!—отвѣтилъ Каланакъ.—Я немного прожилъ, абызъ, но много видѣлъ. Отецъ бросилъ меня и мать и ушелъ къ русскимъ,—немного понизилъ онъ голосъ,—и мы съ матерью долго бились, пока не ушли къ дядямъ: тамъ я не мало терпѣлъ отъ Кабыра... Глухое мѣсто Пельтыр-оэкъ: въ бурю страшно оно, абызъ... духи ходятъ тамъ, въ его тѣснинахъ, но ужаснѣе ихъ былъ для меня этотъ Кабыръ, и, хоть абагай Катрусъ и самъ Якушъ охраняли меня, но я боялся его больше всего на свѣтѣ. Какъ Курюмесь сидитъ онъ теперь въ камняхъ тамъ, гдѣ грохочетъ Пельтыр-оэкъ... я молодъ годами, абызъ, но я сталъ старымъ изъ за этого чудовища и, когда отецъ вспомнилъ о насъ, я плакалъ отъ радости, покидая его... Какъ онъ меня мучилъ!

По его выразительному лицу прошла тѣнь.

— Ой!—вскрикнулъ онъ неожиданно, и дрожь пошла по нему.

Ребятишки испуганно шарахнулись.

Въ мелкой поросли, окружавшей прогалину, за-

¹⁾ Елизавета Ивановская, незамѣтная труженица вмѣстѣ съ мужемъ.

шуршалъ и хрустнулъ валежникъ подъ чьей то ногой. И этотъ трескъ заставилъ Каланака поблѣднѣть и вскрикнуть.

— Михаилъ Васильевичъ!—сказали дѣти въ голосъ.—Это—Михаилъ Васильевичъ, Каланакъ.

— Михаилъ Васильевичъ!—сказалъ о. Макарій и, обращаясь къ пришедшему своему переводчику Чевалкову, прибавилъ:—испугалъ ты новаго поселенца Чопошскаго.

— Вотъ всегда такъ!—оправившись отъ волненія и все еще робко оглядываясь, промолвилъ Каланакъ.—Бывало, сплю и чувствую, что душитъ меня: открою глаза, а надо мною лицо его страшное, вопьются когтистыя руки въ грудь и зубы скалятся... Охъ, какъ больно кусались они... Сила у него, абызь, была непомѣрная... Сплю здѣсь сегодня ночью, и кажется мнѣ, что опять сидитъ онъ надо мною, бормочетъ что то страшное и руками мнѣ въ горло впиивается... Чуть въ кустахъ зашумитъ—вскакиваю я...

— За что онъ тебя ненавидитъ?—спросилъ о. Макарій.

— За все.. за то, что я высокій и здоровый, а онъ страшный и уродливый, за то, что я все понимаю, чему учили меня дяди, а у него отнять быдѣ языкъ: мычалъ онъ только и, какъ собака, бѣгалъ за дядями, не умѣя ничего, пока не научили его духи говорить языкомъ нѣмыхъ и не сдѣлали страшнымъ камомъ, котораго боялись дяди... Мать говорила, что духи такъ его исковеркали за то, что его мать убѣжала къ абызамъ... Зачѣмъ вы сманиваете къ себѣ нашихъ, абызь?..

— Не мы,—тихо сказалъ о. Макарій,—ихъ зоветъ Христось: мягкія добрыя души идутъ на его зовъ, бросая все, потому что онъ лучше всего утѣшаетъ печали... Твоей теткѣ, навѣрное, было тяжело жить съ камами, глядѣть на ваши страшныя жертвы, и она ушла туда, куда ее звала свѣтлая и чистая любовь. Если бы ты зналъ Христа, то не боялся бы кабыровъ: люди за Него шли на страданья, на муку, за Него людей сжигали живыми, бросали лютымъ звѣрямъ, отрубали

головы, мучили и пытали, и они всетаки шли толпами ко Христу... И какіе жестокіе ваши боги: все имъ нужна кровь, жертвы, а Христось никогда не преломилъ даже тонкой палки и исцѣлялъ злыхъ и добрыхъ: Онъ даже умеръ за людей, далъ Себя убить... О, Каланакъ! ты не знаешь, какая чудная сила христіанство!.. Нѣтъ, если тебѣ говорятъ худо о христіанахъ—не вѣрь: это клевета, а клевету не хорошо слушать человѣку. Клевета лжива... узнай ближе насъ, проповѣдниковъ, и тогда суди насъ: если услышишь худое, что тебѣ скажутъ про насъ, —спроси, правда ли это, разбери, и тогда, когда я или другой отвѣтимъ тебѣ и разъяснимъ,—суди насъ. Я не боюсь открытаго вопроса... Если бы всѣ алтайцы, какъ дѣти, приходили и спрашивали меня о всемъ, клевета злыхъ камовъ погибла бы: имъ тяжело, старымъ и лживымъ, видѣть насъ молодыхъ, трудящихся безкорыстно для Христа... Да, Каланакъ, если ты захочешь правдою разсѣять клевету, спрашивай, и я отвѣчу... Вся сила вашихъ камовъ въ томъ, что лживые они отдаляютъ васъ отъ насъ, смиренныхъ и бѣдныхъ служителей Божіихъ, что вы не можете подойти къ намъ и выслушать объясненій нашихъ... Да, только клеветою застилаютъ они правду Божію, и только вы сами можете разрушить эту клевету!..

— Ты ко мнѣ, Михаилъ Васильевичъ?.. сейчасъ я: вечерѣтъ уже, надо заняться намъ переводомъ...

— Не затѣмъ я, о. Макарій... отдохните: тишина благодатная... пѣть, Бога славить душа хочетъ... Поговорить мнѣ нужно съ вами: сонъ видѣлъ... рассказать.

— Пойдемъ.

— Помни, Каланакъ,—правду Божію захочешь послушать, зови: приду—скажу тебѣ все. Моя обязанность святая въ проповѣди, въ открытіи тайнъ Божіихъ... Прости.

— Христось съ вами, дѣтки, отдыхайте, смотрите, какая благодать!.. только не губите бабочекъ: вѣдь, онѣ—созанія Божіи, и птицы пусть живутъ.

И пошелъ съ любовью, любуясь послѣдними солнечными лучами, пронизывающими чашу деревьевъ

и оставлявшими золотыя пятна на полянѣ, тогда какъ вершины лѣса все рѣзче выступали на чистой глубокой синевѣ неба.

— Какой сонъ ты мнѣ хотѣлъ рассказать?— спросилъ онъ ласково Чевалкова.

— Вотъ, — встрепенулся тотъ, тоже заглядѣвшійся на картину родного ему Алтая, — тутъ побранилъ я сегодня Павла, обучая его, за вину... самъ знаешь, о. Макарій, какой онъ... ушелъ Павелъ, понурился старикъ: вѣдь, смолчать на мои слова трудно было, а меня стомилъ жаръ; легъ я на полу немножко отдохнуть и вижу: стоитъ передъ мной какой то человѣкъ молодой и говоритъ: „зачѣмъ бранишь и укоряешь старшаго себя?.. Теперь, съ этихъ поръ, такъ старшему себя не говори“... и сталъ невидимъ. Вскочилъ я съ того мѣста, гдѣ лежалъ, осмотрѣлъ избу—никого, на улицу вышелъ—то же... Что это, о. Макарій?..

Молодой іеромонахъ ничего ему не сказалъ: молчаливо шелъ онъ и думалъ свои думы.

— „И камы старше насъ“, — несло въ его головѣ, — „но они вводятъ въ заблужденіе клеветою своей людей: я долженъ осудить ихъ... да, камовъ, сильныхъ среди простыхъ, и простымъ помогать: привлекать души ихъ ко Христу“.

— Вотъ и хижина наша, Михаилъ Васильевичъ! подожди минутку.

Онъ ушелъ въ свою келью, гдѣ со стола взялъ біблію и, раскрывъ ее, нашелъ на листѣ то, что хотѣлъ. Потомъ, выйдя, онъ далъ ее Чевалкову, указавъ мѣсто со словами притчи.

Слова, указанные имъ, гласили объясненіе сна—христіанское объясненіе апостола Павла:— „Старшаго себя не укоряй и не злословь“.

— Неправду, если онъ дѣлаетъ, — объясни мнѣ правдиво, предоставь старшему разъяснить ему нехорошій поступокъ его: отъ тебя Павлу тяжело было снести, но, когда будешь священникомъ, какъ думаю я, ты долженъ будешь разъяснять ему все съ кротостью, и будешь правъ, такъ обличая его грѣхи.

Михаилу Васильевичу запомнились эти слова, но онъ, бѣдный толмачъ-алтаецъ, про себя улыбнулся при словахъ о. Макарія объ его будущемъ священствѣ.

— „Какіе люди!“—думалъ онъ объ о. Макаріи—И о. Макарій и Иванъ Васильевичъ ¹⁾ молодые, а все—въ Богъ... О. Макарій незабвенный порадовался бы на такихъ... И въ книгѣ все нашель какъ сразу... Правда, кто я, чтобы стараго укорять?.. Бѣдный Павелъ: завтра увижу, поговорю съ нимъ ласково... Сердце у меня горячее, что ли?!“...

И добрый тихій человѣкъ, подъ вліяніемъ молодого наставника, долго казнилъ себя за горячность.

О. Макарій быстро писалъ въ это время корреспонденцію: приходилось писать рѣдко, но сразу. Завтра долженъ былъ ѣхать человѣкъ въ Улалу и отвезти туда почту. Были написаны письма о. Стефану Ландышеву и архимандриту Владиміру съ горячей просьбой объ иконостасѣ въ молитвенный домъ и къ Ивану Васильевичу Солодчину объ учебныхъ пособіяхъ, какъ къ учителю улалинскому, и ко всѣмъ, могущимъ помочь и поддержать его трудъ.

Чудная ночь заглянула въ окна: давно угасли краски заката, потухла заря, зажглися звѣзды.

Михаилъ Васильевичъ помогъ послушнику Григорію Кулганокону въ постановкѣ маленькаго самовара, но онъ давно уже потухъ, а о. Макарій при свѣтѣ сальной свѣчи, тускло мерцавшей предъ нимъ, писалъ, забывъ объ отдыхѣ, и легкій вѣтерокъ, прилетавшій въ открытое окно, шевелилъ мягкіе волнистые волосы, открывая высокій лобъ, бѣлый и чистый отъ загара.

Легкій туманъ потянулся изъ низинъ: онъ не любилъ пробужденія солнца и, весь пронизанный розовыми лучами, поднимался, свиваясь, выше и выше, точно стараясь уползти туда, въ вершины, за лѣсъ, и спрятаться въ глубокія котловины, недоступныя еще утреннимъ солнечнымъ лучамъ.

О. Макарій всталъ съ зарею: онъ любилъ такія утра, это пробужденіе природы; для него они были

¹⁾ Впоследствии епископъ Иннокентій.

часами молитвеннаго отдыха и воспоминаній, которыя всплывали сами собой передъ его мысленнымъ взоромъ.

Сегодня ему вспомнилось, что давно онъ уже не писалъ ничего своему бывшему начальнику, о. Василию Вербицкому, миссіонеру Кузнецкой тайги, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ братомъ Михаиломъ трудился онъ. Ему вспомнилась высокая голова, красивая фигура, ласковый голосъ и дни ранней весны, проведенные съ нимъ.

О. Василиій былъ хорошимъ учителемъ: онъ умѣлъ зажигать его еще совсѣмъ юное сердце... Какъ тогда въ Кабыжакѣ у кумандинцевъ, въ свѣтлый мартовскій день вспыхнуло оно горячей вѣрой! О. Макарій, какъ сейчасъ, увидѣлъ передъ собой взволнованныя лица, и въ его слухъ понеслись слова о. Василія, убѣдительныя слова: изъ ихъ рукъ ускользала душа, душа, спасенная почти ими: зять пріѣхалъ въ семью кумандинца Ильке съ роднею, съ близкими: „не крестись, не слушай, безумный, безумный“... И слова о. Василія: „Христось зоветъ, не отварачивайся къ гибели, не слушай, дитя Христова, не слушай: умоляю тебя, не отвергнись отъ рѣшенія своего!“

И словно сила рванула тогда его, брата Михаила, снять съ себя крестъ и надѣть его на Ильке, къ которому кинулся онъ въ ужасѣ, боясь гибели этой души.

Мягкимъ свѣтомъ, точно отблескомъ зари, освѣтилось лицо о. Макарія—Ильке былъ спасенъ: и онъ, и жена его, и сынъ—всѣ трое приняли христіанство. Они съ о. Василиемъ уловили три души для вѣчности... Слава Богу!

Золотые солнечные лучи брызнули и залили долину: живительные и радостные они угнали изъ сердца о. Макарія память о буряхъ, которыя переносились когда то въ Кузнецкой тайгѣ, о буряхъ, застигавшихъ ихъ въ лѣсахъ ея, о тяжелыхъ путешествіяхъ на лыжахъ по лѣсамъ, о всемъ печальномъ, ушедшемъ и пережитомъ. Только чистая радость исполненнаго

долга, какъ живительный лучъ, согрѣла на минуту отрадою его сердце

— Встали ужъ?!—поднялся Чевалковъ:—Охъ, хорошо теперь на Телецкомъ: въ этокое утро любилъ я тамъ къ водопадамъ забираться. Уйду къ Шудану:

..Уйду къ Шудану: бьется, изъ расщелины узкой вылетая, вода и, вырвавшись, шумнымъ потокомъ пѣнистымъ летить къ Чолушману...

бьется, изъ расщелины узкой вылетая, вода и, вырвавшись, шумнымъ потокомъ пѣнистымъ летить къ Чолушману... Хорошій водопадъ, прямо глаза не оторвалъ бы отъ него, и шибко шумить... Бывали вы тамъ, о. Макарий?..

— Не рѣдко!—сказалъ тотъ.

— Скоро я вернусь въ Улалу: переводъ конченъ... тамъ хлѣбъ убирать буду съ семьей... разстанусь

опять съ вами... жизнь ваша работа одна и только!—сказалъ Михаилъ Васильевичъ.

— Кто не трудится, да не ѣсть—улыбнулся іеромонахъ.—Смотри, вонъ пчелы въ какую рань поднялись.

— Охъ!—вздохнулъ толмачъ.— Оно такъ, да только въ мѣру трудъ нуженъ. Помню я,—тогда вы еще совсѣмъ молоденькій были,—когда я изъ-за труда чуть не рѣшился... Спасибо о. Стефану: помогъ... Пилилъ доски,—великимъ постомъ это было, и такъ себѣ руку натеръ и надавилъ правую, что распухла она страшно, а на ладони сдѣлался нарывъ. Съ лѣкарства совсѣмъ полегчало сразу, а потомъ и выздоровѣлъ я и опять за дѣло, да видно простылъ и слегъ: лихорадка привязалась, такъ тряхнула, что думалъ—конецъ. Вздумалъ я самъ себя полѣчить, взялъ снадобья, что было у меня отъ знакомаго, и попилъ: помогало раньше отъ лихорадки,—амбра называется,—а тутъ такъ меня скрутило съ нее что думалъ, что умру... Спасибо—говорю—о. Стефану... пришелъ, полѣчилъ, и всталъ я на другой же день, а черезъ три дня служили въ палаткѣ на мѣстѣ томъ, гдѣ о. Макарій первую литургію служилъ, надъ могилами старца Петра и миссіонеровъ другихъ—вы и о. Стефанъ, соборнѣ, и я пѣлъ уже... Вотъ когда это было!.. Охъ, трудъ то иной разъ тяжелымъ кажется: иной трудится, трудится и ничего ему... Въ вашемъ, вотъ, дѣлѣ то же: живете, труды какіе несете, дни и ночи—все для людей, а ничего не получаете, кромѣ черствыхъ сухарей да чая!

— А Христось?... Вся наша жизнь для людей ради Него вершится: Онъ заповѣдалъ любить... Постой, самъ будешь миссіонеромъ—поймешь.

И опять скромному Чевалкову захотѣлось усмѣхнуться надъ этимъ пророчествомъ.

— Смотри, какая красота кругомъ... Господи!.. жемчужина Алтай нашъ въ коронѣ земной! сердце мое горитъ, любясь!—сказалъ о. Макарій.

И, дѣйствительно, чудно красивы были тонкіе абрисы горъ, синія коймы лѣсовъ, чистое небо и задумчивыя сосновыя заросли, подходившія къ Катунѣ,

катившей непокойныя волны подъ ласками солнца. Пахло медовой травой и цвѣточками, надъ которыми вились золотистыя пчелы, и рѣзвыя пестрыя бабочки носились темныя, коричневыя, бѣлыя и желтыя въ воздухѣ, какъ рѣдкіе цвѣты, птицы чирикали звонко и радостно, жужжали шмели, гулко рокотала Катунь. Только одинъ рѣзкій диссонансъ врывался въ эту гармоничную мелодію утра: то кликали коровъ алтайскія хозяйки, и странный крикъ „овъ, овъ, овъ“... рѣзкій, какъ крикъ коростели, улетаѣ въ глубину лѣса.

— Дѣти спятъ; пойду пока къ старику Тозыякову—болѣетъ, потомъ попьемъ чаю, Михаилъ Васильевичъ... Надо было вчера попровѣдать недужнаго... Забылъ совсѣмъ.

И, кинувъ взглядъ на красоту Божьяго міра, пошелъ къ юртѣ Тозыякова, стоящей совсѣмъ близко у Катуня.

Большая юрта, крытая берестой, уже потемнѣла отъ времени и, поднявъ опущенную звѣриную кожу, закрывавшую входъ ея, о. Макарій сразу не могъ ничего разглядѣть внутри: такъ темно показалось ему со свѣту это убогое жилище больного, но это прошло скоро.

Слабый голосъ раздражительно окрикнулъ его.

— Эй, кто тамъ? закрывай входъ: трясетъ меня... Эй!..

О. Макарій спустилъ поднятую шкуру и вглядѣлся.

По серединѣ юрты тлѣлся полупотухшій костеръ. Въ отверстіе для дыма падали лучи свѣта, озаряя внутренность жердяной юрты. Идолъцевъ не было на обычномъ мѣстѣ, но веревка съ девятью тряпками висѣла попрежнему, и о. Макарій покачалъ головой.

— Кто тамъ?.. Ты, абызь?—протянулъ больной.— Я думалъ сынъ... Уѣхали они со снохой и бросили меня.

— Куда?—спросилъ гость.

Старикъ больной, лежащій на звѣриной шкурѣ, замолкъ и не отвѣтилъ.

— Навѣрное, къ каму!—грустно сказалъ о. Макарій.—Неразумные вы дѣти... Вѣдь, крешенные, а вѣрите злу... Зачѣмъ поѣхалъ Иванъ и куда?..

— Не сердись, абызъ, а полѣчи: трясетъ меня, охъ, какъ! точно весь ледъ Катымъ-басе наваливается на спину... Гляди, рука окоченѣла.

Взявъ руку больного, горячую, какъ огонь, о. Макарий заботливо укуталъ его шубою.

— Плохо тутъ у тебя, надо ко мнѣ: тамъ солнцемъ нагрѣта комната, и печку истоплю. На свѣту будешь: эта тьма нездорова, Михаилъ, какъ и тьма душевная. Постой, разведу костеръ... Лѣкарство со мною. Позабылъ я тебя бѣднаго вчера вечеромъ... Перекрестися... Дай руку... Вотъ такъ.

Набросивъ на костеръ сухого хвороста, онъ подошелъ опять къ старику.

— Скажи: „Господи помоги!“.

— Сюда идя, вспомнилъ я это лѣкарство отъ лихорадки: абызъ Василиій научилъ меня ему, да забылъ я о немъ, а Господь, жалѣя тебя, освѣтилъ память мою, другъ мой.

Вынувъ куриное яйцо, миссіонеръ осторожно разбилъ его и, снявъ тонкую пленку съ скорлупы, изъ которой вылилъ жидкость, обвилъ ею мизинецъ больного и, завязавъ его, сѣлъ около ложа на одну изъ набитыхъ домашнимъ скарбомъ кожаныхъ сумокъ.

— Будетъ лучше, только молись,—сказалъ онъ увѣренно.—А теперь расскажи, куда уѣхалъ Иванъ; безъ боязни говори: знаю, вѣдь, что дѣти вы неразумныя.

— Къ яринчѣ пошли, подъ Чемалъ, чтобы поворожилъ, буду ли я живъ... Прости, абызъ, но, вѣдь, это не камъ... Иванъ только шибко долго копается... спросилъ бы, да и все...

— Не вѣрь, что они тебѣ скажутъ: ты будешь живымъ; отъ лихорадки не умираютъ... Гдѣ ты простыль, понять не могу.

— А, помнишь, байга была въ Чемалѣ? мы ѣздили всѣ: сноха, я, Иванъ... Тамъ еще баламчика ушибли, внука: съ того и померъ онъ... ну, а я—пьяный—заснулъ на улицѣ. Холодно было, и дождь полилъ: всего меня промочило до костей. Проснулся—зубы

чакають, пошелъ въ юрту къ огню, огонь потухъ... Охъ, эта арака!..

О. Макарій грустно качалъ головой.

— Съ того дня и трясеть!—продолжалъ инородецъ.—Пью порошки твои, и все ничего... А тутъ прѣхалъ одинъ знакомый, говоритъ сыну: „ступай къ яринчі. Охъ, какой онъ!.. онъ тебѣ все скажетъ, будетъ ли живой твой отецъ, и какое лѣкарство надо“. Ну, сынъ и собрался и сноха съ нимъ: родные у ней въ Чемалѣ.

— Позову я Апанаса, Григорія и Михаила Васильевича и возьму тебя къ себѣ, Михайлъ... Тутъ, чего добраго, и кама позовете!—сказалъ о. Макарій.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ инородецъ.— Нѣтъ, абызъ, тутъ привыкъ... хорошо тутъ... мое все: уголь мой... нѣтъ, я не пойду... Сиди со мною до нихъ, пожалуйста, сиди. Вчера ночью уѣхали... должны были быть... Да, вотъ они... слышишь?..

Правда, отверстіе юрты открылось, и въ него вошли сынъ старика и сноха. Они испуганно переглянулись, увидавъ гостя.

— Здравствуй, абызъ! эзень, абызъ!—по русски и алтайски здоровались они, смущенные встрѣчей.— Плохо отцу?.. А ты тутъ давно?.. А мы торопились, да кони вчера пристали.

— А ее отецъ не пустилъ!—бормоталъ Иванъ.

— А яринчі что сказалъ?—спросилъ о. Макарій.— Смутили вы отца вашего гаданьемъ, и хуже ему стало... Что налгали вамъ?..

Они не смѣли не отвѣтить.

— Прогналъ насъ яринчі: „уходите“—говоритъ— „крещеные“... Ругался всяко: „подохнетъ“—говоритъ, „какъ собака вашъ отецъ“.

— И солгалъ, какъ всегда: только святые Божіи знали будущее... А я говорю: завтра здоровъ будетъ... повѣрьте мнѣ.

— Прощай пока, Михайлъ... не снимай съ пальца лѣкарство: будетъ жечь его—потерпи. Это лѣкарство отъ Бога: оно вылѣчитъ тебя.

И ушелъ снова на свѣтъ и солнце.

— Ну, что?— встрѣтилъ его Чевалковъ.— Говорятъ, шибко хвораетъ?... Сейчасъ слыхалъ, они къ камамъ ѣздили, да тѣ ихъ прогнали. Вы лѣкарства ему дали, о. Макарій?

— Да, вспомнилъ о немъ: о. Василиій Вербицкій такъ лѣчилъ— палець мизинець пленкою свѣжаго яйца обвить и держать двѣнадцать часовъ. Въ шесть часовъ почти положилъ, въ шесть часовъ вечера сниму: засохнетъ она и будетъ жечь палець, перетерпѣть тяжело, но за то средство испытанное: лихорадка бросить. Хина не помогаетъ ему... Случайно вспомнилъ про это лѣкарство, боюсь, только встревожатся и не додержатъ: нужно двѣнадцать часовъ, даже болѣе, держать. Боль иногда въ пальцѣ поднимается невыносимая, а снять пленку невозможно, если не знаешь какъ.

— Ну, а теперь пойдѣмъ на постройку: радъ я постройкѣ храма и школы, хотя небольшихъ... Вотъ, иконостасъ бы намъ, Михаилъ Васильевичъ: литургію совершать тогда будемъ неопустительно: привлекаетъ служба въ храмѣ красивомъ сердца людей. А съ постройки пойду въ аилъ пѣшкомъ: тамъ меня ждетъ старая оглашенная Марія. Боюсь за нее: сынъ глядитъ на нее со злобою, одноаильцы тоже. Пожалуй, тамъ ночью: далеко онъ, не вернуться мнѣ... Уговорю ее поселиться тутъ: согласны принять... Сколько я слышалъ отъ о. Стефана и другихъ, да и самъ видѣлъ притѣсненія тѣхъ, кто креститься хочетъ, и даже новокрещенныхъ преслѣдовали страшно!

— А я знаю, о. Макарій, Ивана Алексѣевича Саинчака... Маска семь сутокъ морилъ голодомъ, при-нуждая конину ѣсть жертвенную, и розгами сѣкъ, пока о. Стефанъ не узналъ. Это въ тотъ годъ было, когда вы въ іеромонахи постриглись. Преосвященному Порфірію о. Стефанъ доносилъ объ этомъ... Да мало-ли!.. Слышали, поди, какъ тотъ же Маска Дамича съ зайсаномъ своимъ и пятнадцатью калмыками на село Ильинское напалъ и къ себѣ о. Акакія іеромонаха потребовалъ. Того въ селеніи не было—охъ, какъ за-бушевали!.. Рассказывалъ мнѣ кумъ мой—кричить,

что церковь разорить, Маска то, и все селенье, а потомъ схватилъ новокрещенаго Михаила Копкоя и связать его приказалъ: „ты—говорить—конокрадъ... ты у меня коня укралъ“—бросилъ его въ ледникъ, а самъ въ полночь пришелъ къ нему, когда всѣ спали, грозится: „убью тебя, гадина, давай деньги и брось вѣру твою проклятую... слышишь?.. Некрещенымъ называйся“. И, пиная его, отнялъ шесть рублей, а на другой день галился всячески надъ Иваномъ: крестъ сорвалъ, оплевалъ и въ огонь бросилъ... „Десять ужъ“—говорить—„крестовъ я съ крещеныхъ дураковъ снялъ... Будешь ты“—кричить—„бросать свою вѣру“. И дралъ его нещадно, когда онъ не согласился... Охъ, и собака этотъ Маска: и самъ, и шуринокъ его Семосъ! А еще ранѣе этого онъ же, Маска этотъ, новокрещенаго Илью Кодмеша со всѣмъ его семействомъ силою держалъ на калмыцкихъ стойбищахъ около трехъ лѣтъ съ половиною и всего имѣнія лишилъ, такъ что тотъ нищимъ сдѣлался... Въ тарабинскомъ улусѣ тоже въ кузнецкой тайгѣ Малюта былъ зайсанъ... Не знаю, живъ ли теперъ... Собака совсѣмъ. Тотъ крещенаго мужа съ крещеной женой разводилъ и жертвы приносить заставлялъ... Вѣдь, вотъ, кроткій народъ, а какіе изъ нихъ бываютъ жестокіе!.. Мало ли было убійствъ въ наказаніе за перемѣну вѣры!..

— Да, я помню особенно разсказъ о. Дометіана, —сказалъ о. Макарій.—Была инородка вдова одна, какъ Марія бѣдная, Пудугачъ Тырышканова; приняла она крещеніе и возвращалась въ свой аилъ, и догнали ее обозленные родичи, шесть калмыковъ и двѣ калмычки по дорогѣ въ лѣсу, избили, обобрали и полумертвую отпустили, а въ родномъ аилѣ вмѣсто юрты и имущества нашла она обугленное пепелище... А зайсанъ Манышевъ на завтра собралъ человекъ двадцать татаръ: пришли они къ о. Дометіану и кричали надъ нимъ долго, потомъ утащили масло и скудные миссіонерскіе запасы, а у вдовы отобрали послѣдняго коня.

— Вамъ бы на лошади ѣхать, о. Макарій... кто

ихъ знаетъ тамъ, въ аилѣ... вѣдь, и далеко: версть двѣнадцать будетъ... Скажу я Апанасу, осѣдлаетъ онъ ее, а пока идите чай пить, а то вы и объ вѣдѣ забудете.

О. Макарій согласился: на лодкѣ переплылъ онъ Катунь; сѣдло положили въ нее, а лошадь крещенный киргизъ Апанасъ, здоровый, сильный человѣкъ поймалъ уже за рѣкою изъ своихъ, пасшихся тамъ. Онъ очень любилъ своего молодого абыза и, какъ милости, выпрашивалъ поѣхать съ нимъ.

Прекрасное утро проходило, начинало сильно парить, и бѣлыя облака затягивали горизонтъ, который увидали путники, поднявшись на лошадяхъ на гору.

— Ты пѣшкомъ хотѣлъ, абызь?.. куда тутъ! далеко... да и дико же здѣсь... гляди—камни и лѣсъ... медвѣди, поди, бродятъ: любятъ они тихія мѣста. Надо табунъ угнать на нашу сторону, а то, кто знаетъ...

И замолчалъ. Они ѣхали лѣсной тропой подъ густымъ навѣсомъ сосенъ въ горы тихія, полныя таинственнаго молчанія и шороховъ, гдѣ даже не слышно было гомона птицъ, только проворныя бѣлки шуршали въ вѣтвяхъ старыхъ столѣтнихъ сосенъ, прыгая по вершинамъ, да зеленыя ящерицы скользили по старой хвоѣ и мхамъ.

— Глухое мѣсто,—сказалъ опять Апанасъ.—Тутъ ночами боязно: стонутъ старые камы, чьи могилы не далеко; мнѣ рассказывали о нихъ въ Чопошѣ... У алтайцевъ много такого есть, что послушать любопытно... Вотъ, вѣдь, боятся камовъ, а сами ихъ не любятъ съ давняго времени: поѣдемъ назадъ—расскажу тебѣ, что слышалъ про то время, когда народъ подѣлился на двое, отъ Тенека слышалъ: одни камлали, а другіе на высокихъ горахъ брызгали молокомъ и курили аржаномъ.

Почти часъ поднимались они до аила.

— Экія лютыя собаки,—отмахнулся Апанасъ отъ наскакивавшихъ на нихъ собакъ, выбѣжавшихъ изъ открытой котловины, когда они подѣхали къ аилу... —Ужъ учуяли, постылыя, русскаго человѣка!

— А; вотъ, ты, о. Макарій, пѣшкомъ идти хотѣлъ: онѣ, чего добраго, разорвать могутъ... Эка напугались лѣсные: гляди, бѣгутъ и дѣтей уводятъ. Куда подѣхать? къ этой юртѣ, што ли?!

Они проѣхали поляну и, спѣшившись, пошли въ прокопченную крайнюю юрту, гдѣ никого не было.

Аилъ точно вымеръ: видимо, собаки оповѣстили во время своимъ лаемъ. Всѣ попрятались, кто куда: ни въ одной юртѣ не было человѣка.

— Марія!—громко позвалъ о. Макарій.—Марія!!

Но только собаки отвѣчали ему. Видно было, что люди ушли недавно: тамъ, на басмакѣ, лежала недо-тертая соль, тамъ кипѣлъ котелокъ на ярко пылавшемъ огнѣ, и клокотало варево, а маленькій ребенокъ въ третьей юртѣ безопасно спалъ у огня, уткнувъ голову въ козью шкуру, и пара щенятъ спало около него.

— Сядемъ тутъ. Привяжи коней... Мать придетъ скоро. Мнѣ необходимо узнать о Маріи: она тоже не могла уйти далеко, такая старая, хилая.

Они сѣли около юрты, въ тѣни густыхъ кустовъ, почти невидимые, и эти же кусты скрыли ихъ лошадей.

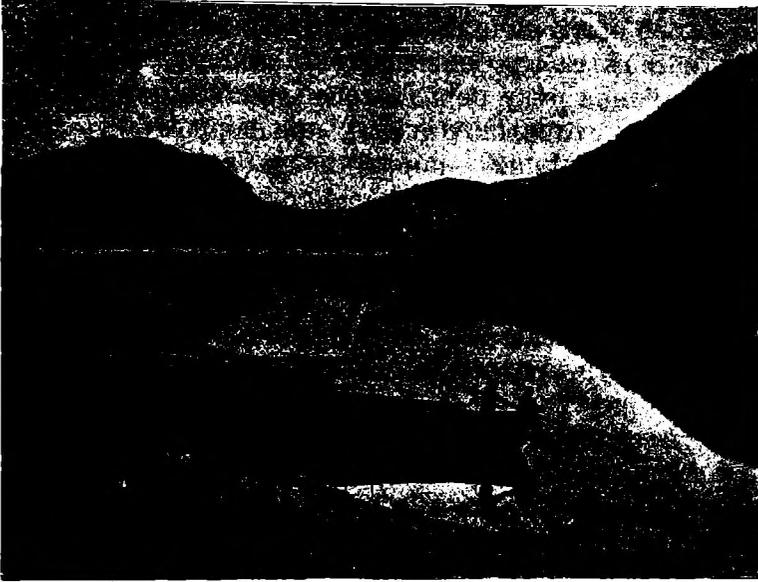
Собаки, отчаянно лаявшія на нихъ, угомонились. Въ аилѣ опять наступила тишина, и только солнце заливало его ослѣпительными лучами, точно радуясь, что нашло прогалину среди лѣсной чащи. Но и къ солнцу подбиралось бѣлое марево, туманя ясный день, оно густѣло, свивалось кучевыми облаками, темнѣвшими и превращавшимися въ тучи.

— А пока Расскажи, пожалуйста, о чемъ хотѣлъ: о народѣ и камахъ, что тебѣ рассказывалъ Тенекъ!—сказалъ о. Макарій.

— А!—оживился Апанасъ.—Это въ то время было, когда раздѣлились люди: одни стали такъ камлатъ, какъ камлаютъ сейчасъ, а другіе на горахъ молокомъ брызгали и аржаномъ курили... Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ не сталъ прилипать въ то время одинъ мальчикъ съ матерью: зналъ онъ книги Т.-Тедыгечи и читалъ ихъ много... И сдѣлался онъ болѣнъ: заболѣли ноги у него сильно, и руки распухли страсть,

и сталъ онъ, устремивъ взоръ на небо, просить помощи отъ Бога; увидаль это Тенгере, сошелъ съ неба, сдѣлался простымъ человѣкомъ и явился къ камлающему народу.

Въ кустахъ, по хвоѣ и сучьямъ, зашуршали шаги, и Апанасъ остановился. Шаги приближались

...и на Чуѣ, и тамъ, гдѣ поднимаются горы, у Телецкаго озера отъ Артыбаша и до Чолушмана...

ближе и ближе и, вотъ изъ-за кустовъ выглянулъ молодой калмыкъ, лѣтъ 17—18 на видъ, а за нимъ старикъ, лѣтъ шестидесяти. Оба они попятились назадъ, увидя миссіонера, быстро поднявшагося.

— Чего же вы боитесь?—сказаль онъ просто.— Убѣжали всѣ отъ гостя: давно ли на Алтаѣ встрѣчаютъ такъ гостей?.. Во всѣхъ сторонахъ: и на Чуѣ, и тамъ, гдѣ поднимаются горы, у Телецкаго озера отъ Артыбаша и до Чолушмана свято чтится отцовскій завѣтъ: всякій, вошедшій въ юрту тамъ, дѣлается своимъ: онъ ѣсть, когда ѣдятъ хозяева, и ему на дорогу дають запасъ баранину и толканъ. Теле-

осы на Артыбашѣ научили меня вѣрить этому, и по всему Телецкому озеру твердо помнятъ обычай этотъ, да и здѣсь, въ Чемалѣ и Чопошѣ, и въ Кузнецкомъ уѣздѣ, въ тайгѣ по Кондомѣ и Мрасѣ гостя чтутъ... Развѣ у васъ въ аилѣ живутъ не алтайцы?..

Старику стало стыдно отъ словъ молодого абыза, онъ какъ то суетливо привѣтствовалъ его и что-то тихо приказалъ молодому.

Скоро аилъ началъ оживать: появились женщины и дѣти; онѣ съ любопытствомъ смотрѣли на гостя и, протягивая руку передъ собой, кланялись ему какъ то пугливо, готовая убѣжать при первомъ его словѣ.

— А гдѣ Марія?—спрашивалъ онъ старика Чунджюдекъ.—Куда вы дѣвали ее, больную, слабую?.. Говори правду: ты—старикъ, и стыдно тебѣ марать уста ложью. Ты—старшій въ аилѣ и долженъ знать, гдѣ она.

— Тутъ!—сказалъ онъ угрюмо.—Зачѣмъ, абызь, ты хочешь увезти ее? мы, вѣдь, знаемъ это.

— Я не увезу ее насильно: она сама ищетъ свѣта, и ей тошно у васъ. Веди меня къ ней и спроси ее, хочетъ ли она идти за мною; только спроси безъ угрозъ: у васъ, вѣдь, все угрозы.

— Господи помилуй!

Онъ изумленно глядѣлъ внутрь большой юрты, куда они съ Апанасомъ недавно входили, и удивился, когда старикъ, подойдя къ дальнему углу, принялся разбрасывать кожи, грудой лежавшія тамъ, и даже его мягкое сердце охватилъ гнѣвъ, когда изъ подъ этой груды вынули полуобезпамятѣвшую, слабую Марію связанную, съ заткнутымъ ртомъ.

— Какже не увезти ее отъ васъ?—сказалъ онъ, освобождая старую женщину отъ ея путъ.

— Увези, абызь,—стонала та, рыдая.—Они хотятъ убить меня, бросить въ лѣсу связанной... говорятъ: „пусть съѣстъ ее медвѣдь тамъ“... всѣ и дѣти грозятся... увези, не оставляй: хочу креститься... аилъ опротивѣлъ... Во снѣ вижу свѣтлыхъ... зовутъ .. боюся темной силы... охъ, боюся... Увези, пожалуйста, увези.

— Увеземъ,—сказалъ онъ твердо.

— А кто тебѣ дастъ?—выступилъ изъ кучи калмыковъ сынъ Маріи.

— Молчи!—гнѣвно крикнула она.—Посмѣй не пустить, ящерица!.. Я позабуду, что родила тебя, и призову на тебя всѣ темныя силы... Ты знаешь, что мать можетъ сдѣлать это... и ты, Тойбыръ, не смѣй тянуть рукъ: мои уста молчать не стануть: я еще не хочу умирать изъ-за васъ...

— Не оставляй меня, абызь, возьми: я сяду на твою лошадь, если эта собака, которую я родила, не дастъ коня матери...

— Какъ могъ ты дать меня вязать?... Я еще не помѣшалася и не кусаю людей... Худой сынъ—покорь матери... У меня теперь нѣту сына...

— Поѣдемъ, абызь: эти волки укусятъ насъ... гляди, какъ скалятъ зубы и чакаютъ ими... дашь ты мнѣ коня?.. Гляди, какъ замучили: ноги мои не носятъ меня...

И она горько заплакала.

— Какъ берегла я его, абызь!—указала она на топтавшагося на мѣстѣ сына.—Вѣтру не давала дунуть, а онъ...

И еще сильнѣе раздались ея рыданія.

Апанасъ рѣшительно подошелъ къ ней, высокій и сильный.

— Садись, абызь—твердо сказалъ онъ.—Садись, пожалуйста, на лошадь.

И когда, невольно подчиняясь ему, о. Макарій подошелъ къ коню, онъ схватилъ бѣжавшую за нимъ старую женщину и быстро посадилъ передъ собою на лошадь.

— Попробуйте гнаться за нами!—поднялъ онъ кулакъ.

— Садись, о. Макарій. Не отдавать же имъ на убійство женщину эту: они—звѣри вѣдь, и сынъ звѣрь... У насъ, киргизовъ, мать самый послѣдній почитаетъ... Не бойся, пока живъ Апанасъ, тебя не тронуть, бѣдная!

И спокойно тронулъ лошадь и двинулся, зорко глядя на загалдѣвшихъ разомъ калмыковъ.

— Поѣдемъ, о. Макарій... не мѣшкай, если душу желаешь спасти Христову... Не слушай ихъ, пусть бармятъ: всѣхъ насъ не убьютъ: не посмѣютъ, а ее оставитъ—убьютъ.

— Убьютъ, абызь! поѣдемъ!—торопила старая женщина.

И опять сѣнь лѣса закрыла ихъ.

Марія тихо стонала.

— Господи... Я лежу: ломитъ меня къ ненастью,—говорила она, роняя слезы,—а они ворчатъ на меня: и сынъ, и сноха, и Тенекъ, старая собака... всѣ, всѣ ругаютъ, что креститься вздумала... просила я коня все утро—не дають, издѣваются: съ коня—говорятъ—полетишь... прямо, какъ волки, искушать рады, а мое сердце такъ и тянетъ къ Чопошу: боюсь ихъ... Вдругъ собаки залаяли, и Ай, дѣвушка стрѣлою прилетѣла: „ѣдетъ... абызь ѣдетъ“—кричитъ. Тутъ они всѣ на меня кинулись, связали, ротъ заткнули и, бросивъ въ уголь, забросали шкурами... Я думала, задохнусь совсѣмъ... Спасибо тебѣ, абызь...

— Вотъ что,—сказалъ о. Макарій,—тропа—одна. Апанасъ, ступай впередъ, гони коня и увези Марію, а я поѣду тихо, тихо, какъ могу, слышишь?.. нужно такъ.

— Что ты, абызь?!—испугался Апанасъ,—а ты?...

— Меня никто не испугаетъ, а она и такъ обезсилѣла.

И Апанасъ послушался его голоса, ставшаго властнымъ и твердымъ, онъ не посмѣлъ не послушаться этого слабаго на видъ человѣка, котораго глубоко почиталъ, и скрѣпя сердце, стегнулъ сильнаго молодого коня.

Скоро его не стало видно.

О. Макарій мягкимъ слабымъ голосомъ запѣлъ въ безмолвіи лѣса:

— „Господь прибѣжище мое и защита моя. Богъ мой и уповаю на Него. Не придетъ ко мнѣ зло, и рана не приблизится къ тѣлеси моему, п. ч. ¹⁾ ангеламъ своимъ заповѣдаетъ обо мнѣ сохранять меня во

¹⁾ п. ч.=потому что...

всѣхъ путяхъ моихъ, и на рукахъ возьмутъ меня да никогда преткну о камень ногу мою“.

И безпредѣльнымъ упованіемъ звучали святые слова: на него могли обрушиться всѣ изъ аила, бить, даже погубить совсѣмъ, но онъ твердо помнилъ, что доброму пастырю нужно полагать душу свою за овецъ своихъ. Пока на немъ стали бы срывать гнѣвъ, Апанасъ и Марія были бы уже далеко.

А въ лѣсу стало непріютно и печально: исчезли золотыя пятна солнца и просвѣты лучей, исчезла жизнь, точно притаилась, и только тихо шелестѣли вершины въ этой жуткой тишинѣ.

Тучи росли быстро надъ медленно ѣхавшимъ всадникомъ; онъ пересталъ пѣть, но въ глубокой думѣ не погонялъ коня, можетъ быть онъ молился, даже навѣрное, но только не боязнь закрыла его уста.

Лошадь боязливо поводила ушами и косила глаза на потемнѣвшую и ставшую угрюмой поросль молодой хвои, а на спускѣ стала еще осторожнѣе, точно чуя звѣря.

Между тѣмъ туча властно заполнила небо, далекіе раскаты грома гудѣли, глухимъ эхомъ доносясь сюда все ближе и ближе.

— „Теперь они уже переплыли Катунь,—думалъ о. Макарій.—Слава Богу... у Апанаса хорошая лошадь, а часа полтора уже прошло, какъ они уѣхали впередъ. Храни Богъ бѣдную Марію: сейчасъ налетитъ гроза!“

И дѣйствительно, точно разомъ ожилъ лѣсъ и заговорилъ грознымъ гуломъ, вершины колыхались подъ уклономъ перевала темно зеленымъ моремъ.

О. Макарій зналъ, что нужно уйти съ тропы, что эта тропа сейчасъ станетъ потокомъ, что журчавшій близъ нея ручей превратится въ рѣку, и отвернулъ лошадь въ сторону, пробрался до выступа подъ могучей скалой и, спѣшившись, привязалъ лошадь къ крѣпкому побѣгу юной сосны; его глаза глядѣли на дорогу: онъ привыкъ къ грозамъ въ горахъ и даже любилъ ихъ; Господь говорилъ съ землею, казалось ему, упрекалъ ее за грѣхи живущихъ.

— „Какъ теперь Каланакъ въ своей недостроенной юртѣ“? — пролетѣла мысль у него. — „Вымочить его... Марія напугается грому!“ — догнала эту первую мысль другая.

А громъ, какъ удары гигантскаго молота, началъ раздаваться ближе и ближе. Трахъ! звучалъ ударъ и грознымъ рокотомъ, точно грозясь, отвѣчали на небесныя выпады горы, а молніи змѣями рѣяли кругомъ: справа и слѣва скрещивались ихъ зигзаги, онѣ точно падали вглубь лѣса, буравя землю, уходили въ камни, онѣ пролетали среди зеленыхъ вершинъ и слѣпили глаза. За самымъ сильнымъ ударомъ послѣ мгновеннаго свѣта, отъ котораго лошадь чуть не оборвала поводовъ и упала на колѣни, разомъ точно разверзлось небо, и цѣлые каскады дождя хлынули оттуда.

Минуты двѣ спустя, маленькій ручей началъ расти, какъ растутъ чудовища въ сказкахъ, подниматься, шириться и разливаться, лоя на пути и принимая на свою вспѣнную грудь валежникъ, сломанный лѣсъ и все, что попадалось ему на волны.

— Черный валъ!

О. Макарій чуть не вскрикнулъ: стѣною шла волна сверху, эта сгруженная волна ломила чашу и несла что то большое. Хорошо, что онъ ушелъ съ дороги.

— „Такъ вотъ отчего не погнались за ними изъ аила?! они чуяли, что гроза пролетитъ! Да, люди въ Алтаѣ знали, какъ ужасны грозы. Теперь Катунь сойдетъ съ ума... хорошо, что тѣ переплыли, а то переправы надо ждать три—четыре часа, пока пройдетъ гроза, и скатится вода“.

А вода бунтовала вслѣдъ. Вблизи лошади пронеслось большое дерево—сваленный предыдущей бурей великанъ. Съ страшною силой потокъ несъ его. Вотъ, онъ повернулъ и задѣлъ за дерево. Хрясть... и дерево рухнуло съ вывороченными корнями... Вотъ, точно смело двѣ молодыя сосны, вотъ сшибло вывѣтрившійся камень, попавшаго на путь потока утеса. И все это въ нѣсколько секундъ: только глазъ могъ уловить происходившее.

А молніи падали, прорѣзая дождь, гремѣли оглушительные раскаты грома, и вершины гудѣли, стонали, жаловались, а эхо, несясь по горамъ, сливалось съ хаосомъ звуковъ.

О. Макарія промочило на половину: дождь обливалъ всю лѣвую сторону его тѣла, тогда какъ правая, которой онъ прислонился къ скалѣ, была суха.

Четверть часа, и пролетѣла горная гроза. Опять засіяло чистое небо, и только потокъ, сваленныя бурей деревья, сырая хвоя подъ ногами, да собственная мокрая одежда говорили миссіонеру о пролетѣвшей бурѣ.

Онъ переждалъ полчаса и, когда вода немного скатилась, свелъ лошадь съ уступа подъ скалою и поѣхалъ берегомъ новаго потока, все еще широко катившаго волны.

Спускаясь съ перевала, о. Макарій подогналъ лошадь: было сыро послѣ дождя, и вся рука его захлаждѣла. Невольно вспомнилось бывшее: Кузнецкая тайга близъ Кабыжака и ихъ путь тамъ, и ощущение такого же холода, какъ сейчасъ, въ этой правой рукѣ.

— „Боже Господи! какая была буря: свѣтъ Божій затмился, казалось; отъ дороги не осталось и слѣда, сбивались и тонули въ снѣгу кони. О. Василій Вербицкій то совсѣмъ исчезалъ изъ его глазъ, то опять его красивое, энергичное и невозмутимо спокойное лицо близко склонялось къ его лицу, среди хаоса бури произнося ободряющія слова ему, тогда совсѣмъ еще юному... Восемь часовъ такого ужаснаго пути на вѣтру: не мудрено было замерзнуть рукѣ... Слава Богу, что Онъ давалъ силы... А путь отъ Ташты?... Три лошади тянули. Впряженныя плохо одна за другой, онѣ не могли дотянуть ихъ на высоту горы, и, шадя ихъ, они съ о. Василиемъ пошли на лыжахъ на эту гору. Два часа скользили они по ней, выбились изъ силъ и едва добрались до пологого пути, гдѣ можно было сѣсть на салазки... Да, Кузнецкая тайга мало свѣтлаго оставила въ его воспомина-

ніяхъ; но, вѣдь, онъ былъ миссіонеръ, онъ долженъ былъ терпѣть все—и холодъ, и бури во славу Божию!

И ясными глазами онъ оглядѣлъ милыя, опять залитыя склоняющимся къ закату солнцемъ, горы.

Катунь точно обезумѣла: нужно было бросить всякую мысль о переправѣ: вздутая, бѣшенная неслась она. Давно уже глаза миссіонера не видали такого разлива.

— „Пережду въ юртѣ у табунщика“, — подумалъ онъ— „Теперь часовъ шесть нужно ждать, чтобы она угомонилась: такой валъ перевернетъ лодку... Вѣтеръ какой тутъ, на низинѣ!“...

И опять подогналъ коня къ юртѣ пастуха, надъ которой стлался дымокъ костра. Залаяла собака, увидѣвъ его, и на ея лай выбѣжалъ Апанасъ, радостно бросившійся къ миссіонеру.

— Апанасъ!! — испуганно сказалъ онъ.— А Марія гдѣ?..

— Дома, въ Чопошѣ, — весело сказалъ тотъ.— Теперь ее Михаилъ Васильевичъ чаемъ поить: давно я ее, до бури, сперъ за Катунь, а самъ сюда: знаю, что буря васъ долго не пуститъ потомъ... Ну и хва, тило насъ съ гребцами по дорогѣ валомъ! ничего, покачало! было лодченку захлестнуло... знаете, какая!.. вотъ я побоялся за васъ: кони отъ лѣса всѣ, какъ безумные, придрали; а валъ то какъ катилъ, словно его лельбигень гналъ изъ лѣса... Ну, слава Богу, живы вы и здоровы... идите—сушитесь: поди, у васъ нитка скрозь...

А о. Макарій, молчаливо поглядѣвшій на Катунь, подумалъ о тяжелой переправѣ и о преданной чело-вѣческой душѣ, входя въ прокопченную юрту.

На кострѣ живо согрѣлся чайникъ пастуховъ. Ласковый Апанасъ далъ горячаго чаю своему миссіонеру. И въ свѣтѣ заката обсохшій о. Макарій, сидя у костра, задумчиво глядѣлъ въ отверстіе входа.

— Ишь, какъ раздулася: уняться не можетъ,— говорилъ пастухъ и перевозчикъ Телегошъ, не спавшій въ жуткой тишинѣ пустыннаго берега, которую прерывали лишь порывы вѣтра и храпъ двухъ ал-

...Давно я ее, до бури, сперь за Катунь, а самь—сюда: знаю, что буря вась долго не пустить потомь...

тайскихъ гребцовъ, спавшихъ у костра.—Красное какое садится солнце: должно быть ведру, а вѣтеръ... Теперь еще долго не попадешь въ Чопошъ, абызь.

— Да,—сказалъ о. Макарій,—а ты меня слушать не хочешь, Тедегошъ: тебѣ бы нужно слушать зовъ Божій!

— Пойду на коней посмотрю, съ хитровой заботой покосился тотъ на миссіонера.

И пошелъ медлительной походкой, пыхая трубкою, которую не выпускалъ изо рта.

— Заботить меня Михаилъ... Теперь, навѣрное, рветъ и ломитъ его палець, а снять не сможетъ бѣлковую оболочку,—сказалъ онъ Апанасу,— хотя скобли ножомъ. Нужно въ горячую воду опустить его, тогда сойдетъ, а имъ и въ голову не придетъ этого.

— Почему знаютъ,—согласился Апанасъ,—да, намъ тутъ посидѣть надо... Ты любопытствовалъ, абызь, о старомъ, о камахъ, я тебѣ зачалъ рассказывать, да бросилъ давѣ... Хочешь, скажу теперь?..

— Расскажи, если, дѣйствительно, плыть нельзя: займемся бесѣдою,—согласился о. Макарій.—Ты остановился на томъ, какъ Тенгере сошелъ съ неба и пришелъ къ тѣмъ, которые камлали.

— Ну, ну,—сѣлъ Апанасъ.—Ну, сошелъ и говорить: „неладно вы камлаете: надо, значить, кости очищенныя складывать въ кучу и сжигать ихъ съ аржанъ-эленомъ, а ваши камланья до Бога не доходятъ, и ему неприятно“... Которые испугались изъ народа, а которые заспорили, што правильно дѣлаютъ; а Тенгере сказалъ: „если не вѣрите мнѣ, будемъ дѣлать марганъ, на чьей сторонѣ правда будетъ, увидимъ: если на вашу жертву падетъ огонь съ неба и сожретъ ее, то ваша правда, а если на мою, то моя правда“. Такъ и согласились. Собрались камы и съ утра до другого утра цѣлыя сутки камлали на горѣ, кликали, кликали по своему Бога, но огонь къ нимъ не сошелъ съ неба, и осталась цѣлою жертва ихъ, а люди другіе, которые камовъ не почитали, сдѣлали каменный жертвенникъ, положили

на него жертвенныя кости, прикрыли аржаномъ и стали молиться. Тенгере, какъ свидѣтель, стоялъ и глядѣлъ на эту жертву. Молятся они, услышали ихъ съ неба: раздался громъ, заблестала молнія; огонь, какъ молнія, упалъ на жертвенникъ, вспыхнула жертва и запластала, запластала и сгорѣла... што-есть и жертвенникъ сгорѣлъ, и не осталось ничего: ни воды, ни пепла.., и дыму даже не было. Тогда камлавшіе сказали Тенгерѣ и этому народу: „ишь какіе, такъ мы вамъ и повѣрили! Вашу жертву пожрали горные духи, а не огонь небесный“. Усмѣхнулся Тенгере и говоритъ: „если вы не вѣрите этому чуду, то снимите съ больного мальчика“... Помнишь, о. Макарій, я говорилъ, что мальчикъ былъ у вдовы больной и ихъ богамъ не вѣрилъ?..

— Да, да,—кивнулъ головой о. Макарій.—Продолжай.

— Ну, говоритъ: „снимите съ мальчика желѣзные узы, которыя одни камы видятъ, что злой духъ на него наложилъ, и на меня ихъ переложите, свяжите ими меня“. Озлилися камы, принялися камлать во всю силу, да подѣлать ничего не могутъ: сколько ни пласталися, а не могли развязать больного и связать Тенгере-Тедыгечи. Засмѣялся онъ, снялъ цѣпи съ мальчика и связалъ ими себя, а мальчуганъ соскочилъ здоровехонекъ. Тогда опять сказалъ Тенгере: „если вѣра ваша правая, и вашъ Богъ силенъ, то снимите съ меня оковы, и пусть огонь жертвы вашей меня пожретъ, а если цѣпей не снимете, то я не буду вашъ, уползу въ свою сторону, а васъ пусть огонь сожжетъ“. И опять закамлали камы, цѣлую уйму бѣсовъ наслали на него, пластаются изо всѣхъ силъ, но ни одинъ темный подойти къ нему не можетъ даже близко: не насмѣливаются, и цѣпи его не распалися, и огонь его не коснулся, а камы зачали горѣть, точно руки ихъ кто сковалъ, и не могли они кинуть ни бубна, ни орбы. Они бросались въ воду, катались по землѣ, но ни водою, ни землей не могли потушить огня, сжигавшаго ихъ; а Тенгере поднялся могучій весь и показалъ имъ на

красную гору, жертвами ихъ кровавыми облитую, и сказалъ властно: „идите! идите за мною на эту гору, гдѣ живутъ ваши боги: я теперь вашъ, и иду къ вашимъ богамъ“. Сказавъ это, пошелъ онъ среди пламени земли пылавшей, только слѣдъ его безъ огня оставался, и завелъ такъ камовъ и народъ ихъ на эту гору, завелъ и самъ исчезъ. А гора продолжала пластать вся и до того пластала, что осѣла и сдѣлалась равниной. Такъ всѣ люди, вѣрившіе камланью, сгорѣли, а вмѣстѣ съ ними и нечистые духи... Охъ,

...и опять предъ о. Макариемъ выплыло изъ дали прошлаго красивое умное лицо протоіерея Вербицкаго...

и вилися они! Которые хотѣли выбраться и въ море то бросались, и въ преисподнюю, да не тутъ то было: изъ моря ихъ Убусхо-каан схватывалъ и бросалъ въ огонь, а изъ преисподней Ынгысь-каан опять ихъ на гору кидалъ въ пламя... Тридцать шесть лѣтъ, говорятъ они, абызъ, гора эта пылала... Можетъ быть, это правда, а можетъ быть выдумка, вѣдь это было давно, рассказываютъ, а только, когда я съ чуйскимъ караваномъ былъ въ китайской землѣ, чуйскіе зайсанги сказывали, есть гора Куйгэнь-ту въ китайской землѣ, близъ степи Кююты, и изъ этой сгорѣвшей горы достаютъ и теперь землю они и ихъ инородцы на случай, если досадить имъ камъ, тогда они бросаютъ ея въ него, и тому такая досада отъ этого дѣлается, што не дай Богъ.

И опять передъ отцомъ Макаріемъ выплыло изъ дали прошлаго красивое умное лицо протоіерея Вербицкаго, который не разъ рассказывалъ ему подобныя легенды алтайцевъ, живо интересуясь ими самъ.

— Не унялся ли вѣтеръ?—вспомнилъ онъ о больномъ, мысль о которомъ, поглощенная на время слушаніемъ рассказа, вспыхнула опять.—Поплывемъ лучше, Апанасъ: боюсь, мучается, навѣрное, Михайлъ... Смотри, ужъ и солнце закатилось; желтый какой закатъ!..

— Завтра вѣтеръ будетъ!—авторитетно сказалъ Апанасъ.—Сейчасъ я на Катунь погляжу... Буди гребцовъ, абызъ: заспались они.

О. Макарій принялся осторожно будить спавшихъ.

— Можно поплыть: потихло; на камень, можетъ быть, не напоремся,—спокойно говорилъ Апанасъ.—Только ой-ой какой валъ сейчасъ!

И поплыли въ желтыхъ тонахъ заката подъ порывами вѣтра въ углой лодочкѣ, которая то ныряла, то поднималась на гребняхъ расходившейся и не хотѣвшей угомониться Катуня.

Ихъ уже ждали на берегу: какая то женщина чуть не въ воду бросилась, желая скорѣе вытянуть лодку.

Въ сумеркахъ, быстро наступавшихъ среди поросшаго лѣсомъ берега, отецъ Макарій не могъ различить толкавшагося на берегу и понукавшаго ее мужчину.

— Мы сами, не трудись,—отодвинулъ онъ ее, выскакивая на мокрый песокъ канавы...

И только, выйдя, узналъ ихъ:

— Ну, что Михайла? каковъ? худо? кричитъ? Сейчасъ я.

— Тамъ ужъ народу сколько: онъ, абамъ,—испуганно и торопливо говорилъ Иванъ,—кричитъ, —ой-ой, какъ кричитъ! палець просить рубить, бѣгаетъ... спотѣлъ весь и насъ гонить: „ведите абыза!“... Лупить ее собрался... ой-ой какъ мается!.. всѣхъ ругаетъ: камовъ ругаетъ; тебя, абызъ, тоже такъ и пунить... Ты не сердися: у него глаза на лобъ лѣзутъ!

О. Макарій почти бѣжалъ. Вотъ и юрта.

— Воды горячей скорѣе,—торопилъ онъ женщину на бѣгу,—не кипятку только... Есть?.. ну, слава Богу!.. чай?.. это все равно: лей въ чашку!

И съ чашкой теплой воды поспѣшилъ къ кричавшему и бѣгавшему по юртѣ Михаилу.

— Садись, садись, давай руку... такъ... клади ее въ воду... вотъ. Теперь сейчасъ же почувствуешь—лучше будетъ.

— А вы дайте ему чтонибудь закрыться, постелите кочму: ляжетъ онъ.

И, дѣйствительно, какъ только отмякла пленка, и палецъ освободили отъ нея руки о. Макарія, Михайлъ, какъ снопъ, повалился на ложе и захрапѣлъ на всю юрту подъ шумъ голосовъ, любопытствовавшихъ надъ лѣкарствомъ абыза.

Тѣло миссіонера устало и просило отдыха, но онъ терпѣливо рассказывалъ имъ, какъ и для чего онъ употребилъ лѣкарство.

— Вотъ, если лучше станетъ Михайлѣ, и я такъ полѣчуся,—сказалъ тоже хворавшій лихорадкой Петръ.

И они все пошли за миссіонеромъ до его домика.

Лихорадка, дѣйствительно, бросила Михаила Тозыякова, и онъ выздоровѣлъ, но лѣченіе ему казалось такимъ тяжкимъ, что онъ уговаривалъ другихъ, чтобы такъ не лѣчились, хотя многіе потомъ рѣшались перетерпѣть и спасались этимъ отъ лихорадки.

Прошло пять дней. О. Макарій работалъ по обычаю: слѣдилъ за постройкой, заботливо занимался паствою, ѣздилъ въ айлы и ждалъ терпѣливо зова Каланака, заинтересовавшаго его.

А тотъ не шелъ: боязливая ли душа не хотѣла крещенія, боялась словъ, или онъ и въ миссіонерѣ видѣлъ кама, и его сердце, испытавшее то, что онъ видѣлъ въ ущельи Бельтыръ оэка, сторонилося о. Макарія.

Маленькіе друзья абыза разъ сказали ему яснымъ утромъ:

— Каланакъ вчера много плакалъ; къ нему пріѣзжалъ дядя и звалъ его куда то, а Каланакъ не

хочетъ туда... Дядя далъ его отцу денегъ... и мать Каланака тоже плакала.

— Я спросилъ его,—началъ объяснять маленькій Стефанъ,—почему онъ плачетъ и хочетъ уѣзжать, а онъ мнѣ сказалъ: „они боятся вашего абыза, мои родные, а я боюсь не его, а Кабыра, страшнаго Кабыра. Я не хочу быть камомъ и лучше убѣгу, чѣмъ поѣду въ ущелье Бельтырь-оэка... Меня онъ зоветъ туда“. Камы уѣхали, о. Макарій, но они хотѣли скоро пріѣхать... Намъ жаль Каланака: онъ хорошій, онъ такъ славно дѣлаетъ пишалки и не боится медвѣдя и Іельбегена, онъ ничего не боится... Какъ онъ намъ славно рассказывалъ про Полоза и про всякихъ звѣрей... А его горбатый братъ походить на самаго страшнаго звѣря... Онъ говорилъ о тебѣ, абызь: ему охота тебя увидѣть, онъ чего то хочетъ спросить у тебя, шибко спросить... Ты пойдешь туда?..

— Пойду, конечно. Только надо скорѣе: сегодня я гостя жду, улу-абыза одного... знаете архимандрита нашего?.. да?.. такъ это будетъ его братъ. У него уже сѣдѣть голова и борода, а онъ много, много трудится для васъ, вотъ такихъ Каланаконъ съ матерями и отцами, далеко на Кондомѣ. Вмѣстѣ съ другимъ абызомъ крестили они такъ много въ годъ, что и не сосчитать.

— Сто?—сказалъ бойкій Стефанъ, удивляясь самъ громадности цифры.

— Нѣтъ, еще сто, еще сто и еще два раза сто: пять сотъ всего,—сказалъ миссіонеръ.—Абыза зовутъ Антоніемъ, онъ тоже іеромонахъ... Не поймете вы, мальчики, сановъ нашихъ... Пойдемте.

И они пошли.

Дѣти весело болтали между собою, а о. Макарій шелъ съ глубокой думой.

Каланакъ встрѣтилъ ихъ въ лѣсу, ближе къ Чопошу: онъ, видимо, шелъ туда и обрадовался, увидѣвъ ихъ.

— О, абызь,—привѣтствовалъ онъ о. Макарія низкимъ поклономъ,—я къ тебѣ шелъ; все думалъ эти дни, много думалъ, только не о томъ, чтобы

креститься, нѣтъ: я думалъ, что ты добрый и дашь мнѣ совѣтъ хорошій, совѣтъ, о которомъ тоскуетъ душа.

— Бѣгите, ребята, возьмите: тамъ я приготовилъ вамъ плетенки для ягодъ... спросите у матери, а мы посидимъ здѣсь съ абызомъ...

— Твои гости уже уѣхали?—спросилъ миссіонеръ.

— Натрусъ уѣхалъ... да, но духъ его и умершаго дяди Якуша со мною; они не дадутъ мнѣ покоя, абызь: они зовутъ въ ущелье Бельтырь-оэка, въ то страшное ущелье, изъ глубины котораго въ мои глаза поглядѣла смерть... „Иди, иди“ все зоветъ меня голосъ умершаго дяди Якуша... О, они умѣютъ колдовать и Натрусъ, и Кабырь, страшный духъ моей души... О, абызь, я не могу забыть того дня, когда его цѣпкія руки держали меня наль скалами, гдѣ въ глубинѣ узкаго ущелья бился, какъ крылья бѣлой птицы лебедя, вспѣнный Бельтырь-оэкъ... Его нѣмыя уста что то шипѣли, страшныя нѣмыя уста...— „Кинеть, кинеть“,—думалъ я, потому что ненависть черной рукой схватила его сердце.

— Не слушай и не иди,—сказалъ миссіонеръ,— я не хочу силой ловить твою душу, но скажу тебѣ, что Христосъ, только Онъ можетъ защититъ ее, смятенную и печальную: свѣтлая вѣра не дастъ коснуться до тебя злу.

— Не говори, не говори такъ, абызь,—обернулся онъ.—Ой, не говори... Якушъ, умирая, сказала: „они задушатъ тебя, какъ ты вздумаешь креститься... они злятся на меня за дочь“...

— Они боятся креста: онъ лжетъ. Надѣнь его на себя некрещенный даже—онъ сохранитъ тебя отъ всѣхъ камовъ... Послушай меня, Каланакъ...

— Ой, нѣтъ, абызь, нѣтъ!.. Скажи мнѣ: тамъ, на Телецкомъ озерѣ, хорошо? Можно ли найти пріютъ?.. Знаютъ ли обычай Алтая тамъ люди? Примутъ ли они гостемъ благословеннымъ путника?.. Я уѣду туда, абызь.

О. Макарію стало грустно: эта грусть охватила его сердце и заставила говорить уста... Какія горячія.

и убѣдительныя слова слетѣли съ нихъ для убѣжденія этой суевѣрной души! но они были напрасны; Каланакъ, растроганный и трепещущій, все-таки устоялъ въ своемъ рѣшеніи; онъ только поклонился, цѣлуя руку о. Макарія, и сказалъ:

— Такъ я ухажу туда; можетъ быть, когда-нибудь я приду къ тебѣ, абызъ. Молись, чтобы меня не задавили духи, но всѣхъ ихъ ужаснѣй мнѣ лицо Кабыра, отъ котораго я бѣгу; молись, чтобы твой Богъ защитилъ меня отъ него.

И почти побѣждалъ отъ о. Макарія.

Въ полдень пріѣхалъ о. Антоній: онъ привезъ іеромонаху привѣтъ отъ архимандрита и, недолго побывъ въ Чопошѣ, потянулъ и о. Макарія за собою на поѣздку по аиламъ; потомъ они окрестили Марію, служили въ Чопошѣ, и недѣля опять пролетѣла быстро, полная труда.

— А Каланакъ ушелъ,—сказали ему послѣ того, какъ онъ опять остался одинъ, его маленькіе друзья. —Отецъ его искалъ, а мать все плакала... Былъ дядя его камъ и не нашелъ его... обѣщалъ пріѣхать къ тебѣ. Онъ поѣхалъ тутъ кругомъ, чтобы узнать, не слышали ли о немъ въ аилахъ... Мы боимся его, абызъ, этого дяди: у него такіе глаза—и не глядятъ на человѣка, а видятъ.

И о. Макарій убѣдился самъ, какъ страшенъ взглядъ кама Натруса. Онъ пришелъ къ нему въ дождливый день, когда о. Макарію было грустно: были непріятности, томила забота о храмѣ, и маленькій Стефанъ, остывъ въ ледяныхъ водахъ Катуня, послѣ дождя, когда бродилъ, неводя въ заводи съ товарищами, сильно захворалъ. Камъ пришелъ, сгорбленный съ сѣдѣющей косматою головою, и глубоко запавшими глазами поглядѣлъ на лицо миссіонера.

И эти, точно мертвые, глаза были ужасны, когда глядѣли на него: отблескъ ужаса остался въ нихъ и невольно пугалъ взоръ, старое тѣло тряслось, томимое мелкимъ ознобомъ, точно вѣчный пароксизмъ лихорадки владѣлъ имъ. Своимъ провалившимся су-

химъ ртомъ онъ зашепталъ привѣтствія и сѣлъ передъ стоявшимъ о. Макаріемъ.

— Гдѣ мой Каланакъ, абызь?.. Кабыръ умираетъ, мой сынъ Кабыръ,—онъ послалъ меня, онъ велѣлъ искать его, велѣлъ привести туда, въ наше ущелье, онъ обѣщалъ мнѣ задушить меня, если я его не приведу, и я боюсь его: съ нимъ всѣ духи злые: они дали ему страшную силу... Если ты жалѣешь людей, какъ говорятъ, то отдай мнѣ, пожалуйста, отдай Каланака: его проситъ Кабыръ, а то онъ наплетъ на тебя напасти... Ты еще не знаешь урода кама Кабыра съ Бельтырь-оэка, пусть тѣло его жгетъ и палить недугъ, пусть годами онъ молодъ, но его душа видитъ глазами страшныхъ кара-неме, хотя его языкъ нѣмъ, а говорятъ только руки.

— Если онъ можетъ видѣть глазами кара-неме, то зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ спрашивать?—строго сказалъ о. Макарій.—Ты пришелъ ко мнѣ съ ложью и угрозами, камъ, и если бы я даже зналъ, гдѣ находится тотъ, кого ты ищешь, то и тогда не сказалъ бы тебѣ о немъ.

Онъ пожалѣлъ о суровости своего голоса, когда увидѣлъ, какъ безпомощно зарыдалъ старикъ: его лицо стало жалкимъ и еще болѣе старымъ, а ужасные глаза лили цѣлые потоки слезъ, все его тѣло содрагалось отъ рыданій, и онъ заговорилъ безнадежно разбитымъ голосомъ.

— Теперь я погибну, какъ Якушъ, какъ тѣ, что погибали; погибну вмѣсто Каланака, потому что Кабыръ не проститъ... Ты смотришь на меня, абызь, и дивишься на мое лицо: демоны сдѣлали его страшнымъ; демоны, которымъ я служилъ всю жизнь, но, если бы видѣлъ ты лицо Кабыра, чья сила превзошла нашу, и кто самъ превратился въ мрачнаго демона!.. какъ цѣпки его руки! какая въ нихъ страшная сила!! а зубы—ужасны, абызь!.. онъ еще малюткой впивался ими въ грудь своей матери и пилъ чело-вѣческую кровь... Всѣ мы—проклятые, и бѣлая тѣнь матери, которая живетъ въ нашемъ ущельи, не разъ гнала насъ оттуда, но Курюмесь далъ намъ тѣ камни

въ жилище, потому что люди боятся насъ, и мы отвыкли отъ людей.

— Зачѣмъ ему нужно Каланака?—спросилъ миссіонеръ.—Говори.

— Зачѣмъ демону надо людей?.. Не будетъ Каланака—онъ возьметъ меня: онъ любитъ приносить жертву Эрлику, когда его мучаетъ боль въ горбатой спинѣ и груди... Охъ, я его боюсь... Отецъ боялся его тоже... Онъ живому зайцу перекусываетъ горло, и косули боятся его. Какъ волкъ, онъ ищетъ ихъ убѣжище и грызетъ горла ихъ маленькихъ дѣтей... Вотъ какое дитя выростили мы съ Якушемъ и любили, какъ свою душу!.. Ты ничего не знаешь!—зашепталъ онъ.—Кабыръ сказалъ: „если ты не приведешь Каланака съ собой, я сдѣлаю съ тобой то, что сдѣлалъ съ нимъ“... Ты ничего не знаешь, абызь, а я знаю; я и Якушъ—мы оба знали... Помню день и Бельтырь-оэкъ, и скалы, прямыя, высокія и внизу узкую щель Бельтырь-оэка: онъ плакалъ тамъ на днѣ, плакалъ и метался, какъ бѣлая крылья лебедя, а надъ нимъ въ рукахъ Кабыра висѣлъ Каланакъ... Только бы опуститься рукавъ, только бы мигъ, и молодое тѣло разбилось бы о камни, а потокъ унесъ бы его туда, далеко къ Катуні, разбивъ и изуродовавъ. Кабыръ мстилъ ему за то, что мы его полюбили и учили своимъ тайнамъ... Тогда мы едва остановили его руку, а теперь онъ кинетъ и меня туда, и тѣло мое будетъ биться о камни, а когда смерть заледенитъ мое сердце, темные духи будутъ рвать меня тамъ, потому что я не сберегъ для нихъ Каланака... Я боюсь смерти, боюсь Кабыра, я всего боюсь.

И старый камъ забился въ конвульсіяхъ и судорогахъ.

О. Макарію стало жутко и тяжело: живое воображеніе нарисовало ему тѣснину Бельтырь-оэка, узкую, страшную и глубокую, съ водою, пѣной летѣвшею съ уступа на уступъ; онъ представилъ себѣ, какъ будетъ биться тамъ о камни тѣло кама, разбитое и изуродованное, и дрожь прошла по его плечамъ.

Долго отхаживаль онъ Натруса и, когда тотъ очнулся и отдохнулъ, сталъ говорить ему о Богѣ, о возможности оставить тотъ ужасъ, сохранить жизнь, но его слова, конечно, падали на камень...

...живое воображеніе нарисовало ему тѣснину Бельтырь-озка, узкую страшную и глубокую, съ водою, пѣной летѣвшею съ уступа на уступъ...

— Нѣтъ,—сказаль камъ разбитымъ голосомъ, уходя отъ него,—нѣтъ! мнѣ уже не спастись; духи тянуть меня. Кабырь зоветъ... онъ великій и жестокий камъ... Если увидишь Каланака, скажи ему, чтобы онъ не ходилъ туда, не слушалъ его зова; скажи ему, чтобы онъ не былъ птицей, какъ я, и не слушался голоса змѣи.

И въ эту ночь о. Макарію снилось узкое ущелье, молчаливые утесы и рокоть потока, метавшагося на днѣ. слышались стоны стараго кама, и онъ ничѣмъ не могъ помочь ему, не могъ его спасти.

Утромъ онъ всталъ съ тяжестью на сердцѣ, а дождь, лившій другой день, барабанилъ въ окна, и сѣрое утро трудового дня глядѣло на него.

— Приѣхали за вами!—сказалъ ему Апанасъ, поджидавшій его около дома, несмотря на ранній часъ.—Зовутъ: худое дѣло тамъ творится—заколотили крещенную сноху... за Чемаломъ живутъ они и ѣдутъ, зовутъ исповѣдовать, а та едва ли живая... Я поѣду съ вами?..

— Останься лучше, за постройкой слѣди... Одинъ я поѣду. Чья женщина?..

И пока Апанасъ объяснялъ ему все, о. Макарій быстро собрался.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Не спасалъ и теплый подрясникъ. Угрюмый инородецъ спутникъ молчалъ и хмурился: ему не нравилось, что абызъ такъ скоро собрался, не нравилась поспѣшная ѣзда, и онъ глядѣлъ сердито, коротко отвѣчая на вопросы.

Вѣдь она твоя сноха?—спрашивалъ о. Макарій.—Чѣмъ больна?..

— Чѣмъ?—угрюмо сказалъ алтаецъ,—кто ее знаетъ!.. Порогъ моей юрты она не переступала: я не видалъ, по обычаю, ни головы ея, ни ногъ обнаженныхъ, въ руки она мнѣ ничего не подавала... Почему я знаю!.. Говорю, можетъ быть, она такая больная и была, можетъ, ты ее простудилъ, когда крестилъ... Зачѣмъ вы смущаете нашихъ дѣтей?.. Я говорилъ сыну, что будетъ худо, и стало худо.

— Не можетъ стать ничего худого изъ хорошаго—сказалъ о. Макарій.

— А я говорю, что стало худо!—огрызнулся инородецъ.—На нее и сына въ нашемъ аилѣ плевали, а камы смѣялись надо мной, ну она и не стерпѣла.

— Зачѣмъ же ты поѣхалъ за мной сейчасъ?—спросилъ о. Макарій.—Почему не побоялся камовъ?

ты, некрещенный, зовешь меня для напутствованія... тебя зовутъ Ямачи... ты что то скрываешь отъ меня... Не убили ли вы ее и не зовете ли меня для отвода глазъ?.. А сынъ твой дома?..

— Сына нѣтъ!—замялся Ямачи,—сынъ далеко уѣхалъ къ дядѣ на байгу... Я сына отправилъ...

— Вотъ что!—горько усмѣхнулся о. Макарій.—теперь понимаю; что вы съ ней сдѣлали? говори!..

— Да ничего, совсѣмъ ничего... вовсе ничего... Ну, родила... больная...

— Не такъ, не такъ, лжешь! чувствую, вижу: не думали меня застать, мыслили, что въ Черни я по аиламъ, а послѣ бы сыну сказали: за абызомъ ѣздили, не нашли... Смотри, Ямачи, ты поплатишься за нее, бѣдную.

Дождь началъ переставать. Когда они поднялись на бомъ, точно разорвалася завѣса облаковъ: теплые лучи солнца брызнули и озарили красавицу Катунь и причудливые камни скалистаго бома, дальніе и ближніе хребты: всю красоту Божьяго міра. Омытые дождемъ лѣса щетиною бѣжали по гривамъ къ Катуні, полные аромата хвои, и среди этого міра Божьяго передъ инокомъ представилась картина иного міра — людского, та, погибающая изъ-за человѣческой ненависти и фанатизма, жизнь которой напутствовать спѣшилъ онъ.

— Скорѣе!

И даже Ямачи хлестнулъ коня, подгоняя его впередъ.

Въ бѣдной рѣшетчатой юртѣ было темно, угрюмо, толпились алтайцы у входа.

Глаза іеромонаха едва различили убогое ложе; старая инородка тихо и жалобно плакала въ ногахъ больной, метавшейся и бредившей.

— Абамъ!—молили запекшіяся уста,—ой, абамъ, зачѣмъ бьешь? не бей!.. Никита! Никита! помоги!..

Бѣдная звала мужа.

— Ребенокъ гдѣ?—сказалъ о. Макарій.

— Нѣту...—замялся свекоръ,—не знаю!

— Ребенка принесите сейчасъ-же: я его увезу въ Чемаль: не отдамъ вамъ, мучителямъ. Вонъ она, полумертвая, васъ обличаетъ... Слышишь, Ямачи? я, вѣдь, заявилъ въ Чемаль, что вы можете скрыть дитя: оно —христіанское: отъ христіанскаго брака, и я вамъ не отдамъ его... Помогите мнѣ поднять ее, бѣдную, и положить повыше.

Ему не смѣли перечить.

Весь Чемаль видѣлъ его проѣздъ и радовался проѣзду своего любимаго пастыря.

И надежды Ямачи на смерть снохи не оправдались.

— Собака живучая!—злбно шептали его уста.

А эта живучая собака металась на ложѣ.

Еще послушникомъ о. Макарій помогаль матушкѣ Агриппинѣ Іоновнѣ Ландышевой отваживаться съ такой женщиной больной, и, съ именемъ Божиимъ на устахъ, онъ позвалъ къ себѣ женщину айла.

— Вы хотите, чтобы она умерла? хотите, чтобы погибла ея жизнь, или нѣтъ? отвѣтите мнѣ!.. смерть когда нибудь придетъ и къ вашему ложу... Всѣ крещенные и некрещенные будутъ судимы тамъ, когда умрутъ, и кто дѣлалъ добро, увидитъ свѣтъ, а кто не дѣлалъ добра, погибнетъ... Если хотите себѣ заслужить милость у Кудая, помогите мнѣ и дѣлайте то, что я вамъ скажу. Принесите полотно, дабу и воды, студеной воды изъ горныхъ ключей. Воду нужно часто мѣнять и приносить новой холодной; потомъ раздѣньте ее... раздѣньте совсѣмъ и мочите дабу въ холодную воду: я покажу, какъ надо ее отжать; потомъ завертывайте ее всю въ холодныя тряпки, а я буду молиться тутъ, у юрты и не пускать сюда никого... Не бойтесь вашихъ мужей... А дитя пусть одна изъ васъ отвезетъ въ Чемаль и отдастъ толмачу до меня.

Онѣ послушались его охотно, а плакавшая женщина, улучивъ минутку, зашептала:

— О, абызь, какъ ее били!.. гнали изъ айла мужа... да она любить Никиту и не пошла бѣдная... Ребенокъ чуть живой: она родила его до времени... Онъ скоро умретъ, абызь.

И тутъ же у юрты о. Макарій крестилъ ново-рожденнаго, едва дышавшаго мальчика.

— Его уже незачѣмъ везти,—сказалъ онъ старой женщинѣ,—спасибо тебѣ: ты помогла ему увидѣть свѣтлаго Кудая!

И, дѣйствительно, малютка уходилъ изъ міра, едва увидавъ его. Крохотныя губки ловили воздухъ. И скоро на рукахъ о. Макарія лежалъ трупикъ, который онъ бережно положилъ на свой чистый платокъ и заставилъ дѣда рыть крохотную могилу для внука.

— Еще, абызь, мочить?—спрашивали его женщины, отжимавшія два полотенца дабы.

— Еще, еще... Что она?..

Онъ входилъ, смотрѣлъ обезпамятѣвшую женщину, крѣпко завернутую въ дабу, трогалъ ея голову и уходилъ опять на воздухъ. Онъ видѣлъ, что жаръ съѣдаетъ влагу, которой пропитывалась ткань, и ждалъ терпѣливо, похоронивъ крошку, результатовъ этого лѣченія.

Къ вечеру ему сказали, что полотно высыхаетъ медленно на тѣлѣ больной, потомъ она стала потѣть, и къ утру обильный потъ покрылъ тѣло, освободившееся отъ жара.

Лѣкарство Агриппины Іоновны помогло ли тутъ, или та горячая молитва, которую несъ въ эту немного холодную алтайскую ночь о. Макарій, но чудо совершилось: горячка оставила тѣло бѣдной женщины, а на завтра она, слабая, измученная, цѣловала его руки...

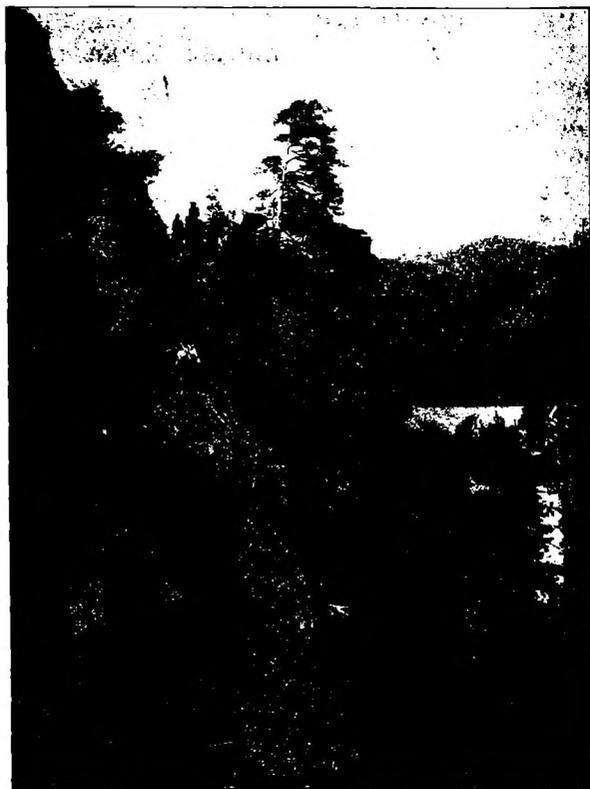
— Не кидай меня, абызь, погоди Никиту: онъ пріѣдетъ завтра: если мнѣ уѣхать безъ него, то они наскажутъ всего... отецъ и другіе... поживи тутъ, или увези меня въ Чемаль: вѣдь, недалеко!

Но въ Чемаль ее везти было нельзя.

Три дня прожилъ, ходя за больной, о. Макарій. Встревоженные чемальцы пріѣзжали къ нему каждый день; не утерпѣлъ и Апанасъ изъ Чопоша: онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ трапезникомъ Григоріемъ. И только тогда рѣшилъ оставить о. Макарія больную, когда вернувшійся ея мужъ пообѣщалъ ему не отходить отъ нея и сейчасъ же пріѣхать въ Чемаль, какъ только немного окрѣпнетъ больная.

Словами горячей благодарности проводилъ онъ съ женой о. Макарія.

И съ облегченнымъ сердцемъ ѣхалъ миссіонеръ прекраснымъ вечеромъ домой въ Чопошъ, провожаемый чемальскими жителями.

...съ высоты бома „Скакуна“ о. Макарій засмотрѣлся на даль...
на оснѣженные семинскіе бѣлки...

Солнце заливало яркимъ свѣтомъ Катунь, сегодня спокойную, хотя быструю и своевольную, эту мятежную красавицу Алтая. Съ высоты бома Скакуна о. Макарій засмотрѣлся на даль, горѣвшую подъ солнцемъ, на оснѣженные семинскіе бѣлки, на гривы, покрытыя лѣсомъ и на могучія сосны бома, въ розовомъ отблескѣ заходящаго солнца сбѣгавшія съ кручей къ рѣкѣ, и на причудливыя скалы, поросшія межъ со-

сень кустами и аржан-эленомъ, прижавшимся къ нему, какъ самый вѣрный другъ.

Тихій миръ охватилъ его душу, тихій благословенный миръ. Онъ долго стоялъ тутъ, пока не начали угасать краски заката, и горныя вершины стали засыпать во тьмѣ ночной, а тихія долины наполнила свѣжая мгла ранняго вечера; тогда онъ двинулся къ лошади и тихо, какъ бы извиняясь, сказалъ толмачу и Апанасу:

— Миръ искушаетъ красотой своею: гляжу и наглядѣться не могу на эту совершенную красоту, на красоту Божию.

А дома его ждала радостная вѣсть, какъ награда за трудъ этихъ дней—письма отъ архимандрита Владиміра и о. Стефана Ландышева, заставившія горячей радостью забиться его молодое сердце.

— „Другъ мой, о. Макарій, вотъ и завѣтное желаніе твое исполнено: будетъ у тебя иконостасъ... уже идетъ... Вотъ и исполненіе желаній твоихъ“, — писалъ о. Стефанъ, — „о. архимандритъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ княгини Рѣпниной: оно послано уже послѣ ея смерти. Умирая, завѣщала она иконостасъ домовою церкви своей, живописи прекрасной, послать въ станъ Чоповскій. И исполнено желаніе ея“.

И о. архимандритъ писалъ тоже, извѣщая, что иконостасъ долженъ получиться скоро, и звалъ въ Улалу о. Макарія.

Да, радости точно скопились: тутъ маленький Стефанъ поправлялся, а Михайлъ Тызыяковъ, совершенно здоровый, пришелъ съ горячей просьбой окрестить его замужнюю сестру въ Закатуньскомъ айлѣ, и новокрещенная Марія сказала ему, что ея сынъ начинаетъ склоняться къ крещенію и сознаетъ свою вину передъ матерью.

Всѣ эти радостныя волненія угнали сонъ отъ очей о. Макарія.

Тихая, великолѣпная, наводненная лунными лучами, немного холодная алтайская ночь опускалась, заполняя Алтай, а онъ все ходилъ подъ соснами съ сердцемъ, полнымъ благословеній Творцу, подъ

огромными соснами, осѣнявшими маленькій храмъ, и радость все ширилась и расла въ его сердцѣ, переполняя его. Смотря на послѣдніе отблески зари, онъ вспомнилъ недавно отъ кого то услышанные или прочитанные, похожіе на молитву, Хомяковскіе прелестные стихи:

„Ночь на восходѣ. Съ вечерней звѣздой
Тихо сіяетъ струей золотою

Западный край.

Господи! Путь нашъ средь камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ,—Ты, Свѣтъ Невечерній,
Насъ осіяй!

Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжелой борьбѣ,

Всюду сіяніе солнца святого,
Божія Мудрость и Сила, и Слово
Слава Тебѣ!“

Алтайскій кедръ.

Рис. художника алтайца Гр. Ив. Гуркина.

Улала и о. архимандритъ встрѣтили о. Макарія привѣтливо въ солнечный день. Было много разговоровъ и обоюдныхъ разсказовъ. О. архимандритъ только что приѣхалъ съ Чуи, а о. Стефанъ, начавшій сильно старѣть, умѣлъ навести на разговоръ.

Въ его гостепріимномъ домикѣ у радушной Агриппины Іоновны въ одну общую мисіонерскую семью

собрались всѣ эти труженики, о которыхъ мало писали, но чьи дѣла,—по словамъ томскаго епископа, стоили описанія цѣлыхъ томовъ, и просто безъ прикрасъ рассказывали другъ другу впечатлѣнія пережитого.

И высокій худой о. Смарагдъ, и сѣдой о. Дометіанъ, и красивый, добродушный умница и ученый о. протоіерей Вербицкій съ іеромонахомъ Антоніемъ, всѣ собрались сюда. Изъ Мыюты зачѣмъ то пріѣхалъ о. Арсеній Ивановскій. Словомъ, почти вся миссіонерская семья съ Михаиломъ Васильевичемъ Чевалковымъ, теперь служившимъ въ миссіи постояннымъ толмачемъ и переводчикомъ, радостно встрѣтившимъ вмѣстѣ съ Солодчинымъ о. Макарія, собрались тутъ.

Матушка Елена, когда то смиренная просфорня Евдокія, помогала угощать дорогихъ гостей, а веселый діаконъ Постниковъ игралъ съ дѣтьми о. Стефана, рассказывая маленькой Олѣ страшныя сказки про іельбегеновъ.

— „Хорошій онъ человѣкъ!“—думалъ о. Макарій, глядя на умное, рѣшительное лицо своего начальника,—„сердце каждаго изъ насъ купилъ онъ своей простотой и откровенностью: отецъ намъ онъ“.

И вспомнились ему слова этого симпатичнаго человѣка съ проникновенными ясными глазами, смотрѣвшими зорко поверхъ очковъ, обращенныя къ миссіонерамъ:

— Будемте вѣрить другъ другу во всемъ: я первый ничего не хочу таить отъ васъ, братцы. Всѣ мы должны знать, что Господь посылаетъ намъ. Вотъ на этомъ письменномъ столѣ будутъ лежать всѣ бумаги и книги. Всякій имѣетъ право смотрѣть ихъ. Кому угодно, всякій можетъ видѣть, въ какомъ состояніи находятся наши денежныя дѣла. Удовлетворяютъ нужды миссіи будемъ съ общаго согласія.

И не отступалъ отъ своихъ словъ.

— А ваша послѣдняя поѣздка, о. архимандритъ,—сказалъ хозяинъ,—не совсѣмъ же благополучна была.

— Ну?—вскинулъ тотъ глаза и покосился на діакона Постникова, мирно игравшаго съ дѣвочкой. — Это, поди, діаконъ разболталъ о приключеніи нашемъ на перевалѣ?.. Охъ, болтунъ, болтунъ! ну, такъ я все расскажу про тебя...

— О. Арсеній, ты тоже виновникомъ тутъ будешь. Проводилъ насъ, объяснилъ дорогу, мы и вообразили, что поняли, а толмача, проводника своего, отпустили впередъ, увѣривъ, что путь знаемъ прекрасно. Ёдемъ и Бога славимъ. Діаконъ мой поетъ, по обычаю, я на красоту люблюсь горную, и вдругъ послѣ пяти часовъ ѣзды по тропамъ, какъ будто и по пути рассказанному, мимо горъ и по рѣчкамъ, безъ пути и дороги очутились; хотѣли было вернуться послѣ бродка, не найдя дороги за нимъ, но, и, вернувшись, потерянной тропы не нашли, а ночь близилась. Бурлитъ рѣчка, быстрая, шумливая, и рѣшили мы идти по ней, думая доѣхать до какого нибудь аила. Вотъ ночь наступаетъ: смертельно устали—кони бредутъ еле-еле, діаконъ мой какую стихиру ни начнетъ—оборвется... Вижу, что и его душа, какъ и моя, тревожится. А кругомъ—тишина, тайга дремучая... И какъ обрадовались, когда услышали собачій лай и увидали одинокую юрту въ камняхъ. Къ ней мы поспѣшили оба. Собаки лаяли неугомонно, но хозяинъ показался не скоро. Долго кликали его діаконъ и Николай, послушникъ мой... Хорошо, что владѣлъ онъ языкомъ великолѣпно, знаетъ не хуже о. Макарія!— а то бы мы съ діакonomъ долго хозяину объясняли потомъ всѣ наши злключенія.. Мнѣ сразу не понравился этотъ хозяинъ негостепріимный: такое суровое лицо, высокій, сухой... Неохотно онъ насъ принялъ и ворчитъ потихоньку, а Николай переводить:

— Курюмесь завель ихъ.

— Ну—думаю—не на радость заѣхали, да дѣлать нечего. А какъ увидали камскій бубень въ юртѣ—совсѣмъ жутко стало. Два сына у него, здоровые, сильные, жена, дѣвочка,—хмурятся всѣ, а діаконъ говоритъ мнѣ: не ложитесь тутъ, о. архимандритъ, въ юртѣ ихъ, хотя палатка наша съ толма-

чемъ уѣхала, но я вамъ тутъ палатку устрою“. И устроилъ подъ кустами изъ своей рясы палатку. Камни кругомъ, рѣка бурлитъ, и слышу я тихія, немного скрипящіе продолжительные звуки. Обратилъ я на нихъ вниманіе, пока діаконъ съ Николаемъ чай кипятили: эти звуки походили на скрипѣніе сверчковъ, но только были громче и непрерывнѣе. Смотрю, послѣ чая и діаконъ мой насторожился, а хозяева точно сгинули. Хочу спросить, зову ихъ—нѣту; только смотрю, вырѣзываетъ что то діаконъ мой у костра, какую то свистульку, лошадей привязалъ на приколь у костра за узды, а чумбуры отвязалъ и окружилъ ими палатку мою: „ложитесь,—говоритъ, о. архимандритъ“. А самъ не ложится, откуда то чумбуровъ хозяйскихъ набралъ и около лошадей положилъ. Прилегъ я—послушался, и Николай подлѣ меня за загражденіемъ чумбурнымъ прикорнулъ, легъ и на минуту, кажется, задремалъ, а музыка продолжается, и чудится мнѣ сквозь тяжелый сонъ, что шелеститъ трава около меня; открылъ глаза, съ трудомъ гляжу, а діаконъ мой сидитъ у костра и свиститъ въ свою свистульку, такіе же звуки издаетъ, нѣжные и скрипучіе, медлительные и протяжные, какіе я слышалъ; поднялся я—недоразумѣваю. На востокъ въ узкой щели горной, что долину замкнула, заря разгорается, а діаконъ мой, блѣдный-блѣдный и свиститъ, не переставая. Трава шуршитъ кругомъ него, и цѣлый выводокъ ядовитыхъ змѣй поднимаютъ изъ нея головы и слушаютъ его музыку, и вторятъ ей. Если бы у насъ не было третьяго свидѣтеля, Николая, не сталъ бы говорить: то-ли тамъ мѣсто такое было змѣиное, то-ли ихъ наши хозяева, думая и надѣясь видѣть въ насъ усталыхъ безпечныхъ путниковъ, привлекли ихъ такими же свирѣлями, какую сдѣлалъ діаконъ, только кишѣли они кругомъ, а мы поторопились съ поспѣшностью оставить эту долину, напугавъ ихъ ударами камчи... Помню, удивленные, злые взгляды кинули на насъ наши хозяева, вынырнувшіе откуда то, когда мы уже на лошадяхъ сидѣли, хотя и встревоженные, но сномъ освѣженные, а діаконъ нашъ,

чья свистулька и забота, можетъ быть, жизнь нашу спасла, блѣденъ былъ страшно... Спрашиваемъ: „гдѣ дорога?“ — указали, но повѣрить опять боимся: думаемъ, укажутъ въ самую медвѣжью берлогу, и пустились по рѣкѣ немного вверхъ сами путь себѣ искать, потомъ перебрали ее и скоро поднялись по тропѣ, на которую наткнулись, на перевалѣ, оказавшійся, какъ

...и лежалъ бы я тамъ, близъ Котанды у Курагана шумливаго, брошенный въ какую нибудь яму...

сказали намъ встрѣчные инородцы, совсѣмъ недалекимъ отъ Котанды; переваломъ мы на равнину выбрались въ полугорье, а тамъ увидали нашихъ спутниковъ, тоже прошедшихъ тревожную ночь... Да, наше миссіонерское служеніе не легко, и нужно всегда, чтобы мы другъ другу помогали: не помоги мнѣ діаконъ, не пободрствуй, жалѣя немощь мою, и лежалъ бы я тамъ, близъ Котанды у Курагана шумливаго, брошенный въ какую нибудь яму, и змѣи свистали бы надъ нами вечерами.

Заговорили о миссіонерскихъ трудахъ, а Чевалковъ, скромно молчавшій, тихо покачивалъ головой.

Миссіонеры говорили о подраставшихъ дѣтяхъ, объ ихъ образованіи, мечтая о лучшей долѣ для нихъ, и о. Арсеній Ивановскій со скорбью сказалъ, что долженъ бросить Мыоту, гдѣ столько лѣтъ провелъ въ скромномъ подвигѣ жизни вмѣстѣ съ женою. Его не отговаривалъ никто, даже самый старѣйшій о. Стефанъ: онъ зналъ тяготу жизни и болѣлъ сердцемъ за дѣтей, которыхъ приходилось усылать далеко.

— Еще дѣвочки ничего,—сказалъ онъ,—жены миссіонерамъ будутъ добрыя, а мальчики...

И ему, посѣдѣвшему въ Алтаѣ, вспомнилась разлука съ этими мальчиками, которые уходили въ даль изъ родимыхъ горъ, оставляя тутъ два тоскующихъ сердца.

— Инокомъ буду!—сказалъ о. Макарію молодой Солодчинъ.

И темные глаза его загорѣлись.

— Инокамъ въ Алтаѣ не будетъ скорби за дѣтей.

— Скорби будутъ всегда: не за своихъ, такъ за чужихъ,—лаская кудрявую головку крошечнаго Алеши Ландышева, отвѣтилъ ему Чопошскій миссіонеръ.— За то личной не будетъ, а одна общая, большая. Такъ и нужно иноку: въ мірѣ скорбни будете, братъ нашъ о. Господѣ!.. Вотъ, и Алеша миссіонеромъ будетъ.

— Будешь, вѣдь?..

— Буду. И Ваня большой, и Сапа, и Вася, а Мишка не будетъ—перебиралъ братьевъ ребенка.

— Почему?—заинтересовался Архимандритъ, горячо любившій ребятишекъ.

— Онъ все дерется, а миссіонеры не должны драться: они все должны учить.

— И любить.

И малышъ съ торжествомъ оглядѣлъ темными глазками улыбающіяся ему лица, а сердитый Мишка, нахмурившись, смотрѣлъ на брата и ворчалъ:

— И я буду... и злой—да буду... самъ всегда забіячишь!..

Дѣйствительно, потомъ въ жизни, въ кузнецкой

тайгѣ этотъ мальчикъ много трудился для миссіи и умеръ на тихихъ берегахъ Рахмановскаго озера отъ чахотки, которую схватилъ на высокихъ перевалахъ и холодныхъ бродахъ въ холодныя осеннія ночи.

— Да, дороги ужасныя,—говорилъ о. Смарагдъ.— Я въ прошломъ году, въ поѣздку по Кошъ-агачъ, чуть не сломалъ себѣ ногу, когда упалъ вмѣстѣ съ лошадыю съ откоса... И развѣ возможно исправить ихъ?

— И со мной тамъ было одно приключеніе,— тихо сказалъ Чевалковъ,—ѣздили мы на Кошъ-агачу съ губернаторомъ: я—за переводчика при немъ; трое сутокъ тамъ прожили, а на четвертыя стали подниматься по рѣчкѣ Яль-агашъ... Ёдемъ; губернаторъ, свита, о. Акакій съ нами, засѣдатель Судовскій... разговариваютъ они, мѣстомъ любятъ, а я слушаю; поднялись съ самую вершину Яль-агаша, и открылся передъ нами видъ на долину, и вся она отъ горы, до горы, отъ берега до берега, была покрыта сплошнымъ льдомъ. Черная дорожка, усыпанная землею, вилась по этому льду. Была середина лѣта, и стояли жаркіе дни, и льду—ничего: не таялъ онъ нисколько и лежалъ холодный, неподвижный, какъ зимой. Заглядѣлся я на ледъ этотъ, сверкавшій на солнцѣ, и чуть не выпалъ изъ сѣдла, потому что лошадь моя мгновенно, какъ вкопанная, на мѣстѣ стала. Гляжу, а передо мною провалъ глубокой: едва не улетѣлъ я въ него. Отдалъ лошадь проводнику и подошелъ, подползъ почти къ нему, осторожно смотрю: ледъ толщины ужасной, аршинъ пять не менѣе пластъ его, а подо льдомъ пустота сажень въ двадцать, а внизу, подъ пустотой этой, видны были деревья безъ коры.

— „Какъ растеть этотъ ледъ?“—спросилъ я у жителей.—„Когда нарастаютъ тутъ такіе льды?“

Они только головой покачали.

— И наши—говорятъ—отцы, дѣды и прадѣды не видывали, чтобы этотъ ледъ таялъ: это, должно быть, такъ и стоятъ льды споконъ вѣка“.

— Ну, поѣзжай тамъ ночью и погибнешь... А о. Акакій не разъ и ночью этой дорогой ѣзжалъ.

— И среди трудовъ нашихъ,—сказалъ Ивановскій,—одно отгадно, что живемъ мы одной семьей большою, сочувствуя другъ другу, и въ этомъ большая нравственная поддержка наша,—это—ваша заслуга, о. Архимандритъ.

— И никакой! горячо отвѣчалъ тотъ.—Казенныя отношенія могутъ самое лучшее живое дѣло убить: неужели же мнѣ желать, чтобы наше дѣло рухнуло?!... Я долженъ жить съ подчиненными одной жизнью; надо, какъ можно ближе, привлечь ихъ къ себѣ и приобрести ихъ довѣріе, тогда работа пойдетъ. Напримѣръ, сколько лѣтъ бились съ Кавказомъ, сколько жизней положено было напрасно, а все потому, что дѣлалось *по казенному*: всякъ зналъ только свой личный интересъ. Наконецъ, послали Барятинскаго. Этотъ богатый вельможа прежде всего привлекъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и внимательно отнесся къ нуждамъ солдатъ. Офицеры были постоянными его гостями. Кто изъ нихъ нуждался въ чемъ—иди смѣло къ Барятинскому, и онъ щедрою рукою исправитъ нужду. Заручившись любовью подчиненныхъ, Барятинскій въ одинъ годъ покорилъ Кавказъ.

— А мы Алтай покоримъ съ вами!—сказалъ о. Стефанъ.—И такъ вездѣ, изъ края въ край, уже проходятъ его миссіонеры... А какъ работаетъ въ Букони о. Филаретъ! упорно, настойчиво... тамъ съ магометанами борется съ этими, и идутъ, забывая все старое, идутъ креститься къ нему, потому что миссіонеръ онъ прекрасный, рѣдкій миссіонеръ...

— А васъ жаль, о. Арсеній, лучшіе годы прожили съ нами... матушка трудовъ несла больше еще подруги моей, и вдругъ оставить все...

— Новыя силы придутъ! горячо откликнулся Ивановскій.—Силь не стало у меня уже, и жена болѣетъ: хочется полѣчить ее: мы, вѣдь, священники, безъ женъ оставаясь съ дѣтьми, на тяжкую жизнь обречены.

И опять заговорили о дѣлахъ миссіи, а о. Макарій слушалъ ихъ.

На террасѣ сравнительно порядочнаго миссіонер-

скаго дома стало темно, но свѣчъ не вносили: матушка знала, что всѣ любили звѣздныя алтайскія ночи, и тихо позвала дѣтей, чтобы они не мѣшали бесѣдѣ, этому краткому отдыху мало знавшихъ его людей.

О. Макарій, идя рядомъ съ о. Архимандритомъ отъ о. Стефана къ нему, слышалъ его ласковый голосъ.

— Когда придетъ иконостасъ, я пошлю его къ тебѣ, друже; а потомъ и тебѣ, и мнѣ, и другимъ предстоятъ не малые, а обширные труды... Жаль, что коротка жизнь человѣческая: я бы желалъ твоей молодости и энергіи для повторенія и паки повторенія трудовъ нашихъ. Что въ Чопошѣ у тебя, успѣшно ли дѣло? идетъ постройка?.. Слышалъ, конечно, что покидаетъ насъ Петръ Ивановичъ Макушинъ? размахъ широкій у него, дѣло смиреннаго инока или миссіонера не по немъ... Помоги ему Богъ и на новомъ пути, а намъ съ тобою—на нашемъ...

— Это ты, діаконъ?.. Не хочется въ комнату, пройдемте въ садъ мой, „телятникъ“—какъ дѣти о. Стефана зовутъ... Люблю я ходить у Маймы...

— Помнишь, о. Макарій, твои ночи на островѣ Чемальскомъ: мнѣ про нихъ созерцатель рассказывалъ, Михаилъ Васильевичъ... Люблю я Катунь.

— Всѣ ее любимъ,—вступилъ въ разговоръ и Постниковъ,—красавица она мятежная, а Чуя—прямо на меня тоску нагоняетъ.

— Есть и тамъ мѣста красивыя,—сказалъ Архимандритъ.—Помнишь, діаконъ, ту глушь у Яр-болыка?..

Послушникъ окликнулъ ихъ, уже вошедшихъ подъ тѣнь старыхъ березъ и тополей.

— О, Архимандритъ, тамъ съ почтою нарочный изъ Бійска... зовутъ васъ... Я хотѣлъ уже бѣжать до о. Стефана, да услышалъ, что вы прошли.

Незамѣтно подавивъ вздохъ, Архимандритъ тихо двинулся обратно. Спутники повернули за нимъ.

— Походите,—сказалъ онъ ласково,—отдохните...

— Расскажи ему, діаконъ, что было съ нами на Яр-болыкѣ... Не хочется въ комнату, да нужно, а тебѣ, о. Макарій, привыкшему къ ночамъ созерцанія, совсѣмъ тошно тамъ станетъ... Идите съ Богомъ.

И ушелъ къ дѣлу, нетерпѣливо звавшему его.
 — Опять будетъ сидѣть до утра!— ворчалъ діаконъ.
 Но это ворчаніе было вызвано сожалѣніемъ къ
 ушедшему.

..Ну, а на Яр-болыкѣ хорошо: лѣса—дремучіе, камни—огромные, и среди лѣса
 этого вся въ лѣнѣ, быстрая и бурная, несется, какъ бѣшеная, Яр-болыкѣ...

— Въ Россію хочетъ васъ съ собой брать,
 о. Макарій... Хорошо вамъ будетъ съ нимъ: проѣде-
 тесь, отдохнете, хотя немного: только отдыхъ вамъ,
 пожалуй, послѣ труда тяжелымъ будетъ.

— Расскажи мнѣ про Яр-болыкѣ.

— А вы тамъ были сами-то?..

— Нѣтъ... Можетъ быть и проѣзжалъ близко: плохо я знаю Чую и, какъ вы же, чувствую себя не такъ тамъ, какъ тутъ, въ Алтаѣ нашемъ... пустынно.

— Ну, а на Яр-болыкѣ хорошо: лѣса—дремучіе, камни—огромные, и среди лѣса этого вся въ пѣнѣ, быстрая и бурная, несетя, какъ бѣшеная, Яр-болыкѣ... Съ о. Архимандритомъ мы аилъ одинъ постѣтили; о. Акакій былъ съ нами, да, по обычаю, мы и его и толмачей, и проводниковъ перегнали и попали въ глушь... Ну—думаемъ—опять наткнемся на камовъ: любятъ они такія потайны глухія... А рѣка рокочетъ, бунтуется, какъ безумная. Слѣзли съ лошадей: къ полдню время было, некуда ѣхать: въ стороны—чаща, берега—скалы навороченныя, а тропа, которой ѣхали, Богъ вѣдаетъ, какъ потерялась... Случалось, вѣдь, и вамъ заплутаться: каждый миссіонеръ это всегда испыталъ. Вдругъ слышимъ—поютъ, поютъ, что то печальное, тоскливое, такъ и хватаетъ за душу, и голосъ особенный какой то запѣваетъ: слушаемъ, ждемъ—никого.

— „Пойдемъ“,—говоритъ о. Архимандритъ.

— А голоса звучатъ, еще другіе къ нему примкнули и поютъ слова, не похожія на алтайскій языкъ.

— „Пойдемъ туда“—говоритъ Архимандритъ— „кто тамъ?.. ни одного слова не пойму; что это... какой языкъ?“...

Прямо въ чащѣ двинулись, головою продирались лошади сажень десять. Точно отбѣжали деревья передъ нами, разступились, но и голоса, только что звучавшіе печальнымъ хоромъ тутъ совсѣмъ близко и покрывавшіе даже грохотъ рѣчки, стихли, умолкли, сгинули. Большой, поросшій лѣсомъ курганъ, былъ передъ нами съ вѣковыми кедрами на немъ и—ничего болѣе.

А кругомъ поляны дремала тайга.

— О-о-о! гдѣ,—вы?..

Живые голоса окликали насъ, то наши спутники искали насъ по Яр-болыку.

Конечно, мы откликнулись.

А проводники, услышавъ нашъ разсказъ, качали головами:

— „Никого тутъ нѣтъ на десять верстъ, болѣ никого... это чудъ выходила изъ кургана!“—говорили они.

— Слыхали вы о чуди, о. Макарій?..

О. Макарій кивнулъ головою: онъ слышалъ не разъ отъ о. Василия Вербицкаго много алтайскихъ преданій и зналъ, что чудъ нѣкогда населяла Алтай: это былъ умный, красивый, рабочій народъ, но испугавшись появленія березы, о которой имѣли предсказаніе, что, съ появленіемъ этого дерева, погибнетъ ихъ племя, они сами вырыли для себя огромныя могилы, поставили въ нихъ столбы, накрыли земляными крышами, навалили на нихъ камней, и забравшись подъ нихъ, въ своемъ странномъ страхѣ съ семьями, подрубили столбы и погибли подъ тяжестью обрушившихся крышъ по всему Алтаю. Можетъ быть ихъ души жалѣли о сдѣланномъ и пѣли печальныя пѣсни подъ сѣнью деревъ, на берегу Яр-болыка, оплакивая свою гибель, и, можетъ быть, ихъ голоса и слышали о. Архимандритъ и діаконъ.

Майма глухо рокотала подъ мотыкинымъ пихтачемъ, тяжело шелестѣли деревья, а на востокъ, за Сюрмейкой, разгоралась заря, облекая небо въ розовые, нѣжно розовые тона.

— Но, вѣдь это прямо чудо—сказалъ о. Макарій окружавшимъ его въ скромномъ Чопошскомъ храмѣ.— Какъ разъ по мѣрѣ нашей церкви сдѣлать такъ нарочно лучше невозможно было... Вѣдь все: и верхъ соотвѣтствуетъ стѣнамъ и ширина—размѣрамъ... Дивны дѣла Божіи... Не знай бы я, что онъ изъ Петербурга, сказалъ бы, что по заказу для церкви, по мѣркѣ нашей, сдѣланъ... И не замѣчательно ли, что церковь домовая княгини была въ честь Свѣтлаго Христова Воскресенія и наша, Чопошская, тоже Воскресенія Христова имѣетъ престолъ... Смотри на эти чудныя иконы... Вотъ и Христосъ воскресшій:

Онъ васъ, мертвыхъ, къ вѣрѣ воскресилъ, къ жизни, а какъ нѣкогда плакали о васъ мои глаза, о васъ, похожихъ тогда на безгласные и безчувственные камни!

И смутился, что высказалъ много.

А съ иконостаса глядѣли чудныя иконы, выписанныя на бѣломъ фонѣ. Чистые кроткіе лики. Христосъ воскресшій протягивалъ пронзенныя руки къ молодому апостолу созданнаго Имъ края.

Точно окрыленный, съ новой энергіей принялся о. Макарій за дѣло. За нимъ толпой бѣгали дѣти. Стефанъ Тызыкавъ и его братишка Петръ, тѣ особенно привязались къ нему и будили его ранними утрами, иногда, когда онъ, утомленный ночной работой, просыпалъ обычные пять часовъ.

— О. Макарій! вставай: опять вся Чопошь пересохла: мы уже тамъ были.

И, улучивъ свободную минутку, о. Макарій шелъ посмотрѣть Чопошь, маленькую рѣчку позади села, которая часто въ засуху пересыхала и любила перемѣнять мѣста.

Маленькая келья о. Макарія приходила въ ветхость, и послѣ поѣздки о которой, писалъ ему о. Архимандритъ, о. Макарій долженъ былъ поселиться въ другой.

Теперь, передъ предстоящей разлукой, онъ съ утра не былъ дома, съ утра то въ аилахъ близъ Чопоша, то въ избахъ у своихъ пасомыхъ, проводя время, зная, что скоро онъ уѣдетъ отъ нихъ надолго.

Иностранцы заранѣе собирались туда, куда онъ долженъ былъ придти: женщины брали работу, а онъ, окруженный дѣтьми; то читалъ имъ житія святыхъ, то училъ вѣрѣ, и очень часто бесѣды эти прерывались пѣніемъ молитвъ и стиховъ изъ лепты, и подъ пѣніе это алая заря и въ дѣйствительности гасла въ облакахъ и волны мраковъ полуночныхъ ложились надъ мирной землею, а „ликъ пернатыхъ“ славилъ вмѣстѣ съ ними Бога, Котораго любилъ о. Макарій и простые смиренные люди.

— Завтра у тебя соберемъ, — говорилъ онъ тому, кто былъ на очереди.

Тутъ не было избранниковъ: были овцы и пастырь, который любилъ ихъ всей душою и всѣмъ сердцемъ, и какое свѣтлое чувство было у него на душѣ, когда онъ служилъ первую литургію въ новомъ храмѣ: ему захотѣлось залиться слезами, и ясно, проникновенно, въ горячемъ порывѣ вѣры летѣли молитвы его, возгласы и эктении туда, къ престолу Кудая, сотворившаго Алтай.

...цѣлое море вершинъ въ облакахъ было кругомъ... а на этихъ темныхъ волнахъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ горныхъ громадъ, какъ бѣлая пѣна, неслись облака, и рѣяли чемгулы...

Иногда, въ тихіе вечера, его охватывало предчувствіе разлуки: онъ зналъ, что уѣдетъ надолго, и ему захотѣлось передъ отъѣздомъ побывать тамъ, гдѣ въ такія ночи Телецкое озеро точно дышало, ритмически отливая и приливая, а маленькій родной его сердцу храмъ, среди узкой долины, окруженной гигантами горами, ждалъ его.

О. Архимандритъ письменно отпустилъ его туда ненадолго.

Мыюта и Онгудай пролетѣли передъ путникомъ.

Миновали чуйскую дорогу и, проѣхавъ долгій путь по снѣговымъ бѣлкамъ, онъ, наконецъ, прибылъ туда, въ любимый монастырь, гдѣ прожилъ и провелъ такъ много лѣтъ юный Макарій.

Въ тихій полдень, послѣ дождя, когда легкой вѣтеръ сталъ развѣвать тучи, онъ забрался въ высоту, туда, гдѣ только чемгулы царили, свободные и смѣлые.

Цѣлое море вершинъ въ облакахъ было кругомъ. Могучіе горные кряжи ползли вправо и влево. Вездѣ, куда ложился взглядъ, поднимались они, какъ волны моря, темныя и величавыя, а на этихъ темныхъ волнахъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ горныхъ громадъ, какъ бѣлая пѣна, неслись облака и рѣяли чемгулы, какъ чайки надъ Телецкимъ озеромъ. Въ даль убѣгали гривы съ вѣчными снѣгами, а надъ ними очищенное отъ тучъ синѣло вѣчное темно-синее небо, и ласково свѣтило теплое солнце.

Алтай, его золотой Алтай, выдвигая гору за горой, былъ тутъ, передъ отцомъ Макаріемъ, бесконечно любимый, а его ждалъ міръ, изъ котораго онъ ушелъ въ юности, далекой отсюда міръ.

И красивые, полные думы, глаза глядѣли, не отрываясь, на дивную панораму, точно стараясь наглядѣться на нихъ, грустнымъ любующимся взглядомъ.

Опять Чемалъ и Чопошъ провожали его. Шептались надъ нимъ лѣсныя вершины, когда онъ шелъ съ толпою любившихъ его людей далеко за селенье, и глухо рокотала Катунь, словно сердясь на него, зачѣмъ онъ опять ее покидаетъ.

Онъ долго не могъ забыть послѣднюю ночь, проведенную въ Чемалѣ: она казалась ему особенно памятной, прекрасной.

И слова прелестнаго Хомяковскаго стихотворенія трепетали у него на устахъ:

„Ночь на восходѣ. Съ вечерней звѣздою
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.
Господи! Путь нашъ средь камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты, Свѣтъ невечерній,
Насъ осіяй!“

И эти слова и воспоминаніе о миломъ краѣ грѣли его сердце ласкою, облегчали его глубоко затаенную грусть и давали отраду, а путь далекій и трудный открывался передъ нимъ, и его радовало только одно, что трудъ его вершился на благо Алтая, что дѣло большое и нужное оторвало его отъ милыхъ, повитыхъ снѣгами, вершинъ и глубокихъ долинъ, въ которыхъ дремали свѣтлыя, синія озера, отъ всего, что онъ любилъ глубоко и преданно и чему на служеніе отдалъ всѣ силы и умъ.

Тихія долины полны свѣжей мглой...
 Въ небесахъ зажглися звѣзда за звѣздой,
 Свѣтомъ освѣтили трепетныхъ лучей
 Горы и шумливый говорунъ ручей,
 Освѣтили струи быстрыя рѣки,
 Церковь, гдѣ лампы блещутъ огоньки,
 Тихія могилы спятъ во мглѣ ночной:
 Тѣ, что тутъ служили, въ нихъ нашли покой!
 Миръ ушедшимъ съ миромъ. Миръ и тѣмъ живымъ,
 Кто Алтай любили и любимы имъ!!..

Тихія долины полны свѣжей мглой... Вотъ онъ край любимый, мой
 Алтай родной!.. Шелчутся деревья, говорить рѣка...

...у ней сердце есть на Тельдекменѣ... такъ же какъ у человѣка, поднимется и опустится, поднимется и опустится... я видаль... узкое мѣсто тамъ... въ щенахъ она...

НЕЗАМѢТНЫЕ.

I.

Время пролетѣло и кануло надъ Алтаемъ. Такъ же, какъ и прежде, поднимался у Чопоша сосновый боръ, такъ же дышала Катунь мятежнымъ сердцемъ на Тельдекменѣ, такъ же трудились миссіонеры, замѣняя старыхъ новыми, и дѣло Божіе ширилось и расло. А у о. игумена Макарія была все меньшая избушка противъ церкви, и хотя миссія достраивала большой домъ для школы, но въ немъ для него готовилась только небольшая проходная комната: такъ привыкъ этотъ человѣкъ отдавать все для другихъ!

Семнадцать лѣтъ провелъ онъ въ Алтай, и

юность его ушла безъ возврата; въ 36 лѣтъ онъ былъ еще очень молодъ и такъ же скоръ на дѣло, какъ въ первые годы служенія, хотя легкія тѣни морщинъ лежали на его высокомъ лбу, и глаза стали многодумнѣе и печальнѣе: ужъ слишкомъ близко было ему всегда горе и печали его паствы.

Наступило лѣто. Мараль отцвѣлъ, и жары начали томить; пролетѣли первыя грозы, грозы величественныя, могучія, и настали тихіе, теплые дни.

— Хорошо у васъ тутъ, о. игумень,—говорилъ о. Макарію молодой свѣтлоглазый студентъ москвичъ Соколовъ, пріѣхавшій въ Чопошъ на все лѣто и любопытствующимъ взглядомъ оглядывавшій горы.— Учите меня: мнѣ хочется на служеніе Алтаю положить жизнь.

— Это хорошо: намъ нужны силы!—горячо откликнулся молодой игумень.—Больше будемъ работать на общее дѣло, какъ „незабвенный“ нашъ; уходятъ одни, приходятъ другіе; бѣдный о. Стефанъ сталъ болѣть: сказываются труды, и Архимандритъ сѣдѣетъ, но наградою мысль, что не даромъ прожита жизнь.

— Я еще ничего не знаю, гдѣ стану служить, а сердце потянулось сюда: миссія—только и въ умѣ была. Вы, вѣдь, не жалѣете о томъ, что живете тутъ, о. Макарій?

Конечно, онъ не жалѣлъ: самую жизнь готовъ онъ былъ отдать этому краю.

— У насъ, другъ мой, такихъ нѣтъ, чтобы жалѣли: всѣ мы любимъ Алтай безгранично; да развѣ можно его не любить? Вы будете самый юный у насъ, а пока—отдыхайте, приглядывайтесь: вотъ, по аиламъ поѣдемъ съ проповѣдью; жаль, что нельзя всѣхъ миссіонеровъ показать вамъ: хорошіе есть люди. О. діаконъ Чевалковъ человекъ хорошій, о. Иннокентій, о. Антоній, о. Василій Вербицкій. Вы, конечно, знаете о. Стефана и Архимандрита?

— Да, хорошъ Алтай,—задумался молодой человекъ.—Еще тогда въ Москвѣ, когда я курсъ кончалъ, мечталъ я о миссіи; почти четыре года служилъ въ Московской Епархіи, съ дѣтьми возился въ Духов-

номъ, а сердце къ другимъ дѣтямъ тянулось. Примите и научите, чтобы полезень я былъ горамъ алтайскимъ.

И не знали они оба тогда—и скромный труженникъ игуменъ Макарій, и молодой Соколовъ, что омофоры и митры будутъ покоиться на ихъ плечахъ и головахъ. И Буконьскій миссіонеръ, о. Филаретъ Синьковскій, и Котандинскій миссіонеръ, іеромонахъ Иннокентій, бывшій Иванъ Васильевичъ Солотчинъ, не вѣдали тоже, что будутъ архипастырями.

— Чудная природа тутъ,—говорилъ о. Макарій своему гостю.—Зимою дико, но въ дни солнечные хорошо смотрѣть съ высоты переваловъ на Алтай: сверкаетъ, горитъ, искрится, точно драгоценными камнями осыпанный, и висятъ, какъ кружева, по скаламъ застывшія струи водопадовъ. Только Катунь мятежная не можетъ застыть даже въ самыя лютыя зимы: страшная она бываетъ зимою, особенно въ бурю. Мнѣ не разъ случалось переѣзжать ее тогда; когда „падера“, какъ говорятъ алтайцы, дунетъ съ силою и закипитъ въ долинахъ, какъ въ котлѣ, подымая цѣлыя снѣжныя тучи. Случалось, у самой полыни чуткая лошадь остановится во время, а она зіяетъ страшная, черная, какъ глазъ курюмеса. Да, не всегда, какъ и вездѣ, тутъ такой миръ: бываютъ грозы и бури... а все-таки лучше, чѣмъ въ мірѣ.

Ему вспомнилась поѣздка въ столицу, людской муравейникъ съ мелкими узкими интересами, послѣ которыхъ тишина любимыхъ горъ показалась ему еще отраднѣй, а бури и грозы—чудными и чистыми въ сравненіи съ бурями людского міра. Трапезникъ Кулганановъ вошелъ въ домикъ.

— О. Макарій, тамъ до васъ старикъ изъ Оноса: яман-палу у него... въ ранахъ... ой какія раны!

— Вотъ вамъ и дѣло!--улыбнулся о. Макарій своему молодому гостю.—Поѣзжайте съ Григоріемъ въ аилъ, тутъ недалеко, онъ лѣкарство увезетъ, а вы разъясните, какъ его принимать, я же тутъ займусь съ больнымъ этимъ.—Веди его въ юрту нашу

больничную; спасибо, построили намъ чопошцы берестяную на лѣто.

И ушелъ туда, гдѣ у берестяной юрты на травѣ съ трубкой во рту сидѣлъ жалкій старикъ съ изможденнымъ лицомъ и подслѣповатыми глазами. Старая лошадь щипала траву около него, поматывая головою и отмахиваясь хвостомъ отъ надоѣдливыхъ мухъ.

— Что болитъ?—наклонился миссіонеръ къ больному.

— Это ты, абызь?—поднялъ тотъ полуслѣпые глаза.—Ой, худо шибко: яман-палу однако... ноги въ ранахъ: сынъ, сноха гнушаются; не говорятъ, а гнушаются шибко: вижу, вѣдь, хотя и худо; сами боятся захворать: внука Мангаша ко мнѣ не пускаютъ. Полѣчи, абызь, если можешь; наши меня лѣчили, ничего не помогаетъ, на пары садили—хуже: тѣло ломить стало; мазали волдыри мазью изъ Яри и масломъ бобковымъ—не помогаетъ, хуже дурить: сулемой, синимъ купоросомъ, чѣмъ, чѣмъ не мазали, ноги проломало... волдыри... ты только погляди!

Онъ принялся развязывать грязныя тряпки, и отвратительныя раны обнажились передъ миссіонеромъ.

— Господи, какъ запустилъ,—сказалъ онъ.— Отчего вы всегда боитесь насъ, добра вамъ желающихъ? Ломить тебѣ ихъ?

— Охъ, страсть, какъ ломить: реву ночами, внучать бужу. Тошно, абызь, мнѣ.

— Отъ грязи такъ сдѣлалось, отъ нея усилилась болѣзнь, а заразился ты отъ Савака. Говорилъ я тогда вамъ, чтобы чище было... помнишь, еще когда въ Чемалѣ жилъ? Видѣлъ, что боленъ Савакъ, а вы всѣ къ нему: и ты, и твоя покойная жена, вотъ, еслибы тогда послушали меня—крестились и поселились съ нами, можетъ быть, были бы здоровы. Теперь немного стали опасаться больныхъ такихъ... замѣчаю. И ты не сердись на дѣтей и сноху: не дай Богъ, если внучата, которыхъ ты лю-

бишь, стали бы такъ маяться! вѣдь, самъ не желаешь ты этого имѣ! А полѣчить—могу: много въ Алтаѣ больныхъ болѣзною этой тяжелою, а все—грязь. Пойдемъ ко мнѣ: гость мой ушелъ, уѣхалъ и Григорій, а мальчикъ послушникъ—дита доброе... онъ поможетъ мнѣ воды сдѣлать для тебя, обмыть твои ноги, потомъ омочу я тряпки въ елеѣ, надѣну на тебя чистое бѣлье и перевяжу раны; а лѣкарства пить тоже дамъ... долженъ ты пожить у меня тутъ: перевязки буду дѣлать: самъ тамъ ты опять раны загрязнишь себѣ, а я въ елей масла буду чуточку карболоваго прибавлять и молиться; молитва и масло освященное помогутъ!

— И не бойшься?

— Ни капли. Чего же? ко мнѣ твоя болѣзнь не перейдетъ: чистота охранить меня отъ нея и Господь; Онъ самъ не боялся болѣзней, очищалъ прокаженныхъ, а яман-палу что противъ болѣзни той ужасной?!

— Онъ былъ, видно, добрый,—наивно сказалъ старикъ, отвязывая лошадь и беря ее за поводъ.

— Я тебѣ это давно говорю... еще тогда, когда ты былъ моложе и здоровѣе. Ты тогда въ Чемалѣ сказалъ мнѣ: молодой учить стараго... теперь я уже не такъ молодъ и всетаки скажу то же, потому что нашего Господа прославляютъ и юные и старые, потому что молчать о Немъ великій грѣхъ по нашему; а Имя Его должно святиться... Вотъ сюда! тутъ сядь, въ сѣняхъ: сюда я принесу тебѣ воды и тазъ, чтобы поставить въ него ноги, сперва ты отмоешь руки; я сейчасъ достану мыла и тряпки.

— Есть вода у тебя? Вотъ хорошо!—сказалъ онъ послушнику и быстро собралъ тряпки, бѣлье, масло и мыло.

— Вотъ, такъ! Усталъ ты, бѣдный?—перевязывая ноги старика¹⁾, сказалъ онъ.—Такъ... теперь лучше... ляжешь—травы тебѣ постелемъ. Здѣсь въ сѣняхъ тепло, хорошо и не душно. Тамъ я тебѣ спать не буду давать съ работой моей; лежи себѣ

¹⁾ Имя неизвестно автору.

туть въ уголкѣ, другъ. У меня былъ такой больной въ Чолушманской долині. Одинокую юрту помню тамъ, гдѣ Чолушманъ бьется среди камней; между горами Тарбин-ду и Шуданомъ пріютилась она; тишина, горы безмолвныя, только водопады рокочутъ... благословенная долина. Теперь онъ здоровъ.

И безъ тѣни безгливости омылъ и перевязалъ его раны, самъ принесъ травы, положилъ ее въ

...одинокую юрту помню тамъ, гдѣ Чолушманъ бьется среди камней... между горами Тарбин-ду и Шуданомъ пріютилась она...

чистую наволку свою и устроилъ ложе больному. Тотъ не благодарилъ: онъ внимательно глядѣлъ на молодое лицо и терпѣливо отдался въ руки своего доктора, только порою вздыхалъ тяжело, и какія то мысли видимо шли въ его головѣ.

— У тебя гость?—спросилъ онъ, когда перевязка была окончена, и о. Макарій положилъ его на ложе въ углу сѣней.

— Гость! да, ты—гость мой!—сказалъ о. Макарій.

— Нѣтъ, тотъ... я видѣлъ, глаза такіе,—указалъ

инородецъ на клочекъ голубого неба, видный въ двери.—Тоже абызь будетъ? Какіе вы: идете и все хорошее дѣлаете, видно, шибко много вамъ даетъ казна акчей за то, чтобы насъ учить.

О. Макарій невольно улыбнулся, вспомнивъ то малое, что получали они, миссіонеры, и что держали на нужды этихъ же большихъ наивныхъ дѣтей.

— Видно много,—продолжалъ тотъ,—только у васъ нѣтъ ни коней, ни табуновъ скота... а у тебя эта твоя юрта шибко маленькая: у купцовъ я видѣлъ въ Бійскѣ—большія! и одежда у тебя такъ, мало-мало ладно... а у того, что въ Катандѣ, тоже!..

— Мы Господу нашему служимъ, Отцу небесному, и тотъ, что въ Катандѣ, и этотъ новый, Его любя, сюда пошли; Онъ, другъ мой, не любилъ денегъ... Христосъ нашъ... и мы не любимъ ихъ. Сюда мы пришли къ вамъ потому, что вы—наши братья; нашъ Богъ—Отецъ всѣхъ. О. Иннокентій свое все отдастъ такимъ бѣднымъ, какъ ты, и не любитъ даже когда объ этомъ узнаютъ... и другіе стараются много дѣлать на то, что „даетъ казна“, какъ ты говоришь. Мы не изъ за денегъ пошли сюда; мы пошли потому, что полюбили васъ бѣдныхъ, не знающихъ правды Божіей... мы—незамѣтные передъ людьми и не ищемъ, чтобы насъ замѣчали.

И сталъ говорить о своемъ кроткомъ Господѣ, не имѣвшемъ гдѣ головы преклонить. Рѣчь его звучала убѣдительно, какъ всегда, потому что онъ горячо любилъ своего Господа, путемъ Котораго шелъ.

II.

— Сегодня на проповѣдь со мною!—въ ненастный день спросилъ о Макарій молодого Соколова.—Нравится вамъ въ миссіи, говорите, другъ мой?!

— Тутъ хорошо!—сказалъ молодой человекъ.—Только монахомъ трудно быть, о. игумень; у меня сердце земное, можетъ быть отъ того, что я еще молодъ или не рожденъ подвижникомъ. Я путемъ о. Стефана пойду и подругу себѣ намѣтилъ... Михаила Ва-

сильевича дочку... голосъ ея услыхавъ чистый въ церкви, и изъ миссіи не уйду.

— Что же, это дѣло благое! кто знаетъ, можетъ быть потомъ и вы иное скажете; ну, а пока мои дѣла покончены тутъ. Надѣньте пальто ваше и пойдѣте туда, въ аилъ, гдѣ ждутъ меня. Немного далеко, да погода разъяснить... а такая дорога красивая! Вечеромъ же мы съ вами—въ Чемаль: тамъ очередь служить на праздникъ; хорошо тамъ... я такъ люблю Чемаль и старую миссію! Тамъ я начиналъ служеніе совѣмъ еще молодымъ. Дико вамъ кажется тутъ послѣ Москвы, но хорошо зато: горы эти—алтари Божіи!!..

— Нѣтъ, мнѣ не дикими мѣста эти кажутся, а грозными и въ тоже время прекрасными!—откликнулся студентъ.—Вчера, какъ гроза налетѣла, слушалъ я, какъ Алтай гремитъ, точно негодуетъ на овладѣвшую имъ демонскую силу, которую должны мы гнать. Тяжело мнѣ было третьяго дня на камланье глядѣть, на того кама въ аилѣ... Правда это, о. Макарій, что иногда молитва миссіонера мѣшаетъ камланью?.. И не любятъ же миссіонеровъ камы!

— Можетъ быть, и правда, скажу вамъ на первый вопросъ. Много я въ жизни моей этихъ камовъ видѣлъ: и большихъ, извѣстныхъ, и малыхъ, думаю, что въ большинствѣ они умные люди, хитрые и любящіе наживу. Конечно, мы ненавистны имъ, хотя они, добродушные по природѣ, иногда способны оказать услугу миссіонеру... какъ, вѣдь, подойти! Нерѣдко я и крестилъ ихъ... помню Чоока на Телецкомъ озерѣ. Это былъ умный человѣкъ, очень умный; и какой изъ него вышелъ хорошій христіанинъ. Пойдемте, другъ мой, вонъ и солнце. Надѣньте ваши высокіе сапоги: роса и дождь обильно намочили траву.

Скоро оба шли, минуя Чопошъ, извилистой дорожкой въ горы и очутились въ совершенной глуши межъ камней и колодь.

— Цѣлыхъ два семейства тутъ живутъ, и есть души, которыя ищутъ Бога. Простые и хорошіе люди они, алтайцы наши, только суевѣрны. Господи Боже,

эти суевѣрія точно приковываютъ ихъ къ вѣрѣ отцовъ. Трудно сладить съ ними, и арака ¹⁾ помогаетъ; вѣдь, цѣлое лѣто густой дымъ надъ аилами: то женщины курятъ ее и пьютъ всѣ: и женщины, и мужчины, и даже дѣти. Работаютъ мало, потому что тупѣютъ отъ нея, а скотъ бродитъ въ горахъ, и пашень совсѣмъ мало. Ихъ,—съ горькимъ сожалѣнiемъ докончилъ онъ,—губятъ камы, арака и лѣнь, хотя въ томъ аилѣ, куда мы идемъ, лучше гораздо: тутъ много сѣютъ ячменя, трудолюбивы и не такъ уже привержены къ камамъ... особенно одинъ юноша... этотъ юноша хорошимъ будетъ христіаниномъ!

Они шли подъ густою зарослью сосенъ. Солнце, начавшее припекать, косыми лучами проникало межъ вѣтвей на дорогу, и капли дождя, еще не обсохшія, горѣли и искрились драгоценными камнями на листьяхъ деревьевъ. Тишина царила кругомъ; спѣлыя ягоды земляники, какъ красныя пятна, висѣли подъ кустами, а вдали гдѣ то мѣрно тукаль дятель, и куковала кукушка свое грустное медленное: ку-ку, ку-ку!

— Вчера мнѣ о кукушкѣ рассказывалъ трапезникъ, что это—дѣвушка проклятая своей матерью.

Что то ухнуло и прокатилось, заставивъ горы зарокотать отвѣтнымъ эхомъ.

— Что это?—спросилъ Соколовъ.

— Это—обвалъ горный: вывѣтрился камень, подточилъ его горный потокъ, и рухнулъ онъ въ долину съ самой высоты горъ. Бѣдныя сосны и все, что на его пути: собьетъ и сброситъ. Какіе обвалы я видалъ въ долинѣ Телецкой: огромные, ужасные, огонь вылетаетъ отъ камней! губятъ эти обвалы и животныхъ. Я видѣлъ молодыхъ эликъ, раздавленныхъ ими. Да, много опасностей въ алтайскихъ го-

¹⁾ Родъ Алтайской водки, выкуренной изъ молока. Сквашенное молоко „чегень“ наливаютъ въ большой котелъ, который сверху замазываютъ глиной; изъ него идутъ двѣ большихъ дугообразныхъ трубки и опускаются въ кувшины. Котелъ сильно нагрѣвается, тогда чегень кипитъ; поднимающіеся пары постепенно стекаютъ по трубкамъ въ кувшины. Арака для непривычнаго челоуѣка неприятна на вкусъ, но алтайцы пьютъ ее постоянно и напиваются до пьяна.

рахъ, страшныхъ опасностей, и на тропахъ бомовъ въ ненастье, и на глубокихъ бродахъ, но они не страшны христіанину!

Глубокая дума прошла по его лицу.

— Теперь скоро уѣдете вы на свое мѣсто служенія: васъ въ Онгудай намѣчаютъ. Ну, съ годъ пробудете въ Улалѣ учителемъ... это хорошее дѣло... Люблю я дѣтей учить: чуткія души у нихъ. Вотъ, сюда повернемъ! видите, —дымокъ изъ за поросли? опустимся въ долину, тутъ и аилъ будетъ... невысокій спускъ сюда.

И, дѣйствительно, они скоро очутились передъ аиломъ изъ четырехъ юртъ, крытыхъ берестой.

Высокій юноша алтаецъ, тесавшій какіе то колышки, поднялъ голову имъ навстрѣчу, услышавъ лай собакъ, и по алтайски привѣтствовалъ ихъ. Сѣдой алтаецъ показался на порогѣ юрты и тоже ласково кланялся, здороваясь съ обоими:

— Эзень, эзень, абызь!

И началъ по алтайски упрекать миссіонера, что долго не былъ.

О. Макарій, улыбаясь, переводилъ спутнику эти наивные упреки.

— Прости, —сказалъ онъ, —дѣла и больные задержали. Почему бы тебѣ не собраться ко мнѣ съ Педоромъ?

— Ай, ай! у насъ теперь некогда: бабы вино курятъ, у сосѣдей камланье: кама ждуть издалека, отъ Катин-бажи пріѣдетъ камъ; сосѣдъ богатый, а онъ—его родня... камлатъ будутъ здорово. Онъ, вотъ, не хочетъ глядѣть, —указалъ онъ на сына, —къ тебѣ собирается: глянется ему, какъ ты о Кудаѣ говоришь: онъ у меня такой... слушать любить... и еще дѣвочка наша Тиль...

Свѣтлая улыбка легла на уста о. Макарія.

— Мать и то злится, —ведя гостей подъ деревья, говорилъ старикъ, — „у, — говоритъ, —абызова прислужница!“ —а дѣвочка молчитъ. Я нынче ее подзадорилъ: скажи говорю: „а ты—камова!“ смѣхомъ, а она мнѣ и говоритъ:

— „Отець нашъ Богъ не велѣлъ на зло гово-

рить“. Недаромъ ее языкомъ прозвали... такая умная съ дѣтства! Да вонъ она... учуяла... ишь бѣжитъ!

Высокая тоненькая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, стуча яламбашками, вплетенными въ косы, бѣжала къ нимъ, радостно крича свое „эзень“, и кинулась со всѣхъ ногъ къ о. Макарію.

— Иди, иди суды подь деревья, абызь: и я, и Педоръ, и сабамъ, мы всѣ сядемъ тамъ. Якши, абызь, что пришелъ!

Она мѣшала русскую рѣчь съ алтайской, и ея умное личико сіяло счастьемъ и радостью.

— Сядемъ!—сказалъ о. Макарій спутнику.

И гости и хозяйева сѣли на большую старую сосну, недавно срубленную хозяевами айла. Солнце не проникало подъ густую сѣнь вѣтвей, тутъ было прохладно и хорошо, а проворная Тиль живо сбѣгала за угощеніемъ. Она притащила квашеное молоко и соленую колбу, притащила сырчики и крутъ и положила всѣ эти алтайскія снѣди на листы лопуха, но гости отказались ѣсть.

— Расскажи, абызь, гдѣ былъ ты?—спросилъ хозяинъ по обычаю.

Но о. Макарій уклонился отъ отвѣта: онъ зналъ, чего ждуть отъ него пытливые дѣтскіе глазки, и сталъ говорить объ Іисусѣ такъ хорошо, съ такимъ глубокимъ упованіемъ и вѣрой, которая живо передавалась юношѣ и ребенку!

— Вотъ вамъ и души обрѣтенныя!—ласково сказалъ онъ, уходя изъ айла, Соколову.—Учитесь языку алтайскому, другъ мой: они любятъ свой языкъ и охотно слушаютъ насъ, когда мы имъ проповѣдуемъ. Послѣ праздника окрещу этихъ дѣтей. Юноша мягокъ и податливъ, а дѣвочка—огонь, она уже полюбила Господа всѣмъ своимъ сердцемъ. И, знаете, о чемъ говорила мнѣ эта Тиль? Что уйдетъ служить Богу въ Улалу, въ обитель: такъ горитъ ея сердце, котораго коснулся Христосъ. Жаль, что нужно ѣхать въ Чемалъ, а то я бы дождался и показалъ вамъ еще разъ камланье; добрую душу оно оттолкнетъ всегда своей дикостью и звѣрствомъ;

жалъ, что насъ мало, и нѣтъ силъ возстать противъ ихъ большихъ силъ... тогда бы мы скоро побѣдили!

Его тонкое лицо апостола разгорѣлось, глаза заблестѣли, горячій порывъ охватилъ его, но обычное смиреніе побѣдило, и онъ потухъ, скрывъ въ себѣ ту энергію и силу, которая открывалась въ полной мѣрѣ, когда онъ говорилъ и училъ.

Они вернулись той же дорожкой подъ пѣніе птицъ, перекликавшихся въ кустахъ, и, окончивъ скромную трапезу, уже на лошадяхъ направились послѣ полудня въ Чемалъ, перекидываясь словами. Скоро о. Макарій перегналъ спутниковъ: онъ, по обычаю, отдался лошади, сложивъ руки на лукъ сѣдла и поднявъ лицо къ небу. Теплый горный вѣтеръ обвѣвалъ это лицо, молодое, красивое и умное, полное мысли, и эти шептавшія молитву уста. Въ Чемалѣ, конечно, ждало дѣло, и Соколовъ, приглядываясь къ о. Макарію, думалъ, что жизнь миссіонера не легка, а полна труда; но ему хотѣлось этого труда, ему уже полюбились высокія горы и мирныя долины Алтая.

По обычаю, вечеръ они провели у Катуня, а она, какъ всегда, несла говорливья струи и рассказывала молчаливо слушавшимъ ея рокотъ людямъ, на непонятномъ для нихъ языкѣ, о снѣгахъ Катымбасе, гдѣ родилась въ нѣдрахъ Хан-Алтая, о глубокихъ темныхъ трещинахъ и моренахъ, о всемъ, что шептали о людяхъ и природѣ ей тѣ рѣки, которыя впадали въ нее и, наполняя ея воды, дѣлали ее могучей и сильной. Сосны старой миссіи шептали о быломъ, мирно спали камы въ своихъ могилахъ, можетъ быть, они не смѣли вставать теперь, потому что святыня Божія—ангелы—наполнили Алтай, ставъ за плечами cadaго новокрещеннаго.

Нива смиреннаго основателя расла, поднималась и ширилась, спѣющіе новые колосья поспѣвали для нея, и свѣтлымъ становилось лицо его преемника по духу, о. Макарія второго, и радостнѣй уже постарѣвшее кроткое лицо о. Стефана Ландышева,

ярче блестѣли большіе и умные глаза архимандрита Владиміра, этихъ неутомимыхъ труженниковъ Алтая.

III.

Любуясь, глядѣлъ о. Константинъ съ высокаго бома на Катунь, лѣса и горы. Уже три года прошло, какъ миссія приняла его, теперь онъ былъ священ-

Алтай. Дорога на р. Катунь изъ Узнези въ с. Чопошъ. Поѣздка Епископа Бійскаго Иннокентія лѣтомъ 1907 г.

никомъ и жилъ въ Онгудаѣ съ молодой женой, дочерью о. Михаила Чевалкова, и спѣшилъ на Улалинскій съѣздъ, гдѣ всѣ миссіонеры собирались разъ въ годъ, съѣзжаясь изъ разныхъ мѣстъ Алтая. И теперь его восхищала красота горъ; онъ полюбилъ ихъ и свое скромное служеніе.

Замерзшая Катунь была хороша въ этотъ ясный декабрьскій день; яркими брилліантами блестѣлъ лѣсъ, и особенно чисты были линіи дальнихъ горъ. Онъ

тутъ забыль о Москвѣ, примирился, кроткій отъ природы, со скромной миссіонерской долей.

— Скоро поѣдемъ, батька? холодъ здоровый,—сказалъ ямщикъ инородецъ.—Глянется развѣ тебѣ Катунь? она теперь холодная, худая, вотъ лѣтомъ тутъ шибко славно. А вчера мы о. Иннокентія провезли; тоже какъ ты, тутъ любовался; глядитъ и глаза не отводитъ... чудные вы, и много васъ стало... вездѣ крестите.

— Слава Богу, что много!—отвѣтилъ миссіонеръ.—А я думаю, что мало. Вѣдь, васъ двадцать девять тысячъ, а насъ всего то пятнадцать или немного побольше. Еще бы и еще бы столько надо! Ну, ладно, поѣдемъ: уже пора, пожалуй. А хорошо тутъ на дорогѣ этой.

— То-то; въ Узнезѣ ночуешь, можетъ быть?

— Нѣтъ, надо спѣшить: много миссіонеровъ уже въ Улалу собралось, а я запоздать могу. О. Макарій уѣхалъ?

— Да, онъ уѣхалъ три дня какъ.

И двинулись вглубь лѣса по дорогѣ, но Катунь въ зимнемъ уборѣ еще не разъ мелькала передъ взоромъ о. Константина.

Отовсюду съѣзжались на съѣздъ миссіонеры. Приѣхалъ о. Михайлъ Чевалковъ и монахъ о. Дометіанъ, о. Антоній, братъ архимандрита Владиміра, о. Іоаннъ Смольяниковъ, Постниковъ, о. Иннокентій изъ Катанды—глухого и отдаленнаго стана, пламенный труженникъ на нивѣ алтайской, молодой красивый іеромонахъ, о. Вербицкій изъ Кузнецкой тайги, о. Филаретъ изъ киргизской миссіи, горячій, рѣшительный, умный, живой, полезный миссіонеръ, котораго отличалъ начальникъ миссіи. Всѣ они сгруппировались около о. Стефана, посѣдѣвшаго и постарѣвшаго, ставшаго такимъ, какимъ былъ когда то его „незабвенный“, и около своего „орла“.

— Вотъ и собрались опять—и молодья и старья силы, угасающіе и юные побѣги,—привѣтствовалъ о. архимандритъ Владиміръ всѣхъ.—Милости прошу. Надо рѣшить намъ вопросы многіе о станахъ новыхъ,

нужно отчеты прочесть, а то начальник нашъ упрекнетъ меня за нерадивость. Можетъ быть, нужды у кого. Вотъ, и семьянинъ новый,—привѣтствовалъ онъ о. Константина.—А, вотъ, и другой тоже членъ миссиі нашей,—указалъ миссіонерамъ на Россова, зятя о. Стефана.—У этого жена миссіонеромъ будетъ настоящимъ: рѣдкая женщина—быть и языкъ знаетъ алтайскій, какъ Агриппина Іоновна.

И такими привѣтливыми словами привѣтствовали каждого о. архимандритъ при встрѣчѣ, а его красивое, ласковое лицо было ясно и привѣтливо, хотя бури жизни и враги нападали на миссію.

— Миссіонеровъ своихъ имѣемъ,—шутилъ онъ.—Діаконъ мой о. Василій Ландышевъ замѣнилъ мнѣ моего Постникова.

Веселый ясноглазый діаконъ подходилъ къ нему своимъ энергичнымъ молодымъ лицомъ и смѣлыми глазами.

Въ обычномъ порядкѣ проходилъ съѣздъ; шли соборныя служенія въ Улалинскомъ храмѣ, привлекавшія массу богомольцевъ, и послѣ нихъ—чтенія отчетовъ о.о. миссіонеровъ въ домѣ архимандрита и нужные разговоры, а вечера большею частью проводили у о. Стефана, передавая другъ другу случаи изъ прошлой жизни, полной у большинства лишеній и труда. О. Вербицкій иногда рассказывалъ что нибудь: онъ былъ хорошимъ рассказчикомъ, и его любили слушать, а живой и веселый Постниковъ всегда умѣлъ подтолкнуть на рассказъ и своего любимаго архимандрита и другихъ.

— Помните въ такомъ то году,—начиналъ онъ—нашу поѣздку въ Чолушманъ?—и улыбался невольно.

— Это когда мы съ тобой въ лямкѣ то шли?—усмѣхался архимандритъ.—Какъ-же.

И оживленно заговорилъ.

— Осень уже начала наступать послѣ половины августа, холодные утра, а намъ надо было въ Чолушманъ... необходимо надо поѣхать. Ну, и поплыли; бури двѣ выдержали, а все-таки до южнаго берега дота-

шились, однако, дня черезъ четыре. Лошадей надо было намъ... сказали инородцамъ верховымъ, что встрѣтили насъ, о томъ, чтобы въ монастырь сходили, и—ждемъ. Вотъ уже и вечерѣтъ—никого.

— „Что дѣлать?“—говоримъ своимъ гребцамъ. — „Поплывемъ по Чолушману, какъ нибудь доплывемъ до монастыря“.

— Не соглашаются...

— „Ой, ой! пристали,—говорять...—вода шибко сердитый... грести тяжело... рукамъ больно... видите сами: вонъ, маленькая лодка... сложьте ваше имѣнье, а мы отдыхать въ юртахъ будемъ.“

Діаконъ мой разгорячился и келейника подбилъ.

— „Что же, о. архимандрить, подчиняться то имъ? мы съ келейникомъ потянемъ лодку, а вы потрудитесь дойти: не ночевать же вамъ тутъ?“

— Ну, и потянули. Часъ бредемъ. Лѣпятся мои труженики по камнямъ, тянутъ лодку, а тѣмъ, оставшимся, и горя мало... мнѣ и смѣшно и жалъ ихъ. Въ одномъ мѣстѣ веревка за кустъ зацѣпила, а течение быстрое... сорвался діаконъ и не удержался отъ браннаго слова; въ другомъ—келейника тоже сорвало... а темнѣтъ, и точно пропалъ монастырь. Вижу, темно совсѣмъ, у нихъ силы пали, едва бредутъ, и бунчитъ мой діаконъ, забылъ все смиреніе... видно, ругается. Смѣшно мнѣ и досадно на инородцевъ и на гребцовъ, такъ ужъ мы, люди, способны на досаду.

— „Охъ!“—постанываетъ келейникъ.

— „Охъ!“—сердито вскрикиваетъ и діаконъ.

— И рѣшилъ я помогать... что же, въ несчастіи нужно выручить товарищей! Запрягаюсь, а они протестуютъ, но слабо: вижу, рады... ну, и потянули!

Миссіонеры невольно заулыбались, слушая это повѣствованіе.

— Тянемъ, крѣпко плечамъ достается: течение быстрое. Гляжу, послушникъ мой слабовато тянетъ. Ворчу.

— „Ты что-же это? покрѣпче, покрѣпче налегай!“ —И самъ стараюсь... И не замѣтили коряжину на

лодочномъ пути, разомъ ее остановившую. Хлопнулись всѣ трое, чуть веревку не выпустили, и опять мой діаконъ крѣпко выругался... выругался, а все-таки въ воду полѣзь освободить лодку. Упрекнулъ я его, говорю:

— „Эхъ ты, миссіонеръ! невзгоды стерпѣть не можешь“...

— А онъ мнѣ съ предезостью:

— „Ну, о архимандритъ, такъ то, поди, ни одинъ миссіонеръ не бурлачилъ!“

— Тянемъ опять... опять хлопъ! коряга...

— „Лѣзь, говоритъ Постниковъ келейнику,— меня дрожь беретъ... лѣзь, чего мнешься? по очереди надо!“

— А самъ такимъ яростнымъ голосомъ. Вижу, подраяться готовы, и говорю смиренно:

— „Ну, а третья—моя будетъ очередь!“

— Пересмѣхнулись они, и опять тянемъ. Видно далеко огоньки, подтянули мы лодку къ берегу и давай кричать:

— „Ко-ней! коней!!“...

— Я начну: „ко-о...“, а діаконъ густымъ голосомъ подхватываетъ: „ко-о-оной!“, и тонкій голосъ послушника визгомъ отчаяннымъ вторитъ намъ: „коней!“.

— Не помогло; залаяли гдѣ то собаки, и только эхо долго перекликалося въ горахъ.

— „Братія!“—опять взялся за лямку діаконъ.— „Тоже—братія: улеглись ужъ спозаранку... хороши монахи, нечего сказать! вотъ бы потянули лямку то!“

— И послушникъ мой осмѣлѣлъ:

— „Я бы ихъ на поклоны, кабы архимандритомъ былъ!“—говорить.

— „Слава Богу,—подаю и я голосъ,—что не архимандритъ ты: тyani лучше!“...

— И самъ впередъ вытянулся, примѣръ показывать желая; вытянулся, шагнулъ и ухнулъ, за мною и діаконъ... придавилъ меня больно и кричитъ:

— „Ахъ, штобъ тебя! выпусти только веревку то! наподаю!!“.

— Въ послѣднюю степень ярости пришелъ: видите, его тьма смутила, той порой наступившая... носу своего не видать. Сообразилъ я, что онъ меня принялъ за келейника, но лежу: ногу ушибъ сильно, а онъ вскочилъ и шипитъ надо мною.

— „Ты встанешь? И такъ о. архимандрита измучили! куда тебя понесло то? вставай!“.

— „Ну, думаю, однако пнешь!“ и смѣхъ меня душить, а діаконъ изъ себя выходитъ:

— „Ну!“—реветъ онъ.

— А въ то время мой послушникъ, въ темнотѣ отставшій, закричалъ:

— „Кони, ровно, о. діаконъ! непремѣнно насъ ищутъ... и съ фонаремъ!“

— „Постой!—діаконъ говоритъ— ты гдѣ?“

— „Да тутъ я, около васъ!“

— „А лямка?“

— „И лямка тутъ!“—виновато кричитъ онъ.— „Сичасъ потяну“.

— „То-то потяну. А гдѣ у насъ о. архимандритъ?“

— И я робкимъ голосомъ откликнулся:

— „Тутъ я, другъ мой, тутъ! не пни меня только пожалуйста!“

— Замолчалъ мой діаконъ, помогъ мнѣ выкарабкаться и взялъ отъ меня лямку. Правда, слышался топотъ и голоса, и мы закричали тоже, я да послушникъ только... діаконъ—молчитъ.

— „Давай,—я говорю,—лямку то... дотащимъ туда вмѣстѣ!“

— Подалъ молча, и силы у насъ точно прибыли, кричу:

— „Вправо, вправо! тутъ мы, у Чолушмана“.

— И діаконъ подтянулъ:

— „У Чолушмана мы... сюда!“

— Но въ послѣдній разъ искуситель опять пошутилъ надъ нами.

— „Ты тутъ Григорій?“—спросилъ діаконъ— „тянешь? не все же тебѣ лѣниться... тyani, братъ: и о. архимандритъ тянетъ!“

— „Тутъ вправо надо!“ — кричали намъ. — „Слѣва — ро...“

— И не успѣли они договорить какъ я, шедшій съ лямкой прямо, опять ухнулъ куда то. Діаконъ мой разсвирипѣлъ ужь совсѣмъ.

— „Подымайся самъ! — сердился онъ. — У меня зубъ на зубъ не попадаетъ, и о. архимандритъ простылъ изъ за тебя. Брось лямку! тебѣ говорю, брось и лежи себѣ, коли усталъ, нѣженка!“

— И я изъ рва съ покорностью отвѣтилъ:

— „Брошу ужь, брошу, діаконъ! не сердись только на меня“.

— Видно его моя покорность побѣдила: молча слѣзъ онъ ко мнѣ, предоставивъ держать лодку Григорію, опустился, поднялъ меня на руки, такъ какъ ушибленная нога не давала мнѣ двигаться, и потащилъ, какъ самарянинъ, къ близко уже подошедшимъ монахамъ, которымъ алтайцы, только ночью вспомнивъ о насъ, сказали, что мы ждемъ лошадей.

— „Однако бы ты, діаконъ, побилъ меня?“ — спрашиваю его, а онъ мнѣ серьезно:

— „Ахъ, о. архимандритъ, этотъ Гришка да темень меня изъ себя вывели, поглядите ка, вотъ, какъ я руки себѣ намоталъ!“

— И, дѣйствительно, оказалось, судя по его рукамъ, что онъ одинъ несъ всю лямку на себѣ, а мы только „пахали“, какъ въ баснѣ говорится.

А Постниковъ, сконфуженный послѣдними словами, давно спрятался за другихъ, но все еще зоркіе глаза о. Стефана замѣтили его и привѣтливо ему улыбнулись.

— И у меня бывало печалей не мало съ дорогами горними! — мягко сказалъ онъ. — Ъхали мы въ Черни... я и проводникъ. Бомъ — страшный... тропа послѣ дождя осклизла, и скала нависла надъ дорожкой; мнѣ она долго потомъ снилася. Проводникъ мой слабый тщедушный инородецъ былъ, а толмачъ и діаконъ, бывшіе со мною, поѣхали другимъ путемъ я же эту дорогу выбралъ потому, что о дѣвчкѣ своей больной Александръ услыхалъ вѣсть, посланную женою:

„умираетъ Саша“. Отцы, да и не отцы поймутъ меня: вѣдь, мнѣ еще день пробыть пришлось, чтобы оглашенныхъ окрестить, а къ ночи мы двинулись съ проводникомъ бомами, чтобы сократить путь. Печальный былъ день; дождь моросилъ, зарядившись съ утра. Тихо ступали лошади, а мое сердце

... бури двѣ выдержали, а все-таки до южнаго берега дотацились... Лошадей надо было намъ... сказали инородцамъ верховымъ, чтобы въ монастырь сходили, и—ждемъ...

ныло. Поскользнулась ли моя лошадь нечаянно, или туманъ, поднимавшійся съ низинъ, былъ тому виною, только рухнула она и заскользила съ тропы. Едва я успѣлъ выпустить стремяна, понимая, что гибну. Въ моментъ это совершилось, а расскажешь не скоро тѣ мгновенныя мысли и движенія. Успѣлъ я только схватиться за кустъ и повисъ на немъ надъ бездною... чувствую, что кустъ шевелится, и слабые корни того и гляди порвутся... а внизу глухо рокотали камни, которые осыпались, гонимые тяжестью лошади.

— „Абызь, ты убился, али нѣтъ?“—слышу голось проводника.

— „Нѣтъ;—отвѣчаю,—не убился совсѣмъ... вишу тутъ!“

— „Смотри, держися: тутъ скользко!“

— Я за его жизнь боялся въ ту минуту: вѣдь, онъ былъ единственный, могущій помочь мнѣ.

— „Кинь мнѣ чембуры“, прошу его.— „Свяжи ихъ, петлю на концѣ сдѣлай, къ камню привяжи крѣпче и кинь сюда: камень мою тяжесть удержитъ. Да тише... тише, не поскользнись!“

— „Ладно, абызь, ладно!“—говоритъ, а самъ, слышу, торопится, волтошится на дорожкѣ, и камни мелкіе летятъ прямо на меня.

— „Прямо,—говорю,—кидай на голось!“

— Долго копался онъ, наконецъ кинулъ, и я, захвативъ веревку, почувствовалъ огромное облегченіе.

— „Славу Богу!“—думаю.

— Осторожно надѣлъ ее одною рукою на себя и укрѣпилъ подъ мышками.

— „Ладно? кричитъ,—ладно, абызь?“

— „Хорошо!“—отвѣчаю.

— Я ее крѣпко за камень задѣлъ. Виси теперь. Висишь?“

— „Вишу... а ты куда? развѣ не подтянешь?..

— „Нѣтъ!“—покойно такъ отвѣчаетъ.— „Силы нѣту... мало силы... Поѣду въ аилъ людей позову. Дождидайся: веревка крѣпкая!“

— И уѣхалъ, оставивъ меня, вцѣпившагося въ кустъ съ веревкой подъ мышками, на которую я не смѣлъ опуститься, боясь, что она не крѣпко прикрѣплена вверху. Шли часы, густой туманъ охватилъ меня, и полная мгла воцарилась тутъ... мгла и тишина. Я слышалъ только, какъ съ легкимъ трескомъ обрывались корни куста, и понемногу съ ужасомъ убѣдился, что вишу на веревкѣ, которая держится за камень.. Я не надѣялся, повторяю, что она крѣпко прикрѣплена, а кустъ уже не былъ опорой: онъ, медленно обрываясь, чуть держался, и

я только инстинктивно сжималъ его, сознавая, что тяжесть моего тѣла уже не виситъ на немъ, потому что веревка рѣзала мнѣ подъ мышками, впиваясь въ тѣло. Гдѣ то далеко внизу рокоталъ глухо и грозно потокъ, а мысли летѣли печальныя и скорбныя...

— Хорошо быть не женатымъ миссіонеромъ, какъ о. Макарій и Иннокентій... какъ вы, о. архимандритъ, и другіе іеромонахи: тогда, если гибель поглядитъ въ глаза, можно умереть спокойно, безъ мысли о другихъ, которые останутся голодными и холодными. И въ ту ночь я порадовался, что моя дѣвочка покидаетъ насъ: она уже не могла испытать горькой сиротской доли.

— Туманъ рѣдѣлъ... я увидѣлъ рѣдкія звѣзды, потомъ очертанья горъ и низинъ, ужасную, глубокую пропасть, въ которой туманъ клубился, какъ косматыя чудовища, и моя веревка, на которой висѣла моя жизнь, показалась мнѣ особенно тонкой и непрочной. Мои ноги налились, точно свинцомъ, и казалось, тянули меня книзу... голова кружилась страшно, и я боялся сдѣлать движеніе... боялся, опасаясь, что веревка лопнетъ, и я унесусь въ бездну за своимъ конемъ. Заря начала заливать все розовыми тонами... ночь прошла, и рождавшійся день не принесъ мнѣ ничего. Взошло солнце... ласковые лучи озарили мнѣ головокружительную глубину и быструю, клокочущую рѣку, казавшуюся лентой, надъ которой я висѣлъ подъ уклономъ скалы. Господи Боже! какъ слабы человѣческія силы! Я потерялъ сознание, и это было къ счастью, потому что я пересталъ чувствовать боль и страхъ: и мое оцѣпенѣвшее тѣло, какъ сума, болталось надъ пропастью. Послѣ мнѣ иногда думалось, что это былъ сонъ тяжелый, страшный, но мой проводникъ съ снявшими меня инородцами и раны, натертые веревкой подъ руками, говорили, что это было въ дѣйствительности и что меня полумертваго и безъ памяти подтянули и сняли инородцы.

— Да, за нами, миссіонерами, искустель хо-

дить, посылая искушенія и устрашая опасностями жизни!—покачалъ онъ головою.—Вотъ нашъ молодой о. Иннокентій тоже вынесъ не мало скорбей отъ киржаковъ.

Но о. Иннокентій спрятался въ себя: онъ былъ молчаливъ и скромнень чрезвычайно.

— А что же молчитъ о. Михаилъ?—сказалъ онъ только мягко.—Онъ много перенесъ трудовъ и печалей, и намъ можно поучительное вынести изъ его рассказовъ, какъ старѣйшаго послѣ васъ.

О. архимандритъ взялся за стаканъ чая и, усмѣхнувшись, сказалъ, поглядывая поверхъ очковъ:

— Право голоса ему и о. протоіерею Вербицкому! Пусть расскажутъ намъ про себя: для молодежи нашей, бесполезны наши рассказы... не для хвастовства и чужихъ ушей говоримъ мы, братски вспоминая печали былыя. Ты, о. Михаилъ, припомни, а вы, о. протоіерей, расскажите намъ о Кузнецкой тайгѣ.

— Медвѣдей много, Владыко!—поглядѣвъ на всѣхъ умными глазами, усмѣхнулся тотъ.

— Вонъ что!—не отставалъ отъ него начальникъ.—Ну, а дальше? Нѣтъ, голубчикъ, украсьте короткій досугъ миссіонерскій рассказомъ вашимъ: не даромъ же и мы говорили.

— Ой, мало чего у меня: я человекъ книжный, лѣнивый... съѣзжу съ проповѣдью и—за книгу... развѣ...

— Ну? ну?—пристали къ нему.

— Это про киржаковъ, отъ которыхъ о. Иннокентій терпитъ,—сказалъ онъ просто.—Ну, коли говорить, то я уже и о. Антонія задѣну... помните?

По умному лицу о. Антонія прошла тѣнь, оно стало печальнымъ, быть можетъ, при воспоминаніи о прошлыхъ невзгодахъ.

— Кто старое вспоманетъ, тому глазъ вонъ!—попробовалъ онъ пошутить.

Но миссіонеры заинтересовались.

— Зиму мы работали вмѣстѣ въ тайгѣ Кузнецкой,—началъ о. Василій.—Онъ большое дѣло вершилъ... о. Антоній... И благословилъ Господь нашъ трудъ:

500 человекъ крестили мы въ этотъ годъ: охотно шли тогда, помощью Божіей, къ намъ новокрещенные. Киржаки сердились; много киржаковъ въ тайгѣ Кузнецкой... они — тоже миссіонеры по своему, и очень желаютъ притянуть къ себѣ инородцевъ. Помню, ненастный вечеръ былъ, стучать къ намъ... уже стемнѣло. Вышелъ къ нимъ со свѣчею о. Антоній: у меня болѣла голова и такъ сильно, что я, ослабѣвшій, валялся на постели. Зовутъ меня, слышу, въ Улусъ напутствовать больного... непременно меня.

— „А вы его знаете?“ — спрашиваетъ о. Антоній.

— „Ну, да ты чего, абызь? поѣдемъ: за тобой, вѣдь!“ — отвѣчаютъ.

— Этотъ отвѣтъ меня встревожилъ: инородцы крещенные мною знали меня хорошо и всегда отличали отъ о. Антонія.

— „Позовите, говорю, ихъ сюда!“

— „Не идутъ“ — отвѣчаетъ о. Антоній. — „Торопятъ, больной плохъ, говорятъ... напутствовать скорѣе нужно. Поѣду я... это къ Василию Токмакову“.

— Токмаковъ, дѣйствительно, былъ инородецъ крещеный.

— Собрался мой о. Антоній, а я его и отговаривать не смѣю и боюсь чего то чрезвычайно... такъ болитъ и ноетъ сердце.

— И велѣлъ самъ потихоньку отъ меня лошадей сѣдлатъ, да за мною издали и отправился. Свою боль и лихорадку, которая его мучила, забывъ! — вставилъ о. Антоній какимъ то суровымъ голосомъ, стараясь скрыть, видимо, охватившее его волненіе.

— Поѣхали они... ночь уже наступила. Дождь, грязь... два пріѣхавшіе инородца, толмачъ и священникъ.

— „Точно не тѣмъ путемъ мы ѣдемъ?“ — сказалъ толмачъ.

— „Тутъ короче!“ — проводники говорятъ. — „Шибко онъ плохъ... ой, шибко!“

— Долго ѣхали горами и лѣсомъ... наконецъ, пошелъ такой колодникъ, что о. Антоній и самъ изумился.

— „Куда же мы ѣдемъ?“—спрашиваетъ.

— Ночь— глаза выколи, а спереди кричатъ по русски:

— „Ну что—это вы?“

— „Мы!“—проводники отвѣчаютъ.

— „Везете?“

— „Веземъ!“

— „Вотъ ладно... хорошее дѣло... волоките его съ сѣдла сюда: теплое мѣсто тутъ ему налажено!“

— О. Антоній остановилъ коня.

— „Куда вы меня привезли?“—спрашиваетъ.

— А его уже обступили въ темнотѣ люди. Слышно, Кондома плещется близко, а дождь идетъ, какъ зарядился. Толмачъ сталъ молить:

— „Пустите, добрые люди, насъ... за што про што схватили?“—а они хохочутъ надъ нимъ.

— „За что почтешъ. Рыбы въ Кондомѣ о васъ стосковались: не будете съ попомъ своимъ народъ смущать!“

— „Его отпустите“,—сказалъ о. Антоній. И голосъ спокойный.—„А меня топите или убивайте: все равно отвѣтите. Другой мой товарищъ дастъ знать объ этомъ, и васъ найдутъ!“

— „Ширь опушку, караси полѣзутъ! а хто видалъ? поѣхалъ исповѣдывать... инородцы приѣхали... пусть ищутъ инородцевъ, а Оому никто и въ подозрѣнье не возьметъ. Да мало ли што можетъ случиться: тебя, утопленнаго найдутъ, подумаютъ, што утонулъ... и этаго тоже... Ты, вотъ, што: коли побѣдшаешь уйти изъ мѣстъ этихъ и татаръ на крещенье не сманивать, тогда я, може, тебя и опушшу!“

— „Не могу я вамъ этого обѣщанья дать“,—о. Антоній говоритъ.—„Мой трудъ—трудъ Божій, и оба мы его не бросимъ никогда!“...

— „Чо съ нимъ и говорить, ребята! куранемъ его въ воду и только... а этому, какъ шшенку, привяжите камень и утопите!“

— „Ты на конѣ?“—шепнулъ о. Антоній.—Бѣги... бѣги... хлесни лошадь и бѣги... настегай ее, а самъ соскочи, если нагонять будутъ, и въ тѣмѣ этой укройся!“

— А самъ громко говорить:

— „Ну, что же вы стоите? вяжите, бросайте... думаю, что мой Господь меня не оставитъ!“

— „Погоди,—кричать—увидимъ!...“

— „Да што говорить!“

— А толмачъ въ это время хлестнулъ коня и помчался туда, куда вель инстинктъ лошади.

— „Ай ай!“—загалдѣли кругомъ.—„Гонись за нимъ. Фролка, Денисъ... бѣгите... ловите его... ай!“

— И они всѣ, по голосамъ—человѣкъ двѣнадцать, кинулись къ лошадямъ.

— „Это—онъ!—кричалъ имъ одинъ, который держалъ о. Антонія и успѣлъ, скрутить ему руки.—Онъ... я слыхалъ, какъ онъ шептался съ тѣмъ...“

— „Ну, все равно: и того договяты и этому не миновать Кондомы. Да—ну, вы, поварачивайтесь, лѣшаки“.

— „Пообѣшашъ ты намъ и его унять и самъ убраться съ подручнымъ твоимъ попомъ? пообѣшашъ? Ну, ну?“

— Помню, у меня сердце билось страшно. Давно мы: я, вернутый нами толмачъ, нашъ псаломщикъ съ берданкой, захваченной имъ, и охотникъ знакомый, очень расположенный къ намъ, припавъ за кустами, ждали этого момента.

— „Бросайте!“—сказалъ о. Антоній рѣшительно.

— Зналъ я, что помощь будетъ,—опять рѣзко возразилъ тотъ, видимо его сердцу были неприятны эти старые воспоминанія собрата, рисующія его благородный, геройскій поступокъ.

— „Ташши“,—сказалъ голосъ.—„Пока они тово ишшутъ, мы этого утопимъ... а то, пожалуй еще, разговаряты!“

— Они понесли его, а охотникъ нашъ скомандовалъ:

— „Теперь... скорѣе!..“

— „Эй, эй, стой!“—закричалъ я.—„Заѣзжайте вправо, а вы—влѣво... стрѣлять будемъ... смотрите... бросьте сейчасъ же миссіонера!“

— „Бросьте!“—густымъ басомъ кричалъ и охотникъ.—„Всѣхъ перевяжемъ... слышите?“...

— Они остановились, и мы услышали стонъ брошеннаго о. Антонія и хрясть сучьевъ, за которыми скрылись его злодѣи.

— И о. Василій ко мнѣ кинулся. Теперь ужъ мы превратились въ нападающихъ; нашъ псаломщикъ отвязалъ ихъ коней, меня подняли и посадили на одного изъ нихъ, и всѣ мы быстро поѣхали туда, откуда прискакали: верстахъ въ двухъ намъ попалась киржачья ватага.

— „Ты, Ѳома Гордѣичъ?—крикнули намъ.—Напрасно искать будешь: въ воду ровно кануль, чертъ этакій... коней мы смылили. Ой!“...

— Наши два выстрѣла въ воздухъ, очевидно, испугали ихъ, и они помчались отъ насъ, а мы отъ нихъ, благополучно разойдяся всякій въ свою сторону.

— „Гони, гони!—все еще испуганный говорилъ толмачъ.—Гони, гони!“...

— Но погоня давно уже осталась далеко, да и не гнались они, должно быть, смущенные и пораженные неожиданнымъ нападеніемъ. И мы вернулись домой къ полдню слѣдующаго дня живыми и невредимыми по милости о. Василія.

— А у меня голова прошла совершенно,—сказалъ тотъ серьезно.—По три дня другой разъ болѣла, а тутъ прошла сразу. Я и сейчасъ о. Антонію за это благодаренъ.

И миссіонеры засмѣялись неволью его шутливой выходкѣ.

— Теперь очередь о. Михаила. Да не конфузья!—сказалъ о. архимандритъ Михаилу Васильевичу, теперь ставшему о. Михаиломъ.—Васъ надо съ о. Стефаномъ больше всѣхъ слушать. Вы „незабвеннаго“ помните!..

И о. Михаилъ оживился.

— Какъ сейчасъ помню, какъ „его“ (незабвеннаго) провожали всѣ до горы Чергачакской и какъ плакали! Господи Боже! а онъ сѣденькій, маленькій тихій такой тоже плакалъ, прощаясь съ нами. Какой человекъ былъ! ахъ, какой человекъ! Взглянешь на него,

бывало, и сердце къ нему потянетъ. О. протоіерей знаетъ... кажется, прикажи онъ въ воду идти, пошелъ бы за него вездѣ... въ Катунь бы кинулся съ утесовъ. Охъ, и хорошій былъ!...

— Что за собесѣдникъ это былъ!—вставилъ свое слово и о. Стефанъ.—Въ двѣнадцатомъ году онъ во время нашествія Наполеона жилъ у помѣщика богача въ Тверской губерніи и всегда въ дворянской средѣ вращался, и такому воспріимчивому человѣку это все привилось. Свѣтскій, образованный, онъ умѣлъ и держаться въ высшемъ обществѣ съ великимъ достоинствомъ, и таковое же сохранять и въ братскихъ отношеніяхъ съ нами. Какія у него связи были! и ничего себѣ на то, что бы добиться славы человѣческой, не обратилъ; но Митрополитъ Филаретъ его увидѣлъ. Господи! и подумать: такой умъ, такая личность обаятельная—все оставила, всѣ радости міра, которыя могла достигъ, и здѣсь въ Алтаѣ нашла себѣ мѣсто невидимаго труженника!..

Онъ задумался о своемъ учителѣ и подвигѣ его жизни, а архимандритъ ласково положилъ ему руку на плечо.

— Да, это была свѣтлая жизнь!—сказалъ онъ.—Васъ онъ любилъ искренно: какая забота въ его письмахъ о васъ была, объ устройствѣ вашей жизни... и вы много сдѣлали для миссіи, о. Стефанъ.

— Всѣ мы должны работать, но мы теперь уже работаемъ съ облегченіемъ, а онъ больной, слабогрудый идетъ, бывало, непроѣздною дорогой, пробираясь въ аилъ, и слова любви всегда на устахъ. Идетъ, а самъ за грудь хватается. И воздержаніе какое великое: выпьетъ яйцо сырое, они ему очень помогали, и горюетъ:

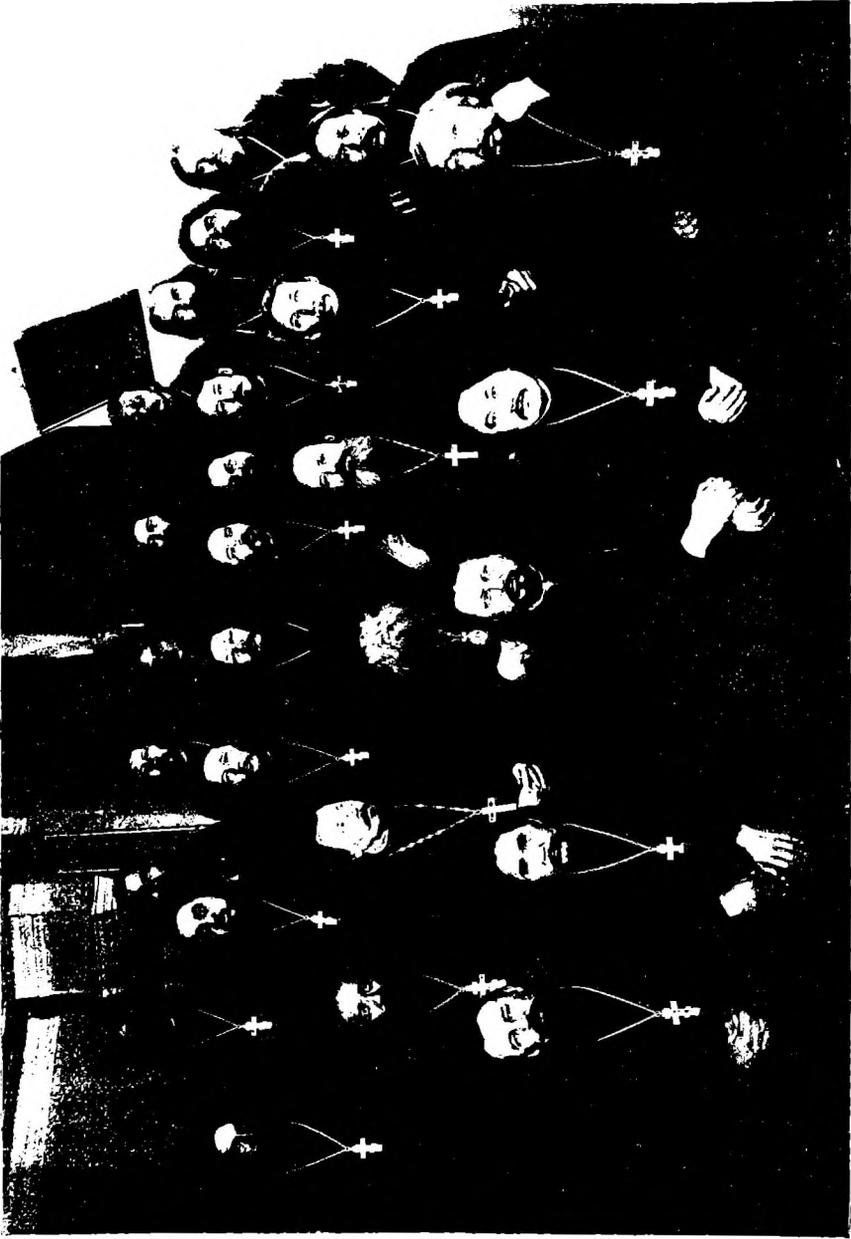
— „Лакомка я! балую себя, Стефанъ!“

— Такіе святые бываютъ... и онъ святой... и объ Алтаѣ заботится. Вонъ, отцу игумену Макарію являлся во дни его юности и благословилъ здѣсь послѣ него обучаться. Мнѣ иногда ясными ночами кажется подъ деревьями его тѣнь—идетъ и покашливаетъ... можетъ быть, это за мною онъ. Я бы хотѣлъ

Составъ Алтайской миссиі 1909 г.

1-й рядъ: о. Ник. Зыряновъ,
павловскій.

2-й рядъ: о. Кон. Соколовъ—сынъ еп. Иннокентія, —Вл. Постниковъ, о. К. Укуназовъ, о. Т. Петровъ, о. І. Отгырмаковъ, о. Т. Калп-
шинъ, о. Ан. Поярнинъ, о. Вл. Токпешевъ,

3-й рядъ: о. Гаур. Отгыгашевъ, Прот. С. Ивановскій, Нач. миссиі Е. П. Иннокентій, Прот. П. Бенедиктовъ, о. Тим. Петровъ, о. Пот. Сереб-
ренниковъ.
4-й рядъ: о. Патель Лизуновъ, о. І. Шлыгашевъ, о. С. Тулкинъ, о. Мак. Облышкитъ и о. С. Нинифоровъ.

его увидѣтъ, умирая; у меня сердце словно радуется, когда настаетъ ясная синяя звѣздная ночь, какія онъ любилъ. Бывало скажетъ:

— „Пойдемъ, Стефанъ; алтари Господни озарены огнями небесными... заберемъ на нихъ: тамъ молиться чудесно: высоко, отъ міра дальше, и къ Богу ближе“.

— Выберемъ куда-нибудь на Сюръмейки предгоріе, а то и выше... иногда, случалось, заходили и на Тугаю... зайдемъ и сидимъ въ безмолвіи пустыни... иногда только о. Макарій скажетъ:

— И звѣзда съ звѣздою говоритъ!...

— Конечно, онъ тутъ молился... да и какъ было не молиться тамъ, предъ лицомъ Бога, въ нерушимой тишинѣ, созерцая мирныя долины и горныя цѣпи, во всѣ стороны поднимавшіяся предъ нами, и озаренныя свѣтомъ луны? Разъ въ поѣздку нашу въ горы заѣхали мы въ чудный лѣтній день къ Адагану.

— „Зайдемъ туда!“—говоритъ онъ мнѣ.— „Что за видъ оттуда открывается! какая красота несказанная!“...

— „Трудно вамъ?“—говорю.

— „Ничего: ночь тамъ ночуемъ!“

— И пошли мы подниматься тихо, но упорно къ вершинѣ этого гиганта горнаго, чьи склоны поросли лиственницами густыми и прекрасными, почти вытѣсненными сосны, и дошли до вершины, когда уже звѣзды заблестѣли на небѣ. Господи! я никогда не забуду этой ночи, этой чудной ночи, чистой, прекрасной и свѣжей, напоенной ароматомъ хвои! Такого благоуханнаго воздуха нѣтъ на низинахъ. Передъ нами лежалъ весь Алтай, и дальніе бѣлки видѣли наши глаза... цѣлое море вершинъ! и глубокія долины... мы казались самимъ себѣ песчинками ничтожными предъ этой величественной Божіей природой. Ахъ, мой отецъ, мой незабвенный! какое у него было лицо! какое кроткое умиленное выраженіе! а когда родилась заря, и, разгорѣвшись, брызнула солнечными лучами, онъ упалъ на колѣни и не могъ сдержать умиленныхъ слезъ: его чуткую душу поразила

дивная красота, и онъ часто потомъ вспоминалъ эту ночь на Адаганѣ.

Глаза архимандрита предательски блестяли подъ очками, и онъ не поднималъ ихъ, чтобы взглянуть взглядомъ сокола на кроткаго, небольшого старичка, съ такой любовью вспоминавшаго о своемъ дорогомъ учителѣ. Глаза о. Иннокентія тоже были влажны: онъ низко наклонилъ свою темную голову, и передъ его живымъ воображеніемъ встала, можетъ быть, та, облитая свѣтомъ луны, ночь, и два большихъ силуэта на вершинѣ огромнаго Адагана, далекіе отъ людей и близкіе къ Богу.

— А мы съ о. Макаріемъ, игуменомъ нашимъ, — сказалъ о. Вербицкій, — тоже такую ночь видѣли на вершинѣ горнаго перевала, гдѣ случайно встрѣтились... Помните, о. Макарій? вы тогда юношей были!

Но о. Макарій поднялъ на него умоляющіе глаза: ему не хотѣлось вспоминать того, что видѣлъ только о. Василій Вербицкій, о тѣхъ маленькихъ козочкахъ, найденныхъ имъ у трупа загрызенной матери, которыхъ онъ нашелъ на горной тропѣ, возвращаясь изъ аила. Бережно устроивъ ихъ на сѣдлѣ, онъ самъ шелъ долгую дорогу пѣшкомъ и, уставъ, заночевалъ на перевалѣ, на которомъ о. Василій встрѣтилъ его. Они оба остались тамъ и ночевали, любуясь на тихія, наводненные луннымъ свѣтомъ, долины...

— Это было такъ давно, — сказалъ онъ мягко. — Пусть въ довершеніе нашей бесѣды отецъ Михаилъ будетъ такъ добръ и расскажетъ намъ о своихъ воспоминаніяхъ. Я давно не видѣлъ Телецкаго озера, а слышалъ, что въ прошломъ году его застигла тамъ буря. Вотъ, послѣ красоты и печальная картина быта миссіонерскаго для молодыхъ миссіонеровъ нашихъ.

— О! — сказалъ Михаилъ Васильевичъ, или отецъ Михаилъ, съ покойнымъ достоинствомъ, присущимъ ему. — Телецкое не любитъ шутить: оно другой разъ такое безжалостное и страшное, что забудешь его мирную красоту. Два раза я было погибалъ на немъ въ третьемъ году или — нѣтъ, это было три года тому

назадъ... Поѣхалъ я съ двумя спутниками моими въ Чолушманъ на обратномъ пути изъ Улалы, по обычаю, на небольшой лодкѣ. До этого слыхалъ я, что зимами оно бываетъ очень бурно, но видать не приходилось. Съ Артыбаша подулъ рѣзкій вѣтеръ, и началась мятель, но мы кое-какъ еще доплыли до Курагана, а далѣе плыть было нельзя, почти всѣ тутъ знаютъ Телецкое, знаютъ и бури; о. архимандритъ самъ перенесъ ихъ... а тутъ буря поднялась такая, что и не запомнятъ, говорили намъ старожилы. Мои два спутника совсѣмъ пали духомъ. Помню, какая радость была у насъ, какъ пещеру нашли и пробыли въ ней 16 сутокъ. Намъ страшно было поглядѣть на озеро: небо и вода сливались, казалось намъ, и все гудѣло и грохотало грозно. Запасъ нашъ, взятый на дорогу, совсѣмъ истощился. Мы не видали ни солнца, ни звѣздъ... страшное черное озеро, сѣрое небо и мгла тучъ, закрывающія дали... и только на семнадцатый день волненіе озера стало утихать. Два дня мы питались только чаемъ. А въ прошломъ году было еще тяжелѣй. Съ тяжелымъ сердцемъ, помню, поѣхали мы со сѣзда; прошлое еще было въ памяти, а ждать не приходилось. Были со мною работники и псаломщикъ. Хорошо, что мы запаслись теперь хлѣбомъ. Опять только до той же прошлогодней пещеры удалось намъ доплыть, и поднялась буря, подобная первой: точно озерная вода, уставшая лежать на его глубокомъ днѣ, захотѣла выйти наружу: такія волны ходили по немъ! Какъ сейчасъ вижу черныя горы и водяныя пучины, а кругомъ печальные бѣлые оснѣженные берега. Семнадцать дней прошло въ печали и страхѣ, а послѣ семнадцати наступило уныніе. Когда вѣтеръ нѣсколько стихалъ, я выходилъ къ озеру и пробовалъ застывавшій у берега за ночь ледъ, но онъ не могъ сдерживать человѣка. Наконецъ, на 20 день ледъ окрѣпъ, и вѣтеръ перемѣнивъ направленіе, подулъ попутно намъ къ Чолушману.

— Какъ муравьи изъ муравейника, вышли мы изъ пещеры и, зайдя на гору, увидали, что озеро за-

мерзло версть на двадцать, но далѣе была опять полая вода. У насъ не было силъ провести туда лодку, но намъ пришло въ голову придѣлать къ ней парусъ, и лодка легко пошла, направляемая нами, по льду. А вѣтеръ крѣпчалъ, лодка стала двигаться быстрѣе, и мы, привязавъ къ ней веревки, бѣжали по бокамъ у незамерзшей воды. На остановкѣ напились чаю, который сварили на льду, и сѣли въ лодку съ надеждой, что наши испытанія кончились, и мы спокойно доплывемъ. Но этого не случилось. Вѣтеръ усилился, палъ туманъ и пошелъ снѣгъ, опять поднялась буря... а берега не было видно, и мы были въ страхѣ и томленіи, понявъ, что сбились съ пути! Рѣшивъ отдаться на волю Божію, мы сложили весла, не стали грести, дали лодкѣ свободу. Вѣтромъ забило ее въ сплошной ледъ, и спутники мои горько заплакали, прощаясь другъ съ другомъ.

— „Дно золотого озера будетъ гробомъ нашимъ, гдѣ лягутъ наши кости“,—говорили они.

И, повторяя это, въ порывѣ отчаянія легли на дно, а волны со льдомъ били лодку съ обѣихъ сторонъ.

— Я страшно боялся, что лодку скоро разобьетъ, а плачь моихъ спутниковъ терзалъ мое сердце. И вспомнился мнѣ почему то Святитель Николай и слова акафиста:

— „Уже бо бѣсомъ летающимъ и погрузити корабли хотящимъ, запретивъ, отогналъ еси ихъ“.

— Я сталъ молиться ему, обѣщаясь построить въ честь его имени молитвенный домъ. Лодка наша вошла въ ледъ саженъ на тридцать, съ каждымъ напоромъ вѣтра двигаясь все дальше и дальше, и вдругъ я увидѣлъ, что ледъ отъ носа нашей лодки началъ раздвигаться на двое, впереди лодки озеро очистилось отъ льда узкой полосой, подобно просѣлкѣ въ лѣсу, ледъ шелъ противъ вѣтра. Я поднялъ спутниковъ моихъ.

— „Богъ намъ помогъ!“—говорю.

— А они не смѣли вѣрить. Ледъ за нами смыкался опять, но мы, взявшись за весла, быстро до-

плыли до Пелей и тамъ ночевали послѣ невзгодъ. Вотъ что мнѣ запомнилось и навсегда въ памяти останется. Точно сейчасъ вижу и ледъ, и бурю, и холодныя темныя горы волнъ. О. Макарій и вы, о. архимандритъ, испытали это!

Да, они знали, эти незамѣтные труженники и бури, и холодъ, и голодъ; зналъ ихъ молодой красивый молчаливый о. Иннокентій, зналъ и о. Макарій; и ледяные вѣтры, и волны Телецкаго были ему знакомы; зналъ ихъ и о. архимандритъ, и всѣ задумались надъ просто переданнымъ безыскусственнымъ рассказомъ.

— Да, у насъ на Букони лучше!—сказалъ Синьковскій, сощуривъ красивые черные глаза.—У насъ озеръ ни, а на степи только замерзнуть можно въ бурянь, тожъ лучше... воды нѣтъ, не замочишься, умирая!

Всѣ засмѣялись его шуткѣ, въ которой была капля скрытой горечи.

— Вѣдь, такъ и быть должно,—сказалъ архимандритъ.—На то мы и миссіонеры; труды, опасности, лишенія въ степи, въ горахъ, на водѣ и на сушѣ терпѣть. Ну, а теперь, друзья мои, пора на покой. Завтра ждетъ еще много дѣла, и хозяину нашему съ семейю нужно отдохнуть!

Онъ ласково простился со всѣми, а о. Макарій, дошедшій съ о. Иннокентіемъ до своего жилища въ миссіонерскомъ училищѣ, сказалъ:

— Всѣ мы говорили, а вы молча слушали.

— Потому что и говорить нечего. Старые миссіонеры вспоминаютъ бывшее, о. игумень, а у насъ только настоящее. Все подготовлено ими, все пережито... мы повторяемъ то, что уже сдѣлали они.

И обоимъ имъ представились морозныя ночи, обледенѣлыя горныя тропы, бездны, отъ которыхъ кружится голова. О. Макарію еще вспомнились личики дѣтей, за которыхъ болѣла его душа, за маленькихъ дѣтей алтайскихъ долинъ, въ затерянныхъ аилахъ, среди лѣса; милые малыши! они согрѣвали его сердце своею ласкою и любовью.

— У васъ есть дѣти, конечно, среди паствы вашей?—спросилъ онъ.

Мягкое выраженіе легло на строгое лицо его спутника.

— Божьи цвѣты? какъ же!

И его глаза загорѣлись ласкою.

Алтай. Чолушманскій монастырь: Еп. Бійскій Иннокентій (въ мѣрѣ о. Константинъ Соколовъ) съ священникомъ Чолушманскаго монастыря, о. Іоанномъ Лавровымъ и начальницей Чолушманскаго дѣтскаго пріюта, матерью Магдалиной (дочерью извѣстнаго миссіонера— о. Михаила Чевалкова) лѣтомъ 1908 г.

Всѣ эти алтайскіе Тибаны, Тюхтени, Тумчугаши, Саваки были дороги этимъ людямъ, отрекшимся отъ міра и принесшимъ имъ на служеніе свои силы, умъ и любовь чистую, какъ горные цвѣты, любовь, которую нельзя купить за всѣ блага міра. Они дружески простились—и монахъ и игуменъ—на порогъ училища и разошлись, чтобы завтра проснуться для труда и заботъ.

IV.

— О чемъ думать, разъ ѣхать нужно?—сказаль о. Макарій своему сотруднику.—Тяжелый тифъ, говоришь? Господи Боже! не бросить же его безъ покаянія. Ты и не ѣзди: у тебя дѣти, семья, а я—что же, если и заражусь? Только, пожалуйста, занимайся въ школѣ, если замедлю я.

— Вы и сами то перемогааетесь!—замѣтилъ тотъ. къ кому говорилъ эти слова о. Макарій въ Чопошской школѣ.

— Не заботься, пожалуйста, обо мнѣ,—собирая аптеку, отвѣчалъ онъ.

— И буря опять же!

— Что же, я не привыкъ къ бурямъ алтайскимъ, что-ли?—неволью улынулся о. Макарій.—Вотъ и готовъ! Пожалуйста, выгляни, гдѣ посланный... отогрѣлся-ли? да о лошадяхъ справься!

А мятель, дѣйствительно, пѣла въ долинѣ дикую пѣсню, крутя снѣгъ, и голубыя лѣтомъ струи Катуня теперь въ глубокихъ полыньяхъ казались черными и страшными.

— Ну, съ Богомъ!—тронулъ о. Макарій лошадь.—Говоришь, не доѣзжая Чемала въ сторону? Если изъ Улалы что привезутъ, положите въ столъ и заprite, а то любопытныя дѣтскія руки, пожалуй, потронуть то, что не слѣдуетъ. Что это? собаки съ тобой?—обратился онъ къ пріѣхавшему за нимъ русскому охотнику.

— Какъ-же, батюшка: я охотникъ, вѣдь! да и лучше съ ними въ такую бурю: коли собьемся съ дороги, найдутъ они хотя какое жилье. Меня, вѣдь, неволя погнала: ужъ такъ плакала Катерина! шибко и мать и братъ больны тамъ у нихъ въ аилѣ; сыпь высыпетъ, и горять, горять... горячка, должно быть, лютая! помню, одинъ годъ такая половину народа по Алтаю вычистила, такъ-же подъ весну въ послѣднемъ зимнемъ мѣсяцѣ принялася.

Они исчезли изъ глазъ стоявшихъ на школьномъ крыльцѣ людей за мятелью, и качая головою, два алтайца, провожавшіе ихъ, пошли по избамъ.

— Кони у меня сильные, батюшка: я, вѣдь, говорю—охотникъ, а охотнику лошадь нужна настоящая, чтобы, какъ человѣкъ, была умная и никакой тропы опасной, ни мятели, ни грозъ не боялась. Тебѣ холодно, батюшка? нагни голову и поѣдемъ: вѣтеръ—навстрѣчу... а ты—хлибый къ простудѣ, али не шибко ее боишься? Нѣтъ? Ну, и ладно. Намъ, вотъ, холоду бояться тоже, не приходится, особенно въ лыжахъ, когда летишь какъ стрѣла, а вѣтеръ рѣжетъ лицо. Я на лыжахъ иной день верстъ восемьдесятъ пробѣгаю... не хуже татаръ наострился.

Буря, однако, заставила замолчать словоохотливаго человѣка. Тихо ступали кони по переметенной лѣсной дорогѣ, и кругомъ царилъ хаосъ.

— Ишь, падера со всего свѣту: и глаза слѣпить, и ходу нѣтъ... кабы не Катерина, не сталъ бы тебя тревожить, батюшка, и лошадей мучить. Опять же и не думалъ, что она усилится, падера то... а она, ровно, одурѣла. Ты гляди-ка, однако мы съ дороги сбились? а эти падлы то, собаченки, ко мнѣ же жмутся! вотъ, окаянные!

— Не ругайся!—остановилъ его о. Макарій.—Подгоняй лошадей, куда нибудь пріѣдемъ: всетаки тропа идетъ!

— Я, вѣдь, не здѣшній,—сконфуженно говорилъ охотникъ.—Около Онгудая все охотничалъ ранѣ на Чуѣ и на Телецкомъ озерѣ, да бабѣ моей до смерти захотѣлось поближе къ Улалѣ: сродственники у ней тутъ—Сургаевы... ну, она и сбила меня къ Чемалу переѣхать... Мы на пасѣку безпремѣнно каку нибудь премся... я тоже на пасѣкѣ подлѣ айлу живу.

— Господу ввѣриться надо!—сказалъ о. Макарій, которому снѣгъ слѣпилъ глаза.

— Оно конечно такъ-то-такъ, а все же страшно, ижно... воетъ—ровно вѣдьмы собралися.

О. Макарій не слушалъ его: онъ думалъ о братѣ и матери новокрещенной Катерины... „Доживутъ ли?

не послала бы въ такую мятель женщина, еслибы не было нужды!“...

— Вотъ тутъ подь соснами ровно потише: должно—гора отъ вѣтру загородила... а верхушки то ходять! Гляди-ка, батюшка, весь снѣгъ обдуло... а какая была кить страшная вчера: такъ и висѣла, ровно пухъ, на вѣткахъ на ладонь.

И вправду, въ густомъ и стройномъ сосновомъ бору было точно въ комнатѣ, въ темной комнатѣ, надъ крышей которой грохотала буря.

— Че же это?—почесалъ себѣ подь шапкой голову охотникъ.—Ужли отъ лѣсу темень? такъ то бы стемнѣться не должно. Ахъ ты, Господи! какъ я тебя заморожу, батюшка?!..

— Тутъ не замерзнемъ: тепло... только больныхъ жаль!

— Такъ-то-такъ, да мы, вѣдь, не виновны, што они дожидаются: самъ же говоришь: Осподу ввѣриться... вотъ, Онъ насъ и ведетъ... може и отводить не напрасно.

Миссіонеръ опять невольно улыбнулся надъ этимъ своеобразнымъ толкованіемъ и спросилъ.

— Ты о Константина знаешь?

— Ужли же не знать? И ево, и Елену Михайловну! хорошіе люди! У насъ о. Арсеній тоже былъ человекъ славный, и матушка Лизавета—сказать нечего. Изъ васъ рѣдкій плохой то придается, да и не слыхалъ што-то. Вонъ на Котандѣ тоже о. Иннокентій... тотъ, прямо скажу, человекъ. Отца то Костинтина я возилъ по новности. Помню, остановилъ меня на Синемъ бомѣ и долго мы стояли на немъ, а онъ на Коксу любовался. Красива она, эта Коксу! ровно лента между горъ. Только куда это мы заѣхали? гляди, и бури не слышно! ровно бы чашша, а тропа... хоша бы до жилья добраться! жутко въ буранъ то въ тайгѣ ночевать. У меня на этой самой Коксѣ было также блуженье... такъ и спомнить не къ мѣсту. Вотъ, эдакъ же въ мятель блудилъ и рѣку потерялъ... темень въ лѣсу... тропа кака-то... напалъ я на экую же и самъ не знаю, куды меня конь претъ. Ёхалъ

да ѣхалъ, да въ камово жильѣ и угадалъ... кажется недалеко уѣхалъ, а на послѣ оказалось—версть за тридцать упоролъ отъ Коксу. Ну, меня приняли ладно, хотя, вижу, фыпются.

— Мотри, лайки то побѣгли, батюшка... безпремѣнно будетъ жильѣ!

— Ну, фыпются, значить, да между собой калякаютъ, а я ихъ языкъ то какъ свой понимаю, сговариваются, значить, напужать меня: заподозрили

Алтай. Синій бомъ на р. Коксу.

што я новосель, и ихъ земли выглядываю... а кака тамъ земля? въ страшнѣющихъ горахъ, какъ медвѣди въ берлогу, забилися! Какъ, думаю, напугаютъ?

— Это чеже? куда лайки то дѣлись, ястри ихъ? ужъ не ямина ли кака налажена? Ты постой, батюшка, огляжу я, а то какъ на волчью яму напали—горе. И впрямь!—слѣзъ онъ съ лошади.—Ишь, лаятъ на приступъ, падлы; это они волка чуютъ. Вотъ, грѣхъ то! зря ѣхали: теперь надо въ обратный путь по слѣду старому пластать... однако я тебя заморжу?!..

— Да нѣтъ, нѣтъ! не заботься. Отзови собакъ.

— Только бы насъ волки не напужали, хоша у меня винтовка не выдастъ и зарядовъ сколь хошь, а все же—подъ они... да они тоже, поди, всѣ позалѣзли куды по норамъ... эти только съ одури попались. Чу!—засвисталъ онъ.

И въ тишинѣ этотъ свистъ полетѣлъ далеко, лайки прибѣжали, услыхавъ его.

— Значить, назадъ! а ты гляди, буря то утихомирилась. Вотъ, дурная: сбила насъ съ пути да и на—поди. Пожалуй, еще и вызвѣздитъ... Теперь я приглядываться буду, не найду ли слѣдъ какой въ бокъ: потому, безпремѣнно тутъ живетъ кто нибудь невдалекѣ... пасѣшникъ какой, али аилъ... а то може така же голова, какъ я, охотникъ!..

Они долго ѣхали въ тишинѣ и мглѣ, пока опять гулъ бури не сталъ слышаться. Временами какъ рокоть проходилъ по вершинамъ.

— Что же, ты видишь въ такой темнотѣ?—спросилъ о. Макарій.—Я различаю только, и то кое какъ, деревья и даже не правлю, конь самъ везетъ, а ты все нагибаешься.

— И я не кошка, батюшка, да я слѣжу за лайками: ихъ то я отъ снѣга вижу, а они ужъ не промѣтнутся: какъ суды по человѣчьему слѣду завели, такъ и отсюда выведутъ! вотъ, ежели гдѣ слѣдъ перемело, то плохо будетъ! Ну, да они донюхаются!

И опять, внимательно наблюдая, наклонялся впередъ.

— Вотъ, ишь, вправо загнули. Я даве упримѣтилъ, што и тутъ снѣгъ занесъ тропу, да не смѣлъ двинуться, штобы съ пути не сбиться, а теперь суды за мною вправо ворота, да не дремли только, батюшка: дремать станешь, худо будетъ! я тебѣ лучше доскажу, што со мной у кама было. Не дремлешь?

— Нѣтъ!—успокоилъ его о. Макарій.—Я знаю, что можно задремать, свалиться съ лошади и погибнуть; у меня не разъ такія noci въ лѣсу были пережиты.

— Ну, вотъ, значить,—совсѣмъ покойно, точно

онъ былъ въ домѣ, опять заговорилъ охотникъ,—прикинулся я, быдто захворалъ... думаю, „ну, ястри васъ, перехитрю же васъ!“ они: „ты што стонешь?“—спрашиваютъ.

— А я имъ:

— Во мнѣ кара-немэ... цѣлая сотня... охъ, какъ мучіють... охъ, какъ! Все наполоамъ по русски имъ болтаю, быдто ничего не понимаю... какъ слѣдно быть... Вижу, испужались, а я и напусти на себя дурь: наперво зачалъ ревѣть, потомъ кочивряжиться... потомъ на нихъ кидаться и на стѣны... всѣхъ ихъ толстоголовыхъ боговъ раскидалъ, по чемъ попало луплю... а они и подступиться боятся, даромъ што ихъ трое; потомъ захватилъ я бубенъ ихній и давай по емъ колотушкой трахать: бахъ... бахъ... такой изладилъ гамъ, што они глаза вылупили. Кинулъ я бубенъ...

— „Везите меня,—реву,—везите на Синій бомъ, въ Онгудай везите! всѣхъ убью... всѣхъ... сила во мнѣ!“

— Вотъ забѣгали то! темные они люди: всему вѣрютъ. Живо меня усадили на коня и на дорогу вывели до самага Онгудая, только надоѣло мнѣ бунтоваться всю дорсгу. Нѣтъ, нѣтъ да и заораю...

— Што это, совсѣмъ чашша невылазная? Вотъ што! однако, эти проклятыя лайки насъ къ другой волчьей ямѣ подвели. А ночь то—зги не видать... глаза, хошь, выколи, и буря, ястри ее, опять подула!

О. Макарій, дѣйствительно, почувствовалъ острые порывы холоднаго вѣтра, пролетавшіе съ силою и въ тьму лѣса, поднимавшагося отовсюду.

— Нѣтъ, гляди, слава Тебѣ, Господи! должно—поляна тутъ... ну, и потайна; безпремѣнно киржаки живутъ!.. вонъ и собаки учуяли... нашихъ клочуть!

И опять свистнулъ, какъ свисталъ ранѣе.

Слабый свѣтъ показался среди тьмы, и путники поѣхали на него, и этотъ свѣтъ привелъ ихъ къ избѣ, высокой избѣ съ низомъ.

— Погоди тутъ,—сказалъ, спѣшившись, охотникъ,—я самъ пройду туда наперво, а то, може, люди

то эти лютей зѣрей... тогда ужъ лучше намъ плутать ночь, чѣмъ идти.

— Эй вы, проклятыя!—отмахнулся онъ плетью отъ собакъ, нападавшихъ на него, и сталъ, подниматься по высокому крыльцу.

— Крешшоные! примите путниковъ! ужли умерли?

Свѣтъ въ окнѣ погасъ, и дверь отворилась. Высокій старикъ угрюмо оглядѣлъ охотника, заиндѣвѣвшаго и опушеннаго снѣгомъ; молодой свѣтловолосый парень свѣтилъ ему; было что то мягкое и доброе въ чертахъ его лица, и оно расположило къ себѣ сердце о. Макарія, изъ тьмы глядѣвшаго на хозяевъ.

— Кто ты?—спросилъ старикъ.

— Охотникъ таежный... заплутались мы подъ бурю и замерзли.

— Съ тобой, знать, ишо кто есть?

— Какъ же... со мною свишшенникъ... къ больному ѣхалъ онъ... везъ я его, да и не попали.

Старое лицо стало совсѣмъ строгимъ, но молодой схватилъ его за руку.

— Дѣдушка, пусти: ты подумай—буря то... зги не видно!.. въ открытомъ мѣстѣ холодаетъ. Опять же они сколь, поди, блудили? не обміршимся: имъ только тепло надоть, да хлѣбца. Подумай: „страннаго пріими“—въ писаніи говорится.

— Охъ, Андрей!—сурово, но неувѣреннымъ голосомъ сказалъ старикъ.—Ну, примамай, коли хошь: мнѣ што!.. добродѣтельствууй шшепотнику!..

— Милости просимъ,—ласково сказалъ молодой, сойдя съ крыльца и стараясь взглянуть въ тьму.—Мы тутъ съ дѣдушкой живемъ одиноко и маненько отъ людей отвыкли. Не обижайтея, гости: старые люди говорятъ: „гость въ домъ—Богъ въ домъ“, а мы всѣ, вѣдь, христіане, хоша вы и никоніане будете.

— Коней суды уведите... вотъ въ пристрой: тамъ и наши... они на запоркѣ.

И тихо шепнулъ охотнику.

— На дѣданьку не глядите: не злой онъ, а такъ ужъ, по старой вѣрѣ привержень... пчеловоды мы...

ранѣ въ Онгудаѣ жили. Што то я признаю васъ: не Федоръ ли вы охотникъ?

— Господи! Андрияша... ишь, какой выросъ? въ Онгудаѣ то парнишкой былъ... а мать то?—торопливо вводя коней въ открытый хлѣвъ, спрашивалъ охотникъ.

— Померла... всѣ померли: и дядя Петра, и дядя Василий; я да дѣдушка, какъ два перста остались; съ того горя дѣдушка отлюдомъ сталъ; заѣхали мы суды и домъ изъ Онгудая въ глушь эту перенесли... пчелъ водимъ... я только объ Онгудаѣ страсть скучаю... а вы откель, батюшка?

— Изъ Чопоша.

— Ишь ты, почестъ верстъ тридцать пять отъ насъ до Чопоша напрямомъ. Идите въ избу: обмерзли!

— Не глядите на дѣда-то; они наши, Онгудайскіе—забылъ только фамилію—они тамъ прикиржачивали мало, а теперь, должно, совсѣмъ одурѣлъ старикъ.—говорилъ о. Макарію потихоньку охотникъ, поднимаясь на крыльцо.—Тутъ мы отдохнемъ.

Но о. Макарій былъ грустенъ: его томила мысль о Катеринѣ, ждавшей его, и о больныхъ, а свѣтлые глаза юноши неотступно слѣдили за нимъ.

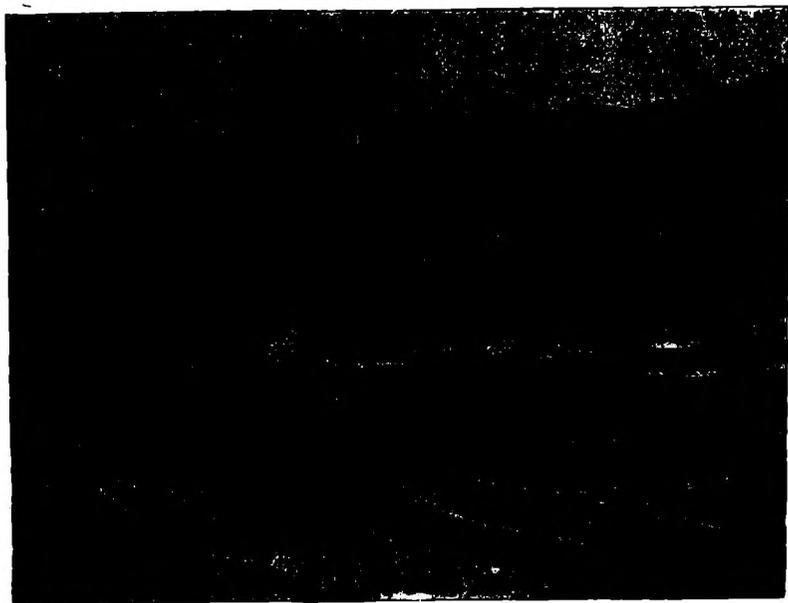
— Онъ што же, семейный, али монахъ?—спрашивалъ онъ, проведя гостей въ куть, къ жарко натопленной печи, подошедшаго къ нему хлопотавшаго у самовара, охотника.—Не семейный... изъ монахъ должно!?

— Кто ево знать; я самъ первый разъ съ ёмъ... а славный; въ экую непогодь собрался... они всѣ таки мисанеры... а про этого много въ Чемалѣ болтаютъ... хвалятъ шибко. Дѣдъ то куды уплелся?

— Въ боковухкѣ онъ: тамъ у него моленна... а я тутъ живу. Ты знаешь, дядя Федоръ, онъ у насъ совсѣмъ киржакъ сталъ: мама то болѣ съ печали и убралась. Теперь начетчикъ сдѣлался; тутъ къ намъ лѣтомъ съ займокъ собираются, а теперь тихо, никого. Меня, вотъ, болѣ къ православнымъ тянетъ, послушу, про нихъ хорошо всѣ говорятъ... хоша бы твой,—понижилъ онъ голосъ,—въ экую ночь да бурю ѣдетъ, только бы душѣ помочь! опять же, вотъ, въ

Онгудаѣ батька—молодой, а славный, и на Катандѣ—тово лучше: для тово всѣ равны... тоже одинокій онъ... приди къ нему съ нуждой да съ печалью, киржакъ ли, алтаецъ ли, для всякаго ласковое слово и помощь найдетъ. Только больно наши тамъ обижаютъ... раскольники, значить, татарь... и это ему шибко горестно.

— Замерзъ, батюшка?—поднялъ онъ привѣтливое лицо.—Погоди, самоваръ скипитъ живо, и ста-

...пчеловоды мы ранѣ въ Онгудаѣ жили...

немъ тебя чаемъ отогрѣвать... а на дѣданьку не посѣтуй; онъ мірскихъ, да ешшо свишшенниковъ, не любить: отемнѣла душа... все надъ старыми книгами сидитъ, да разныя выдумки выдумывать; не въ осужденье ему будь сказано. А такъ—добрый, курицы не убьетъ. А я, батюшка, шибко бы хотѣлъ старую вѣру нашу бросить.

О. Макарій оживился: не Христось ли руководить путями людей? въ тьмѣ ночи, среди бури, въ лѣсу

направиль Онъ ихъ сюда, можетъ быть, для того, чтобы спасти эту юную душу.

— Сядь,—позваль онъ его.—Иди сюда, брось чай: поговоримъ.

Охотникъ, покачивая головою, самъ докипятить самоваръ и успѣлъ напитокъ чаю, а о. Макарій, забывъ о немъ, горячо говорилъ съ юношей, выслушивая его пытливые вопросы.

— Попейте чаю то!—загорчалъ охотникъ.—А потомъ хошь ночь сидите, а я залягу...

И, дождавшись, чтобы о. Макарій напился чаю, онъ легъ и уснулъ тотчасъ же; а о. Макарій, погасивъ огонь, по просьбѣ Андрея, чтобы не навлечь подозрѣній дѣда, до утра просидѣлъ въ тихой бесѣдѣ съ своимъ молодымъ хозяиномъ.

Точно ушла усталость... его захватила эта бесѣда и подняла... онъ увидалъ, что передъ нимъ чистая душа, ищущая правды, и спѣшилъ въ эти короткіе часы темной ночи наставить, научить, вразумить юное сердце съ глубокою и теплой лаской. Буря помогала имъ... буря, разгудѣвшаяся и расшумѣвшаяся еще пуще, чѣмъ съ вечера. И старый киржакъ, за ея свистомъ и гуломъ, не могъ уловить ихъ рѣчей, подходя къ двери нѣсколько разъ.

Только немного уснули они, самую чуточку, когда уже забрезжило утро, позднее зимнее утро, а лицо спящаго юноши быстро проснувшегося о. Макарію, томимому заботой о больныхъ, понравилось кроткимъ и чистымъ выраженіемъ.

— „Тутъ не умрутъ посѣянныя сѣмена“,—думалъ онъ.—Это—другъ православнымъ... хорошая и добрая душа!“

Аилъ Катерины совсѣмъ исчезалъ въ сугробахъ, когда о. Макарій и охотникъ подѣхали къ нему. Уже вечерѣло; солнце короткаго еще февральскаго дня закатилось, и только закатъ пылалъ, озаряя снѣга. Было что то печальное въ этой картинѣ умирающаго дня, что то томящее душу, и эти горныя цѣпи въ розоватомъ свѣтѣ, и глубокая, начинавшая погружаться въ сумракъ вечерній, долина—наводили

тоску; даже собаки не залаяли на встрѣчу путникамъ. Двѣ—три юрты съ вившимся дымкомъ между сугробовъ снѣга, наметеннаго бурей, уныло чернѣлись на бѣломъ фонѣ; казалось, жилъ одинъ дымъ, волнуясь и поднимаясь прямо вверхъ.

Вотъ она юрта Катерины! И съ сжавшимся сердцемъ, о. Макарій толкнулъ дверь. Костеръ слабо горѣлъ: видимо, лежавшая подлѣ него женщина берегла дрова, не въ силахъ будучи болѣе запасти ихъ.

— Катерина!—наклонился къ ней миссіонеръ.— Захворала и ты, бѣдная? Погоди, я разожгу костеръ и помогу тебѣ... а тѣ?

Онъ спрашивалъ съ забившимся сердцемъ, боясь ея отвѣта, а самъ со свѣта еще ничего не различалъ въ углахъ юрты.

— Чуть живая мать... а братъ тоже плохъ,—сказала со слезами больная.—Ахъ, абызъ, пошто не ѣхалъ такъ шибко долго?

— Мятель помѣшала!—отвѣтилъ онъ.

И, выйдя къ охотнику, сказалъ:

— Дровъ бы мнѣ... побольше притащи изъ ихъ запаса сюда, а самъ поѣзжай домой... когда будешь мнѣ нуженъ, я позову... Верстъ шесть, говоришь, твоя изба вправо?

— А какъ же ты одинъ то, батюшка? вѣдь, трудно съ больными: тутъ, почестъ, весь аилъ хвораеть! Останусь я!

— Нѣтъ, нѣтъ: у тебя—дѣти: занесешь къ себѣ болѣзнь!

— Въ томъ то и дѣло, што дѣтей нѣту, одна хозяйка... а мы съ ей въ горячкѣ то въ прошломъ году вывалялись... къ намъ не пристреть.

— А все таки ты поѣзжай: жена заботиться будетъ. Если хочешь, завтра попровѣдай.

И, разжегши костеръ, онъ осмотрѣлъ больныхъ, изъ которыхъ старая Клавдія умирала, а сынъ метался въ страшномъ жару. Онъ, напутствовавъ ихъ, принялся ходить за ними, какъ самая преданная и ласковая мать, подавая лѣкарства и стараясь вернуть

ихъ къ жизни; а Катерина, тихо стеноя, благословляла его.

— Охъ, абызь! спаси тебя Господь: теперъ на душѣ легче: не страшно... а то—ночь... гудить буря, какъ сто шайтановъ... реветъ какъ камъ, когда камлаеть... наши стонуть... и така тоска на сердцѣ, прямо съ этой тоски можно умереть!

— Спи!—говориль онъ.—Спи. Эту ночь я не буду много спать, чтобы тебѣ не было страшно; молись, лежи и думай, припоминай святыя слова, когда не спишь. А тѣ некрещенные здоровы у васъ въ аилѣ или тоже больны? ты не знаешь?!

— Погоди, я обойду завтра юрты: можетъ быть, и тамъ нуждаются въ помощи.

— Нѣтъ, абызь, не ходи,—сложила она руки.— Они злы на насъ за то, что мы крестились... они здоровы... у нихъ только умеръ старикъ, а остальные поправляются... а которые и совѣмъ встали. Умеръ камъ, а они говорятъ, что мы навели на него смерть. Ахъ, какіе злые!..

Вздохнувъ, о. Макарій сѣлъ у ложа Клавдіи.

— Ой, жжотъ!—стонала она по алтайски.—Жжотъ грудь мою... пить! пить!...

Это „пить“ становилось все слабѣе, утихла, наконецъ, ея ненасытная жажда, которую умалялъ постоянно миссіонеръ, продолжавшій давать ей хину и потогонное.

— Силы нѣту!—прошептала она утромъ послѣ безсонной для о. Макарія ночи и горько усмѣхнулась.

— Что ты?—наклонился онъ къ ней.

— Ничего, абызь!—видимо придя въ сознаніе, сказала она едва слышно.—Поклонъ скажи... поклонъ сыну Павлу... въ Онгудаѣ онъ... скажи... мать благос.....

И не договорила: смерть порвала нить ея жизни, и лицо усопшей приняло кроткое и спокойное выраженіе.

— „Сынъ переживетъ“—думаль миссіонеръ.— „Такой здоровый“.

И вышелъ, чтобы позвать женщинъ аила, но въ юртахъ на него угрюмо глядѣли люди и дѣлали

видъ, будто не понимаютъ ничего. Возвращаясь, онъ увидалъ у Катериной юрты двухъ лошадей и засталъ у ложа Катерины охотника Федора и его жену. Они усердно принялись помогать ему и на другой день похоронили Клавдію. Сыну усопшей стало лучше, но еще четыре полубезсонныя ночи провелъ о. Макарій въ этомъ айлѣ, и ему не думалось тогда, выполнявшему незамѣтный подвигъ, что его вспомнятъ когда нибудь люди, вспомнятъ тогда, когда

Еп. Иннокентій Бійскій и Томскій губернаторъ Н. Л. Гондатти
при выѣздѣ изъ села Онгудая лѣтомъ 1910 года.

онъ будетъ на высотѣ... ему некогда было думать объ этомъ; и о. Иннокентій въ Котандѣ забывалъ все, что дѣлалъ свѣтлаго и добраго: они умѣли забывать, и тому же учились отъ нихъ молодые.

А юный Онгудайскій миссіонеръ и не мыслилъ тогда вмѣстѣ съ ними о томъ, что когда нибудь у крыльца миссіонерскаго домика будетъ провожать его толпа людей, какъ одного изъ епископовъ Алтая. Не думалъ о томъ и Буконьскій миссіонеръ, веселый

и живой о. Филаретъ: они всё умѣли только работать, молчать и любить!..

V.

— О. игумень, а мнѣ бы тетрадку!

— А я не понимаю слова и заучить его не могу!

— А мнѣ бы книжку почитать!

И всякій тянулся къ молодому игумену, и живые узкіе дѣтскіе глазки съ просьбой глядѣли на него. Онъ улыбался имъ мягко.

— А ты зачѣмъ сегодня побилъ Ваю, Гриша? ай, ай!—качалъ онъ головою.—Смотри, ангелъ твой плачетъ около тебя, а я не поведу къ Катуні.

— Ой, о. Игумень, поведи: я такъ люблю ходить съ тобою,—испугался малышъ.—Ты такъ хорошо все сказываешь, такъ славно и про бабочекъ, и про птицъ, про все, про все. Мнѣ мой отецъ говорить, что тебя Богъ учить.

— Богъ учить всёхъ,—мягко отвѣтилъ онъ.—А, Василій? не боленъ ли? Ты, смотри, устанешь. Вотъ что, дѣтки, лучше я тутъ вамъ расскажу что нибудь... пойдите въ комнату вашу: Василій ляжетъ на нары, а я посижу съ вами и поговоримъ... меня его нога больная заботитъ.

— Ничего, о. Игумень... ей полегче!—сказалъ Василій, худенькій мальчикъ изъ далекаго аила, привезенный родителями поучиться въ Чопошъ къ о. Макарію.—А то они осердятся.

— На што же сердиться то, другъ мой? мы отворимъ окна... будетъ видно и горы и лѣсъ. Станемъ разговаривать, а то больному скучно лежать. Дай-ка Василій, посмотрю я ногу твою! должно быть, растяженіе жилы. Ахъ, ты, малышъ, неосторожный! ну, да Богъ поможетъ! Смотрите, дѣти, вонъ какія чистыя линіи горныя, неизмѣнно созданныя рукою Творца! Знаете вы, что царь Давидъ любилъ любоваться на нагорныя вершины Ливана въ чудныхъ садахъ своихъ? свищутъ цикады въ тиши ихъ, бѣлыя скамьи изъ мрамора едва бѣлѣются въ сумракъ ночи, начи-

наетъ гаснуть заря, и затепливаются звѣзды, поютъ струны подъ его пальцами, а гимнъ, какъ музыка, прекрасный и строгій, несется и уходитъ въ высоту неба вечерняго; и поетъ онъ о цвѣтахъ и небѣ—созданьи Божиемъ, о звѣздахъ и раѣ... святые свои псалмы. Иногда передъ нимъ встаютъ видѣнія; видитъ онъ Праведника, одежды Котораго раздѣлили, и плачетъ его голосъ, и плачутъ гусли, и скорбное лицо склоняется до земли. Да, это была великая душа, дѣти, любила она горы и лѣса, все прекрасное... горячо и глубоко любила. Поглядимъ и мы съ вами на небо и вспомянемъ Царя Давида и его великую кротость. Господи Боже! сколько горя зналъ онъ, дѣти!.. сперва отъ любимаго господина своего терпя злобу и ненависть, потомъ отъ сына, тоже любимаго.

— А онъ былъ богатырь?—живо поинтересовался маленькій Павелъ.—У насъ въ Алтаѣ столько богатырей, о. Игумень!

— Онъ былъ богатырь великій,—сказалъ о. Макарій.—Богатырь духа.

И задумался, по обычаю, и дѣти, переглянувшись, широко открыли глаза.

— Да,—продолжалъ о. Макарій,—онъ былъ силенъ своей любовью къ Богу, талантомъ своимъ, отъ Бога даннымъ... это выше славы богатыря!

— А у насъ,—оживился Павелъ,—у насъ, о. Игумень, былъ Ойротъ ханъ.. и какой онъ былъ богатырь!..

— И все-таки о немъ знаетъ только Алтай, а Царя Давида знаетъ весь міръ... огромный міръ, въ которомъ есть страны въ тысячу разъ болѣе Алтая.

— Да,—раздумчиво сказалъ маленькій Ваня, еще совсѣмъ плохо произносившій русскія слова,—онъ, поди, ушелъ къ Богу. А есть на небо дорога о. Макарій? мама говоритъ... есть широкая, свѣтлая, а Ак-немэ толкаютъ съ нея камовъ и некрещеныхъ... они хлопъ оттуда, да звѣздой покатаются по небу и разсыплются.

Непоколебимой увѣренностью звучалъ дѣтскій голосъ: онъ вѣрилъ въ то, о чемъ говорила мать.

— А врешь!—сказалъ умненькій Павелъ, едва дослушавъ его.—Ак-немэ—добрые; они не толкаются; а камамъ и некрещенымъ,—мнѣ говорилъ абамъ,—нѣту туда и дороги... они ее не видятъ... та дорога видна только намъ. Правда о. Игуменъ?

— Эта дорога дана только добрымъ!—серьезно сказалъ онъ.—Добрымъ, которые не злятся другъ на друга и не дѣлаютъ худого, которые любятъ Бога.

— Ты о чемъ плачешь?—встрепенулся онъ, услыхавъ плачь на нарахъ, и подошелъ къ сильному, здоровому Гришѣ.—Ты о чемъ?

— Мнѣ, видно, не будетъ дороги туда,—плакалъ онъ.—Ахъ, о. Игуменъ! я все нѣтъ-нѣтъ да и дерусь... такъ отдулъ сегодня Павла! Я не знаю, пошто я злой: у меня, какъ мнѣ че скажутъ, сердце затрепешется, и охота дуть... я всѣхъ дую.

— А ты удержиись!—сдерживая улыбку надъ признаніемъ маленькаго грѣшника, внушалъ ему о. Макарій.— Не забывай Христа. Онъ говорилъ, не только не нужно бить, но, если кто тебя ударитъ вотъ въ эту щеку,—указалъ онъ на правую,—тому подставь и лѣвую.

— Да ты не плачь: Господь такой добрый, что за твои слезы тебя проститъ. Вотъ, ты не постыдился сказать этого при всѣхъ, а другіе стыдятся и скрываютъ... я ихъ считаю хорошими мальчиками, а Господь то все видитъ. Онъ ихъ пуще накажетъ, чѣмъ тебя!

— Я, батюшка,—весь покраснѣвъ, потупился худенькій Петя,—у тебя сперъ карандашъ давно да и спряталъ его... боялся, что эти увидятъ.

Гулъ негодованія поднялся среди дѣтей, но о. Макарій остановилъ ихъ.

— Пойдите, пойдите! Христосъ сказалъ: „не судите, чтобы не осудили и васъ“. Вотъ, онъ прямо сказалъ о проступкѣ своемъ, раскаялся, а вы его судите... вы—грѣшнѣе его теперь: вѣдь, подумайте, и у васъ найдется что нибудь на совѣсти скрытое, а онъ самъ рассказалъ о своемъ грѣхѣ и, навѣрное,

никогда болѣе трогать ничего безъ спроса не будетъ. Вѣдь, не будешь, Петя?

— Не буду, конечно, не буду!—горячо отвѣтилъ тотъ.—Пошто же дѣлать это? нѣтъ, о. Игуменъ, теперь никогда ни въ жизнь на за каки каральки ¹⁾.

— Ну, и слава Богу! Ахъ, дѣтки! Господь такой добрый, что все прощаетъ... самые страшные грѣхи.

Маленькіе школьники слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Они глубоко любили своего наставника, жившаго тутъ же съ ними въ тѣсной проходной комнатѣ и весь досугъ посвящавшаго имъ.

— Эхъ, и я часто вралъ!—скорбно сказалъ Мишутка.—Прости, о. Макарій.

— И я тоже не шибко часто, а всетаки подвиралъ,—сознался другой.

— И я тоже!

— А я у Чексакова въ аилѣ Курмιάшка укралъ,—неувѣренно сказалъ одинъ.—Это, вѣдь, не грѣхъ, о. Игуменъ? вѣдь, то идолъ былъ, я думаю: не молись идоламъ!

— И всетаки это воровство!—покачалъ головою надъ этимъ ревнителемъ православія о. Макарій.—Вѣдь, онъ чужой былъ: все чужое трогать нельзя!

— Да, вѣдь, ты говорилъ намъ о святыхъ, что они разбивали кумировъ?—сказалъ умненькій Павелъ.

И опять миссіонеру захотѣлось неволью улыбнуться.

— А ты, Семенъ, что сдѣлалъ со своими?—не отвѣчая на вопросъ, спросилъ, онъ.—Разбилъ?

— Я?—потупился тотъ.—Нѣтъ, о. Игуменъ, я имъ игралъ и глаза потомъ ему выкопалъ... они у меня теперь есть: пуговики, вѣдь... большія!

— Ну, вотъ тебѣ, Павелъ, и отвѣтъ! еслибы онъ разбилъ идола, тогда бы еще грѣха не было. Ахъ, дѣтки! великую силу вѣры имѣли христіане древніе: развѣ бы вы посмѣли теперь идоловъ бить? некрещеные бы и васъ и отцовъ вашихъ отлупили... и вамъ бы ни за что не стерпѣть! Ну, какъ передъ

¹⁾ Калачи.

Богомъ, стерпѣли бы вы, еслибы васъ стали бить сильно, сильно, такъ бы сильно, что кровь потекла?

— Ой, шибко больно!—даже прикрылъ голову одинъ малышъ, а другіе неудержимо разсмѣялись.

— Вотъ, видите, дѣтки, и ты, Алексѣй, неразумныя: то-святые были; дикіе люди въ аилахъ у васъ есть, и слабые люди мы противъ тѣхъ: тѣ все могли вынести за Христа—и муку, и крестъ... ихъ, какъ и Господа, на крестахъ распинали... а святой Пантелеймонъ? что съ нимъ не дѣлали! помните? Ты помнишь, Семень?

— Да, его на колесо привязывали, которое было зубатое,—по своему оживляясь, говорилъ Семень.—И камень къ шеѣ вязали, и въ растопленное масло макали.

— Въ олово,—поправилъ кто то.—А это чѣ тако олово, о. Макарій?

— А вотъ что,—сходилъ тотъ къ себѣ и принесъ старую сломанную ложку.—Оно можетъ растопляться... я покажу, какъ зажжемъ огонь. Находятъ его въ горахъ, въ камняхъ... камни эти растапливаютъ на заводахъ, и изъ нихъ добывается уже чистое олово. А теперь, пока наступаютъ сумерки, споемъ въ часъ полночный.

— „Въ часъ полночный, близъ потока, ты взгляни
на небеса:

Совершаются далеко въ горнемъ мірѣ чудеса!
Ночи вѣчныя лампы невидимы въ блескъ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады негасимаго огня!“

Чистые голоса дѣтей и голосъ о. Игумена звучали теплымъ чувствомъ и неслись въ окна безыскусственно, просто, ясные и свѣжіе.

— „Вновь взглядись, и тьма за тьмами утомить
твой робкій взглядъ,

Все звѣздами, все огнями бездны синія горятъ...
Въ часъ полночнаго молчанья, отогнавъ соблазны
сновъ,

Ты взглядись душой въ писанья Галилейскихъ
рыбаковъ“.

Они пѣли, слушая звуки своихъ голосовъ; эти беззаботныя алтайскія птички, которыхъ заботливая рука собрала изъ дымныхъ айловъ, чтобы научить и воспитать, сдѣлать хорошими и полезными людьми для родного края.

— Теперь споемъ „Пресвѣтлый ангелъ мой Господень!“—попросилъ Павелъ.

И они опять запѣли, точно зова другихъ; и, дѣй-

Алтай. Чолушманскій дѣтскій пріютъ, основанный Высокопреосвященнѣйшимъ архіепископомъ Макаріемъ. Мать Магдалина со своими воспитанницами, алтайскими дѣвочками.

ствительно, на это пѣнье потянулись люди: маленькая паства собиралась къ своему пастырю, всѣ простые сердцемъ, въ простотѣ творившіе свои грѣхи и дѣла милосердія, и вскорѣ уже цѣлый хоръ довольно стройно пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ:

— „Ты посланъ съ неба для хранения,
Тебѣ Господь такъ поручилъ!
Прими-жъ теперь мое моленье
И, какъ мнѣ жить здѣсь, научи!“

А потомъ—прекрасный гимнъ Пречистой Дѣвѣ: „Радуйся, Царице“, и заря, потухавшая совсѣмъ, и теплый вѣтеръ, набѣгавшій съ Катуня, далеко уносили это пѣніе; оно будило, казалось, горы, и мѣсяць обливалъ это собраніе у окна любимаго пастыря, а звѣзды кротко свѣтили собравшимся людямъ.

— Ну, кушайте, дѣтки, и на покой! засидѣлись мы... ночь благословенная какая!—говорилъ о. Макарій, проводивъ народъ.—Чудная ночь Божія.

— А олово?—потребовалъ одинъ изъ малышей, конечно, просительнымъ тономъ.

И осторожно въ большой ложкѣ изъ болѣе крѣпкаго металла о. Макарій растопилъ небольшой оловянный кусокъ.

— Ай, что ты!—неволью воскликнулъ онъ, когда неожиданно смуглый пальчикъ маленькаго храбреца воткнулся на мгновение въ расплавленную массу, и этотъ испуганный крикъ покрылъ плачь мальчика.

Ребятишки смѣялись.

— Што, вишь какъ сладко въ оловѣ то было? Попробовалъ? што, шибко больно?

— Стыдитесь дразнить!—остановилъ ихъ о. Макарій, опуская обожженный палець въ стаканъ холодной воды.—Ахъ, ты, глупышъ! да развѣ можно такіе опыты дѣлать? Слабые люди мы!

И цѣлую ночь возился съ дѣтскимъ пальчикомъ и его владѣльцемъ, всячески стараясь утишить жгучую боль, чтобы дать уснуть этому мученику любопытства, въ душѣ призывая Того, чью муку хотѣлъ испытать малышъ, не сознавая самъ своего незамѣтнаго подвига. Такъ проводилъ свой досугъ о. Макарій... недаромъ крѣпко полюбили его алтайскія дѣти.

VI.

— Побудь со мной,— тихо шепталъ разметавшійся на нарахъ маленькій Θεодоръ, спустя три мѣсяца послѣ вечера, проведеннаго за пѣніемъ.—Не уходи... пожалуйста, не уходи: я не могу бѣгать въ школу:

тамъ кто нибудь поучить... пожалуйста, не уходи, о. Макарій!

И съ тяжелымъ чувствомъ опасенія за эту жизнь, о. Макарій объщалъ, что не поидетъ...

— Тутъ останусь... тутъ... не пойду, Феодоръ... усни, если можешь.

— Не уйдешь?—блаженно улыбнулся мальчикъ и горячими пальчиками схватилъ пальцы миссіонера.

И о. Макарій не могъ уйти; онъ опасался за своихъ тамъ, въ школьномъ общежитіи. У ребенка былъ, видимо, крупъ: тяжелое свистящее дыханіе, лающій кашель и жаръ не могли быть ошибочными признаками, и ему было невыносимо жаль этого мальчика, способнаго, умненькаго. но не по лѣтамъ понятливаго и ласковаго. Все, что онъ умѣлъ и зналъ, было сдѣлано, — горчишники на горло, пары, смазыванье горла внутри и полосканья... ничего не давало, однако, облегченія: ребенокъ задыхался... синѣло смуглое личико, съ глубокой тоской глядѣли темные глаза, и тѣлице металось на рукахъ миссіонера, который думалъ съ тоской и сожалѣніемъ, что не можетъ помочь своему маленькому другу, что не въ силахъ принести ему облегченіе; и это удручало его невыносимо.

— Усни,—уговаривалъ онъ.—Вторую ночь не спишь, бѣдный мой.

А мальчикъ хрипѣлъ, бился и охватывалъ смуглыми руками шею своего любимца.

— О. Макарій,—бредилъ онъ.—Какое небо!.. ой, ой! будетъ гроза... мнѣ душно... дышать не могу... Охъ, о. Макарій, о. Макарій! кто то имаеть меня за горло... не могу... помоги мнѣ, пожалуйста, помоги!

Три долгіе дня бился надъ этой угасающей жизнью о. Макарій, успокаивая плачущихъ родственниковъ Феодора.

— Перестаньте, перестаньте: Богъ поможетъ... молитесь...—вы его тревожите,—тихо говорилъ онъ, отрываясь отъ ребенка; а того ласкалъ, поднимая на руки, чтобы ему полегче было дышать, и дѣтскія руки охватывали его шею.

— Помоги!—шепталъ мальчикъ.—Помоги!!..

Потомъ онъ понялъ, видимо, что добрый любимецъ его не можетъ помочь ему, и покорный взглядъ страдающихъ глазъ разрывалъ сердце о. Макарія.

— Помолись!—шепталъ Θεодоръ.— Помолись Кудаю, чтобы взялъ меня... мнѣ худо шибко... помолись; пусть всё помолятся!

И съ слезами, обжигавшими рѣсницы, миссіонеръ складывалъ дѣтскія ручки и, безъ словъ поднимая лицо, слалъ молитву къ Богу, чтобы онъ прекратилъ эту битву жизни и смерти, эту мучительную агонію.

Къ вечеру четвертаго дня ребенокъ сталъ затихать, чаще синѣло личико, и начали холодѣть ручки; и въ послѣдній разъ глаза его открылись для ласки... эти невыразимо печальные глаза... губки потянулись къ миссіонеру:

— Поцѣлуй меня!—прошептали они.

И, когда дрожавшія отъ волненія и сдержаннаго рыданія уста монаха приникли къ дѣтскому лобку, маленькое тѣло встрепенулось и замерло, покидая жизнь... а родные заплакали около него!

— „Бѣдный мой!“—думалъ о. Макарій, глядя на спокойное личико— „Такое страданіе... Господи!.. прими его по обѣщанію Твоему... прими эту чистую душу младенческую!“

И уѣхалъ похоронивъ ребенка, нарочно, недѣли на двѣ въ трудную поѣздку по гололедицѣ, чтобы не занести болѣзнь къ другимъ дѣтямъ, живущимъ съ нимъ, которыхъ такъ любило его сердце, и за которыхъ болѣла душа этого одинокаго чело-вѣка, отдавашаго жизнь тѣмъ, кто были даны ему, какъ дѣти, Господомъ, Отцомъ любви.

Этой весной паства стала часто видѣть о. Макарія на кладбищѣ. Въ свои поѣздки въ Чемаль онъ пробирался на скалистый островъ для молитвы и въ тишинѣ и безмолвіи подъ листвою деревьевъ слушалъ шумъ Катуня и творилъ молитвы за всѣхъ своихъ дѣтей—юныхъ и стариковъ; а въ Чопошѣ все чаще сталъ ѣздить по айламъ и въ поѣздкахъ за рѣку не терялъ вѣру просвѣтить перевозчика Тедегоша, упрямо отклонявшаго его заботы о себѣ.

Но проповѣдь о. Макарія была настойчива и, видимо, все-таки сердце инородца, хотя трудно воспримчивое, могло вырастить колось вѣры. Онъ выросъ, можетъ быть, отъ постояннаго примѣра любви, терпѣнія и молитвы, и о. Макарій наконецъ былъ утѣшенъ обращеніемъ этой души. Телегошъ крестился.

Все свободное отъ школы время о. Макарій съ Кулганаковымъ опять посвящаль проповѣди. Кулганаковъ, какъ всегда, подтѣвзжая къ кочевкѣ, разбиваль палатку, разводилъ костеръ, а о. Макарій шелъ на проповѣдь, и его кроткое лицо было всегда спокойно и ясно, когда чужія печали не огорчали его. Паства его расла, подрастали дѣти; Чопошъ становился селеніемъ, похожимъ на русскія... Иногда къ нему заѣзжали миссіонеры Постниковъ, о. Иннокентій, такой же, какъ онъ, незамѣтный подвижникъ на нивѣ Божіей, и о. Константинъ изъ Онгудая, у котораго было уже три сына. Онъ, скромный алтайскій труженникъ, велъ братскіе разговоры съ о. Макаріемъ, не мысля о будущемъ.

Жизнь миссіонеровъ текла скромная и тихая подъ синимъ алтайскимъ небомъ; они проходили съ великимъ терпѣніемъ по горамъ, долинамъ алтайскимъ зимою, лѣтомъ, въ осенніе вѣтры и весеннія половодья, въ своемъ, невѣдомомъ міру, святомъ трудѣ.

А событія шли. О. Стефанъ Ландышевъ былъ сильно боленъ послѣ смерти Агриппины Іоновны, съ которой прошла вся его жизнь, жизнь многоскорбная и трудовая. Она умерла, оставивъ большую семью уже большихъ дѣтей, кромѣ младшей дочери—подростка, дѣтей и внуковъ. Труды и скорбь о ней разбили здоровье о. Стефана, и онъ тоже близился къ смерти. Теперь изъ тѣхъ, кто помнили Незабвеннаго основателя, остался одинъ о. Михаилъ Чевалковъ. Около Улалы выросъ монастырь, и послѣ игуменни Афанасіи, чья жизнь, свѣтлая и праведная, окончилась оплаканная юной обителью, вступила туда, какъ руководительница сестеръ, мать Анастасія; въ этой обители жила и дочь Чевалкова—мать Магдалина. Туда шли алтайки и русскія, а въ Улалѣ устроили

пріютъ, которымъ завѣдывала ласковая Софія Васильевна Попова, энергичная дѣвушка, глубоко любившая дѣтей. Миссія разрасталась, но все это далеко отъ о. Макарія: онъ былъ далеко отъ центра и, если о чемъ грустилъ иногда, то о тихихъ берегахъ бурнаго Телецкаго озера, о маленькомъ Чолушманскомъ

Епископъ Бійскій Иннокентій, въ мѣрѣ о. Константинѣ Соколовѣ.

монастырѣ, о гулкомъ шумѣ водопадовъ и благовѣстѣ Чолушманскаго храма, чей голосъ раздавался въ горахъ, будя ихъ и тысячами отголосковъ улетаю по Чолушманской долинѣ.

Иногда ему хотѣлось уйти туда, но люди и ихъ скорби не давали осуществиться этой мечтѣ: они привыкли къ нему, и шли со своими дѣлами, раз-

сказывая о печаляхъ и горестяхъ; только ему некому было высказать своихъ... а, вѣдь, онъ былъ человѣкъ, котораго тоже касались скорби мірскія! но онъ никому не повѣрялъ ихъ, развѣ, можетъ быть, духовнику! Слишкомъ скромень былъ этотъ человѣкъ и забывалъ личныя печали; его открыто огорчало только иногда безучастное отношеніе алтайцевъ къ проповѣди о Христѣ, но онъ упорно, какъ Тедегошу, говорилъ имъ о Христѣ, и они наконецъ въ большинствѣ побѣждались имъ.

Вскорѣ въ миссіи опять заговорили, что его переведутъ въ Улалу и сдѣлаютъ помощникомъ начальника миссіи, а занятый трудами архимандритъ Владиміръ, котораго назначили епископомъ Бійскимъ, желалъ этого назначенія, давно приглядѣвшись къ нему зоркими, умными, видѣвшими человѣка, глазами.

— Это преемникъ мой будетъ!—говорилъ онъ діакону Ландышеву, сыну о. Стефана, замѣнившему о. Василия Постникова, уже заслуженнаго Мыютинскаго іерея. — Погляди, діаконъ, этотъ скромный инокъ высоко поднимается, и о. Иннокентій тоже... душа порывистая, на все хорошее воспримчивая, пламенная душа!..

— Что, батюшка?—спрашивалъ тревожно Кулганковъ о. Макарія, Тебя отъ насъ хотятъ отнять? Правда это, говорятъ люди, али нѣтъ? можетъ, они врутъ?!

— Не вѣрь!—говорилъ о. Макарій, въ своемъ трудѣ и заботахъ не обращавшій вниманія на рождавшіеся слухи.—Пустое! Вотъ, намъ бы съ тобою надо за Катунь съѣздить—ждутъ насъ тамъ.

И ѣхалъ на святое дѣло.

А молва расла упорно, и Чопошцы стали говорить объ этомъ съ большей и большей тревогой. Онъ былъ для нихъ всѣмъ: учителемъ, докторомъ и другомъ... другомъ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ, котораго замѣнить имъ не могъ другой. Паству свою онъ зналъ поименно почти всѣхъ; здѣсь онъ училъ, крестилъ, и воспиталъ... были тутъ и дорогія ему могилы учениковъ, унесенныхъ болѣзнями, и его привязчивое сердце любило Чопошъ и ея дѣтей!

Цѣна книги 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р.,—наложеннымъ платежемъ на 10 коп. дороже.

Книгу можно купить въ г. Москвѣ, въ Епархіальномъ домѣ, Чудовѣ монастырѣ, или въ Канцеляріи Совѣта Правосл. Миссіонерскаго Общества.

Адресъ автора: г. Томскъ, Зап. Сибирь, Духовская, № 1.